

Воспоминания
о

МАКАРЕНКО

William Maguire

Воспоминания

о

МАБАРЕНЦЕВО

Сборник материалов

Лениздат
1960

Составители Н. А. Лялин и Н. А. Морозова

Вступительная статья Н. А. Лялина

Комментарии Н. А. Морозовой

А. С. МАКАРЕНКО

Множество людей в СССР и за рубежом заботливо и бережно хранит светлую память о выдающемся советском педагоге и талантливом писателе Антоне Семеновиче Макаренко. Интерес к его личности, жизни и деятельности, литературно-художественному и педагогическому творчеству поистине огромен. В связи с этим незаурядную ценность представляют собой воспоминания воспитанников, друзей и сотрудников Макаренко, близко знавших его. Настоящий сборник и составлен из подсобного рода воспоминаний, опубликованных в разных изданиях после смерти Макаренко.

Материалы, вошедшие в книгу, не являются результатом какого-либо специально проведенного исследования. Они написаны людьми, испытавшими на себе благотворное влияние богатой личности Макаренко и той воспитательной системы, которую с таким успехом он практически осуществлял.

Характер и объем сборника не дают исчерпывающего освещения всех сторон жизни и творчества Макаренко. И всё же читатель может получить довольно цельное представление о личности, о мастерстве, исканиях и находках этого выдающегося советского педагога. Материалы сборника, бесспорно, дополняют то, что сообщает о себе сам Макаренко, а также авторы работ, посвященных ему.

Но этим не исчерпывается значение сборника.

Личность Макаренко, его жизнь и деятельность изображены современниками, очевидцами его дел, — и в этом особенная ценность воспоминаний. Читая их, мы словно чувствуем на себе умный, пристальный взгляд Макаренко, полный глубокой любви, уважения и требовательности к человеку. В нашем сознании оживают созданные им картины, сцены и образы. Сформулированные в его книгах идеи и принципы облекаются в плоть тех событий и фактов, о которых говорится в публикуемых мемуарах.

«Жить большой, идейной жизнью, — говорил М. И. Калинин, — это значит жить общественными интересами самого передового и наиболее прогрессивного класса своего времени, а в настоящее время — интересами советского народа, социалистической родины».¹

Так именно жил Антон Семенович Макаренко. Он прошел путь от рядового учителя начальной школы до всемирно известного писателя и выдающегося деятеля советской педагогической науки.

Родился А. С. Макаренко 1 (13) марта 1888 года в заштатном городке Белополье Сумского уезда тогдашней Харьковской губернии. Отец будущего педагога-писателя Семен Григорьевич Макаренко работал маляром-полировщиком в Белополье, в вагонных мастерских, а в 1901 году был переведен в такие же мастерские на станции Крюков Южной железной дороги. С Крюковым, частью уездного города Кременчуга, со средой рабочих-железнодорожников связаны почти два десятилетия жизни А. С. Макаренко.

Первого сентября 1905 года, после окончания Кременчугского городского училища и педагогических курсов при нем, Антон Семенович был назначен учителем двухклассного Крюковского железнодорожного училища. В то время Макаренко едва исполнилось семнадцать лет. Но несмотря на молодость и недостаток практического опыта, он вскоре показал себя прекрасным учителем-воспитателем и завоевал авторитет среди товарищей по работе, учащихся и их родителей.

События 1905 года, которые в Крюкове протекали весьма бурно, глубоко захватили А. С. Макаренко. Он не был обычным для казенной царской школы учителем, «отбывавшим» положенные часы и замыкавшимся в тесные рамки обособленного личного быта. Он всего себя отдавал детям, все силы вкладывал в дело их воспитания. Он жил той же жизнью, что и пролетарии-крюковчане, среди которых сложились крепкие революционные традиции, имелось влиятельное ядро большевиков.

Работа Макаренко в Крюковской школе в 1911 году была прервана в результате столкновения с начальством. Молодого учителя перевели на глухую железнодорожную станцию Долинская в двухклассное железнодорожное училище.

В 1914 году А. С. Макаренко удалось осуществить свое давнишнее стремление: он поступил в Полтавский учительский инсти-

¹ М. И. Калинин. О коммунистическом воспитании и обучении. Изд. АПН, 1948, стр. 126.

тут, готовивший педагогов для высших начальных училищ. Институт этот благодаря составу преподавателей являлся одним из передовых по тому времени педагогических учебных заведений. В нем царила демократическая атмосфера, сильны были традиции К. Д. Ушинского.

Институт А. С. Макаренко окончил с золотой медалью. После неудавшейся попытки продолжать образование в Московском университете он вернулся в Крюков, где начал работать инспектором высшего начального училища. Здесь Макаренко встретил Великую Октябрьскую социалистическую революцию, открывшую перед ним, по его собственному выражению, «невиданные перспективы». Октябрь определил всю его последующую жизнь и деятельность как советского гражданина, строителя новой жизни, педагога и писателя.

Макаренко активно участвовал в создании новой школы и всю свою кипучую энергию отдавал разработке путей ее развития. Критически используя педагогическое наследие прошлого, Макаренко вместе с тем искал то новое, что отвечало бы требованиям изменившейся жизни.

«Приход деникинцев, разрушение ими школы и ее отдельных трудовых организаций, — сообщает в автобиографии А. С. Макаренко, — заставили меня в августе 1919 года переехать в Полтаву».¹

В Полтаве он заведовал 2-м городским начальным училищем, 10-й трудовой школой. Но главное — наряду с административной и педагогической проводил большую общественную работу, связывая свою учительскую деятельность со строительством новой жизни, как этого требовал от педагогов В. И. Ленин. Будущий писатель активно участвовал в жизни общественных организаций учителей, создавал внешкольные учреждения для детей и т. п.

В сентябре 1920 года Полтавский губернский отдел народного образования назначил А. С. Макаренко заведующим колонией для несовершеннолетних правонарушителей, которой впоследствии было присвоено имя А. М. Горького. Работа Макаренко в колонии, куда он пришел уже зрелым, образованным педагогом, положила начало его смелому новаторству в области теории и практики педагогики.

В основу всего педагогического творчества Антона Семеновича легла речь В. И. Ленина на III съезде РКСМ, которую Макаренко, по свидетельству Н. Э. Фере, охарактеризовал как «замечательный

¹ «Личное дело студента Макаренко». «Учительская газета» от 3 декабря 1955 года.

творческий документ марксизма, излагающий основные теоретические вопросы воспитания молодого поколения в духе коммунизма».

Опыт Макаренко, накопленный в колонии, был углублен им в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского. Коммуна, жизнь которой образно воплощена в повести «Флаги на башнях», в очерке «Марш 30-го года», в пьесе «Мажор», под его руководством стала образцовым учебно-воспитательным учреждением, каким была до этого колония имени А. М. Горького, описанная в «Педагогической поэме». А. М. Горький назвал коммуну имени Ф. Э. Дзержинского «окном в коммунизм». Она представляла собою высшую ступень в развитии педагогического опыта А. С. Макаренко.

В колонии началась литературная деятельность А. С. Макаренко. Первую пробу своих литературных сил он сделал еще в 1914 году, написав неудачный рассказ, на который А. М. Горький прислал отрицательный отзыв. А. С. Макаренко вновь обратился к литературно-художественному творчеству уже в более поздний период, в годы работы в колонии имени Горького. На этот раз его усилия увенчались успехом. В 1932 году вышла книга Макаренко «Марш 30-го года», в 1933 году — первая часть «Педагогической поэмы».

В 1935 году А. С. Макаренко был назначен на должность помощника начальника отдела трудовых колоний НКВД Украины и работал в Киеве, а в 1937 году переехал в Москву, чтобы полностью отдаться литературно-художественной и общественно-педагогической деятельности.

Будучи уже общепризнанным писателем, Макаренко продолжал оставаться педагогом. Он не порвал связей ни с педагогической практикой, ни с педагогической теорией. «Я не переменял профессии, — говорил он о годах своей работы в Москве, — я только сменил род оружия». ¹ Разносторонне образованный марксист-педагог и талантливый практик, Макаренко продолжал бороться за марксистско-ленинские педагогические идеи и принципы оружием художественного слова. Только в 1937—1938 годах он написал около 60 работ, в том числе такие, как «Книга для родителей», «Флаги на башнях». За заслуги в области художественной литературы А. С. Макаренко был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Огромную роль в жизни А. С. Макаренко и возглавлявшихся им учреждений, в формировании его как педагога и писателя

¹ А. С. Макаренко. О воспитании молодежи. Трудрезервиздат, 1951, стр. 379.

играл А. М. Горький. Он был вдохновителем и другом педагога-писателя и его воспитанников, вел с колонистами оживленную переписку, в 1928 году приезжал к ним в гости.

Нелегким был путь Макаренко. Немало трудностей, неудач и даже ошибок встречалось на этом пути. Ему приходилось бороться со многими противниками, но он не отступал перед трудностями, не впадал в уныние, черпая силы для борьбы из тех же источников, из каких ее черпали все другие советские педагоги. Марксизм-ленинизм, политика партии, ее директивы по вопросам школы и воспитания — таковы эти источники.

Макаренко решал те вопросы и задачи, которые выдвигались жизнью, партией, нашим общественным строем. Заслуги его состоят не в том, что он «изобрел» какие-то особые, «свои» принципы, а в том, что, исходя из марксистско-ленинских основ советской педагогики, пришел к ценным педагогическим открытиям и находкам, обогатив ими сокровищницу нашей педагогической науки. Он опирался на опыт передовых советских педагогов, и в его творчестве нашли свое подтверждение и развитие многие положения, выдвинутые ими и прежде всего Н. К. Крупской.

Первого апреля 1939 года Антон Семенович Макаренко скоропостижно скончался. Остались незавершенными многие его замыслы и планы. Не осуществил он и своего намерения стать во главе одной из школ Московской области, чтобы в условиях массового образовательного учреждения реализовать теоретические выводы, к которым пришел на основе богатого педагогического опыта. Не завершил он «Книги для родителей», не написал «капитального труда» о советском воспитании, не закончил начатых художественных произведений.

Не дожил А. С. Макаренко и до того заветного дня — 4 апреля 1939 года, — когда на собрании партийной организации Союза советских писателей должно было обсуждаться его заявление о приеме в партию, делу которой он был беззаветно предан. Внезапно оборвалась большая жизнь талантливого писателя, выдающегося педагога, горячего советского патриота.

Горький писал А. С. Макаренко в одном из своих писем: «...Удивительный Вы человецище и как раз из таких, в каких Русь нуждается».

Вот таким именно «удивительным человецищем» с великолепными человеческими качествами и большим, горячим, беспокойным сердцем он и остался в памяти своих воспитанников, друзей, читателей и последователей. Таким он предстает перед нами в воспоминаниях, публикуемых в настоящем сборнике.

Макаренко — педагог и писатель неотделим от Макаренко — человека и гражданина. В гражданских, политических и моральных качествах, в связях с народом и партией, в преданности им — корни всего его творчества.

Ю. Лукин в своих воспоминаниях назвал его «рыцарем коммунизма». И Макаренко действительно им был. Его сердце билось горячей любовью к партии и народу, служение коммунизму было целью всей его жизни. Выходец из самой гущи народных масс, Макаренко именно в служении народу, высоким целям коммунизма видел главный смысл человеческого, «нестыдного», как он говорил, счастья. Его меньше всего интересовал вопрос личного авторства, и всегда на первый план он выдвигал интересы коллектива, общей борьбы и общего дела.

А. С. Макаренко был человеком высокого коммунистического долга. Его никогда не покидало чувство ответственности, причем он всегда подчеркивал, что он «хочет отвечать за свою работу». Вот в этом «хочет», а не просто «должен» отвечать — глубокая сущность Макаренко, для которого выполнение долга являлось внутренней потребностью.

В книге приводятся яркие примеры партийности и идейности Макаренко, его органической убежденности, принципиальности, проявлявшихся как в большом, так и в малом.

В материалах сборника Макаренко показан как широко эрудированный, образованный педагог, глубоко осведомленный в разнообразных областях науки и культуры, тонко чувствующий и ценящий искусство.

Небезынтересно отметить, что в **воспоминаниях** указывается на имевшиеся у Макаренко незаурядные данные в области актерского мастерства. Эта подробность очень важна для понимания источников высокого педагогического искусства Макаренко и его неоднократных высказываний о значении для педагога техники сценической игры, о родственной близости педагогического и актерского мастерства.

Авторы воспоминаний подчеркивают исключительное трудолюбие А. С. Макаренко. Они характеризуют его как неутомимого труженика, самозабвенно и самоотверженно отдававшего любимому делу, которое заполняло всю его жизнь, было его радостью и счастьем. Отношение Макаренко к долгу, как к добровольно принятому обязательству, делало для него педагогический труд внутренней потребностью. При этом он подчеркивал (и это важно отметить), что для педагога мало одной любви к детям. Ему надо еще

любить работу с детьми. Тогда педагогический труд становится действительно радостным и счастливым.

В воспоминаниях отмечается огромная целеустремленность Макаренко, широкий размах в работе, воля, инициативность и настойчивость, деловитость и оперативность. Его собранность и самообладание, сохранявшиеся им в любых, самых сложных и трудных обстоятельствах жизни, достаточно ярко были продемонстрированы в «завоевании Куряжа», о котором он захватывающе рассказал в «Педагогической поэме».

А. С. Макаренко отличался глубоким знанием жизни, умением постоянно ощущать ее тончайшие изменения, проникать в самые скрытые, едва уловимые ее процессы. Как писатель, как педагог-теоретик, он не был человеком посторонним для материала своих произведений. И если он звал за собой читателей, педагогов и родителей, то имел на это полное основание и право, так как за каждым его словом стояла сама жизнь, выстраданный и пережитый им самим опыт, за каждым педагогическим открытием — годы напряженных исканий, творческого труда и борьбы. Именно поэтому жизнь и деятельность Макаренко являются великолепным примером единства теории и практики, науки и жизни, слова и дела.

Необыкновенно развитое чувство нового обусловило новаторство Макаренко как в области педагогики, так и литературы. Авторы публикуемых воспоминаний изображают его человеком, абсолютно чуждым шаблону и схеме, стандарту и штампу, что проявлялось буквально во всем: в теоретической и практической деятельности, в мышлении и поступках, в отношении к делу и к людям. Для него на первом плане всегда стояла жизнь, живой человек, суть дела, и ничто не могло заслонить их.

Хорошо известна та строгая, временами суровая и непреклонная требовательность, которую Макаренко предъявлял к своим сотрудникам и воспитанникам. Но известно также и то глубокое уважение, доверие, с которыми он относился к ним, то внимание и та забота, которые он проявлял и которые выражались в этой требовательности, органически с ней сочетались. Такое отношение Макаренко к воспитанникам вытекало из его большой веры в человека.

Из многочисленных примеров, приводимых в воспоминаниях, читатель получит представление о заботливом и внимательном отношении Макаренко к взрослым и детям, о его огромной чуткости по отношению к ним, исключительной деликатности и тактичности, сердечности и душевной теплоте.

Многие авторы воспоминаний (Н. Э. Фере, В. Н. Терский и другие) показывают великолепное умение Макаренко разбираться

в людях, в самых глубоких тайниках детской и взрослой психики. Они свидетельствуют о большом организаторском таланте Макаренко, о его искусстве руководить и сплачивать людей, с которыми ему приходилось работать, в дружный коллектив. Как известно, неподходящих сотрудников Макаренко не приходилось увольнять. Они сами уходили, естественно выпадали из коллектива, чувствуя себя лишними.

За внешне сухой и суровой наружностью Макаренко скрывалась богатая, разносторонне одаренная натура, живой человек с настоящими, живыми, большими чувствами, широко эрудированный и остроумный собеседник, оставляющий неизгладимое впечатление у всех тех, кто с ним встречался. И вместе с тем это был очень простой, по-обыкновенному «земной» человек.

Макаренко никогда не надевал маски «премудрого педагогического жреца». Никогда не «нагибался», разговаривая с ребенком, и не подчеркивал перед ребенком своего превосходства. Он не обнажал своей педагогической позиции и меньше всего давал понять детям, что он учит и воспитывает. Свои учительские и воспитательские отношения с детьми он строил так же, как строят свои отношения занятые делом люди, — в чисто деловой и жизненной плоскости, неизменно оставаясь естественным и неподдельным и в то же время педагогически целеустремленным.

По рассказам В. Зайцева, в обычной обстановке среди коммунаров А. С. Макаренко «жил обыкновенной жизнью, как живут в обычной семье. Ни к кому не подлаживался, не напускал на себя нарочитого добродушия или строгости». Он играл с ребятами, веселился с ними, разучивал песни, готовил спектакли, сам выступал в этих спектаклях, принимал участие в летних походах, делился с воспитанниками интересными эпизодами из своей жизни и даже... историей первой любви. Если Макаренко гневался, то по-настоящему, страстно и выразительно, если радовался, то от всего сердца, если хохотал, то от всей души, если шутил или иронизировал, то со всем присущим ему остроумием. И, кстати говоря, шутка, ирония, юмор были так же органически присущи его педагогическому стилю, как и литературному, и являлись в его руках очень эффективным приемом педагогического воздействия. И всё это просто, естественно, без оглядки, без боязни уронить свой педагогический авторитет.

Макаренко был по-настоящему близок с детьми. Но в своих отношениях с ними ни он, ни воспитанники никогда не позволяли себе переходить через границы этой близости, за которыми она могла бы перерасти в панибратство.

Как и во всей своей работе с детьми, Макаренко в подходе и

обращении с воспитанниками строго придерживался принципа меры. Он ревниво следил за тем, чтобы не было крайностей, чтобы умело и разумно сочетались и соблюдались «мера любви и мера строгости», «мера чуткости и мера суровости», «мера помощи и мера требовательности» и т. д.

Жизнь А. С. Макаренко являет собой пример творческого горения. Именно потому ему удавалось зажигать других, воодушевлять и поднимать на большие и малые дела, озаренные светом высоких коммунистических идей и принципов.

Все близко знавшие Макаренко, так или иначе находившиеся с ним в непосредственном общении единодушно подчеркивают большое и благотворное влияние на них его личности. Они считали и считают для себя счастьем, что им довелось работать вместе с Макаренко. Они характеризуют его как человека неподдельной скромности, большого ума и сердца, с исключительной щедростью отдававшего людям всё богатство своей души, весь свой талант, знания, опыт. В судьбе многих из них Макаренко сыграл большую роль, многим помог, и многие навечно сохранили к нему глубокую признательность и благодарность.

«Я попала в коммуну, — пишет Е. С. Пихоцкая, — в 1929 году. Коммуна была для меня спасением и заменила мне родную семью, которой я до этого фактически не имела... И сейчас, когда речь заходит о родителях, в моей памяти встает светлый образ Антона Семеновича, заменившего мне и отца и мать».

III

Судьба бывших воспитанников А. С. Макаренко является убедительным подтверждением жизненности его педагогических идей и опыта, о котором А. М. Горький писал, что он имеет «мировое значение». Свыше трех тысяч активных борцов и строителей коммунистического общества подготовил Антон Семенович за годы своей работы в колонии имени А. М. Горького и в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского. Среди них мы встречаем людей самых различных профессий: квалифицированных рабочих и инженеров, офицеров Советской армии и флота, педагогов и врачей, художников и артистов, юристов и журналистов, партийных и хозяйственных работников. Но независимо от избранной профессии каждый из них обладает общей для всех воспитанников колонии и коммуны «квалификацией борца и советского человека». Немало макаренковцев честно сложило головы в борьбе с врагами нашей Родины на фронтах Великой Отечественной войны. Так же честно и само-

отверженно трудятся сейчас воспитанники Антона Семеновича на фронте коммунистического строительства. Выступающие в настоящей книге С. Калабалин, А. Швед, А. Явлинский работают педагогами-воспитателями в детских учреждениях, инженером-гидрологом стал П. Архангельский, офицером Советской Армии — В. Ключник и т. д.

Однако иногда можно еще услышать мнение, что педагогическое наследие А. С. Макаренко применимо лишь в работе с так называемыми ненормальными детьми, которыми якобы являются беспризорные и малолетние правонарушители.

Такая точка зрения является глубоко ошибочной. Макаренко решительно отверг утверждение буржуазной лженауки педологии, что беспризорные дети и малолетние правонарушители в силу самой своей природы якобы отличаются врожденной или наследственной дефективностью, умственной, физической, моральной, что поэтому они являются якобы неисправимыми и их удел — быть отбросами рода человеческого. Руководствуясь высокими, подлинно гуманистическими принципами советской педагогики, Макаренко рассматривал этих детей как совершенно нормальных, вполне исправимых, принципиально ничем не отличающихся от обычных детей, воспитывающихся в школе и в семье. Искривления в их поведении и характере он объяснял несчастливо, неудачно сложившимися условиями жизни и развития, временно выбившими их из нормальной колеи. В работе с такими детьми Макаренко добивался не просто устранения имевшихся недостатков и превращения их в социально безопасных людей, а воспитания всесторонне развитых борцов и строителей коммунизма, чего добивается вся наша педагогика по отношению к каждому обычному ребенку.

Важно отметить, что среди воспитанников А. С. Макаренко имелись и такие дети, которые ни одного дня не были ни беспризорными, ни правонарушителями: сироты, лишившиеся родительской заботы и помощи, а также дети, поступавшие в колонию и в коммуну прямо из школы и семьи.

Умело используя общепринятые в советской педагогике принципы и методы, Макаренко показал образец марксистско-ленинского подхода к их применению. Вместе с тем он разработал конкретные пути реализации указанных принципов, обогатив советскую педагогику своими открытиями и находками. Теперь широко признана ценность оставленного Макаренко наследия как в нашей стране, так и за рубежом. Это наследство внимательно изучается и используется и у нас, и в странах народной демократии, творчески применяется в массовых школах, в школах-интернатах, в детских домах, в учебных заведениях системы трудовых резервов, в семье.

Произведения Макаренко изданы большими тиражами в СССР. Издаются они и за границей, в том числе и в капиталистических странах. Выдающемуся педагогу посвящено много работ: только на русском языке их насчитывается свыше 800. Книги Макаренко стали настольными для многочисленных читателей, особенно для молодежи, педагогов и родителей. В его произведениях молодежь черпает для себя ответы на многие волнующие вопросы. Родители учатся по ним строить свое поведение в семье и воспитывать детей. Педагоги в трудах Макаренко постигают «тайны» воспитания и, овладевая этими «тайнами», используют в своей работе идеи и опыт педагога-писателя, разработанную им методику. Ученые — педагоги и литературоведы, философы и психологи — тщательно изучают литературно-художественные и педагогические произведения Макаренко.

В художественных произведениях А. С. Макаренко, которые являются одним из лучших образцов социалистического реализма, советская действительность получила партийное, правдивое изображение. Как последовательный продолжатель горьковских традиций, Макаренко посвятил свое творчество великому делу воспитания нового человека. Художественные произведения Макаренко являются подлинными учебниками жизни, горячо и страстно утверждающими новую мораль и психологию, новую жизнь и нового человека на нашей, советской земле.

Этой же благородной цели служат и его педагогические труды, которые посвящены коренной проблеме нашей современности — воспитанию нового человека. Воспитание в коллективе и воспитание в труде показаны Макаренко в их органическом, неразрывном единстве. Важно отметить, что в произведениях Макаренко дано глубокое освещение путей такого воспитания, его способов и приемов, как определенной системы марксистско-ленинской методики.

Разработка этой методики представляет собой то новое, что Макаренко внес в советскую педагогику, и является его величайшей заслугой.

Опыт А. С. Макаренко, естественно, несет на себе отпечаток тех исторических условий и обстановки, в которых формировался. Однако его педагогическое наследство отнюдь не является только достоянием истории.

Ни время, ни стремительный поток жизни с ее бурно развивающимися событиями не смогли заслонить от нас светлый образ А. С. Макаренко, поколебать огромный интерес к его творчеству.

Больше того. Выдающийся советский педагог и писатель по-прежнему находится в нашем строю, он, как живой с живыми,

продолжает мудрый и поучительный разговор о деле, которому отдал всего себя, по-прежнему сильно и актуально звучат его волнующие слова, точно они были произнесены вчера или сегодня.

Руководствуясь марксистско-ленинским методом, Макаренко сумел не только растить нового человека в свое время, но и заглянуть далеко вперед, разглядеть перспективы развития этого дела. Он сумел распознать важнейшие объективные процессы и законы воспитания. Именно потому его неувядающее творчество сохраняет свою актуальность и так созвучно нашим дням.

Если бы Макаренко дожил до наших дней, он, несомненно, порадовался бы вместе с нами тем богатым перспективам, которые открываются сейчас перед школой и народным образованием в целом. Он порадовался бы тому, что марксистско-ленинские идеи воспитания получают в наши дни, когда мы вступили в период развернутого строительства коммунизма, свое дальнейшее последовательное развитие и наиболее полное практическое осуществление. Идеи эти выражены в решениях XXI съезда партии, в «Законе об укреплении связи школы с жизнью и дальнейшем развитии системы народного образования в стране», в докладах и выступлениях Н. С. Хрущева.

Главная задача, которая сейчас стоит перед школой, — это теснее связать воспитание с борьбой советского народа за коммунизм, с жизнью, соединить обучение с производительным трудом. В осуществлении этой грандиозной перестройки наши педагоги, родители, пионерские и комсомольские организации опираются на тот опыт трудового воспитания учащихся, который уже накопили передовые школы нашей страны. Речь идет об учебно-производственных бригадах школ Ставрополя, учебно-опытных хозяйствах, существующих в школах Рязанской области, о производственном обучении в 11-летних школах РСФСР и Украины, о привлечении детей к строительству школьных мастерских, спортивных залов, жилых домов и т. п. Известны также многочисленные факты общественно полезной работы учащихся, связанной с самообслуживанием, изготовлением наглядных учебных пособий, ремонтом школьных зданий и оборудования и т. п. В последнее время всё больше школ на базе учебных мастерских создает свое собственное производство, осуществляющее параллельно с учебными целями выпуск товарной продукции.

Этот опыт для решения задач, стоящих перед школой в связи с ее перестройкой, несомненно, имеет серьезное значение. Но не менее важно использовать достижения советской педагогики и ценнейший опыт прошлого. Таким достижением наряду с трудами

Н. К. Крупской, М. И. Калинина является вклад в педагогическую науку и практику А. С. Макаренко, наследство которого удивительно созвучно сегодняшним требованиям, встающим в связи с перестройкой народного образования. Повысить роль школы в строительстве коммунизма, обеспечить такую постановку дела, чтобы уже сейчас воспитывать у нашей молодежи качества человека будущего,— ведь к этому и стремился Антон Семенович Макаренко. Он говорил, что в воспитании мы должны равняться на совершенный образец, а воспитательная работа должна в определенной мере идти впереди достигнутого нами уровня хозяйственного развития.

Особенно ценным является опыт Макаренко для школ-интернатов, получающих в наше время такое широкое развитие. Школы-интернаты, как колония и коммуна, осуществляют общественное воспитание в иных формах, нежели массовая школа. Развитие школ-интернатов знаменует собою усиление роли государства и его помощи семье в воспитании детей.

В коммуне имени Дзержинского была осуществлена ценная попытка соединения обучения с производительным трудом. В одном типе учебно-воспитательного учреждения сочетались общее, политехническое и профессиональное образование. Основой педагогического процесса в коммуне являлось воспитание в коллективе, связанное с воспитанием в труде на высокоиндустриальном собственном производстве, выпускавшем электроинструменты и фотоаппараты. Обязательным условием такого труда являлось его соединение с обучением. Именно потому, что в основе всей жизни и деятельности коммунаров лежал производительный труд, соединенный с обучением, в свою очередь связанным с жизнью, с производством, с практикой социалистического строительства, коллектив коммуны и достиг такого высокого уровня развития.

Сам подход к установлению связи воспитания с жизнью, характерный для Макаренко, чрезвычайно сходен с тем подходом, которого придерживаются наши передовые школы. Они вслед за Макаренко понимают эту связь так, как учил Ленин. Если стоит задача связать воспитание с жизнью и борьбой трудящихся, то для ее решения надо включить учащихся в посильной, педагогически целесообразной форме в ту жизнь, борьбу и труд, которыми живет народ, в решение тех задач, которые партия ставит перед ним. И школы вовлекают своих учащихся в борьбу за выращивание кукурузы, за подъем животноводства, за выполнение планов жилищного строительства, за подготовку образованных и квалифицированных рабочих через систему производственного обучения на заводах, фабриках и т. д. Но ведь этим же путем шел и Мака-

ренко, привлекая колонистов и коммунаров к решению актуальных культурных и хозяйственных задач.

Макаренко был сторонником не просто трудового, а производственного и хозяйственного воспитания. Поэтому в колонии и коммуне производство велось на основе самокупаемости и хозрасчета, причем и производственная и хозяйственная деятельность были подчинены учебным и воспитательным целям. Воспитанникам выплачивалась заработная плата. Каждый из них активно участвовал в хозяйственной жизни колонии и коммуны, хорошо разбирался в вопросах промфинплана и хозяйственно-бытовых операций, в вопросах организации производства и труда, был активным участником рационализаторского движения.

У воспитанников вырабатывалось трудовое отношение к коммунизму, к жизни. Они не росли иждивенцами и потребителями. Ведь коммуна имени Дзержинского находилась на полной самокупаемости. Она не только полностью покрывала расходы на содержание и воспитание ребят, но и давала еще большую прибыль государству, а колонисты и коммунары приобретали не только производственные, но и организационно-хозяйственные навыки. Они включались в широкие связи с жизнью советского общества и других рабочих коллективов и получали благодаря этому хорошее политическое воспитание. Школы, которые ищут пути создания своего собственного производства, а также использования хозяйственной деятельности, как фактора воспитания, могут многому научиться в этом отношении у Макаренко.

Сейчас создаются особенно благоприятные условия для применения педагогического наследия А. С. Макаренко, так как многое из того, что было действительно специфично для его опыта и отличало условия его работы от условий массовой школы — сочетание производительного труда с обучением, наличие в составе его учреждений интернатов и т. д., — в значительной мере уже перестает быть характерным только для его опыта.

Бесспорный и всеми признанный педагогический талант Макаренко имел, конечно, большое значение для достижения полученных им результатов. Однако решающую роль в этом играли применявшиеся им принципы и система воспитания, строившаяся на основе единых законов и принципов советской педагогики и осуществлявшаяся коллективом детей и воспитателей, созданным Макаренко. Личность педагога является, конечно, могущественным фактором воспитания. Но решают дело его мировоззрение, моральный облик, эрудиция и мастерство, умелое и правильное применение принципов воспитания, правильно организованная система. А этому можно и нужно учиться у Макаренко, разумно и творчески

применяя его опыт, доступный каждому педагогу и родителю, если только они будут неустанно работать над совершенствованием своей личности, эрудиции, воспитательского мастерства, если они будут этого сильно хотеть.

* * *

Предлагаемый сборник рассчитан не только на педагогов, родителей, учащихся педагогических учебных заведений, но и на широкого читателя, интересующегося вопросами воспитания.

Составители сборника встретились с некоторыми расхождениями, имеющимися в мемуарах разных авторов. Так, в очерке А. М. Горького «По Союзу Советов» говорится: «Одна из традиций колонии — „не заводить романов со своими девчатами”». А в воспоминаниях О. Иваненко имеется такое высказывание, вложенное ею в уста Макаренко: «Пожалуйста, влюбляйтесь, заводите романы, но только в колонии! Только между собой! Тогда вы все будете еще больше любить колонию!» Или: Е. О. Ройтенберг сообщает, что коммунары постоянно имели в театре 10 мест, а Н. В. Петров — 30 мест и т. д. Составители, однако, не сочли себя вправе изменять что-либо в материалах, которые являются своеобразными документами жизни А. С. Макаренко. Точно так же сохранены языковые, стилистические и другие особенности воспоминаний, за исключением немногочисленных случаев, когда неудачная формулировка затрудняла понимание смысла. Не исправлены и имена героев художественных произведений Макаренко, которыми по ошибке (весьма характерной ошибке) авторы мемуаров называют реально существовавших людей — воспитанников колонии имени А. М. Горького и коммуны имени Ф. Э. Дзержинского.

При чтении воспоминаний необходимо иметь в виду, что речь в них идет о событиях и фактах, относящихся к 20-м и 30-м годам, и сами воспоминания были впервые напечатаны также много лет назад. Поэтому слепой, механический подход к этим материалам недопустим.

Сборник открывается отрывком из очерка А. М. Горького «По Союзу Советов», в котором содержится исключительно точное и яркое описание жизни колонии имени А. М. Горького и глубокая, меткая характеристика Макаренко-педагога.

Впечатления А. М. Горького ценны не только тем, что дают правдивое и точное воспроизведение всей системы воспитания, применявшейся в колонии и в коммуне, но и тем, что одновременно раскрывают установки и принципы этой системы. Такой характер

указанных заметок дает читателю с самого начала как бы панорамное изображение всего опыта Макаренко, а также его личности.

Весь остальной материал сборника, в котором освещаются отдельные стороны и детали, сгруппирован в хронологическом порядке, применительно к отдельным важнейшим этапам и периодам жизненного и творческого пути А. С. Макаренко. Такая рубрикация рассчитана не только на то, чтобы показать А. С. Макаренко в развитии, в процессе его гражданского, профессионально-педагогического и писательского роста, но и дать возможность соотнести те или иные впечатления и факты, сообщаемые авторами воспоминаний, с конкретными историческими условиями того или иного периода.

В первом разделе «А. С. Макаренко до Октября и в первые годы Советской власти» помещены воспоминания о наиболее значительных событиях и фактах периода обучения Макаренко в Полтавском учительском институте и в годы, непосредственно предшествовавшие его работе в колонии имени А. М. Горького.

Во второй раздел «А. С. Макаренко в колонии имени А. М. Горького» вошли воспоминания, относящиеся к этому поистине героическому периоду его жизни. Здесь же помещены воспоминания о работе А. С. Макаренко над «Педагогической поэмой», поскольку ее история самым тесным образом связана с работой Макаренко в колонии имени Горького и поскольку начало ее создания хронологически относится к данному периоду.

Третий раздел включает воспоминания о работе А. С. Макаренко в коммуне имени Дзержинского, о его литературной и публицистической деятельности, о последних годах жизни.

В конце книги помещены комментарии и библиография воспоминаний, не вошедших в настоящий сборник.

Н. Лялин

М. ГОРЬКИЙ

*По Союзу
Советов*

...А. С. Макаренко, организатор колонии под Харьковом, в Куряже, — все эти «ликвидаторы беспризорности» не мечтатели, не фантазеры, это, должно быть, новый тип педагогов, это люди, сгорающие в огне действительной любви к детям, а прежде всего — это люди, которые, мне кажется, хорошо сознают и чувствуют свою ответственность перед лицом детей. Бесчисленные трагедии нашего века, возникнув на вулканической почве непримиримых классовых противоречий, достаточно убедительно рассказывают детям историю кровавых ошибок отцов. Это должно бы возбудить у отцов чувство ответственности перед детьми; должно бы, — пора!

Новый тип педагога уже нашел свое отражение в литературе, намеки на этот тип есть в книге Огнева «Дневник Кости Рябцева» и даже в страшноватом рассказе талантливой Л. Копыловой «Химеры».

Старая наша литература от Помяловского до Чехова дала огромную галерею портретов педагогов-садистов и равнодушных чиновников, людей «в футляре», она показала нам ужасающую фигуру Передонова, классический тип раба — «мелкого беса». В старой художественной и мемуарной литературе так же редко и эпизодически, как в действительности, мелькает учитель, который любил своих учеников и понимал, что дети сего дня — завтра будут строителями жизни, завтра начнут проверять работу отцов и безжалостно обнаруживать все их ошибки, их двоедушие, трусость, жадность, лень.

Мне посчастливилось видеть в Союзе Советов учителей и учительниц, которые, работая в условиях крайне трудных, жестоко трудных, работают со страстью и пафосом художников.

Я был в Куряжском монастыре летом 91 года, беседовал там со знаменитым в ту пору Иоанном Кронштадтским. Но о том, что я когда-то был в этом монастыре, я вспомнил лишь на третьей сутки жизни в нем, среди четырех сотен его хозяев, бывших «беспризорных» и «социально опасных», заочных приятелей моих. В памяти моей монастырь этот жил под именами Рыжовского, Песочинского. В 91 году он был богат и славен, «чудотворная» икона богородицы привлекала множество богомольцев; монастырь был окружен рощей, часть которой разделали под парк; за крепкими стенами возвышались две церкви и много различных построек, под обрывом холма, за летним храмом, стояла часовня, и в ней, над источником, помещалась икона — магнит монастыря. В годы гражданской войны крестьяне вырубили парк и рощу, источник иссяк, часовню разграбили, стены монастыря разобраны, от них осталась только тяжелая, неуклюжая колокольня с воротами под нею; с летней церкви сняли главы, она превратилась в двухэтажное здание, где помещены клуб, зал для собраний, столовая на двести человек и спальня девиц-колонисток. В старенькой зимней церкви еще служат по праздникам, в ней молятся десятка два-три стариков и старух из ближайших деревень и хуторов. Эта церковь очень мешает колонистам, они смотрят на нее и вздыхают:

— Эх, отдали бы ее нам, мы бы ее утилизировали под столовую, а то приходится завтракать, обедать и ужинать в две очереди, по двести человек, массу времени зря теряем.

Они пробовали завоевать ее: ночью, под праздник, сняли с колокольни все мелкие колокола и расположили их на амвоне в церкви, устраивали и еще много различных чудес, но всё это строго запретило им начальство из города.

С ребятами этой колонии я переписывался четыре года, следя, как постепенно изменяется их орфография, грамматика, растет их социальная грамотность, расширяется познание действительности, — как из маленьких анархистов, бродяг, воришек, из юных проституток вырастают хорошие, рабочие люди.

Колония существует семь лет, четыре года она была в Полтавской губернии. За семь лет из нее вышло несколько десятков человек на рабфаки, в агрономические

и военные школы, а также в другие колонии, но уже «воспитателями» малышей. Убыль немедленно пополняется мальчиками, которых присылает угрозыск, приводит милиция с улиц, немало бродяжек является добровольно; общее число колонистов никогда не спускается ниже четырех сотен. В октябре прошлого года один из колонистов, Н. Денисенко, писал мне от лица всех «командиров»:

«Если бы вы знали, как у нас всё переменялось после вашего отъезда. Много старых наших колонистов вышли на самостоятельную жизнь: на производство, на рабфаки и ФЗУ. Совсем мало осталось старых ребят, всё новенькие. Жизнь с новенькими, конечно, труднее наладить, чем с теми, которые уже привыкли к трудовой, общественной жизни. Дисциплина в колонии по уходе старших ребят стала упадать. Но мы, оставшаяся часть старших, не должны этого допустить и не допустим. Сейчас в нашей колонии вся школа перестроена, наново организована школа-семилетка, а для переростков школа учебных мастерских. Тяга к учебе не слишком велика, но всё же из четырехсот ни один не проходит мимо школьных дверей».

Сейчас в колонии шестьдесят два комсомольца, некоторые из них учатся в Харькове, один уже на втором курсе медицинского факультета. Но все они живут в колонии, — от нее до города восемь верст. И все принимают активное участие в текущих работах товарищей.

Четыреста человек разделены на двадцать четыре отряда: столяров, слесарей, рабочих в поле и на огородах, пастухов, свинаярей, трактористов, санитаров, сторожей, сапожников и так далее. Хозяйство колонии: 43, — если не ошибаюсь, — гектара пахотной и огородной земли. 27 — леса, коровы, лошади, 70 штук породистых свиней, их весьма охотно покупают крестьяне. Есть сельскохозяйственные машины, два трактора, своя осветительная станция. Столяры работают заказ на взрыв-завод — 12 тысяч ящиков.

Всё хозяйство колонии и весь распорядок ее жизни фактически в руках двадцати четырех выборных начальников рабочих отрядов. В их руках ключи от всех складов, они сами намечают планы работ, руководят работой и обязательно принимают в ней личное, активное участие наравне со всем отрядом. Совет командиров

решает вопросы: принять или не принимать добровольно приходящих, судит товарищей, небрежно исполнявших работу, нарушителей дисциплины и «традиции». Признанному виновным заведующий колонией А. С. Макаренко объявляет перед фронтом колонистов постановление совета командиров: выговор или назначение на работу не в очередь. Более серьезные и повторные проступки: лень, упорное отклонение от тяжелой работы, оскорбление товарища и вообще всякие нарушения интересов коллектива — наказываются исключением виновного из колонии. Но эти случаи крайне редки, каждый из совета командиров хорошо помнит свою жизнь на воле, помнит это и провинившийся, которому грозит жизнь в детдоме, учреждении, единодушно не любимом «беспризорными».

Одна из традиций колонии — «не заводить романов со своими девчатами». Она строго соблюдается, за всё время существования колонии была нарушена один раз, и это кончилось драмой — убийством ребенка. Юная мать спрятала новорожденного под кроватью, и он задохся там, а она получила по суду «четыре года изоляции», но была отдана на поруки колонии и впоследствии, кажется, вышла замуж за отца ребенка. Другая традиция: когда приводят мальчика или девочку из угрозыска, строго запрещается расспрашивать его: кто он, как жил, за что попал в руки уголовного розыска? Если «новенький» сам начинает рассказ о себе — его не слушают, если он хвастается своими подвигами — ему не верят, его высмеивают. Это всегда отлично действует на мальчика. Ему говорят:

— Ты видишь: здесь — не тюрьма, хозяйева здесь — это мы, такие же, как ты. Живи, учись, работай с нами, не понравится — уйдешь.

Он быстро убеждается, что всё это — правда, и легко вырастает в коллектив. За семь лет бытия колонии было, кажется, не более десяти «уходов» из нее.

Один из «начальников» Д. попал в колонию тринадцати лет, теперь ему семнадцать. С пятнадцати он командует отрядом в полсотни человек, большинство старше его возрастом. Мне рассказывали, что он — хороший товарищ, очень строгий и справедливый командир. В автобиографии своей он пишет:

«Бувши комсомольцем, захопився анархизмом, за що

Убогаемому пензенцу

А. Макаренку

17. И. 28.

И. Горбкий

и був виключений». «Люблю життя, а йому найбільше музику і книгу». «Люблю страшенно музику».

По його ініціативі колонисти зробили мені прекрасний подарок: двести вісімдесят чотири члени написали і подарили мені свої автобіографії. Он, Д., поет, пише ліричні вірші на українській мові. Стихотворців-колонистів — кілька чоловік. Виходить чудово ілюстрований журнал «Промінь», редакують його троє, ілюстратор Ч., теж «командир», чоловік безумовно талановитий і серйозний, до таланту своєму відноситься недовірливо, обережно.

Он — біженець з Польщі і своє безпримірне існування почав вісьми років. Був в Ярославлі в дитячій колонії, звідти втік і займався роботою по кишеням в трамваях. Потім потрапив до техніку-дантиста і у нього «пристрастився до читання і малювання». Але «улиця потянула», втік від дантиста, захопив «кілька царських золотих монет». Витратив їх на книги, папір, фарби. Плавав по Білому морю помічником кочегара, але «через слабкість зору змушений був зійти на берег». Працював «інструктором по зборі натурального податку» на Печорі, серед ежемських зырян, вивчив мову зырян, жив у самоєдів; перевалив на собаках через Уральський хребет до Обдорська, потрапив до Архангельська; крадував там, жив в ночлежці; потім почав писати вивіски і декоративні роботи. Працював в ізо, по дорозі підготувався до семилітня, оформив документи і прийшов до вятського художньо-промислового технікуму. «Екзамен здав одним з перших, а по живопису і малюванню був визнаний талановитим, але — не повірив в це». Вибрали в студентський комітет, вели культроботу. Взимку, в канікули, був арештований, «засипався з документами, до весни просидів в ісправдомі». Але і там не переставав працювати над книгою, і там вели культроботу. Потім був репортером «Северної правди».

Всі це розповідається без хвастовства і, звичайно, без тінні бажання викликати співчуття. Ні, розповідається просто, так: йшов болотом, потім лісом, заблукав, вийшов на проселочну доріжку, пісок, йти важко.

Пересказувати всю біографію Ч. — довго. Вона, поки, завершилася тим, що ось він добровільно прийшов до колонії на Куряжі, живе там, активно працює, навчається, навчає малих. «По-прежнему — хочу бути че-

ловеком, люблю книгу и карандаш», — говорит он. Это — красивый, стройный юноша в очках, лицо — гордое, говорит он кратко, сдержанно. Удивительно внимателен он с маленькими, удивительно мягок с товарищами, равными ему по возрасту. Может быть, это потому, что в жизни его был такой случай: в Архангельске он «познакомился с одним парнем, тоже художником, к тому же боготворившим литературу. Звали его Васькой. Но долго прожить с ним не пришлось, он повесился, наколол на груди своей бумажку: «Должен хозяйке восемь копеек, если будут — отдай».

Ч., несомненно, очень богато одаренный юноша, и теперь уже он не пропадет, я думаю. Биография его — не исключительная, таких большинство среди прочитанных мною и рассказанных мне.

Откуда «беспризорные»? Это — дети «беженцев» из западных губерний, разбросанные по России вихрем войны, сироты людей, погибших в годы гражданской распри, эпидемии, голода. Дети с дурной наследственностью и неустойчивые перед соблазнами улицы, очевидно, уже погибли, остались только вполне способные к самозащите, к борьбе за жизнь, крепкие ребята. Они охотно идут на всякую работу, легко подчиняются трудовой дисциплине, если она тактична и не оскорбляет их сознания собственного достоинства; они хотят учиться и хорошо учатся. Им понятно значение коллективного труда, понятна его выгода. Я бы сказал, что жизнь, хотя и суровая, но превосходная воспитательница сильных, воспитала этих детей коллективистами «по духу». Но в то же время почти каждый из них — индивидуальность, уже очерченная более или менее резко, каждый из них — человек «со своим лицом». Колонисты Куряжской трудовой колонии вызывают странное впечатление «благовоспитанных». Это особенно наблюдается в их отношении к «маленьким», к новичкам, которые только что пришли или которых привели. Маленькие сразу попадают в ошеломляющие условия умной заботливости со стороны страшноватых — на улице — подростков. Ведь вот такие подростки колотили их, эксплуатировали, учили воровать, пить водку, учили и еще многому. Один из «маленьких», пастушонок, отлично играет в оркестре

колонии на флейте, — выучился играть в пять месяцев. Очень забавно видеть, как он отбивает такт голой, чугунного цвета, лапой. Он сказал мне:

— Когда я сюда пришел, так испугался; ой-ёй, думаю, сколько их тут! Уж как начнут бить — не вырвешься! А ни один и пальцем не тронул.

Удивительно легко и просто чувствовал я себя среди них, а я — человек, не умеющий говорить с детьми, всегда боюсь, как бы не сказать им что-то лишнее, и эта боязнь делает меня косноязычным. Но дети Куряжской колонии не будили у меня эту боязнь. Впрочем, и говорить с ними не было нужды, они сами хорошие рассказчики, и каждому из них есть что рассказать.

Отлично выработанное между ними чувство товарищества распространяется, конечно, и на «дивчат», — их в колонии свыше полусотни. Одна из них, лет шестнадцати, рыжеватая, веселая, с умными глазами, рассказывая мне о прочитанных ею книжках, вдруг сказала задумчиво:

— Вот я говорю с вами, а два года была проституткой.

Потрясающие слова эти были сказаны так, как будто девушка вспомнила дурной сон. Да и я, в первую минуту, принял ее слова так, как будто они только неожиданное «вводное предложение», ненужно вставленное в живые строки рассказа.

Так же, как юноши, девицы здоровы, так же «благовоспитанно» держатся, работают во всю силу и с тем жаром, который даже тяжелую работу делает веселой игрой. Они — «хозяйки» колонии, тоже разделены на отряды, тоже имеют своих «командиров». Они моют, шьют, чинят, работают в поле, на огороде. В столовой, в спальнях колонии чисто и, хотя не «богато», серо, но — уютно. Руки девушек украсили углы и стены ветками зелени, букетами полевых цветов, пучками сухих пахучих трав. Всюду чувствуется любовный труд и стремление украсить жизнь четырех сотен маленьких людей.

Кто мог столь неузнаваемо изменить, перевоспитать сотни детей, так жестоко и оскорбительно помятых жизнью? Организатором и заведующим колонией является А. С. Макаренко. Это бесспорно талантливый педагог. Колонисты действительно любят его и говорят о нем тоном такой гордости, как будто они сами создали

его. Он — суровый по внешности, малословный человек лет за сорок, с большим носом, с умными и зоркими глазами, он похож на военного и на сельского учителя из «идейных». Говорит хрипло, сорванным или простуженным голосом, двигается медленно и всюду поспекает, всё видит, знает каждого колониста, характеризует его пятью словами и так, как будто делает монументальный фотографический снимок с его характера. У него, видимо, развита потребность мимоходом, незаметно, приласкать малыша, сказать каждому из них ласковое слово, улыбнуться, погладить по стриженной голове.

На собраниях командиров, когда они деловито обсуждают ход работы в колонии, вопросы питания, указывают друг другу на промахи в работе отрядов, на различные небрежности, ошибки, — Антон Макаренко сидит в стороне и лишь изредка вставляет в беседу два-три слова. Почти всегда это слова упрека, но он произносит их как старший товарищ. Его слушают внимательно и не стесняются спорить с ним — как с двадцать пятым товарищем, который признан двадцатью четырьмя умней, опытней, чем все они.

Он ввел в обиход колонии кое-что от военной школы, и это — причина его разногласия с украинским наробразом. В шесть часов утра на дворе колонии труба поет сигнал: «Вставать!» В семь часов после завтрака новый сигнал, и колонисты строят каре посередине двора, в центре каре — знамя колонии, по бокам знаменосца — два товарища-колониста с винтовками. Перед фронтом Макаренко в краткой форме говорит ребятам о деловых задачах дня и, — если есть провинившиеся в чем-либо, — объявляются выговоры, установленные советом командиров. Затем командиры разводят отряды свои по работам. Весь этот «церемониал» нравится детям.

Но еще более церемонно и даже торжественно колония сдавала пять вагонов ящиков представителю завода-заказчика. Гремел оркестр колонии, говорились речи о великом значении труда, создающего культуру, о том, что только свободный, коллективный труд приведет людей к жизни справедливой, только уничтожение частной собственности сделает людей друзьями и братьями, уничтожит всё горе жизни, все ее драмы. Невозможно было без глубочайшего волнения смотреть на ряды этих милых, серьезных рожниц, на четыре сотни пар

разноцветных глаз, когда они с гордостью, с улыбками смотрели на подводы, тяжело груженные деревом, обработанным столярами-колонистами. Великолепно, дружно прозвучало гордое «ура» четырех сотен грудей. А. С. Макаренко умеет говорить детям о труде с тою спокойной, скрытой силою, которая и понятней и красноречивее всех красивых слов. А о нем, на мой взгляд, прекрасно рассказывает вот эта выдержка из написанного им маленького предисловия к биографиям воспитанных им колонистов:

«Когда я печатал сотую биографию, я понял, что я читаю самую потрясающую книгу, которую мне приходилось когда-либо читать. Это концентрированное детское горе, рассказанное такими простыми, такими безжалостными словами. В каждой строчке я чувствую, что эти рассказы не претендуют на то, чтобы вызвать у кого-нибудь жалость, не претендуют ни на какой эффект, это простой, искренний рассказ маленького, брошенного в одиночестве человека, который уже привык не рассчитывать ни на какое сожаление, который привык только к враждебным стихиям и привык не смущаться в этом положении. В этом, конечно, страшная трагедия нашего времени, но эта трагедия заметна только для нас, для горьковцев здесь нет трагедии — для них это привычное отношение между ними и миром.

Для меня в этой трагедии, пожалуй, больше содержания, чем для кого-либо другого. Я в течение восьми лет должен был видеть не только безобразное горе выброшенных в канаву детей, но и безобразные духовные изломы у этих детей. Ограничиться сочувствием и жалостью к ним я не имел права. Я понял давно, что для их спасения я обязан быть с ними непреклонно требовательным, суровым и твердым. Я должен быть по отношению к их горю таким же философом, как они сами по отношению к себе.

В этом моя трагедия, и я ее особенно почувствовал, читая эти записки. И это должно быть трагедией всех нас, от нее мы уклониться не имеем права. А те, кто дает себе труд переживать только сладкую жалость и сахарное желание доставить этим детям приятное, те просто прикрывают свое ханжество этим обильным и поэтому дешевым для них детским горем».

Кроме колонии в Куряже, я видел под Харьковом

еще колонию имени Ф. Э. Дзержинского. В ней только сотня или сто двадцать детей, и, очевидно, она основана для того, чтобы показать, какой, в идеале, должна быть детская трудовая колония для «правонарушителей», для «социально-опасных». Она помещается в двух этажах специально построенного для нее дома в девятнадцать окон по фасаду. Три мастерских — деревообделочная, обувная и слесарно-механическая — обставлены новейшими машинами, снабжены богатым набором инструментов. Отличная вентиляция, большие окна, много света. Дети — в удобной прозодежде, спальни — просторны, хорошее постельное белье, ванны, души, чистенькие светлые комнаты для учебных занятий, зал для собраний, богатая библиотека, обилие учебных пособий, всюду блеск, чистота, — всё это образцово, «напоказ», да и дети подобраны тоже «как будто напоказ» — такие все здоровяки. В этой колонии можно многому научиться устроителям таких учреждений...

А.С. МАКАРЕНКО

*до Октября
и в первые годы
Советской власти*

А. К. Волнин

АНТОН СЕМЕНОВИЧ МАКАРЕНКО В УЧИТЕЛЬСКОМ ИНСТИТУТЕ

В Полтавский учительский институт, директором которого я состоял с 1914 по 1917 год, А. С. Макаренко поступил в сентябре 1914 года, ему было тогда приблизительно 25—26 лет.

Это был стройный и крепко сложенный человек, с виду моложе своих лет, несколько широкоплечий, с энергичным выражением лица, выделявшимся на нем острым носом и стремительным через стекла пенсне взглядом; движения его были быстры, с характерными поворотами головы вместе со всем корпусом, который всегда он держал прямо; ходил в черном суконном пальто, в шляпе и простых сапогах с заправленными в них брюками. Антон Семенович окончил институт в 1917 году.

Вновь мы встретились с ним в Москве на учительском собрании по поводу двадцатилетия нашей школы, через 22 года после того как расстались. Время наложило на него свой отпечаток — острые углы лица сгладились, вся фигура стала грузнее, он уже не расставался с очками, на которые сменил пенсне, но характерная манера держать голову и энергичность движений остались вместе с демократической скромностью в одежде. Однако ни в этот раз, ни при вторичной встрече — 29 марта 1939 года, когда всего за два дня до смерти он в той же школе делал доклад на тему: «Из опыта работы», — Антон Семенович не жаловался на свое здоровье, — напротив, говорил, что чувствует себя здоровым, так что его внезапная смерть была полной неожиданностью и глубоко опечалила весь успевший за две встречи сродниться с ним коллектив работников нашей школы.

Полтавский учительский институт был открыт в том

же 1914 году, когда Антон Семенович поступил в него. Осенью 1914 года происходил первый прием слушателей, так что Антон Семенович был слушателем первого выпуска института...

Слушатели института жили здесь своим мирком. Правда, о жизни их вне стен института мы знали немного. Жили они на частных квартирах и находились под наблюдением гражданских властей города в общем порядке. От нас требовалось только наблюдать за посещением ими церкви в праздничные дни и классных занятий в учебные дни. Редкие случаи нарушения кем-либо из них этих правил не создавали поводов для недоумений. Преподавателям случалось заходить на квартиру к тому или другому слушателю, но это делалось в порядке знакомства; слушатели же бывали в свою очередь у преподавателей, и чаще всего за книгами. А. С. Макаренко все мы ценили за его способности и серьезное отношение к работе и приветливо встречали его у себя.

Мы не находились, понятно, в невинном заблуждении, чтобы не допускать, что наши слушатели собираются друг у друга для обсуждения и споров на политические темы, которые вызывали события империалистической войны и надвигавшейся революции, чтобы не допускать, что они посещают и общественные собрания где-либо в городе. Можно было догадываться, что их не только волнуют, но и разделяют между собой вопросы о роли Украины и их самих в революционном движении. Однако мы не ставили им препятствий собираться по своим делам — учебным или бытовым — в стенах института из трусливого опасения, что под такой повесткой протасены будут политические вопросы и собрания выльются в политические митинги. В действительности этого и не случалось, преобладал корректный, серьезно-деловой тон поведения и отношений, протекала нормальная учебная жизнь без перебоев в занятиях и нарушений их какими-либо эксцессами — единичными, а тем более массового характера.

Сколотив небольшие сбережения до поступления в институт или в течение каникул в годы учения в нем, слушатели поддерживали себя частными уроками...

Прием в учительские институты производился по конкурсному экзамену... Учителям с большим педагогиче-

ским стажем, при равных условиях в отношении образовательной подготовки, отдавалось преимущество. К категории таких относился и А. С. Макаренко, прослуживший учителем 9 лет до поступления в институт. Это дало нам основание принять его в институт, несмотря на то что он не выдержал испытания по «закону божью», но зато по всем остальным предметам сдал испытания блестяще. Эти факты сами говорят за себя, свидетельствуя о направленности его ума и взглядов уже в то время. Но он так выделился своими знаниями и начитанностью в области общеобразовательных предметов, основательными ответами на испытаниях, что произвел очень сильное впечатление, и оно выразилось при объявлении результатов испытаний вновь принятым слушателям, позволив мне высказать уверенность, что Макаренко будет лучшим учеником на своем курсе, несмотря на неудачную сдачу испытания по «закону божью»... Это явилось тактическим объяснением с моей стороны перед остальными слушателями допущенной исключительности в отношении принятия его в институт, а для него прозвучало призывом к ожидаемой от него работе над собой в институте. При встрече со мной в феврале 1939 года Антон Семенович припомнил этот случай с ним при поступлении в институт.

Ожидания наши оправдались: Антон Семенович не только отлично учился в течение всего курса института, но и был выдающимся учеником его и окончил институт первым по успеваемости.

Мало сказать, что отношение его к делу было самое аккуратное и серьезное. Он широко воспользовался той возможностью расширения и углубления своих знаний, какую предоставляла любознательности и трудолюбию учащихся принятая в институте система докладов. Темы для разработки в докладах давались по всем основным предметам и потому давали слушателям возможность разностороннего расширения своего умственного кругозора. Преподаватели заботливо указывали литературу вопроса, консультировали докладчиков в процессе работы и снабжали их книгами, если их не оказывалось в институтской библиотеке, но слушатели и сами умели достать нужную книгу в других библиотеках города.

К слову сказать, не была бедна книгами и наша институтская библиотека, несмотря на свою молодость.

Она имела всю необходимую литературу по предметам преподавания благодаря стараниям нашего библиотекаря, любителя и знатока книги — преподавателя Ф. В. Лысогорского. Позднее, когда с наступлением революции стало трудно приобретать книги, произведенное раньше пополнение библиотеки оказалось особенно ценным; за это новая смена слушателей и работников института, как слышно было нам, не раз помянула добрым словом своих предшественников.

Антон Семенович был наиболее активным и требовательным читателем книг институтской и других библиотек. Он сам вспоминал при встрече со мной, какую уйму книг поглощал он при проработке докладов, уставляя ими весь свой рабочий стол не в один ряд. Эти доклады принесли ему, признавался он, громадную пользу, заложив в основном тот багаж знаний, на основе которого ему уже легко было в дальнейшем пополнять их.

Помню случай, имевший место во время одного из его докладов. Завязались прения, товарищи возражали против положений докладчика, видимо, стараясь и у него найти слабое место в докладе, подобно тому, как он не раз обнаруживал такие места у других. Докладчик отражал их возражения с неопровержимой силой аргументации, доказывая правильность своих взглядов, и с присущими украинцу юмором и иронией давал чувствовать беспочвенность самих возражений и неосведомленность оппонентов в вопросе. Страсти разгорались, и нужно было прекратить бесполезные споры. Пришлось в заключение сказать, что померяться силами с докладчиком — дело хорошее, но для этого нужно выступать подготовленным, чтобы не получилось у оппонентов детского лепета, который только конфузит их, но несколько не ослабляет, а только еще сильнее оттеняет основательность и убедительность доклада. Вот этой-то основательности в суждениях и нужно учиться им у Макаренки, а одним детским лепетом нечего и покушаться опрокинуть его с несоизмеримым для них багажом его знаний, — такова была мысль, — точных выражений ее уже не помню, — какую я высказал, закрывая собрание. Но у Антона Семеновича живо остался в памяти финал этого доклада.

Вспоминаются педагогические конференции по раз-

бору пробных уроков слушателей. Это были весьма оживленные собрания, в которых разворачивались нередко серьезные дискуссии по тому или другому вопросу педагогической практики. Конференции являлись настоящей лабораторией, где в горячих выступлениях слушателей подвергался всестороннему обсуждению и осмысливанию урок и закладывался прочный фундамент для накопления педагогического опыта и выработки педагогического мастерства, а, судя по Антону Семеновичу, также для накопления и того глубокого опыта по изучению воспитываемой или перевоспитываемой личности, который позволял ему подмечать самые глубокие изгибы ее движений и на основе их творить из нее нового человека. На педагогических конференциях в институте Антон Семенович был одним из активнейших участников.

Выступления Антона Семеновича отличались не одной основательностью и логичностью в раскрытии мыслей, но были исключительно хороши по форме. Антон Семенович совершенно свободно владел устным словом и, что особенно поражало в украинце, искусно владел в нем гибкой и стройной фразой на чисто русском литературном языке, чего я не наблюдал больше ни у кого из своих слушателей-украинцев. Это был у него какой-то особенный дар. В течение 2—3 часов он мог излагать устно доклады вполне литературной русской речью, пересыпая ее нет-нет украинскими выражениями с присущим ему украинским юмором, что держало на неослабной высоте внимание слушателей его выступления и создавало большое впечатление от прослушивания его.

Помню, с каким интересом вслушивался в ответ его на экзамене по истории при переходе на II курс преподаватель учебного округа А. Н. Деревницкий, который был известен как профессор, хорошо знающий историю...

Вот эти не раз пережитые впечатления от былых выступлений Антона Семеновича невольно вставали в памяти в ожидании его доклада, с которым, по моей просьбе, он выступил 29 марта 1939 года в нашей школе и, как оказалось, в последний раз в своей жизни, за два дня до смерти. Его слушали до 200 железнодорожных учителей, которые съехались с разных дорог на совещание и теперь воспользовались представившейся возмож-

ностью послушать популярного советского писателя и педагога-орденоносца... Впечатление от его выступления было громадно...

Делясь своими воспоминаниями из жизни Антона Семеновича в годы студенчества, не могу не привести того, как он сам расценивал этот период для дальнейшей своей жизни. Он высказал это в своем обращении ко мне, как к бывшему директору, сконцентрировав в моем лице то, что, естественно, относится ко всем учителям института, как соучастникам общего дела. На этом основании беру себе право форму единственного числа местоимения «он» в словах Антона Семеновича заменить формой множественного числа — «они»; в остальном выражения его приводятся точно по стенограмме.

«Жизненные ценности не всегда поддаются точному измерению, — сказал в этом обращении Антон Семенович. — Часто в руках наших нет даже тех масштабов, которыми можно измерить важнейшие явления. Так и мне трудно измерить и трудно... рассказать, как много сделали для меня и для других мои учителя. Они были работниками Полтавского учительского института перед самой революцией. В то время, разумеется, они не могли быть большевиками и открыто воспитывать большевистские характеры. Но из их рук много вышло большевиков, и многие из них положили головы на фронте гражданской войны. Это потому, что они были всегда настоящими людьми и они воспитали в нас лучшие человеческие стремления. В моем же педагогическом развитии они создали самые главные принципы и навыки духа. У них я заимствовал главные положения моей педагогической веры: как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему».¹

В тоне приведенных слов есть, быть может, и некоторый налет времени, неизбежно скрашивающего в наших воспоминаниях прошлое.

¹ Эти слова составляют выдержку из речи А. С. Макаренко на юбилейном праздновании школы № 1 Ярославской железной дороги, 18 февраля 1939 года, и приводятся по тексту речи, отпечатанному на пишущей машинке, за собственной подписью А. С. Макаренко.

В. Н. Тарасов

В ПОЛТАВСКОМ УЧИТЕЛЬСКОМ ИНСТИТУТЕ

За тридцать восемь лет педагогической деятельности — два года в учительской семинарии и тридцать шесть лет в учительском и педагогическом институтах — у меня было большое число учащихся. Но из всех моих многочисленных учеников наиболее глубокий след в памяти оставил Антон Семенович Макаренко, мой ученик в Полтавском учительском институте...

Макаренко был принят в институт в августе 1914 года, а в июле 1917 года окончил его. Таким образом, Антон Семенович был моим учеником в течение трех лет, с момента поступления в институт и до окончания его.

Впервые я встретился с Макаренко во время вступительного экзамена по русскому языку. Мне пришлось давать тему сочинения для поступающих и следить за выполнением работы: преподаватель русского языка и литературы в это время был занят.

Среди державших испытания, одетых преимущественно в пиджаки и рубашки-косоворотки и обутых чаще в сапоги, чем в ботинки, Антон Семенович выделялся своим костюмом. На нем была белоснежная накрахмаленная сорочка с черным галстуком. Брюки были тщательно отглажены, ботинки начищены. Черный сюртук, плотно облегавший его фигуру, и пенсне на черном шнуре еще более усиливали внешний контраст между Антоном Семеновичем и остальными поступающими.

Однако это не помешало Макаренко установить в первые же дни испытаний дружественные отношения с остальными экзаменуемымися. Антон Семенович оказался человеком весьма общительным. Незадолго до начала испытания я наблюдал, как поступающие в институт окружили Макаренко тесным кольцом и слушали

его с большим интересом. То же можно было видеть и во все последующие дни испытаний.

На первый взгляд Антону Семеновичу можно было дать лет за тридцать, хотя при поступлении в институт ему было только двадцать шесть. Несколько суровое выражение лица делало Макаренко старше своих лет, но достаточно было появиться на лице Антона Семеновича легкой улыбке, как оно становилось добродушным, приветливым. Особенно привлекали внимание его умные, серые глаза. Казалось, Антон Семенович ими насквозь мог видеть человека.

Державшим экзамены было предложено написать «сочинение на рассуждение». От поступающих требовалось писать сочинение без черновика. На выполнение работы отводилось четыре часа.

Антон Семенович сидел на парте первого ряда, и я мог хорошо наблюдать его за работой. Меня особенно удивило то, что, как мне казалось, Макаренко писал сочинение без особого напряжения; у него не было длительных пауз обдумывания, как это наблюдалось у других. Предварительно составленный план всей работы освобождал Макаренко от планирования темы по частям.

Антон Семенович справился с заданием в два с небольшим часа. Это вызвало у меня такой интерес к его сочинению, что я решил просмотреть его работу. Сочинение было написано мелким, но четким, красивым почерком. В нем не оказалось ни одного зачеркнутого слова, ни одного исправления. Работа была весьма хорошей по содержанию, логической последовательности, стилю и орфографии...

...В списке принятых в институт слушателей набора 1914 года Макаренко занимал одно из первых мест: удовлетворительная отметка¹ по закону божию, при отличных отметках по всем остальным дисциплинам, лишила Антона Семеновича права стать на первое место. Но богатые способности, умение работать и настойчивость дали возможность Макаренко исправить положение: во всё время пребывания в институте Антон Семенович по успеваемости бесспорно стоял в своей группе на первом месте и окончил институт с золотой медалью.

¹ А. С. Макаренко не сдал закона божия, но, учитывая его отличные знания по другим предметам, ему поставили удовлетворительную отметку.

А. С. Макаренко — студент Полтавского учительского института.

У Макаренко было большое стремление к углубленному усвоению изучаемых дисциплин. Он основательно изучал рекомендуемую литературу; читал много книг и работал по первоисточникам; вообще чтение для Антона Семеновича было жизненной потребностью.

Он оценил книгу как источник обогащения знаниями и из получаемой стипендии (15 рублей в месяц) всё же находил возможным часть денег уделять на покупку книг. Никто из слушателей института не был таким частым посетителем книжных магазинов, как Макаренко.

Он был в курсе новинок на книжном рынке, и мы, преподаватели, иногда узнавали о появившихся новых книгах от Макаренко.

У Антона Семеновича было и весьма бережливое отношение к книге: взятые из моей личной библиотеки книги он всегда возвращал в обложке из газетной бумаги.

Особенно много Антон Семенович читал по литературе и, кажется, делал первые шаги в области литературного творчества: в одно из посещений моей квартиры Макаренко сообщил мне о выступлении со своим литературным произведением в группе учительниц. Но, по-видимому, Антон Семенович свои занятия литературным творчеством скрывал и от слушателей и от преподавателей.

Макаренко уделял большое внимание и много времени чтению книг по истории.

Исторический отдел библиотеки только что открытого института не располагал в достаточной мере литературой по истории. Я предложил Антону Семеновичу пользоваться моей личной библиотекой. Макаренко с благодарностью принял предложение и стал частым посетителем моей квартиры. Этим было положено начало более близким отношениям, установившимся между мной и Антоном Семеновичем. Он изучал произведения историков В. Ключевского, Н. Кареева, Р. Виппера и других.

Весьма сильное впечатление произвел на Антона Семеновича стиль произведений профессора Ключевского. Помню, как Макаренко, возвращая мне «Курс русской истории» Ключевского, с восторгом отзывался о сжатом, ярком стиле этого произведения. Противопоставления, к которым прибегает Ключевский в своем изложении, как: «русские князья владели Русью, не разделяясь, а переделываясь» или «князья нуждались не в учредительном уме, а в сабле», особенно нравились Антону Семеновичу. Восторгался Макаренко и характеристиками исторических деятелей в «Курсе русской истории», в особенности характеристикой царя Алексея Михайловича.

Из исторических деятелей наибольший интерес и симпатии вызывали у Антона Семеновича люди широкой инициативы, сильной воли и непоколебимой настойчивости, такие, как Юлий Цезарь, Петр I и другие.

Увлечение Макаренко историей и глубокие знания его по этой дисциплине отметил педагогический совет

института в отзыве, данном Макаренко по окончании им института. В этом отзыве говорится: Макаренко «особый интерес проявил к педагогике и гуманитарным наукам, по которым очень много читал и представлял прекрасные сочинения. Будет хорошим преподавателем по всем предметам, в особенности же по истории и русскому языку».

Хорошие знания по истории у Макаренко были отмечены в книге посещения института начальством и попечителем Киевского учебного округа, профессором Деревницким, специалистом по древней истории.

Весной 1915 года Деревницкий присутствовал на экзамене по древней истории. Обстоятельный рассказ Макаренко об археологических раскопках Шлимана на месте древних городов Трои, Микена, Тиринфа и археолога Эванса на острове Крите очень понравился Деревницкому. Учебная программа 1872 года для учительских институтов не включала раздела о крито-микенском периоде истории Греции. Еще более благоприятное впечатление произвел Антон Семенович на Деревницкого своими ответами на ряд вопросов, предложенных последним по другим разделам истории древнего мира. За блестящие ответы профессор Деревницкий поблагодарил Макаренко.

Увлечение Антона Семеновича историей создало у слушателей института твердую уверенность в том, что Макаренко непременно станет в будущем ученым-историком. Один из слушателей института Ф. Я. Еремин, коллега Макаренко на один курс, в настоящее время преподаватель Омского железнодорожного электротехникума, пишет в воспоминаниях об Антоне Семеновиче: «Мы все говорили Макаренко, что он непременно будет профессором истории».

Хорошему знанию истории помогал метод работы Антона Семеновича над книгой. Макаренко, прочитывая труды по истории, делал из них выписки, иногда сопровождая последние своими замечаниями. С одной из тетрадей с такого рода выписками мне пришлось ознакомиться. Антон Семенович просил меня просмотреть эту тетрадь и дать отзыв о проделанной им работе. Просмотр тетради доставил мне полное удовлетворение. Антон Семенович прекрасно справлялся с выборкой материала из прочитанных книг. При этом запись представляла собой краткое конспектирование, но не списы-

вание прочитанного. Антон Семенович вносил в тетрадь и отдельные фразы, привлекавшие его внимание своим стилем.

Приобретенный Макаренко навык по конспектированию дал ему возможность весьма легко справиться с записью лекций преподавателей. Его записи были хотя и кратки, но содержали всё основное из прослушанной лекции. Поэтому неудивительно, что слушатели института широко пользовались его конспектами...

Можно считать, что произведения Макаренко «Педагогическая поэма» и «Флаги на башнях» представляют собой чрезвычайно своеобразный научно-исторический труд, облеченный в литературную форму. В этих произведениях Антон Семенович изложил не только историю возникновения и развития двух детских учреждений, представлявших собой сплоченные умелым руководством Макаренко воспитательные коллективы. Антон Семенович — педагог-новатор, описывая свой опыт, показал в историческом аспекте сложный процесс внедрения в жизнь и творческого развития системы коммунистического воспитания. Он показал борьбу разных направлений в педагогике и торжество принципов материалистической педагогической науки, которую он так мощно двинул вперед. И в то же время в этих научных и высокохудожественных литературных произведениях Антон Семенович не мог не упомянуть исторических фактов отдаленного прошлого, используя последние как сравнительные образы. В «Педагогической поэме» мы встречаем и «боевого слона Дария Гистаспа», и «олимпийцев», и «архимедовский восторг», и «Рубикон» и т. д.

Антон Семенович проявлял большой интерес и к искусству, в особенности к рисованию. Макаренко предполагал нарисовать несколько портретов наиболее выдающихся исторических деятелей, чтобы использовать эти портреты как наглядные пособия в высшем начальном училище при институте. Но призыв на военную службу в 1916 году помешал ему осуществить этот план. Макаренко удалось нарисовать только портрет Александра Македонского. Портрет был хорошо выполнен карандашом на большом листе александрийской бумаги и украшал одну из аудиторий института.

Любил Макаренко музыку, пение и был исключи-

тельно чуток ко всему изящному и красивому. Даже хороший переплет книги радовал его глаз.

Антон Семенович по своим дарованиям, по глубине научных знаний стоял значительно выше своих товарищей.

Сочинения Макаренко отличались от сочинений его товарищей глубиной мысли, обстоятельным содержанием, логической последовательностью и прекрасным стилем.

Особенно ярко выделялся Макаренко при разборе сочинений и уроков, даваемых слушателями во время педагогической практики. Замечания Антона Семеновича отличались глубиной анализа и были настолько содержательны, что после его выступления слушатели могли дополнить немного. Поэтому, чтобы поднять активность слушателей, приходилось предоставлять Макаренко слово для выступления в последнюю очередь. Отмечая в своем выступлении ошибки, Антон Семенович указывал и пути к устранению этих ошибок. Но, стоя по знаниям выше своих товарищей, Антон Семенович был очень скромн. Ему не нравилось, когда кто-либо из преподавателей выделял его из среды слушателей.

Отношения Антона Семеновича к своим товарищам отличались простотой и задушевностью; он охотно помогал им, если они встречали затруднения в своей работе; у него было весьма чуткое отношение к слушателям при разборе пробных уроков и письменных работ. Отмечая недочеты урока или письменной работы, Антон Семенович всегда умел найти и положительные стороны. После его замечаний слушатель, даже допустивший существенные недочеты, не терял веры в свои силы и надежду на успех в дальнейшем.

Антон Семенович жил интересами коллектива слушателей и был одним из активных членов последнего. В перерыве между уроками всегда можно было видеть Макаренко среди слушателей.

Будучи человеком веселым и жизнерадостным, он умел передать свое бодрое настроение товарищам. Большое удовольствие доставляли слушателям рассказы Макаренко, полные юмора и остроумия. Любил Антон Семенович и попеть вместе с товарищами в перемены между лекциями. В стройном хоре слушателей можно было всегда слышать баритональный голос Макаренко.

Благодаря богатым умственным способностям и глубоким знаниям Макаренко создал себе авторитет. Простотой и задушевностью своих отношений, своим общительным характером Антон Семенович снискал себе расположение товарищей.

Этим и объясняется его значительное влияние на последних.

Обыкновенно слушатели института называли друг друга или по фамилии, или по имени; но Макаренко они называли чаще Антоном Семеновичем. Такое обращение было проявлением со стороны слушателей симпатии и уважения к нему.

Антон Семенович пользовался любовью и со стороны преподавательского персонала. Макаренко был в наших глазах примерным слушателем. Мы ценили Антона Семеновича за его трудолюбие, настойчивость в достижении намеченных целей и инициативу.

Преподавательский коллектив был уверен, что у Антона Семеновича успешной будет не только педагогическая, но и научная деятельность.

Нравились преподавателям в Антоне Семеновиче его чистосердечность, доброжелательность, искренность.

Антон Семенович часто бывал у меня на квартире, поэтому я знал его лучше, чем других слушателей института.

Наши встречи всегда сопровождались беседами по вопросам истории. Обыкновенно Макаренко, возвращая взятую у меня книгу, делился впечатлениями о прочитанном, обращался с вопросами, которые возникли при изучении книги. Иногда он приходил ко мне с только что вышедшей новой книгой по истории. В таких случаях Антон Семенович старался кратко ознакомить меня с ее содержанием. Но наши беседы не ограничивались только вопросами истории.

Антон Семенович подробно расспрашивал меня о постановке учебных занятий на историко-филологическом факультете университета и о жизни студентов, которые обучались на заработанные трудом средства. Макаренко, по моему совету, предполагал после окончания института поступить в университет.

Политические события первой половины 1917 года были предметом наших горячих беседований. Мы радовались: приближавшаяся революция несла нам новую страсть в труде, новую жизнь.

Мы много беседовали и по вопросу национального движения на Украине. Этому вопросу уделяли весьма большое внимание слушатели института, в котором украинцы составляли значительное большинство.

Среди слушателей-украинцев было несколько человек, которых называли «самостийниками». Наиболее эрудированным принципиальным их противником был Антон Семенович; он был в группе товарищей, стоявших на марксистских позициях разрешения национальных проблем, и жаркий диспут с «самостийниками» кончался обычно их полным идейным разгромом. В «Педагогической поэме» Макаренко дал очень острую сатиру на ханжество и жалкую ограниченность этих людей в образе «воспитателя» Дерюченко.

В июле 1917 года Антон Семенович окончил институт и перед отъездом из Полтавы зашел ко мне. Это было последнее свидание с Макаренко. При прощании он заявил мне о своем решении поступить в университет.

В августе того же года я выехал из Полтавы в Тверь, так как был назначен преподавателем истории в Тверской (ныне Калининский) институт.

Антону Семеновичу не удалось поступить в университет и стать профессором истории, как желали того его товарищи по институту. Но Макаренко, отличавшийся большой инициативой, громадной силой воли и настойчивостью, обладавший высокими дарованиями, получил в нашей Советской стране богатейшие возможности. Он применил свой талант в педагогической и литературной деятельности и широко известен как педагог-писатель, проложивший новые пути в педагогической науке.

Ал. Ведмицкий

В ПОЛТАВСКОМ УЧИТЕЛЬСКОМ ИНСТИТУТЕ

Уже в первый год существования Полтавского учительского института группа молодежи объединилась в тайный кружок по политическому самообразованию. Здесь изучались украинская литература, политэкономия, произведения Михайловского и Плеханова.

Потом узнали, что подобные кружки были в духовной семинарии, в землемерном и ремесленном училищах, в местных мужских и женских гимназиях.

Члены этих кружков и снабжали воспитанников нашего института нелегальной литературой, революционными воззваниями.

Мы были недостаточно подготовлены, чтобы разбираться в тонкостях политической борьбы, во фракционной борьбе. Многие из нас не видели разницы между платформами эсдеков и эсеров и не имели определенных политических взглядов. Мы иногда не знали, кто является автором тех или иных революционных резолюций, но подхватывали их и полностью разделяли их содержание. Например, мы даже не предполагали, что тезисы о войне, которые попали к нам в институт, были составлены Лениным. Нас особенно поразили слова: «Но для нас, русских с.-д., не может подлежать сомнению, что с точки зрения рабочего класса и трудящихся масс всех народов России наименьшим злом было бы поражение царской монархии, самого реакционного и варварского правительства, угнетающего наибольшее количество наций и наибольшую массу населения Европы и Азии».¹

Эти тезисы были опубликованы в Женеве, в больше-

¹ В. И. Ленин. Соч., т. 21, стр. 16.

вистской газете «Социал-демократ» № 33 от 1 ноября 1914 года и докатились до далекой Полтавы. Они вызвали живое обсуждение среди воспитанников. Рассказы на уроках отечественной истории о победах русского оружия в прошлых войнах всегда вызывали у нас чувство гордости, и мы думали, что всякую войну, в том числе и войну 1914 года, нужно выиграть, а в ленинских тезисах говорилось, что наименьшим злом для России было бы ее поражение в войне. Многие после этого поняли, что поражение России в войне приведет ее к революции. В институте стали господствовать «пораженческие настроения». Их разделял, я это считаю необходимым отметить, и А. С. Макаренко...

Воспитанники института, в том числе и А. С. Макаренко, выступали за самоопределение наций. В это время демократическая общественность Полтавы подписывала письмо социал-демократической фракции в Государственной думе с просьбой поставить вопрос о разрешении издания газет на украинском языке, о преподавании в начальных школах Украины на родном языке. Это письмо подписали многие воспитанники института. Среди них был и А. С. Макаренко.

Такими каналами проникал свежий ветер в институтскую атмосферу.

А. С. Макаренко враждебно относился к национализму всяких мастей. Когда наступила Февральская революция, еще до отречения царя, все воспитанники демонстративно отказались петь государственный гимн. Стали раздаваться революционные песни.

В первые годы обучения любимой песней Макаренко и всех воспитанников была «Зорюшка». Если кто-нибудь из преподавателей опаздывал на лекции, Макаренко обращался к своему соседу Верещагину: «Споем».

Верещагин запевал, и все подхватывали.

Пели мы стройно, с чувством, сами получали наслаждение от задушевного пения. Иногда появлялся директор и говорил: «Что подумают проходящие мимо института?»

Кто-нибудь из остряков отвечал: «Подумают, что урок пения». (В институте преподавалось пение.)

После Февральской революции на смену песне «о горестях, постигших нас», пришли бодрые революционные песни. Оказалось, и разучивать их не нужно; слова были

известны почти всем. Иногда после занятий в институте устраивались митинги, проводимые членами кружка. Говорили и об институтских делах, и о революционных событиях. Многие из преподавателей радостно встретили революцию, в молодости они также активно участвовали в студенческом революционном движении...

* * *

Отрицательное впечатление произвел на нас законоучитель, инспектор местного епархиального училища... (Этот священник за свою рыжую бороду носил у нас прозвище «Барбаросса»...)

Преподавая богословие, «Барбаросса» подробно остановился на доказательствах существования бога, резко критикуя точку зрения атеистов. Чтобы еще больше убедить нас в правоте своих слов, законоучитель предложил одному из воспитанников выступить с речью, отрицающей существование бога, а другому — доказать его бытие. Развернулся диспут, результаты которого были неожиданными для законоучителя. С отрицанием существования бога выступил А. С. Макаренко. Тщательно подготовившись, он с позиций материализма беспощадно разгромил необоснованные доводы богословов. Все были восхищены блестящей речью Антона Семеновича, логичностью и убедительностью его аргументов. Поп нервно покусывал губы, не ожидая, очевидно, такого эффекта от примененного им приема обучения богословию.

Когда кончился урок и священник удалился, мы устроили Макаренко овацию. Слышались восторженные возгласы:

- Ты говорил, как Демосфен!
- Умри, Антон, лучше не скажешь!
- Качать его!

Мы прекрасно понимали, что Макаренко не разыгрывал роль атеиста, а был убежденным материалистом, безбожником. Авторитет его среди воспитанников возрос. Если мы посылали делегацию на переговоры к директору, то непременно в состав ее включали Антона Семеновича.

Т. Гайдамакина

ЯРКИЙ ПРИМЕР ТВОРЧЕСКОГО ГОРЕНИЯ

...С Антоном Семеновичем я проработала 1919/20 учебный год в Полтаве в начальной школе имени Куракина, куда Антон Семенович и я получили назначение в сентябре 1919 года.

Ярко помню нашу первую встречу, во время которой произошло и наше первое столкновение.

Я приступила к работе на несколько дней раньше Антона Семеновича. До приезда в Полтаву я работала в одной из больших начальных школ Ленинграда с твердо установившейся репутацией дисциплинированной, образцовой школы. Как правило, мы, педагоги, беспрерывно находились с детьми. На перемены мы организованно выпускали детей в большой зал, во время перемен устраивали игры, а затем по парам впускали их в класс. Этот прием я начала практиковать и в полтавской школе.

И вот, на четвертый день работы, проводя перемену с детьми, я увидела идущего по дорожке, которая вела к крыльцу школы, мужчину в полувоенной форме. Дети, по уже заведенному мною порядку, построились по парам, чтобы входить в класс.

Подошедший спросил меня, что я делаю. Меня удивил слегка иронический тон и улыбка, но я вежливо ответила, что был звонок и мы идем заниматься.

— А почему они стали у вас по парам?

Я начала было объяснять, почему я так делаю, но насмешливое выражение небольших серых глаз, смотрящих сквозь большие стекла очков, меня разозлило, и я резко спросила, кто он такой, что я должна отчитываться за свои действия. В ответ получила серьезно сказанным тоном:

— Простите, забыл представиться — Макаренко Антон Семенович, заведующий этой школой.

— Ну, вот и будете сами наводить порядки, — сказала я раздраженно.

— Нет, — закончил Антон Семенович, — работать мы будем вместе, а по парам выпускать детей не будем. Так в жизни не бывает.

Я не была новичком в педагогическом деле. За мной числился восьмилетний стаж работы в различного типа учебных заведениях. К этому времени я выработала свои приемы, имела свое «педагогическое кредо». Замечание Антона Семеновича меня не на шутку задело, и я стала внимательно присматриваться к работе Антона Семеновича, посещать его уроки.

И вот, когда я бывала на уроках Антона Семеновича, меня удивляло спокойное, ровное, деловитое настроение класса. Дети занимались арифметикой, чтением, письмом так же просто, серьезно, как взрослые делают свою очередную работу. О нарушении дисциплины говорить не приходилось. Никогда Антон Семенович не проводил того, что мы называем «организационным моментом». Мел, аккуратно вытертая доска, чистота в классе были делом дежурного ученика. Необходимые наглядные пособия были всегда на месте. Правда, у Антона Семеновича наиболее ходким пособием был мел. Он красиво писал, хорошо рисовал, чертил. Как-то на уроке географии Антон Семенович в течение нескольких минут, попутно объясняя, начертил географическую карту на доске так четко и ясно, что при задании на дом один из учеников, заглянув в книгу, воскликнул:

— А в книге такая же карта, как у Антона Семеновича, только поменьше.

Антон Семенович так быстро приучил класс к самостоятельной работе, что никому из других учителей не приходилось наводить порядок в его классе, когда он по служебным или общественным делам оставлял класс, дав ученикам самостоятельное задание. Об его отсутствии мы узнавали только на перемене, когда сходились и беседовали по текущим делам. Спросишь, бывало, ученика:

— Антон Семенович в классе?

— Нет, — с гордостью отвечает ученик, — мы сами занимались.

Скоро мы стали замечать, как велико было личное обаяние Антона Семеновича, как ученики стремились

А. С. Макаренко. 1922 год.

иметь такой же подтянутый, собранный вид, какой имел Антон Семенович. Ни на работе, ни в домашней обстановке я не видела Антона Семеновича сидящим вразвалку или даже облокотившимся о спинку стула. И некоторые ученики стали ходить такой же спокойной, слегка замедленной походкой, какая была у Антона Семеновича, так же сидеть подтянуто на парте, как всегда сидел Антон Семенович на стуле, так же внимательно вслушиваться в слова обращающегося к ним, чуть-чуть наклонив голову, и даже некоторые из них сделали такого же покроя рубашки-косоворотки, какие носил Антон Семенович. Шутя мы их называли «маленькими Макаренками».

Узкие рамки работы в начальной школе не могли удовлетворить широкого педагогического размаха и кипучей энергии Антона Семеновича. Он успешно начал организовывать школьные дружины, с которыми проводил физкультурные занятия на примыкающей к школе площади. Скоро к школе в определенные дни после занятий потянулись группы ребят других школ, сагитированных учениками Антона Семеновича.

Антон Семенович принимал самое деятельное участие в организации союза учителей начальных и средних школ, много усилий приложил, чтобы расширить работу городской библиотеки, пополнить ее путем закупки книг у частных лиц; часто выступал с докладами на учительских собраниях, обнаруживая глубокую эрудицию в педагогических вопросах. Организовав небольшую группу учителей, Антон Семенович приступил к составлению сборника диктантов и статей для изложения. Он энергично развернул работу по подбору текстов. Назначение его заведующим колонией помешало довести это дело до конца...

А.С. МАЖАРЕНКО

*В колонии
имени*

А.М. ГОРЬКОГО

С. Калабалин

КОМСОМОЛЬЦЫ

Тысяча девятьсот двадцать первый год. По Украине еще бродят разрозненные бандитские шайки.

Мы, воспитанники детской трудовой колонии имени М. Горького, стоим на опушке леса, у обочины дороги.

Солнце уже зацепилось за водонапорную башню. Пора бы Антону Семеновичу быть дома, а его всё нет. Никогда он так долго не задерживался в городе. Сегодня мы его ждем особенно нетерпеливо: он должен привезти разрешение на создание в колонии комсомольской ячейки.

— Пойдем ему навстречу, — предложил Павлик Архангельский.

И мы зашагали по теплому булыжнику мостовой. Шли молча. В курчавых юных головах роились догадки о причине несвоевременного возвращения из города завкола. Мы подошли к изгибу дороги, излюбленному месту бандитских засад.

И вдруг остановились. До нас донеслось цоканье подков о мостовую и знакомый металлический скрип нашего фургона.

— А ну, бегом, хлопцы! — сказал я друзьям. Выбрасывая ноги вперед, мы ринулись навстречу Антону Семеновичу. Наши головы замелькали в кустах придорожной шелюги. Тут движением руки я остановил ребят и заставил «приземлиться». А сам приподнял голову над кустом. Вижу, Антон Семенович и Антон Браткевич стоят со связанными руками, а перед ними двое бандитов с обрезами. Третий выворачивает карманы у Антона Семеновича, а еще двое выгружают подводу.

Нас было шестеро смелых горьковцев. Неужели струсим? Никогда! Только напасть неожиданно, не дав опомниться грабителям. Мы подползли к самому краю обрыва и кинулись на бандитов с криками «стой!»

Не успели опомниться головорезы, как на каждом из них сидел ловкий колонист, поражая свою жертву громом ударов. Самый маленький и юркий из нас, Шелухин, освобождал от веревок Антона Семеновича и Браткевича, которые не замедлили прийти нам на помощь. Не прошло и пяти минут, как бандиты были смяты и, связанные вожжами, поводками и ремешками, стояли с опущенными головами.

— А, и вы, соседюшка, тут! — обратился Антон Семенович к одному из пленников, узнав в нем местного кулака.

— Отпустите, ради бога, Антон Семенович, мы обознались, — взвыл гривастый потомственный бандит.

— Ну как, Антон Семенович? — обратился я.

— Чего нукаешь, завтра на базаре будешь хвалиться. Подумаешь, умно: прямо с неба на дула обреза прыгать!

— Да я не об этом, Антон Семенович, я о комсомоле. Разрешили?

— Будет у нас комсомол? — спрашивал и Костя Кветковский.

Антон Семенович нахмурился. Все насторожились.

Антон Браткевич, успевший с ребятами погрузить в фургон копченых кур, хлеб и что-то похожее на штаны, безнадежно махнул рукой:

— Чего вы пристали к Антону Семеновичу? Сами попробуйте. Хиба ж можно договориться с оцеею каменюкою.

— Значит, нам не доверяют, — заключил Шелухин.

— То не губнаробраз, а глупнаробраз, — съязвил Павло.

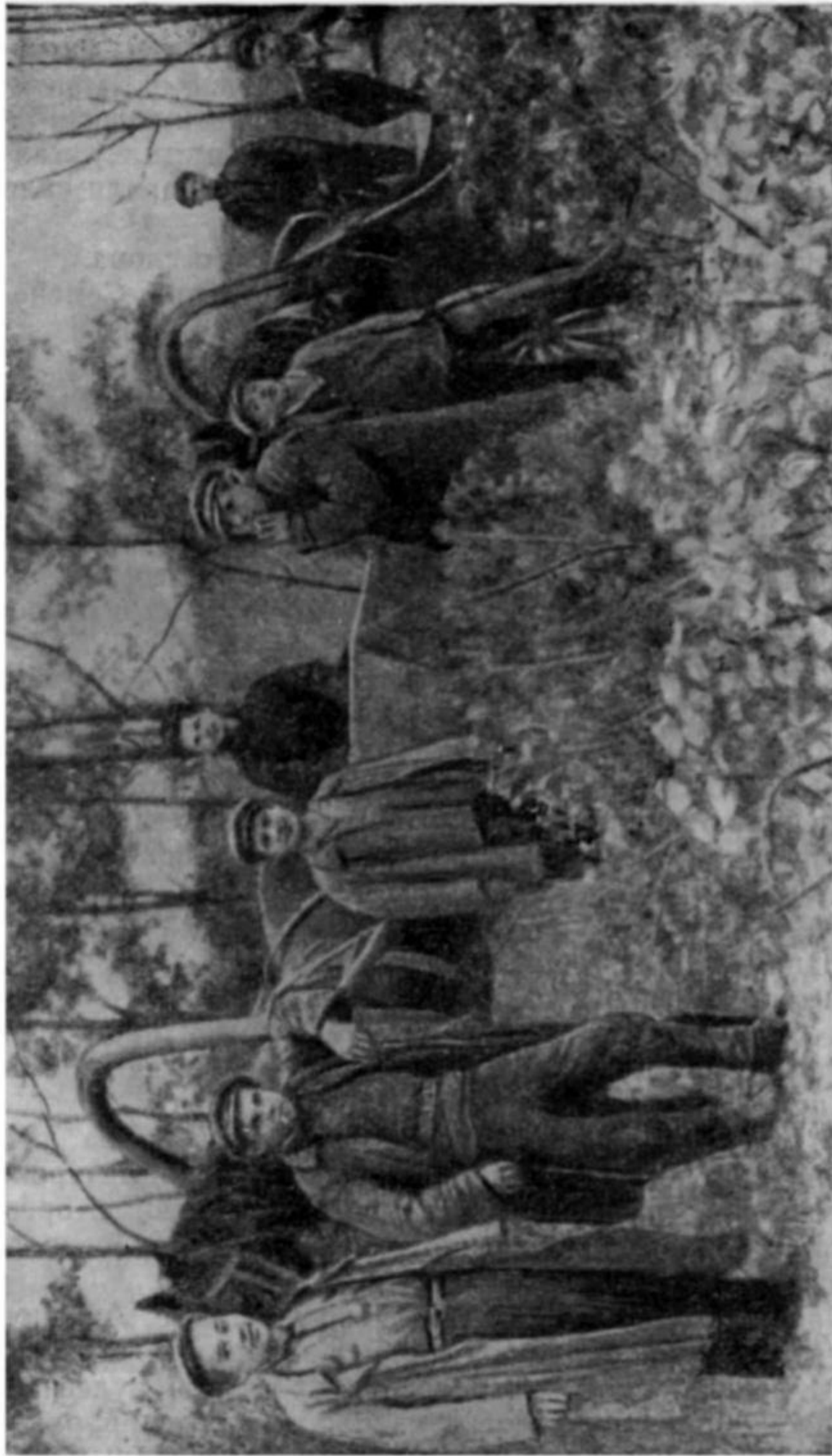
— Собрание считаю закрытым, — заявил Антон Семенович. — Рушайте домой.

Браткевич уселся на тачанку и усиленно зачмокал на Малыша: бандиты плелись впереди подводы, а мы, окружив Антона Семеновича, заключали процессию.

Антон Семенович говорил:

— Три часа доказывал возможность и необходимость организации комсомола в колонии. В губкоме комсомола почти не возражают, а наробраз протестует.

— Протестуют? — спросил Алеша Зотов. — Та за кого же они нас принимают? Чы не контрреволюция там какая собралась?

Отряд по заготовке топлива колонии имени А. М. Горького. На первой повозке Антон Брагченко, на заднем плане второй справа Семен Карabanов.

Снимок А. С. Макаренко

— А за кого же тебя прикажешь принимать? — заметил Шелухин. — Ты же сам убеждал всех, что ты злостный махновец.

— Та какой же я махновец? — с обидой в голосе отмахивался Зотик. — Я же только двор подметал у махновцев, сапоги им чистил, а они мне за это давали сало и по морде.

Дружный взрыв хохота сопровождал его слова.

— Вот что, хлопцы, — продолжал Антон Семенович. — Есть у меня такое предложение...

Глаза у ребят заблестели надеждой.

— Постучимся-ка мы с вами в другие двери. Выделите одного-двух хлопцев, и пусть они пойдут в район и попытаются там всё это оформить.

Все разом загалдели.

— А послать надо Семена, — продолжал Антон Семенович. — Ему это дело знакомо. Он и комсомольцем уже был где-то в армии. С селянскими ребятами он договорится быстро.

— Правильно! Семена, Семена!..

— А чтобы ему не было скучно, и я пойду с ним, — выдвинул свою кандидатуру Павлик Архангельский.

На другой день я и Павлуша с узелком провизии и со списком будущих двенадцати комсомольцев отправились за тридцать верст в Перещепинский район. А через десять дней, в присутствии представителя райкома комсомола, на торжественном собрании колонии была организована наша комсомольская ячейка.

Антон Семенович поздравлял нас и говорил:

— Только не задаваться. Вы теперь мои настоящие и первые помощники. Вы — хозяйева колонии. Я теперь не один.

И потекли длинные хорошие вечера. Сидя на лавках, на полу, мы слушали и запоминали первые уроки политической грамоты беспартийного большевика, организатора горьковских комсомольцев — незабвенного Антона Семеновича Макаренко.

Прошли годы. И мы, люди, воспитанные Антоном Семеновичем под грохот оружейных залпов гражданской войны, заняли свое место среди строителей чудесного здания социализма. Многие из нас находятся в рядах Красной Армии, многие были участниками славных боев

у озера Хасан, многие работают на стройке Куйбышевского гидроузла, и везде мы продолжаем борьбу за то, чтобы по-большевистски воспитанный человек жил в мире прекрасном и достойном его, в мире, за который борется наша партия...

ДИСЦИПЛИНА

Весна 1922 года. Колония имени Максима Горького. Как сейчас помню разговор с Макаренко.

— Антон Семенович, отпустите меня домой.

— Что ж, можно. О матери подумал? Хорошо! Это очень хорошо!

— Да нет. Откуда вы взяли, что я о матери думаю? Я об отце больше... И так, вообще, хочется побывать дома.

— Семен! — И Антон Семенович как-то так на меня посмотрел, что во мне сразу всё затрепетало. — Не стыдись, Семен, любви к матери. Любить мать может только настоящий человек. А отпуск надо оформить. Ты — командир, без совета командиров я отпустить не могу. Но поддержу.

— Спасибо!

На совете командиров Шершневу, разглаживая о голое колено мое заявление, устно излагал его содержание:

— Так вот, командиры, Семен просится в отпуск до субботы в свое, значит, село, в Сторожевое. С отцом, с матерью повидаться. Кто будет говорить первым?

— Да что тут говорить? — отозвался Гриша Супрун. — Семен первый командир, колонист, да и на рабфак же идет... Мое такое мнение, что надо дать отпуск.

Проголосовали, и я получил бумажку:

«Удостоверение.

Дано настоящее колонисту Семену Калабалину, колонии имени М. Горького, в том, что на основании решения Совета командиров ему предоставлен отпуск в Чутковский район, село Сторожевое, с понедельника 22 мая 1922 г. по субботу 27 мая 1922 года до 12 час. дня. Заведующий колонией А. Макаренко. С. С. К. Н. Шершневу».

Версты две меня провожали ребята, а потом, пожелав мне веселого отпуска, помчались назад.

К вечеру я был в родном селе. Как-то по-особому меня приветствовали дворняги, я вдыхал знакомые вечерние запахи села, слушал скрип телег, дребезжанье плугов и возгласы возвращающихся с поля пахарей.

А вот и мост. Церковь. О, меня кто-то узнал! Я услышал чей-то голос:

— Калабалинский, самый младший, про которого говорили, что убит.

А вот и наша хата. Мать!.. Она смотрит на меня. Узнала!

— Мама!

Я обнимаю ее, губами собираю на ее щеках слезы материнской радости.

...Мать!

Она одна, и она неповторима.

Дни словно взбесились. Утром, только утром, был вторник, а вечером уже среда. Я ни на одну минуту не забывал, что я только в отпуску, что я принадлежу колонии, коллективу, что мой дом там. Но и в семье было тепло и весело.

Дома готовились к свадьбе. Женился старший брат. Приходили соседки, о чем-то с матерью перешептывались, что-то приносили под передниками. Только одному брату, виновнику всех этих предсвадебных хлопот, можно было ничего не делать.

Нежась ночью на телеге с сеном, я вдруг вспомнил, что завтра, в субботу, мне надо быть в колонии. Да, завтра, и не позднее 12 часов. Иначе — позор! Опоздал из отпуска» А как же свадьба? Молодежь, танцы... Лучше меня ведь черта с два кто станцует! Я вскочил с телеги и побежал в хату. Отец уже спал, а мать возилась с тестом.

— Мама! Я завтра рано утром должен уже идти.

— Куда? Что ты, бог с тобой!

— В колонию. У меня отпуск, мама, надо идти.

Поднялся с постели отец, встали и брат с товарищами. Все зашумели:

— Ничего тебе, Семен, не будет. Свадьба, брат женится. Это ж тебе не симуляция какая.

— Думала, хоть в такой день всех вас увижу! У людей все вместе, все на глазах, а я растеряла своих, всех

растеряла! — жаловалась мать, склоняясь над горшками.

— Так, говоришь, нельзя? — спросил отец. — Ну, что ж... Раз нельзя, так нельзя. Иди, спи перед дорогой. Путь-то не близкий.

В пять часов утра я уже был на ногах. Мать, не переставая плакать и упрашивать, завязывала в узелок свадебные яства. Отец подал «папушу» душистого табаку:

— Возьми. От меня передай Антону Семеновичу. Видно, человек он большого ума и сердца. Берегите его... А табак, скажи, доморощенный.

— А может, всё-таки останешься, Сенька? — просил брат.

— Нет, Андрей, не могу. Порядок такой. Сам голосовал. Антона обижу, всех обижу. До свиданья!

Хоть и засосало под ложечкой, выть хотелось, но меня влекла другая, ни с чем не сравнимая сила — коллектив. Долг перед коллективом.

В одиннадцать часов дня я влетел на квадрат двора колонии, окруженного каре сосновых полчищ.

— Семен! Семен! — закричали колонисты, подбегая ко мне со всех углов колонии.

Я кому-то бросил в руки узел, а сам побежал в кабинет:

— Здравствуйте, Антон Семенович!

— О, Семен! Здоров!

Антон Семенович поднялся. Обнялись, как будто годы не виделись.

— Садись, рассказывай.

— Да чего же там рассказывать?

— Всё рассказывай! Как живут дома? Как идут дела в селе? Чем народ занимается?

— Ну, как живут? Хорошо живут. Отцу моему дали хату, земли пять десятин... Всем земли дали! Помещичью землю, лошадь и корову дали...

— Угу... хорошо. А табак хороший!

— Хорошо, говорю, живут. Хлеба на поле, как море. Довольные люди. В комсомоле почти вся молодежь. Читальню организовали. Спектакли ставят.

— Очень хорошо! А как твои старики?

— Помолодели. Вчера так пристали — не пускают, да и всё!

— Что же? Хлебопашеством предлагали заняться?
— Да нет. Об этом речи не было. На свадьбу остав-
ляли.

— На свадьбу? Тебя женить вздумали, или как?

— Ну вот еще! Брат женится. Завтра свадьба.

— Брат женится? Ну, и дурак, что не остался!

— Антон Семенович, да как же я мог остаться?

— А-а, Семен! Здорово! — просунулось веселое лицо
Коли Шершнева. — Давай удостоверение, а то опозда-
ние запишу!

И я отдал Коле аккуратно сложенный документ.

— Коля! Собери совет командиров! — сказал Антон
Семенович.

— Есть собрать совет командиров!

Через три минуты дверь закрылась за последним
командиром.

— Товарищи командиры, вы простите, что я оторвал
вас от дел. Но это тоже важно. Я прошу продлить Се-
мену отпуск до понедельника. Брат у него женится. Зав-
тра свадьба!

— Дело это важное, — вставила Маруся Терещенко.

— Антон Семенович! Командиры! — взмолился я. —
Зачем же такое? И без меня обойдутся. Я против...

— Брось, Семен! Ведь хочется? — загудели коман-
диры.

— Пойдите шуметь! — Антон Семенович застучал
карандашом по столу. — Не ради тебя, Семен, это де-
лаем, ради матери. Это, может, самое большое для нее
счастье... У меня — мать, и у них у всех. — Антон Се-
менович обвел вокруг себя рукой.

— Предложить Семену в обязательном порядке воз-
вратиться в отпуск! — заключил Шершнев.

— Правильно! — подтвердили все командиры.

— Есть! — ответил я. — Но прошу выделить еще
одного командира в гости к моим родным.

Мне и Супруну написали отпускные удостоверения,
и толпа колонистов шумно проводила нас в путь.

Колония осталась позади.

Глухой лошадиный топот. Оглядываемся.

— Гляди, Гриша! Ведь это наш экипаж. И Мери!

— Кажется... А на козлах никого нет.

Мери убавила размашистый бег и остановилась.
Вдруг из экипажа выпрыгнул Антон Семенович.

— Далеко, Антон Семенович? Почему без Браткевича? — спросил я.

— Садитесь! Ты, Семен, на козлы. Решил и я погулять на свадьбе.

— Как! Вы к нам? Ко мне, в Сторожевое?!

— А что же тут такого? Сами бродите везде, а я сижу в лесу, как монах. Садитесь. Чего глаза вытаращили?

— Да я никак ничего не пойму как-то, — сказал я.

— Что? Жалко чарку горилки и одного пирога со сметаной?! А?

— Антон Семенович!

Я крепко сжал его руки, толкнул Супруна на сиденье экипажа, а сам привычно взметнулся на козлы.

Мери бойко взяла с места.

А что творилось со мной!.. Воздух звенел серебром и, казалось, вливался в сердце, наполняя его необыкновенным человеческим счастьем.

...Почти двадцать лет прошло с тех пор, а я и теперь как будто сижу на козлах и мчусь вперед, полон сил и весенних стремлений.

— Служи нашему народу, Семен! — говорил Антон Семенович.

И я стараюсь служить. Нет ничего на свете благороднее труда и нет почетнее долга, чем труд. И мой тяжелый, но радостный труд педагога связан для меня навсегда с памятью горячо любимого Антона, нашего Макаренко.

КАК НАС ВОСПИТЫВАЛ А. С. МАКАРЕНКО

С Антоном Семеновичем Макаренко я встретился в декабре 1920 года в несколько необычной обстановке — в тюрьме, где я отбывал наказание за ошибки моего горького детства. С того времени прошло 34 года, но я хорошо помню все детали этой встречи.

А дело было так. Однажды вызвали меня к начальнику тюрьмы. Войдя в кабинет, я увидел, кроме начальника, незнакомого. Он сидел в кресле у стола, закинув ногу на ногу, в потертой шинельке, на плечах башлык. У него крупная голова, высокий открытый лоб. Больше всего мое внимание привлек большой нос и на

нем пенсне, а за ними блеск живых, насмешливо добрых, каких-то зовущих, умных глаз. Это был Антон Семенович.

Он обратился ко мне:

— Это ты и будешь Семен Калабалин?

Я утвердительно кивнул головой.

— А ты согласился бы поехать со мной?

Я вопросительно посмотрел на него, а потом на начальника тюрьмы, так как мое «согласие» зависело от последнего. Антон Семенович продолжал:

— Понимаю, с товарищем начальником я договорюсь сам. Теперь, извини меня, пожалуйста, но так нужно, чтобы ты, Семен, вышел на минуточку из кабинета... Можно, товарищ начальник?

— Да, да, можно. Выйди, — отозвался начальник.

Я вышел.

Правда, стоя за дверь в коридоре, в компании с надзирателем, я иронически размышлял: «выйди, пожалуйста», «извини, Семен», — какая-то чертовщина, для меня непонятная. Слова всё такие, которых я почти и не знал. Странный какой-то этот человек.

Затем меня опять позвали в кабинет. Антон Семенович уже стоял.

— Ну, Семен, у тебя есть вещи?

— Ничего у меня нет.

— Вот и добре, — сказал Антон Семенович и обратился к начальнику: — Так мы можем прямо от вас и идти?

— Да, идите, — подтвердил начальник. — Ну, смотри мне, Калабалин, а то...

— Не надо, всё будет в порядке, — перебил начальника Макаренко. — Прощайте!.. Идем, Семен, идем.

Двери тюрьмы широко открылись. Я в сопровождении Антона Семеновича вышел на самую радостную часть дороги своей жизни.

Только через десяток лет, когда я уже был сотрудником Антона Семеновича, он мне рассказал:

— А выставил я тебя из кабинета начальника тюрьмы затем, чтобы ты не видел, как я давал на тебя расписку: эта процедура могла оскорбить твое человеческое достоинство.

Макаренко сумел заметить во мне достоинства человеческие, которых я тогда и не подозревал в себе.

Это было его первое теплое человеческое прикосновение ко мне.

По дороге от тюрьмы до губнаробраза я всё норовил идти впереди Антона Семеновича. Это для того, чтобы он видел меня, знал, что я не собираюсь бежать от него. А он — всё рядом со мной, развлекает меня разговором о колонии, о том, как тяжело организовывать ее, и еще о чем-то, только не о тюрьме, не обо мне и моем прошлом.

Придя во двор губнаробраза и предоставив мне колонийского коня по кличке Малыш, Антон Семенович поразил меня своим поручением.

— Ты грамотный, Семен?

— Да, грамотный.

— Вот хорошо.

Тут он вынул из кармана бумажку и, вручая мне, сказал:

— Получи, пожалуйста, продукты — хлеб, жиры, сахар. Самому мне нет времени, сегодня мне придется побегать по канцеляриям. И, сознаюсь, не люблю я иметь дело с кладовщиками, весовщиками: как правило, они меня безбожно обвешивают и обсчитывают. А у тебя это получится хорошо.

И, не дав мне опомниться, хотя бы для приличия возразить, — быстро ушел. Ну и дела! Интересно, чем всё это кончится? Я почесал себе затылок, очевидно, как раз то место, где рождаются ответы на самые трудные вопросы в жизни, и продолжал размышлять: как же так? Прямо из тюрьмы и такое доверие — получить хлеб, сахар. А может, это испытание какое? Подвох? Я долго стоял с глазу на глаз со своими думами и пришел к выводу, что Антон Семенович просто ненормальный человек. Иначе как же доверить такое добро и кому!

Когда я зашел в склад, меня елейно-добренько спросили:

— Вы будете получать продукты? А кто вы такой?

— Потом узнаете, — и предъявил документы.

Всё, что полагалось, я получил, уложил в шарабан — сооружение, покоившееся на рессорах от товарного вагона. Через некоторое время пришел Антон Семенович и, удостоверившись, что я поручение его исполнил, предложил запрячь коня и ехать.

При помощи вожжей, кнута, криков и причмокивания

подобие лошади, с 36-летним опытом лени, тронулось с места. Отъехав не более двухсот метров от губнаробраза, Антон Семенович предложил остановиться и обратился ко мне с такими словами:

— Я и забыл. Там вышло какое-то недоразумение с получением продуктов. Нам передали лишних две буханки хлеба. Отнеси, пожалуйста, а то эти кладовщики подымут вой на всю Россию. Я подожду тебя.

Мои уши и лицо зажглись огнем стыда. Отчего бы это? Раньше этого со мной не бывало. Соскочив с шарабана, вытащил из-под сена две буханки хлеба и направился на склад. А в голове мысли: что же он за человек? Сам же сказал, что его обвешивали, а я думал, как лучше сделать, чтобы отомстить кладовщикам хоть парой буханок хлеба, но он говорит «отнеси, пожалуйста».

— От спасибочки, молодой товарищ, — такими словами встретили меня кладовщики. — Мы так и знали, что это недоразумение и всё выяснится. До свидания. Будем знакомы.

Я обжег их ненавидящим взглядом и быстро вышел.

— Ты будешь грызть семечки с орешками? — предложил Антон Семенович, когда я уселся в шарабан. — Я очень люблю.

Истории с хлебом как и не бывало. А мог бы Антон Семенович рассудить и так: я тебе доверил, я рискнул своим благополучием, забрал тебя из тюрьмы, а ты соблазнился хлебом, опозорил меня. Эх ты...

Нет, он так не сделал. Не оттолкнул он меня такой бестактностью, боясь, видимо, обидеть меня, боясь помешать самому мне переоценить поступок, который казался мне актом справедливого возмездия. Если бы он стал меня упрекать, вряд ли мы доехали бы с ним вместе в колонию.

Так Антон Семенович поступал и в других случаях: необыкновенно осторожно, тактично и непосредственно, то с неподражаемым юмором, развенчивающим «героя», то выражая суровый протест и беспощадное осуждение, то гневно взрываясь и вызывая к жизни если пока и не сознание у подростка, то на первый раз хотя бы страх. И в каждом случае он действовал по-разному, по-новому, не повторяясь. Убедительно, совершенно искренне и не колеблясь.

Теперь мне припоминается, что в бригаду по борьбе

с самогоном привлекались как раз такие ребята, которые любили выпить и не раз в этом уличались. В особый ночной отряд по борьбе с грабителями на дорогах привлекались воспитанники, которые в колонию были определены за участие в грабежах. Такие поручения изумляли нас. И только спустя много лет мы поняли, что это было большое доверие к нам умного и чуткого человека, что этим доверием Антон Семенович пробуждал у нас к действию спавшие до того лучшие человеческие качества. Забывая свои преступления, мы, даже как бы внешне не исправляясь, становились в позицию не просто критического отношения к преступлениям, совершаемым другими, — мы и протестовали и активно боролись с ними, а во главе этой борьбы был наш старший друг и учитель. Он вместе с нами заседал по ночам, подчас рисковал своей жизнью. Нам было бы стыдно предстать перед столом Антона Семеновича, нашего боевого друга и учителя, в роли нарушителя даже за самый малый проступок после того, как мы с ним, быть может рядом, лежали в кювете дороги, подстерегая бандитов. Какой простой и мудрый стиль воспитания! Какая тонкая, ажурная педагогическая роспись! И в то же время какая прочная, стойкая, действующая без промаха, наверняка!

Бесконечно многообразны методы воспитательного воздействия Антона Семеновича Макаренко. Но главное заключается в том, что он воспитывал всех и каждого из нас в коллективе, для коллектива, в труде и самим собою — личным примером, словом и делом. Зная очень близко Антона Семеновича с 1920 по 1939 год, я не помню за ним ни единого промаха ни в общественной, ни в его личной жизни. Ясно, что он был для нас постоянно действующим, самым живым и убеждающим примером. Нам хотелось хотя чем-нибудь быть похожими на него: голосом, почерком, походкой, отношением к труду, шуткой. Любили мы его настолько ревниво, что не допускали даже его права, допустим, на женитьбу. Мы готовы были считать это изменой. Каждый из нас имел право на сыновьи чувства к нему, ждал отцовской заботы, требовательной любви от него и изумительно умно ими одаривался.

Мне кажется, что А. С. Макаренко менее всего дрожал над тем, чтобы создать ежедневные благополучные

условия и удобства для нас, подростков. Более всего Антон Семенович трудился над нашим благополучием в будущем, над благополучием тех людей, в среде которых нам придется жить. Какие умные и подвижные, удовлетворяющие юношеский задор формы общественной и организаторской деятельности придумывал Антон Семенович!

Каждый колонист входил в отряд и участвовал в работе по хозяйству: на огороде, на заготовке дров, на скотном дворе, в мастерских и т. д. Должность командира была у нас сменной, но не строго выборной. Все мы получали навыки организаторской деятельности, все учились оправдывать доверие своих товарищей, Антона Семеновича и всего педагогического коллектива. Именно поэтому мы все чувствовали себя хозяевами колонии, все болели душой за ее судьбу, старались лучше работать. И когда к нам приходили новички, на них воздействовали не только Макаренко и другие воспитатели, но и сами колонисты. В такой обстановке ребята быстро избавлялись от дурных привычек и скоро находили нужный тон и стиль поведения.

В частной беседе со мной А. С. Макаренко говорил, что наказание обязательное, доведенное до конца и убеждающее виновного в его виновности, — одно из лучших средств тренировки сильной воли и характера. Всепрощение расшатывает волю.

Помню один эпизод, происшедший в 1921 году. Год был тяжелый, голодный. Нашей колонии приходилось испытывать большие трудности и лишения. Особенно было плохо с продовольствием. И вот в это время одна воинская часть подарила колонистам сто пятьдесят копченых кур. Вдруг выяснилось, что одна курица пропала из погреба. Подозрение в хищении могло пасть на дожившего о пропаже колониста Ивана Колоса, заведовавшего погребами и складами колонии.

Антон Семенович верил в честность Колоса и, чтобы выяснить, кто совершил воровство, приказал дать сигнал общего сбора. В течение трех минут шестьдесят четыре колониста встали в строй развернутой линией. Антон Семенович вышел к нам из своего кабинета. Ошпарил всех своим возмущенным взглядом и заговорил:

— Я думал, что у меня есть коллектив, коллектив товарищей, уважающих себя. Нет. Вы еще не люди, вы

микробы, способные пожирать друг друга. До какой подлости и низости мы дошли с вами, что сами же у себя тащим! Да еще что — подарок воинов, самих впроголодь живущих и в бой идущих. Ну, не черви ли после этого мы с вами? Так нет же, —я-то ни вором, ни микробом не хочу быть. Я человек! И мое презрение к воровству поможет мне найти вора. Слышите? Стоять так. Я буду подходить к каждому из вас, а вы смотрите мне прямо в глаза!

Антон Семенович направился к правому флангу, и мне пришлось первому посмотреть ему в глаза. Примерно в середине шеренги он вдруг закричал:

— Выйди из строя! Мерзавец! Тебе больше всех есть хочется?! Ты более нас голоден?! — разносил Антон Семенович выхваченного из общего строя нашего товарища по кличке Химочка.

— Я не ел ее, — заговорил Химочка, — я спрятал курицу.

От этих слов Химочки мы оцепенели. В голове каждого из нас промелькнула мысль: как же Антон Семенович узнал вора? «Гипнотизер», — так умозаключили многие.

Тем временем Химочка принес курицу, завернутую в лопухи.

— Так вот, — обратился Антон Семенович к Химочке, — ешь! Раз уж ты ее взял, прятал ее где-то, как хорек, мы ее отдадим тебе на полное растерзание.

Химочка не спешил выполнять распоряжение, медлил, отнекивался.

Антон Семенович подал команду:

— Колония! Стоять смирно до тех пор, пока Химочка съест курицу!

И сам стал рядом со мной с правого фланга.

Думается мне, что эта минута стоила самого большого напряжения не Химочке, не нам всем, а самому А. С. Макаренко. Он этой командой включил и нас в острый конфликт. Активно включил. На чью же сторону станут эти «серые человеки»? Разум, общественный интерес взял верх над частным. Мы глазами требовали от Химочки исполнения приказа Антона Семеновича. Химочка начал кушать, а мы все почувствовали облегчение и стали ласково, улыбками подбадривать неудачного воришку...

Во время обеда кто-то из ребят подошел к Химочке с насмешкой:

— Ты, наверно, наелся курятины, — отдай мне свой борщ!

Через минуту этот шутник уже был в кабинете, и Антон Семенович журил его:

— Твой товарищ ради всех нас понес тяжкое испытание. Немного найдется среди нас готовых совершить такой подвиг, как съесть курицу перед строем своих товарищей — как наказание. Химочка вырос в моих глазах, а ты — слеп. Подумай, чудака-человек!

— Я уже подумал, Антон Семенович. Грубо это у меня получилось. Как вы думаете, простит мне Химочка?

— Не знаю, попробуй. И зарекись!..

Какой хороший сгусток чувства, жизни!

Переписываясь с товарищами по колонии, я поддерживал связь и с Химочкой. В одном из писем, перед самым началом войны, в 1941 году, жена Химочки писала: «Всем хорош Ваня, и как муж, и как отец, и ответственный пост занимает, а вот, странное дело, курятины не ест...»

Однажды утром в кабинет к Антону Семеновичу прибежали девочки и наперебой затараторили, что они больше во двор ни за что не выйдут.

— Будем всё время сидеть в спальне и в столовую ходить не будем.

— Это почему же? — спросил Антон Семенович.

— А потому, что Вася Гуд ругается, как сапожник. (А он и в самом деле был сапожник.)

— Неужели еще ругается, девочки?

— Какой же нам интерес наговаривать?

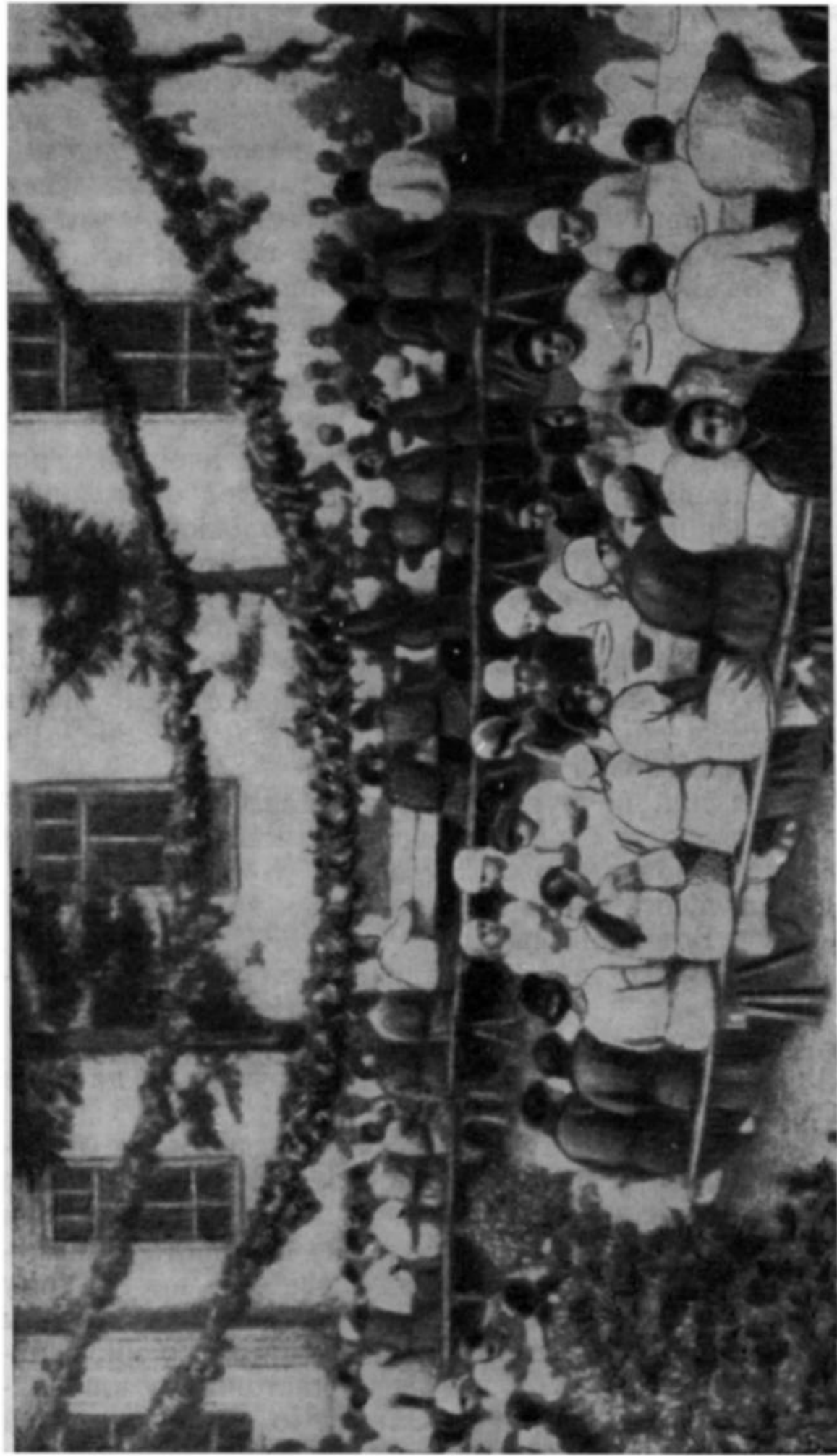
Присутствуя при этой сцене, я чувствовал себя неловко. Сколько раз я слышал ругань Гуда, а вот остановить ни разу не пытался.

— Хорошо, девочки, идите. — И, обращаясь ко мне, Антон Семенович сказал: — Василия надо просто перепугать, и он перестанет ругаться. Позови его...

Вася Гуд робко переступил порог кабинета. Кстати, интересная деталь: если кого вызывали «к Антону», — значит, по делу вообще, а если «в кабинет», — значит, отдуваться.

Вызывая Гуда, я сказал:

— В кабинет!

Праздник Первого снопа в колонии имени А. М. Горького. 1925 год.

Снимок А. С. Макаренко

— За что? — спросил Гуд.

— Там узнаешь...

Взъерошенного Гуда Антон Семенович встретил зло-веще шипящим голосом:

— Значит, ты еще не перестал издеваться над славным русским языком? Ты дошел до такого бесстыдства, что даже в присутствии девочек ругаешься? А что же дальше?! Меня, меня скоро будешь облаивать?! Нет! Нет! Не бывать же этому! Как стоишь?! Пойдем! Пойдем со мной в лес, я тебе покажу, как ругаться! Ты на-долго запомнишь, козявка ты этакая! Идем!

— Куда, Антон Семенович? — пропищал Вася Гуд.

— В лес! В лес!

И пошли они в лес. Антон Семенович впереди, Вася за ним. Отойдя примерно на полкилометра от колонии, Антон Семенович остановился на небольшой полянке:

— Вот здесь ругайся! Ругайся как тебе вздумается!

— Антон Семенович, я больше не буду, накажите как-нибудь иначе.

— Я тебя не наказываю, я условия тебе создаю. Ругайся! Вот тебе часы мои. Сейчас двенадцать. До шести хватит тебе, чтобы наругаться вдоволь?.. Ругайся!

Антон Семенович ушел.

Ругался или не ругался Вася, сказать трудно. Может, Вася рискнул бы уйти совсем, но мешали часы: они как бы на привязи держали его.

Ровно в шесть часов Вася явился в кабинет:

— Уже. Вот ваши часы.

— На сколько лет наругался? — спросил Антон Семенович.

— На пятьдесят! — выпалил Гуд.

Удивительное дело: Гуд перестал ругаться, да и не только он...

В кабинете Антона Семеновича всегда было многолюдно. Колонисты шли сюда посоветоваться не только по вопросам жизни коллектива, но и по сугубо личным делам. И с каждым Антон Семенович находил время поговорить. Иногда серьезно, задушевно, а иногда ему было достаточно сказать какую-нибудь шутку, чтобы мгновенно убедить в чем-либо собеседника. Со мной, на-пример, было так. В 1922 году я по-настоящему влюбил-ся в одну девушку, звали ее Ольга. Со своей трепетной тайной я пошел прежде всего к Антону Семеновичу, как

к отцу. Выслушал он меня, потом встал из-за стола, взял меня за плечи и сказал тихо, с чувством:

— Спасибо тебе, Семен. Какую неизмеримую радость ты принес мне. Спасибо!

— За что же, Антон Семенович?

— Во-первых, за твое доверие ко мне. Эта твоя любовь только тебе принадлежит. Всякие бывают люди: доверишь иному свою тайну, а он в хохот или пошел звонить всем и вся. Я так не сделаю. Я сберегу твою тайну, как свою личную. (Тут уж я благодарно облучил его своими глазами, а он продолжал.) Во-вторых, ты помог мне убедиться, что никакие вы не особенные, вы такие же, как и все люди. Любви все возрасты и люди покорны, в числе их и мои хлопцы. Значит, ты человек по всем статьям. А теперь о самом твоём чувстве: не расплескай же его, не растопчи его во лжи и блуде. Люби красиво, честно, бережливо, — по-рыцарски... Ну, ради такого дела, и я не хочу сейчас работать, пойдём ко мне поужинаем...

Не отпугнул меня Антон Семенович, не загнал в подполье мое чувство. Не опошлил нотациями, упреками, не оскорбил равнодушием или притворным участием.

И вот уже в 1924 году, когда я приехал в колонию на каникулы, мальчик Антон Соловьев сказал мне, что Ольга изменила мне и выходит замуж. Я побежал за три километра в деревню, где жила Ольга. Оказалось, что это правда.

В колонию вернулся я поздно вечером и зашел к Антону Семеновичу. Вид у меня был самый несчастный.

— Что с тобой, Семен? Ты болен?

— Не знаю, наверное больной.

— Ты иди в спальню, а я пришлю к тебе Елизавету Федоровну.

— Не надо. Не поможет мне Елизавета Федоровна. Ольга мне изменила. Замуж выходит. В воскресенье свадьба... Не верят нам, колонистам.

— Ты что? Неужели правда?

— Правда, всё пропало. Я думал — на всю жизнь, а тут...

Я заплакал.

— Не понимаю, ты прости меня, Семен, я ведь месяца три тому назад был у Ольги, говорил с нею. Она тебя любит. Тут что-то не так.

— Чего там не так, когда свадьба. А я, Антон Семенович... только не сердитесь и не подумайте, что я это так... Я повешусь!..

— Тю! Ты что, сдурел, Семен?

— Не сдурел, но жить мне больше незачем.

— Ну и вешайся, черт с тобою! Тряпка! Только об одном тебя прошу: вешайся где-нибудь подальше от колонии, чтобы не очень воняло твоим влюбленным трупом.

Антон Семенович сердито что-то передвинул на столе. Сказал же он это так, что мне и вешаться сразу расхотелось. А он подсел ко мне на диван и поплыл в мое сердце и разгоряченный мозг теплом и дружбой. Потом он предложил пойти во двор, посидеть под звездным небом и помечтать о лучшем будущем, о лучших, верных людях...

Антон Семенович обладал прекрасными человеческими достоинствами, он был человеком большой души, у которого можно было многому научиться. В его знаменитой книге «Педагогическая поэма» показаны не вымышленные люди. Все персонажи этой книги действительно жили в колонии имени А. М. Горького. Автор изменил лишь некоторые имена. В конце книги Антон Семенович говорит о дальнейшей судьбе своих воспитанников. Все они, бывшие беспризорники, правонарушители, стали на правильный путь. Они избрали профессии рабочих, инженеров, агрономов, врачей, летчиков, педагогов. Многие из них, уже будучи взрослыми людьми, коммунистами, храбро сражались с врагами в годы Великой Отечественной войны и сейчас трудятся на благо Родины, каждый на своем посту. Например, Иван Григорьевич Колос, названный в «Педагогической поэме» Иваном Голосом, стал инженером, работает в Мончегорске, Николай Фролович Шершнев (Вершнев) — ныне врач в Комсомольске-на-Амуре, Павел Петрович Архангельский (Задоров) — инженер-подполковник, Василий Илларионович Ключник (Ключнев) — офицер Советской Армии. Многие погибли во время войны. Вследствие осложнений после тяжелых ранений в 1954 году умер подполковник Григорий Иванович Супрун (Бурун).

И я и все мои товарищи, бывшие колонисты, с глубокой благодарностью вспоминаем нашего первого настав-

ника Антона Семеновича Макаренко. Это его заботами и вниманием был создан в колонии тот коллектив, который стал умной школой жизни всем его отдельным членам.

Антон Семенович говорил: «У человека должна быть единственная специальность — он должен быть большим человеком, настоящим человеком». Сам Макаренко в совершенстве владел этой «специальностью» и делал всё, чтобы ею овладели и мы, его воспитанники.

П. Архангельский

СУРОВЫЙ УРОК

Передо мной его портрет. Вдумчивые глаза за стеклами очков. Сжатые губы сурового рта, в уголках которого таится теплая усмешка. Высокий лоб. Коротко остриженные волосы, зачесанные набок. Морщинки, сбегающие от глаз к вискам. Резкие, мужественные складки подбородка — милый образ дорогого человека!

Ему пятьдесят лет. Но я вижу его молодым, таким, каким я помню его по колонии. Там, вблизи большого тракта из Полтавы в Харьков, в сосновом лесу, в трудовой колонии имени М. Горького, скрестились путаные тропинки нашей жизни с его широкой и прямой дорогой. Там, в колонии, перед нами открылись чудесные черты внутреннего облика Антона Семеновича — нашего педагога и руководителя: его воля, дисциплинированность, моральная чистота и человеческая, теплая любовь.

Наше воспитание не было врачеванием каждого в отдельности — нас не пичкали пилюлями добродетели и микстурами морали. Совершенно незаметно процесс воспитания, направляемый Антоном Семеновичем и подобранным им составом педагогов, превращался в процесс коллективного самовоспитания. Это было интересно и неожиданно.

Я вспоминаю один из таких уроков, который я получил шестнадцать лет назад. Антон Семенович выхлопотал в наробразе несколько командировок на рабфаки различных вузов Харькова. Среди кандидатур, выдвинутых советом командиров, была и моя.

По вечерам в столовой мы готовились к поступлению на рабфак. С нами занимались Антон Семенович и две воспитательницы.

И в эти дни я «сорвался». Мне захотелось отпраздновать нашу радость «как следует»: выпить и угостить

Горьковцы-студенты: Голос, Задоров, Георгиевский и Вершнев.
Снимок А. С. Макаренко

товарищей. Топографию местности, окружающей колонию, включая и дислокацию кулацких хозяйств, мы знали превосходно. И в один из свободных дней, пользуясь естественной маскировкой местности, я притащил в спальню два «глечика» самогона-первача, который и был благополучно распит в дружной компании.

На следующий день совет командиров по предложению Антона Семеновича вынес решение об исключении моей кандидатуры из списка рабфаковцев. Что делать? Обращаться с просьбой к ребятам нечего было и думать. Оставалась тайная надежда на Антона Семеновича. Я спрятался в кустах акации под окном канцелярии, где работал по вечерам Антон Семенович. Я обдумывал слова, с которыми обращусь к нему. Но, когда он вышел, все приготовленные тирады куда-то улетучились, и я стоял растерянный, не зная, с чего начать. Антон Семенович понял мое состояние.

— Поедешь учиться на следующий год, — решительно сказал он, — а сейчас марш спать.

Я побрел в спальню обескураженный. Мне казалось, что со мной поступили слишком жестоко, что моя вина не столь значительна, что меня можно было бы наказать иным путем.

И только спустя некоторое время мне стало ясно, что Антон Семенович не мог поступить иначе, не мог пойти вразрез с решением коллектива.

Так в нашем сознании укреплялись принципы коллективного воспитания, понятия о чести, дисциплине и воспитывались любовь и уважение к труду. Справедливая суровость была одной из основных черт Антона Семеновича, но за этой суровостью всегда стояло теплое человеческое чувство.

Антон Семенович любил людей и верил в людей. Человек исключительной прямооты, честности и правдивости, он был примером для всех своих воспитанников. Бодрый и жизнерадостный, внутренне и внешне всегда подтянутый, полный кипучей энергии прошел свою жизнь. Антон Семенович. Этот человек не мог быть старым. И в моей памяти он останется вечно юным, с заразительным молодым смехом и юношеской горячей готовностью помочь каждому, кто приходил к нему за советом.

Петр Дроздюк

МОЙ УЧИТЕЛЬ И ВОСПИТАТЕЛЬ

...Летом 1925 года горьковцы переехали из Полтавы в Куряжскую колонию, возле Харькова. Хорошо помню тот день. Словно очарованный, стоял я возле ворот и с завистью смотрел на стройных, загорелых горьковцев, одетых в синие трусы и майки.

Шли они на широкий двор бывшего Куряжского монастыря, четко отбивая шаг, с видом победителей. Играл оркестр, полыхало кумачовое знамя.

Горьковцы привезли с собой в Куряж большую библиотеку, которая едва помещалась на трех подводах. Я, тогда воспитанник Куряжской колонии, с увлечением помогал носить книги в клуб. Антон Семенович заметил мое старание и спросил:

— Что, парень, нравятся тебе книги?

— Да, я их очень люблю... Вот если бы мне стать библиотекарем, — добавил я, вздохнув. А сам покраснел, и сердце почему-то забилося часто-часто.

Антон Семенович удовлетворил мою просьбу, и я с большой охотой и любовью стал работать в библиотеке; дни и ночи просиживал за книгами. Я тогда впервые с огромным интересом прочел книги Максима Горького и переживал необъяснимо великую радость.

Антон Семенович всегда относился ко мне тепло, внимательно, по-отечески.

В памяти моей встает яркий, незабываемый эпизод.

На одном из совместных заседаний педагогического совета и совета командиров колоний имени Горького было вынесено решение, чтобы я, кроме работы в библиотеке, обучался в одной из мастерских какому-либо ремеслу.

Мне хотелось стать слесарем, и я изъявил желание работать в слесарной мастерской. Но в первый же день

на работу не вышел. После завтрака пошел в библиотеку, уселся за роман Джека Лондона «Мартин Иден». Книга настолько заинтересовала и увлекла меня, что я забыл про всё на свете.

Дежурная воспитательница Оксана Дмитриевна Иваненко, делая обход по мастерским колонии, зашла и в слесарную. Не обнаружив меня на месте, она записала мою фамилию в блокнот, а вечером на общем собрании воспитанников, где обычно подводились итоги рабочего дня, доложила Антону Семеновичу в рапорте, что меня в слесарной мастерской не было.

— Колонист Дроздюк, — сказал Антон Семенович. — Подойди к столу и дай объяснение общему собранию, почему ты не был сегодня на работе.

Что я мог сказать? Читал интересную книгу? Но ведь для чтения надо находить время после рабочего дня. Я сам изъявил желание работать в слесарной мастерской, а сегодня не изволил даже побывать там...

— Ну, Петро, долго мы будем ожидать, пока ты подумаешь? — спросил меня Антон Семенович. — Ведь ты же «литератор», «мастер слова»...

В голосе Антона Семеновича послышалась теплая ирония. Это ободрило меня. Я почувствовал себя немного смелей и, подняв голову, ответил:

— Я приводил в порядок книги, поэтому и не был в мастерской.

— Всё это хорошо. Но ты, Петро, в будущем надеешься, что ли, на «легкий» хлеб? Так ведь? — проговорил заведующий колонией и смерил меня критически с головы до ног... — Иди, садись, — сказал он. — Но чтобы это было в последний раз. Максим Горький выполнял всякую работу, и нам, горьковцам, не следует бояться физического труда...

Направляясь на свое место, я слышал едкие реплики и смех воспитанников. Это подействовало на меня сильнее всего. Решил, что оставаться в колонии дальше невозможно. Слишком задето было мое самолюбие. В тот же вечер уйду. Уйду в Харьков, а там жизнь покажет, что делать...

Когда дежурный сигналист Шурка Чевский, маленький, вихрастый паренек, проиграл «спать пора», я надел черную, сшитую на меня форменную шинель и вышел за ворота.

Ночь провел на харьковском вокзале, а утром надумал позвонить по телефону Антону Семеновичу, попрощаться и сказать, что больше в колонию не вернусь...

Подошел к телефону:

— Колония Горького? Да? Антон Семенович? Это говорит ваш бывший воспитанник Петро Дроздук. Мне хочется сказать вам, что я больше в Куряж не вернусь! Прощайте!

— Дело твое, ты уже не маленький, — ответил Антон Семенович. — Но ты должен прийти в колонию и сдать шинель. Она еще тобой не заработана. Всё! — И он сердито повесил трубку.

Помимо своей воли, хотя Антон Семенович уже и не слышал меня, я ответил по-горьковски: «Есть!» Но потом подумал: «А как же я останусь без шинели? Ведь зима. Впрочем, у ребят, «на воле» раздобуду на первое время старую фуфайку, а в дальнейшем разбогатею — приоденусь, — размышлял я. — Да и разве привыкать мне к холоду? Ведь я парень бывалый».

Но в глубине души мне жаль было расстаться с шинелью. Она была новая, теплая, сшита как раз на мой рост и мне очень нравилась. А теперь нужно отдать...

Всё же решил выполнить приказание Антона Семеновича. Днем появиться в колонии было неудобно, и, дождавшись вечера, я пошел в Куряж...

Была ночь, когда я подошел к воротам. Все воспитанники давно спали. Только из окна кабинета заведующего стелилась по двору яркая полоса света. Антон Семенович долгими зимними ночами работал в своем кабинете. Он писал тогда «Педагогическую поэму».

Волнуясь, я постучал.

— Войдите! — послышался громкий голос.

Я вошел в кабинет.

— Здравствуйте, Антон Семенович, — проговорил я несмелым голосом. — Вот пришел, чтобы вернуть шинель...

— Здравствуй, Петро! А я тебя поджидал, — ответил грудным приветливым голосом Антон Семенович. — Ты хорошо сделал, что пришел. Но кладовая сейчас закрыта, кладовщик спит, и сдать шинель никому. Да она, пожалуй, и тебе пригодится. Ведь на дворе зима. Холодно будет, пока определишься куда-либо. Да и денег тебе нужно на первое время. НÁ вот

тебе лист бумаги и напиши расписку на сто рублей..

Я сел к столу, взял ручку, но писать не мог. Антон Семенович ходил по кабинету и о чем-то сосредоточенно думал...

Думал и я. В памяти возникли незабываемые дни, прожитые в колонии. Здесь я научился грамоте, полюбил книгу... Теперь ухожу... Куда? Я не знал. Что ждет меня в будущем? Опять улица, беспризорная жизнь... Холод и голод. И вдруг стало мне до боли тяжело расставаться с колонией, с ребятами, с Антоном Семеновичем... Слезы навернулись на глаза...

— Что же ты, Петро, не пишешь? — спросил меня Антон Семенович ласково. В его голосе слышались теплота и искреннее участие, и я почувствовал на своем плече его большую руку...

— Антон Семенович, дорогой, — проговорил я вдруг дрогнувшим голосом, — разрешите мне остаться...

— Не могу я сам этого сделать, — ответил Макаренко. — Ты нарушил дисциплину, ушел самовольно из нашего коллектива. Стало быть, ты с ним не посчитался. Так? Если серьезно хочешь с нами снова жить и работать, напиши заявление. Мы его разберем, обсудим на общем собрании. А я поддержу твою просьбу... Думаю, что ты теперь не подведешь. Будешь настоящим горьковцем.

И я с искренней, непередаваемой радостью на том самом листке бумаги, на котором должен был написать денежную расписку, написал заявление общему собранию колонии, чтобы меня снова приняли в число воспитанников.

— Хорошо, — одобрительно сказал Антон Семенович. — А теперь иди подкрепись. Я знал, что ты придешь, и дал распоряжение дежурному по кухне, чтобы тебе приготовили покусать, а затем отправляйся на отдых в теплую спальню. Это лучше, чем на вокзале.

Возбужденный и окрыленный вышел я из кабинета. На дворе дул холодный, пронизывающий ветер, падал густой снег, но мне было легко, приятно и по-настоящему радостно...

Общее собрание колонии, обсудив заявление, удовлетворило мою просьбу, и я снова был принят в дружную семью горьковцев...

Оксана Иваненко

НАСТОЯЩАЯ ЖИЗНЬ

Бесконечно больно и грустно писать об Антоне Семеновиче — умершем. Вспоминать Антона Семеновича — это вспоминать колонию имени Горького, — самые радостные, восторженные мои годы. На всю жизнь осталась у меня благодарность к А. С. Макаренко за то, что эти годы наполнены были захватывающей работой, что росла я под руководством такого талантливого, интересного, требовательного педагога, большого моего друга.

Было мне восемнадцать лет, я училась на втором курсе Харьковского института народного образования, работала в дошкольном детском доме. Вдруг я решила на летние каникулы поехать в колонию имени Горького. Колония помещалась тогда еще в первой своей резиденции — на моей родине под Полтавой, в бывшей усадьбе колонии «малолетних преступников».

Родные и знакомые пришли в ужас. Какие только слухи не ходили о колонии, о Макаренко! Говорили, что это чуть ли не старая казарма, аракчеевское поселение, где Макаренко не расстается с револьвером, чтобы держать воспитанников в повиновении; и его «методы» воспитания ничего общего не имеют с педагогикой. Меня поддерживала только мама — тоже учительница. Она была немного знакома с Антоном Семеновичем еще по работе в школе. Хотя она и говорила, что Макаренко педагог особенный и что, действительно, у него не так, как везде, и что он очень строгий, требовательный, и работать у него надо серьезно, и лучше бы я отдохнула дома, — но всё-таки сама передала ему о моем желании.

Я до сих пор помню, с каким волнением шла я в Наркомпрос, где должна была встретиться с Антоном

Семеновичем. В уме я готовила целое изложение своего педагогического кредо, моих воззрений на воспитание «трудных» детей и почему мне хочется поехать на практику именно в колонию Горького. (Честное слово, мне самой это было неизвестно, на практику нас никто еще не посылал, но даже то, что это колония имени Максима Горького, привлекало меня.)

Я сидела в коридоре, очень волновалась и уже немножко малодушно хотела, чтобы наше свидание не состоялось.

Но никаких педагогических разговоров вести мне не пришлось. Дверь открылась, и вошел Макаренко, — как всегда, подтянутый, с военной выправкой, во френче, — внимательно посмотрел на меня сквозь очки.

— Вы дочка Лидии Николаевны? Хотите к нам в колонию? — спросил он, поздоровавшись. — А в спектаклях будете участвовать? Выступали когда-нибудь?

— Выступала, — смущенно пролепетала я и вдруг, испугавшись, что он меня не возьмет, быстро добавила: — Я очень люблю играть, я часто на вечерах выступала.

— Вот и хорошо! — улыбнулся Антон Семенович. — Мы новый спектакль готовим, а актрис не хватает. А сейчас у нас жнива — снопы вязать умеете?

— Нет, — честно призналась я.

— Ну ничего, научим. Так когда за вами лошадей прислать?

— Завтра утром! — храбро ответила я.

Мне так и не пришлось за всё лето вспомнить ни лекций по педагогике, ни схем обследования «трудновоспитуемых», ни тестов и анкет, которыми снабдили меня преподаватели института. В колонии вообще не слышно было слов «педагогично», «непедагогично», об этом как будто никто и не думал, но в том-то и заключалось всё великое искусство талантливого педагога, что всё до мелочей было продумано и учтено.

— У нас педагогика здравого смысла — это настоящая, новая, советская педагогика, — говорил Антон Семенович.

Мы были все заняты жнивами, молотьбой, по вечерам разучивали «Бунт машин» А. Толстого, и весь тон колонии, жизнерадостный, бодрый, был так непохож на серые будни детдомов и коллекторов с обязатель-

ными бесцельными «трудпроцессами», характеристиками, тестами, со скучающими ребятами, не знающими, куда приткнуться себя, чем заняться, и удирающими при первом удобном случае.

Мало кто не знаком сейчас с «Педагогической поэмой» Антона Семеновича и мало кто не восхищается теперь его методами. Но какую тогда пришлось выдержать ему борьбу с чиновниками от педагогики, с сердобольными соцвосовскими дамами, как трудно было отстаивать ему свое большое, настоящее дело! Конечно, и у нас были в педагогическом мире друзья, которые поддерживали Антона Семеновича, но вначале их было очень мало, и сами они шли не по проторенным дорожкам.

После множества детских домов, где мне приходилось бывать, мне казалось, что я попала в какой-то замечательный оазис, «на Марс», шутя говорил Антон Семенович. Вначале я побаивалась его, исключительно требовательного к себе и другим, но в своих требованиях всегда четкого, точного. Я видела, что вся моя педагогическая подготовка, все теории перевоспитания, психоанализы, педология — всё это тут ни к чему. Немного мне было страшно и того, как я «справлюсь» с воспитанниками (между ними, кстати сказать, были и мои ровесники, и старше меня). Но недаром на одном съезде педагогов Антон Семенович на вопрос: «Как же воспитываете вы?» — ответил: «Воспитывают все триста пятьдесят колонистов». В первые же дни мой страх прошел: так четко, налаженно лилась жизнь колонии, что при моем искреннем желании влиться в эту жизнь я сразу почувствовала себя на твердой почве. Как будто никаких особенных требований не предъявлял Антон Семенович воспитателям. Точно исполняйте свои главные и рабочие дежурства, — и всё. Многие даже упрекали Антона Семеновича, что он подавляет инициативу воспитателей, ищет «чиновников», исполняющих беспрекословно его волю. Но это была грубая ошибка. Он, правда, терпеть не мог краснобаев, болтунов (так же, как и среди колонистов), но ценил и берег энергичных, инициативных, преданных делу работников. Недаром он сумел организовать такой крепкий коллектив. Правда, трудно было угнаться за его творческим размахом, наряду с ним всё бледнело,

он был главным вдохновителем и организатором, но вся жизнь колонии была организована так, что все — и воспитатели, и самые младшие воспитанники, и сапожник, и портниха, и старик конюх — чувствовали на себе ответственность за большое общее дело.

Главное, что почувствовала я с первых дней, — это любовь к работе у всех, то особенное отношение к работе, как к делу чести и геройства, которым отмечается наше социалистическое отношение к труду, стахановское движение, ударничество. Для нас всех было честью и гордостью работать в 4-м сводном отряде, попасть в отряд вязальщиц на празднике первого снопа; я была счастлива, как никогда, когда на молотье меня поставили «на столик» — подавать снопы — и сам Антон Семенович меня похвалил.

Работа невероятно сближала всех, и после первых рабочих дежурств я почувствовала себя дома, и началась моя большая дружба и с Макаренко и с колонистами, причем, несомненно, одно зависело от другого. Антон Семенович подчеркивал, что его радуют всегда простые дружеские отношения между воспитателями и воспитанниками, но ни в коем случае не переходящие в фамильярность. Я помню, вечерами, уже после сигнала спать, я, старшие хлопцы, которые готовились в том году поступить на рабфак, — первые наши студенты, — оставались часто в крошечном, но уютном кабинете Антона Семеновича, и начинались бесконечные разговоры о книгах, театре, о колонии. С Антоном Семеновичем колонисты, и хлопцы и девчата, делились всем, — он знал всё, что с кем происходит.

Чем дольше я жила в колонии, тем больше меня поражал и восхищал его педагогический талант. На вечернем собрании после рапортов Антон Семенович часто выступал с речью, разбирая какой-нибудь эксцесс, происшедший днем и отмеченный в рапорте командира или дежурного по колонии. Мне всегда жаль было, что его речи на этих вечерних собраниях нельзя было застенографировать. Ничего общего не имели его выступления с нотациями или выговорами. Казалось, он говорил не с ребятами, а с сознательными взрослыми гражданами, ответственными за свои поступки. Он не боялся делать глубокие обобщения, исторические сравнения, и его слушали всегда как замороженные.

Его авторитет был непоколебим, и в то же время как просто, непринужденно чувствовали себя с ним все хлопцы. И как верили ему во всем — ведь Антон Семенович сделал их жизнь такой увлекательной, интересной; каждый малыш имел чувство собственного достоинства, с гордостью носил звание колониста.

Вспоминаю один смешной факт, характеризующий отношение воспитанников к Антону Семеновичу. Это было еще в первые годы колонии, и об этом мне рассказала одна из старых воспитательниц. За дивчиной-колонисткой стал ухаживать какой-то хлопец из села; родители были согласны на их брак, но поставили условием, чтобы молодые венчались. Поразмыслив, Антон Семенович и педагоги мудро решили закрыть на это глаза — был это 22-й или 23-й год, — дивчина была не из особенно способных, к учебе особенного рвения не чувствовала, хлопца она любила: решили не мешать ее счастью, отправить на село, и там пусть себе и повенчается.

Но в день свадьбы возникло препятствие: дивчина пустилась в рев и заявила, что, пока Антон Семенович, «батько рідний, не поблагословить сам іконою, никуди вона не пі́йде». Воспитатели стали в тупик. Пришлось пуститься на хитрость и успокоить ее тем, что Антона Семеновича срочно вызвали в город.

Колония так увлекала, что осенью мне было очень грустно разлучаться с ней, к тому же Антон Семенович очень уговаривал остаться на постоянную работу. Всё же мне очень хотелось учиться, и я уехала, дав слово приехать на будущее лето. Со мной уехали на экзамен и наши первые студенты, и я дала Антону Семеновичу слово поддерживать с ними дружбу, помогать им.

Всю зиму мы переписывались, Антон Семенович сообщал последние колонийские новости, я расписывала, как в институте делала доклады о колонии Горького, и что все «не понимающие нас» — мои личные враги, а сочувствующие — друзья по гроб жизни, и что на будущее лето я привезу еще свою подругу. На другое лето колония переехала во вторую свою резиденцию — бывшее имение помещиков Трепке. Еще я помнила руины, но теперь там всё утопало в цветах, главный дом был прекрасно отремонтирован. С какой гордостью показывали мне Антон Семенович и хлопцы

помещения, свинарни и, главное, на месте конюшни — театр!

Я приехала с моей подругой Ривой. Хлопцев и девчат было в два раза больше, прибавилось и много новых воспитателей, преимущественно молодежи. Приехали на каникулы студенты. Все мы, конечно, всё свободное время крутились вокруг Антона Семеновича, и он был очень доволен, что мы внесли столько оживления, литературных споров, стихов, шума и веселья...

Конечно, было не без романов. Антон Семенович был в курсе всего и говорил:

— Пожалуйста, влюбляйтесь, заводите романы, но только в колонии! Только между собой! Тогда вы все будете еще больше любить колонию!

Он был страшно доволен, когда, не без его участия, поженились две пары и, особенно, что он провел это приказом. Так же был он страшно доволен, когда женились его воспитанники.

Я теперь вспоминаю, как он подбирал воспитателей — прямо как хороший дирижер управлял оркестром.

— Мне нужны разные, — смеялся он, — я люблю наблюдать ваши дежурства: вот дежурит наша старая гвардия, например Л. П. — она пылинки не пропустит и слова не спустит: всё подтягивает и приводит в порядок — вожжи натянуты. Дежурят Оксана, Рива, Ляля, Алексей — вожжи понемногу ослабевают, но какое хорошее настроение, смех, шум! Ничего, что немного вожжи отпускаются! Это тоже нужно. И ваши студенческие споры, и стихи — всё это нужно, только надо всё это чередовать, — добавлял он улыбаясь.

В то лето мы особенно ощущали расцвет и рост колонии, и то лето было каким-то особенно радостным. Организовали комсомольскую ячейку, получили первое письмо от Алексея Максимовича Горького. Я еще больше подружилась с Антоном Семеновичем, хотя мы без конца с ним спорили и он всегда меня поддразнивал моим увлечением рефлексологией, но всё-таки я очень гордилась, что со мной и с Ривой он вдруг затеял провести тайно от всех одно «научное» наблюдение. Мы решили изучать объективно «тон» колонии по звукам и движениям! Антон Семенович разработал целую схему, и в один определенный час мы садились и записы-

вали все звуки. Ничего у нас не вышло, но не объективно, а субъективно мы были очень довольны. А тон колонии был ясен без наблюдений.

Я помню, как-то с Антоном Семеновичем мы шли по парку. Только что прошел летний теплый дождь. Около главного здания, где проходил летний ремонт, на площадке строили «курени», чтобы переехать туда на лето. Все были захвачены работой, с реки тянули очерет, отряд старался перещеголять другой.

— Люблю, когда строят, — сказал Антон Семенович, — мы всегда должны строить, сооружать — ни минуты застоя. Это настоящая жизнь, и это должно быть главным!..

Это лето Антон Семенович часто делился с нами своими мечтами о расширении колонии — на тысячу человек:

— Колония всегда должна расти, ставить какие-то большие хозяйственные цели, быть всегда на дрожжах, — а тут нам расти некуда. Нам надо всегда мечтать и приводить мечты в действительность!

Мечтать — этому он учил и колонистов. Мечтали и мы все, и, конечно, мы обещали после окончания института — нам оставался последний курс — вернуться в колонию.

Зимой у нас была самая тесная связь с колонией. Антон Семенович часто приезжал в Харьков, где учились я, Рива и старшие хлопцы. Каждый его приезд, конечно, был для нас праздником.

— Ну, девочки, сегодня веду вас в театр!

В институте по нашим сияющим физиономиям уже угадывали и говорили:

— Оксанин и Ривин батко приехал.

Теперь уже вдвоем с Ривой мы старались «научно-рефлексологически обосновать теорию колонии Горького». Вспоминая «мечты» Антона Семеновича и колонистов, мы вспоминали павловский «рефлекс цели» и с еще большим рвением отстаивали на наших семинарах систему Макаренко. Ту зиму мы жили жизнью колонии, так как Антон Семенович всерьез задумал переехать на новое место. Сначала говорили о Хортице, но каково же было наше разочарование, когда после одного заседания он сообщил нам, что переедут в Куряж под Харьков. Куряж мы хорошо знали.

— Как! Антон Семенович, из нашего рая, с нашего Марса, от Коломака, от сосен в эту помойную яму!

Мы чуть не плакали. Хлопцы-студенты, наоборот, были довольны. У Семена Калабалина уже загорелись глаза — он уже предвидел широкое поле деятельности. Коля Шершнев тоже поддерживал. Конечно, им улыбалось всегда быть близко от колонии.

— А какие у нас будут мастерские, какая школа, какой огород! А как мы пройдемся по Харькову-Первого мая! — расписывал нам Антон Семенович. — И вы же с Ривой поедете работать? Я не представляю мольбы без вашего визга!

— Конечно, поедем, — уныло говорили мы, — но наша вторая колония, и парк, и лес... — стонали мы.

Куряж действительно был помойной ямой, и как непохожи были питомцы Куряжа на подтянутых, дисциплинированных, вежливых, приветливых горьковцев! Но через год Куряж был неузнаваем. Где только бралась у Антона Семеновича эта энергия, эта сила заражать всех окружающих одним желанием и вести за собой большой коллектив. Он ни на минуту не успокаивался, всегда стремился еще к чему-то лучшему, большему, более совершенному, он вникал и учитывал все мелочи колонийского быта, теперь уже такого сложного и многогранного. Жизнь изменилась. Колонию «признали», у нас без конца бывали гости, делегации, экскурсии, которые восхищались колонией и, по правде, немного мешали работать. Колонию уже нельзя было сравнить с той маленькой колонией на сто человек в сосновом лесу, когда для того, чтобы пошить новые костюмы, надо было ту же «підтягти очкури». О! Теперь уже на Первое мая девочкам и мальчикам душили платочки одеколоном и была введена колонийская форма, и, правда, когда мы проходили по Харькову, все любовались стройными рядами горьковцев. Но Антон Семенович уже думал о большем — в его ведении были все колонии Харьковского округа, и он начинал строить коммуны Дзержинского.

Меня Антон Семенович перевел работать в Управление колониями, Риву — в коммуны Дзержинского. Но один большой колонийский праздник мы праздновали, конечно, в нашей колонии — приезд Алексея Максимовича Горького.

Рано утром выстроился небольшой отряд горьковцев с Антоном Семеновичем на вокзале. Я была с ними и никогда не забуду этой минуты. Медленно подошел поезд. В окне я увидела высокую фигуру Горького. Он выглянул в окно.

— Антон Семенович Макаренко здесь? — был его первый вопрос.

Как-то мальчишески живо Антон Семенович подбежал к окну и протянул руку.

Это была настоящая большая награда за весь тот большой, нецененный труд, за бессонные ночи, за борьбу с рутиной и формализмом.

Через несколько лет вышла «Педагогическая поэма», и сколько педагогов, отцов, матерей, не отрываясь, прочитали ее по нескольку раз и задумывались над воспитанием своих детей, и как больно, грустно, что сейчас, когда вопросы школы, воспитания детей стоят особенно в центре внимания, — нет этого талантливейшего друга молодежи, который всю жизнь отдал трудному, но благородному делу.

Н. Е. Кислова

ИМ НУЖНА МАТЕРИНСКАЯ ЛАСКА

Я знала А. С. Макаренко около двадцати лет и даже некоторое время работала фельдшерницей в колонии имени Горького.

Хочу объяснить, почему я, учительница по специальности, стала медработником.

Я учительствовала пятьдесят лет, из них тридцать четыре года — в поселке Зеленцев. Это было глухое местечко, и я оказалась здесь единственным образованным человеком.

Бывало чуть что — идут к учительнице: написать жалобу или прошение, разобраться в документах. Шли ко мне и за медицинской помощью. Помогала как могла. Но скоро поняла: нельзя так лечить — «на глаз». Сельская учительница должна разбираться и в медицине. Я поступила на фельдшерские курсы. До Советской власти так и работала — учительницей и фельдшером.

С Антоном Семеновичем Макаренко я познакомилась не то в 1907, не то в 1908 году. Необыкновенно яркий, умный, приветливый и талантливый человек, он всегда был окружен молодежью.

Мне трудно передать всё обаяние Антона Семеновича. Он был неутомим, работа так и кипела в его руках. Он так увлекался своей работой, так умел заразить других любовью к детям, что многие из наших знакомых под влиянием Антона Семеновича стали педагогами.

Я часто приезжала в Крюков, где тогда работал Антон Семенович, заражая всех своей неутомимой энергией.

Его всегда окружали дети. Строгий и требовательный, он, тем не менее, был необыкновенно любим ими.

Ребята, как говорится, так и липли к нему. Даже после уроков, наскоро дома пообедав, они снова бежали в школу — там обязательно что-то делалось: шла подготовка к очередному субботнему вечеру, клеились игрушки к новогодней елке или обдумывался план посадки сада и цветников. И, конечно, в центре всего — Антон Семенович.

Вечерами учителя часто собирались вместе: беседовали об учениках, читали что-нибудь интересное, пели. Антон Семенович очень любил хоровое пение. Сам он хорошо играл на скрипке, неплохо рисовал. И всегда новым, свежим веяло от этих встреч, работалось после них куда лучше.

Помню, приехал на каникулы знакомый студент-медик Коля Согредо, ему приходилось бывать на лекциях И. П. Павлова, и он с увлечением рассказывал об этом великом ученом и его опытах. Макаренко с живым интересом слушал Колю и не раз говорил:

— Вот бы съездить, поучиться еще...

А каким чутким, внимательным человеком был Антон Семенович!

Помогая людям, он делал это незаметно, легко и естественно, как дышал.

У меня сохранилось письмо, в котором Антон Семенович писал мне, что хлопочет о нашей знакомой Марусе Начевной, дочери рабочего из Диканьки. Она очень хотела учиться. «В ближайшие дни, — говорилось в письме, — постараюсь узнать результаты совета и в случае надобности буду Вам телеграфировать. Сегодня должен быть у С., буду выяснять вопрос о комнате для Маруси».

Особенно трогательно Антон Семенович относился к детям, хотя никогда его огромная нежность к ним не проявлялась в сентиментальности и излишней ласке. Простой и искренний с детьми, он требовал от нас того же.

Никогда не забуду один эпизод. Тогда я работала в колонии имени Горького. Произошло это летом. Полевые и огородные работы были в разгаре, и ко мне в медицинский пункт то и дело прибегали дети: того оса ужалила, другой ногу уколол, у третьего что-то в ухо попало, а некоторые просто придумывали себе болезни. Нечего греха таить — обманывали они меня.

В медпункте стоял гул, я «оказывала помощь». Вдруг совершенно неожиданно в медпункт вошел Антон Семенович и ахнул:

— Откуда столько больных? Чем больны? Что вы такое делаете, Надежда Ефимовна?

— Как что? Лечу...

— Что? Не приучайте их чуть что лечиться. — И ребятам: — И не стыдно вам? Пальчик уколол, в носу защекотало? Разве вы старики? Умейте терпеть пу-стяковую боль. Ну-ка, живо!

Пристыженные ребята вмиг исчезли... Их как ветром сдуло... Антон Семенович присел и вдруг сказал то, чего я совсем не ожидала:

— Это я при них так разбушевался, я вам скажу: это очень хорошо, что ребята тянутся к вам, копошатся около вас. Вы думаете, правда у них что-то колет или за ухом чешется? Нет, им нужна материнская ласка, участие... Прикосновения теплых материнских рук — вот что они хотят!.. И так хорошо, что они этого хотят.

Потом, помолчав, добавил:

— Но вы их к нежностям не приучайте, делайте это как-нибудь иначе, без марли и йода, ласкайте их так, чтобы они сами этого не замечали.

И ушел.

«Им нужна материнская ласка»... Никогда не забуду, как он это сказал!

Еще долго я работала с детьми и в самые трудные минуты постоянно вспоминала эти замечательные слова. Да, им всегда нужна материнская ласка. И надо уметь их ласкать взглядом, улыбкой, кивком головы, добрым словом и при этом справедливо и много требовать, как это умел делать Антон Семенович.

Антон Семенович всю свою жизнь посвятил детям. Уважать детей, видеть в них будущее Родины, смело воспитывать в детях лучшие качества советского человека учит нас светлая жизнь великого педагога — Антона Семеновича Макаренко.

Н. Э. Фере

МОЙ УЧИТЕЛЬ

Трибы и Ковалевка

Дорога от Штеповских хуторов до Полтавы считалась в 1921—1922 годах далеко не безопасной. С наступлением сумерек и конные и пешие путники, направлявшиеся по ней в Полтаву, предпочитали остановиться на хуторах, чтобы тронуться в дальнейший путь только с рассветом.

Сразу же за хуторами дорога, мощенная булыжником, входила в густой молодой лес, и только за два-три километра от окраины города начинался открытый ее участок в пойме Коломака. Вблизи от дороги не было никаких селений, и лишь в одном месте, в глубине леса, виднелась крыша сторожки лесника.

Весной 1922 года мне пришлось побывать у этого лесника по делу об отводе одной лесной делянки. Я рассчитывал заблаговременно возвратиться домой, в Полтаву, но задержался и только на заходе солнца выбрался в обратный путь. Моим спутником был старый кустарь-корзинщик, заготавливавший вблизи сторожки лозу.

Добравшись по узкой тропинке до харьковского большака, мы ускорили шаги, чтобы поскорее миновать неприветливый лес.

Мы шли уже минут двадцать, когда сзади послышался шум мотора. Скоро нас обогнал легковой автомобиль. Шофер вел машину на большой скорости, и на ухабах ее бросало из стороны в сторону. Напуганный вид одного из пассажиров заставил встревожиться и меня и моего спутника.

— Не иначе, от кого-то удирают! — сказал корзинщик, и это было похоже на правду.

Когда уже кончился лес и старик несколько раз истово перекрестился, считая, что все опасности миновали, наше внимание привлек грохот конной гарбы, доносившийся сзади. И тут же послышался шум телеги, приближающейся спереди, со стороны Полтавы.

Мы решили на всякий случай сойти с дороги под откос. Скоро гарба, запряженная парой взмыленных лошадей, пронеслась мимо. Человек десять ребят разного возраста с вилами, палками, кольями в руках стояли и сидели в ней. Один из них, могучего телосложения, воинственно держал оглоблю, на конце которой развешивался кусок веревки. Невдалеке от нас гарба поравнялась с телегой, едущей ей навстречу, и обе повозки тотчас остановились. Сразу наступила тишина.

С телеги быстро соскочил мужчина средних лет в пенсне и громким голосом строго спросил:

— Ребята, вы куда?

Стройный черноволосый парень весело ответил за всех:

— Вас отбивать ехали, Антон Семенович.

— Ну, на этот раз я и сам отбил. Поворачивайте, ребята, назад. А ты, Семен, пойдешь со мной, расскажешь всё, что у вас там произошло.

Телега тронулась, гарба потянулась за ней.

Ребята теперь весело разговаривали, бросив вилы, колья и палки на дно гарбы. Оглоблю положили поперек повозки, и на ней восседал великан, поразивший меня своим могучим телосложением. Теперь в нем не было ничего грозного и воинственного.

Мы поднялись по откосу на дорогу. Мой спутник сказал:

— Это ребята из колонии, которая вон там, слева от дороги, находится. А то — их заведующий. Строгий-то какой! Ребята страсть как его боятся.

В моей памяти сразу всплыли многочисленные слухи, ходившие среди обывателей Полтавы и о колонии и о ее заведующем. Говорили, что там восстановлены старые методы воспитания, что там не признают никакой педагогики. Однако все соглашались, что заведующий колонией, бесспорно, талантливый человек, имеет большое влияние на колонистов и они за него готовы идти «в огонь и в воду»...

Мне стало досадно, как это я сам не догадался, что

за ребята ехали в гарбе и кем был тот человек в пенсне. Я пожалел, что не обратил должного внимания на Макаренко, личность которого не могла меня не заинтересовать.

Вскоре распространились слухи о последних событиях в колонии, связанные с тем, что я видел на харьковском большаке.

Рассказывали, что инспектор Полтавского наробраза, арестовав Макаренко за нарушение какой-то бюрократической формальности, выехал в колонию — назначить нового заведующего. Ребята же, узнав об аресте Антона Семеновича, якобы избили инспектора и заперли его в подвал, а сами, захватив наробразовский автомобиль, помчались в Полтаву и с боем освободили своего «атамана». Возвратившись с воспитанниками домой, Макаренко с позором выгнал инспектора, а автомобиль оставил у себя как трофей...

Желание узнать правду об этом происшествии и вообще о колонии и ее заведующем не покидало меня.

Однажды, возвращаясь с охоты, я шел вдоль реки Коломак и на берегу заметил трех мальчиков в одежде колонистов. Они сидели, свесив ноги с крутого обрыва, и ели арбуз.

Я подсел к ним и попытался было завести разговор об их житье-бытье, но по односложным ответам ребят понял, что они относятся ко мне с недоверием.

Тогда я прямо спросил:

— Правда ли, что заведующего вашей колонией хотел арестовать какой-то начальник из наробраза, а вы, ребята, этого не допустили?

Старший из колонистов, вихрастый парнишка, весело переглянулся со своим товарищем, которого он называл Цыганом:

— А вы разве не слышали, как было дело?

Я отрицательно покачал головой, и вихрастый паренек, с сожалением посмотрев на меня, начал подробно рассказывать, «как было дело», испытывая видимое удовольствие от воспоминания об этой славной истории.

...Как-то утром заведующий уехал в Полтаву, а около двенадцати часов в колонию на автомобиле примчались два начальника. Позже ребята узнали, что это

были инспектор наробраза Шарин и председатель губернской инспекции Черненко.

Шарин вызвал дежурного воспитателя Ивана Ивановича Поповиченко (Осипова) и потребовал, чтобы тот провел его в кабинет заведующего. Там Шарин объявил, что Антон Семенович Макаренко арестован и в колонию больше не вернется. Инспектор даже вскрыл стол Антона Семеновича и начал вытаскивать оттуда бумаги. После такой «подготовки» Шарин предложил остолбеневшему Ивану Ивановичу принимать колонию и подписать соответствующий акт, который был уже заранее приготовлен.

Вертевшиеся возле кабинета ребята с молниеносной быстротой разнесли по колонии известие об аресте Макаренко. Большая часть колонистов в это время работала в поле, а в самой колонии оставались только малыши. Но среди них был кряжистый парень лет пятнадцати-шестнадцати — Супрун (Бурун). По словам рассказчика, Супрун, вообще говоря, считался тихим парнем, которого не так-то легко вывести из себя...

Дежурный воспитатель не успел еще и слова сказать, как в кабинет Антона Семеновича ворвались колонисты во главе с Супруном. Схватив Шарина за лацканы пальто, Супрун начал с силой трясти его. Со всех сторон неслись негодующие крики:

«Куда вы упрятали нашего Антона?»

Черненко попытался было помочь Шарину высвободиться из рук Супруна, но перед ним вырос целый лес ребячьих кулаков, и он, решив, что в это дело лучше не вмешиваться, начал пробиваться к двери, а вслед за ним стал пятиться и незадачливый Шарин.

Шофер, слышавший угрозы ребят, предусмотрительно завел машину и, когда его пассажиры, отступавшие под натиском колонистов, вскочили в автомобиль, сразу же дал полный ход. В это самое время возвращалась с поля пустая гарба, управляемая Семеном Калабалиным (Карабановым), за нею шел отряд старших ребят. Еще издали они поняли, что в колонии творится что-то неладное, и тотчас примчались к месту происшествия.

Но автомобиль уже отъезжал. Раздались крики:

«Упустили!»

Семен Калабалин крикнул:

«Едем отбивать Антона!»

И человек десять — двенадцать старших ребят, а среди них мои знакомцы — вихрастый паренек с Цыганом — вскочили в пустую гарбу.

Из всех воспитателей, находившихся в тот момент в колонии, сохраняла относительное спокойствие только Елизавета Федоровна Григорович (Екатерина Григорьевна). Но события развивались с такой быстротой, что повлиять на их ход она не могла и только удерживала ребят от чрезмерно агрессивных действий. В последнюю минуту, когда колонисты уже вскакивали в гарбу, Елизавета Федоровна успела собрать узелок с кое-какими вещами и едой.

«Нá, возьми! — крикнула она Калабалину. — Там, в Полтаве, отдашь Антону Семеновичу».

«Зачем Антону всё это, мы его самого сюда привезем!»

Чтобы попасть на харьковский большак, нужно было проехать с километр узкой прямой дорогой среди молодого леса. Как только гарба выехала на эту дорогу, ребята увидели, что автомобиль забуксовал перед самым выездом на шоссе. Шарин круглыми от ужаса глазами смотрел на приближавшуюся повозку, а его спутник, Черненко, изо всех сил подталкивал автомобиль сзади. Положение беглецов становилось критическим. Ребята уже готовы были соскочить с гарбы, и... трудно сказать, что произошло бы дальше. Но шофер в последнюю минуту догадался кинуть свой ватник под буксовавшее колесо, и автомобиль рывком выехал на шоссе... Досада ребят была так велика, что доставшийся им в качестве трофея ватник шофера они изорвали в клочья...

— Ну, а если бы вы настигли автомобиль, что бы вы сделали? — прервал я рассказ.

— На машину и — в Полтаву, отбивать Антона! — не задумываясь, ответил Вихрастый.

Ребята помчались дальше, в Полтаву, на выручку Макаренко. А Антон Семенович в это время уже возвращался в колонию. Его освободил из-под нелепого ареста начальник милиции, возмущенный самодурством наробразовцев.

...Вихрастый парень, недоверие которого ко мне уже

прошло, рассказал и о последствиях столь негостеприимного приема в колонии Шарина и Черненко.

Ребята решили, что Шарин будет мстить и арест Антона Семеновича может в ближайшее время повториться. Поэтому они приняли свои предупредительные меры против этого...

Теперь, когда Антон Семенович собирается в город, рассказывал Вихрастый, кто-нибудь из старших ребят обязательно просится ехать вместе с ним, притворяясь больным. В Полтаве «больной» сразу начинает чувствовать себя лучше и уверяет Антона Семеновича, что, пожалуй, не стоит зря ходить в больницу и беспокоить врачей, а после этого уже ни на шаг не отходит от Макаренко.

В самой колонии ныне установлено постоянное наблюдение за прямой дорожкой, ведущей через лес к большаку: оттуда могут появиться «подозрительные» люди. У самого начала дороги, со стороны колонии, находится кузница; ребята, работающие в ней, и являются главными наблюдателями...

Однажды, когда рабочий день уже заканчивался, к Антону Семеновичу в кабинет вбежал старший кузнец, колонист Осадчий, и заявил, что его подручный Галатенко залез на сосну, упал и не может подняться. Антон Семенович в сопровождении ребят быстро направился в лес.

Возле небольшой сломанной сосенки, на которую вообще нельзя было залезть, лежал Галатенко и стонал... Как я узнал потом, Галатенко был тем самым великаном с оглоблей в руках, чей богатырский вид в свое время поразил меня на шоссе.

На вопрос Антона Семеновича, как он себя чувствует, этот здоровенный парень жалобно ответил, что у него «в грудях пече, а в боци коле».

Но тут из колонии подросли еще несколько ребят, и один из них что-то шепнул Осадчему. Тот просигнализировал Галатенко: «Кончай волюнку, всё спокойно!» И тогда больной решительно заявил: «Годи, полегшало», — и поднялся.

— В чем же дело было? — недоумевая, спросил я вихрастого рассказчика.

— Не поняли? — удивился он.

Оказалось, что ребята, работавшие в кузнице, заметили, как со стороны большака на дорогу, ведущую

к колонии, свернул какой-то вооруженный отряд. Предполагая, что отряд направляется не иначе как за Антоном Семеновичем, Осадчий сразу же послал в лес своего подручного и приказал ему симулировать падение с дерева, а сам помчался к Антону Семеновичу, чтобы поскорее выпроводить его из колонии. Галатенко выполнил распоряжение Осадчего очень бестолково, но цель всё же была достигнута. Только когда подошедшие позже ребята шепнули Осадчему, что опасность миновала — вооруженный отряд проследовал через усадьбу колонии без остановки, — Осадчий разрешил Галатенко «выздороветь».

— А как сам Антон Семенович ко всему этому относится? Неужели он не знает обо всех этих ваших предупредительных мерах? — спросил я Вихрастого.

Тот, не задумываясь, с уверенностью, поразившей меня, ответил:

— Конечно, знает! Антон Семенович такой человек: ты еще не начал думать, а он уже знает, что ты будешь думать!

— Да что твой Антон — колдун? — вмешался в разговор Цыган.

— Колдун не колдун, а вот вечером на собрании посмотрит на тебя и спросит: «Цыган, где ты арбуз сегодня стащил и кто тебе помогал?» И ты думаешь, откажешься? Врешь, всё ему расскажешь. Это тебе не детдомовские тетеньки, а Антон! Понял? Антон! Его вокруг пальца не обведешь.

Третий колонист, которого я мысленно уже назвал Молчаливым, оторвал свой мечтательный взгляд от воды и тихо сказал:

— Ребята, я знаю... Антон — это всё равно, как Ворошилов на коне... И всё насквозь видит!..

Издали послышались трубные сигналы. Ребята вскочили:

— Э, да мы на обед опоздаем! — и исчезли в прибрежных кустах.

Рассказ колониста заставил меня глубоко задуматься: кто же на самом деле этот Макаренко, о котором столько вздорных слухов распространяется в Полтаве? Как сумел он заслужить такую беззаветную преданность ребят? Ведь не случайно же в их представлении

Антон Семенович — настоящий полководец, «Ворошилов на коне».

Прошло, однако, больше года, прежде чем мне удалось лично познакомиться с А. С. Макаренко.

Моя знакомая, бухгалтер Е. А. Пышнова, поступившая на работу в колонию, однажды предупредила меня, что Антон Семенович подыскивает себе помощника — специалиста в области сельского хозяйства. Это и послужило предлогом для знакомства.

Наша встреча состоялась в начале апреля 1924 года, в Полтавском отделе народного образования. Был уже вечер. В полутемной комнате, утомленный спорами с работниками губнаробраза, Антон Семенович принял меня не очень приветливо. Ни о чем не расспрашивая, он сразу заговорил о положении хозяйства колонии.

Колония имени М. Горького, расположенная пока еще в маленьких Трибах, должна освоить полученное ею большое хозяйство в Ковалевке, на другом берегу реки Коломак. Колония испытывает серьезные затруднения с продовольствием. Земли в Трибах немного, около двенадцати гектаров, а почва — сыпучий песок. Урожайи иногда даже не покрывают расходов на семена. В Трибах невозможно правильно организовать труд колонистов, являющийся основой воспитательно-педагогической работы с ними. В Ковалевке же до 80 гектаров земли и почва хорошая — чернозем; там есть луга и сад. Туда, во вторую колонию, назначен заведующим Иван Петрович Ракович (Горович) и уже переброшен отряд колонистов.

Сельское хозяйство должно быть построено на научных основах и вестись образцово. Поэтому, сказал Антон Семенович, он и решил пригласить в качестве своего помощника специалиста-агронома.

Он ставил задачу — во что бы то ни стало успешно закончить предстоящий весенний сев и уже в этом году полностью обеспечить потребность колонии в овощах, а в будущем году — в жирах и в молоке. Он подчеркнул, что не может быть и речи о привлечении для сельскохозяйственных работ какой бы то ни было наемной рабочей силы, кроме небольшого числа руководителей-специалистов. Пусть ребята на первых порах будут

выполнять ту или иную работу и хуже, чем опытные рабочие, но они должны почувствовать полную ответственность за свое хозяйство и не быть нахлебниками государства. Может быть, и не все колонисты сразу захотят работать как следует, нужно суметь правильно подойти к ним, сделать работу интересной, развить в них чувство гордости за хозяйственные успехи колонии.

Поэтому, сказал Антон Семенович, он хотел бы, чтобы его помощник по сельскому хозяйству был не только сведущим агрономом, но в такой же степени и чутким педагогом-воспитателем.

Антон Семенович не скрывал трудностей работы, не скрыл он и своих сомнений в моих силах — я был еще молод, только три года назад, в 1921 году, окончил вуз, а педагогической деятельностью не занимался вовсе. Однако весна была не за горами, и он сказал, что если я согласен работать, то необходимо не позднее середины апреля приступить к делу в Ковалевке.

Я раздумывал — как ни молод я был, у меня хватило жизненной опытности, чтобы отчетливо представить себе, какой нелегкий путь ожидает меня. А неприветливый прием Антона Семеновича вызвал еще опасение, что мне не удастся с ним сработаться. Мелькнула мысль отказаться от дальнейших переговоров, но молодость взяла свое: она подсказала мне, что пренебречь интересной работой под руководством талантливого человека только потому, что эта работа трудна, — признак непростительной слабости.

В назначенный день, 14 апреля 1924 года, к моей квартире подкатила двуколка — «бида», которой управлял паренек двенадцати-тринадцати лет.

Надо было ехать, но рой противоречивых мыслей снова овладел мною.

— А он поедет с нами? — доверчиво спросил маленький возница, показывая рукой на моего пса Трубача, вертевшегося около биды.

Что мог я ему ответить? Сказать, что Трубач поедет, если хозяин поедет, а вот хозяин сам не знает, что ему делать? Быть может, этот доверчивый вопрос паренька и решил мою судьбу.

Отбросив всякую нерешительность, я весело сказал: — Конечно, едет, вместе с хозяином!

Погрузив мой несложный багаж на двуколку, мы поехали в Ковалевку, минуя Трибы, где в то время находился Антон Семенович.

По дороге паренек, передав мне вожжи, резвился с Трубачом, то забегал вперед, то отставал и, только утомившись, присаживался в биду отдохнуть.

К вечеру, по весенней распутице, мы наконец добрались до Ковалевки. Моя работа в колонии началась.

Весна уже вступила в свои права. Наши соседи начали пахоту и боронование, а кое-кто и сев. Надо и нам выезжать в поле без промедления...

На другой день, в восемь часов утра, возле конюшни собрались колонисты и воспитатели. Еще не зная ни земельных участков, ни рабочей силы, ни оборудования, я сразу же вынужден был начать распоряжаться — указывать, кому, что, где и как делать... Ясно, что раздумывать о каком-то специальном подходе к ребятам было просто невозможно. Надо было поспеть всюду: в одном месте наладить плуг, в другом отрегулировать сеялку, в третьем показать, как надо очищать семена, в четвертом ускорить погрузку мешков с семенами, в пятом отмерить участок под бахчу, в шестом помочь запрячь лошадь...

С первого же дня у меня установились по-деловому хорошие отношения с ребятами. Может быть, это потому и произошло, что, весь поглощенный делом, я не вел никаких специальных «педагогических» разговоров, а сам работал и требовал от ребят работать в интересах колонии.

Сталкиваясь с ними повседневно, я видел, что в их представлении колония и Макаренко — одно неразрывное целое. За глаза ребята часто называли Антона Семеновича просто Антоном. Хотя и воспитатели и я боролись с этой фамильярностью, но искоренить ее не удавалось. По правде говоря, эта борьба была только формальной. Нам никогда не приходилось слышать, чтобы колонист, назвавший Макаренко Антоном, сделал это пренебрежительно или с досадой. Наоборот, когда ребята говорили: «Наш Антон», — за этим всегда чувствовалось их уважение и нежность к своему наставнику.

Ребята видели и чувствовали, что колония, руководимая Антоном Семеновичем, нужна прежде всего им самим, так как помогает каждому из них забыть свое

тяжелое прошлое и ясной, понятной дорогой ведет к хорошей, трудовой жизни. Поэтому и работали они, как правило, хорошо.

Среди ребят второй колонии находился Молчаливый — один из тех трех колонистов, с которыми я встретился прошлой осенью на берегу Коломака. Как-то мы вместе возвращались с поля и разговорились об Антоне Семеновиче. Макаренко обещал Молчаливому разыскать его мать и сестренку, от которых мальчик случайно отстал во время эвакуации в годы гражданской войны.

Бесхитростная вера в Антона Семеновича так и сквозила во всех словах Молчаливого, когда он рассказывал об этом.

— Антон Семенович всё может сделать, если пообещает! ¹

Я узнал от Молчаливого, что Вихрастый стал уже командиром отряда в Трибах, а Цыган из колонии убежал. Однако Молчаливый тут же уверил меня, что Цыган обязательно вернется к Антону Семеновичу:

— Ему теперь без нашей колонии не жизнь!

Многие колонисты инстинктивно угадывали основную цель и смысл всех педагогических усилий своего строгого воспитателя. Но то, в чем так хорошо разобрались ребята, осталось непонятым горе-ученым и многим педагогам того времени, еще отравленным идеями буржуазной педагогики. Они не видели и не хотели видеть ту новую педагогическую правду, которую так чутко отыскивал в самой советской жизни Макаренко. Но об этом я расскажу после.

Недаром Антон Семенович предупреждал меня, что я должен быть не только агрономом, но и воспитателем. Однажды, в разгар посевной страды, он прислал мне из первой колонии записку с просьбой обязательно принять участие в назначенной им политбеседе, даже если мое отсутствие неблагоприятно отразится на выполнении сельскохозяйственных работ.

Темой беседы была знаменитая речь В. И. Ленина на III Всероссийском съезде комсомола.

¹ А. С. Макаренко позже действительно выполнил свое обещание Молчаливому разыскать его родных.

— Я уже не первый раз беседую с вами на эту тему, — начал Антон Семенович, — но среди нас есть новые работники, и мне кажется необходимым еще раз остановиться на этом замечательном творческом документе марксизма, излагающем основные теоретические вопросы воспитания молодежи в духе коммунизма.

Он с увлечением излагал содержание ленинской речи и обратил наше особое внимание на два утверждения Владимира Ильича:

«Надо, чтобы всё дело воспитания, образования и учения современной молодежи было воспитанием в ней коммунистической морали».

«...на место старой учебы, старой зубрежки, старой муштры мы должны поставить умение взять себе всю сумму человеческих знаний, и взять так, чтобы коммунизм не был бы у вас чем-то таким, что заучено, а был бы тем, что вами самими продумано...»

Я понял тогда, что в этом именно и заключались основные принципы той педагогической системы, которую неустанно разрабатывал Макаренко, принципы всей его повседневной педагогической деятельности. Он хотел, чтобы и наши действия зиждились на этих же основах.

После политбеседы Антон Семенович задержал меня и попросил рассказать о том, как работают колонисты, какие возникают недоразумения и трудности в процессе общения с ними... Разговор затянулся, и меня поразило, как глубоко Антон Семенович знает колонистов, как озабочен их безостановочным движением вперед. Когда я ограничивался только общими рассуждениями и не давал характеристики отдельным ребятам, на лице Антона Семеновича появлялось недовольное выражение. Ему хотелось знать всё про всех...

Я сказал Антону Семеновичу, что при проверке работы пахарей обнаружил разницу между полевыми участками, вспаханными в моем присутствии, и участками, вспаханными без меня. Желая поскорее освободиться, ребята после моего ухода уменьшали глубину вспашки и быстрее погоняли лошадей, а завидев меня, устанавливали плуг на нужную глубину. Поэтому я принял за правило — не менее трех-четырех раз в течение дня проверять качество работы отдельных отрядов. Антон Семенович не только одобрил это решение, но потребовал усиления контроля за выполнением и

Цветники (1927 год). Слева видна часть центрального здания, в котором находились кабинет А. С. Макаренко, столовая и клуб. Справа — паперть, где ночевал отряд колонистов после переезда в Куряж.

Снимок А. С. Макаренко

других заданий. Он видел в таком контроле один из способов приучить ребят относиться к делу с чувством глубокой ответственности.

Потом разговор естественно перешел на тему сегодняшней беседы, и Антон Семенович высказал мысль о том, что, устраняя былую бессмысленную муштру в воспитательной работе, мы должны сохранить некоторые внешние формы старой дисциплины, наполнив их принципиально новым содержанием.

— Добиться этого нелегко, — говорил он, — но нужно. Без строгой дисциплины не обойтись.

Так как объем сельскохозяйственных работ во второй колонии непрерывно увеличивался, приходилось ежедневно перебрасывать в Ковалевку значительную часть колонистов из Трибов. Это было хлопотно, сопряжено с излишней потерей времени и сил, а кроме того, по дороге ребят невольно вводили в искушение хуторские сады, огороды и бахчи. Очень скоро посыпались жалобы. Владельцы «соблазнов» начали устраивать засады в часы движения отрядов. Колонисты восприняли это как открытие военных действий против них, и «война» началась. Пришлось Антону Семеновичу энергично вмешаться в этот конфликт, и любители чужих арбузов, яблок и прочих даров земли на некоторое время были лишены права работать во второй колонии, а вместе с тем и удовольствия выкупаться в реке Коломак, через которую дважды переправлялись колонисты по пути в Ковалевку и обратно.

«Война» с хуторянами ускорила давно намеченное Антоном Семеновичем объединение обеих колоний в единый, целостный коллектив. Без этого невозможно было добиться правильной организации всей воспитательной работы. В августе—сентябре 1924 года хозяйство в Трибах было ликвидировано, и весь коллектив воспитанников и воспитателей собрался в Ковалевке.

...Там расцвело хозяйство колонии. Расцвела и наша усадьба — и не только в переносном, но и в буквальном смысле этого слова.

Вырашивая тепличную рассаду капусты и помидоров, я оставил часть парников под рассаду цветочную. Позднее она была высажена на клумбах перед основ-

ным корпусом колонии. Ребята с любовью ухаживали за цветами, и, несмотря на недостаток рабочих рук в разгар полевых работ, совет командиров, с полного одобрения Антона Семеновича, всегда выделял необходимое число колонистов для работы на клумбах. Но и помимо этого всегда находилось немало желающих поработать в свободное время на наших цветниках. Только немногие из ребят относились к ним безразлично или с пренебрежением. К числу последних принадлежал и колонист Галатенко, тот огромный детина, о котором я уже вспоминал. Довольно долго он выполнял обязанности водовоза, но потом был «разжалован» за грубость и по наряду совета командиров назначен на работу в оранжерею. Это назначение имело воспитательный смысл: Галатенко попадал в дружный коллектив наших цветоводов, занятых «тонким» делом...

Однажды, зайдя в оранжерею, Антон Семенович поразился, увидев, с каким напряжением и тщательностью Галатенко пикирует при помощи маленькой расщепленной палочки бегонию, стебельки которой не толще конского волоска. Отведя меня в сторону, Антон Семенович признался, что всё время ждал моего заявления с просьбой забрать Галатенко из оранжереи ввиду полной его неспособности к столь деликатной профессии. Я рассказал, с каким интересом работает Галатенко, как освоил он режим оранжереи и как ревностно его поддерживает.

— Есть у него, правда, одна странность, — добавил я: — всем цветам он дал свои названия и не признает общепринятых.

— Как же он их называет? — заинтересовался Антон Семенович.

— По Галатенко, роза — «дивчина», левкой — «хлопец», резеда — «духи», бегония — «перепелочка», львиный зев — «зайчики», лобелия — «крестики», зимний флокс — «мамаша», портулак — «дети», агау — «лев»... — перечислял я.

Антон Семенович начал доискиваться происхождения этих названий, и скоро мы довольно точно установили ход мыслей Галатенко, неясным оставалось только, почему для агау он выбрал название «лев». За разъяснением пришлось обратиться к нему самому. Оказалось, что он видел в хрестоматии картинку «Лев

в пустыне», на которой рядом со львом были изображены растения, похожие на агау...

Метаморфоза с Галатенко очень обрадовала Антона Семеновича. Присев на скамеечку возле оранжереи, он задумался, а затем высказал мысль, что если у Галатенко так быстро развивается понимание красоты и любовь к ней, то надо и у других колонистов поддерживать и всемерно развивать чувство прекрасного. И тут же Антон Семенович предложил расширить производство до таких пределов, чтобы в будущем году колония, что называется, утопала в цветах.

Стараясь не попасть впросак и быть действительно полезным для колонии, я внимательно присматривался ко всей организации воспитания ребят и особенно к мерам воздействия на провинившихся. Я старался уловить не только отдельные педагогические приемы Антона Семеновича, но и их взаимную связь, открыть в них черты постоянства и внутреннюю закономерность.

Сначала мне казалось, что у Антона Семеновича наверняка есть записная книжка, в которой указано, какому наказанию следует подвергать колонистов за тот или иной проступок.

Однако уже скоро я заметил, что только организационные формы воспитания оставались у Макаренко сравнительно неизменными, тогда как в мерах воздействия никакого постоянства не было. Очень часто за один и тот же проступок Антон Семенович наказывал различно, а иногда и вовсе не наказывал. Но такая «нечеткость» вовсе не удивляла и не возмущала ребят: они, видимо, хорошо понимали, почему Антон Семенович в разных случаях по-разному относится к одним и тем же проступкам.

Прошло еще некоторое время, и мне стало понятно, что в системе воспитания, которую создавал Макаренко, главную роль играли вовсе не наказания, а меры, позволявшие предупредить совершение дурного поступка ребенка.

Антон Семенович блестяще раскрывал ребячьи провинности. Его мастерству удивлялся не только я, но и опытные воспитатели, а больше всего — сами ребята, твердо верившие, что «от Антона скрыть ничего нельзя».

...В конце августа на нашей бахче происходили события,

распутать которые Антону Семеновичу удалось не сразу.

В том году был исключительный урожай бахчевых. За обедом каждому колонисту выдавался целый арбуз, и за ужином ребята получали арбузы. Но, несмотря на это, находились любители посетить и самую бахчу.

Она охранялась специальным отрядом во главе со старшим колонистом Лопотецким (Лапоть). Однако сторожа оказались недостаточно бдительными — как-то утром они обнаружили, что ночью на бахче побывал вор и притом изобретательный: он вырезал примерно у двадцати больших арбузов по солидному куску, а корки аккуратно положил на место, так что сразу трудно было заметить подвох.

Вечером на совете командиров Лопотецкий грозил «зарезать того гада», который испортил столько хороших кавунов. Но найти виновного не удалось, хотя явным доказательством того, что вор был из числа колонистов, служила пропажа на кухне ножа, случившаяся накануне... Утром следующего дня я услышал со стороны бахчи крики и плач. Решив, что ребята поймали «гада» и Лопотецкий приводит сейчас свои угрозы в исполнение, я поспешил на шум. Но через минуту успокоился, увидев, что это Лопотецкий с возмущением отчитывает за нерадивость двух своих помощников.

— Смотрите, Николай Эдуардович, — закричал он мне, — что тот трижды гад наделал! — И показал рукой в сторону куреня.

Там зрел огромный арбуз, который ребята собирались подарить Антону Семеновичу. Они вырезали на его зеленой поверхности пятиконечную звезду, вокруг нее — надпись: «Зажжем мировой пожар», а ниже — посвящение: «Антону С. Макаренко», и еще ниже подпись: «От кол. кол. Горького». Ребята, по-видимому, вырезали сначала «Антону Макаренко», но сообразили, что это звучит непочтительно, и втиснули букву «С» — «Семеновичу». Последняя строка означала — «от колонистов колонии Горького». Арбуз получил название «комиссар» и под неусыпным наблюдением ребят хорошо рос и был известен всем колонистам, с нетерпением ожидавшим момента, когда они смогут преподнести свой подарок Антону Семеновичу. А чтобы какой-нибудь «зеленый», то есть новичок, не польстился на этот кавун, Лопотецкий свой сторожевой курень поставил

вблизи «комиссара». И вот теперь я увидел, что вор побывал и здесь: сделал и в этом арбузе вырез, приладив корку аккуратно на место.

Отчаянию Лопотецкого не было предела, и он грозил «трижды гаду» «перегрызть горло собственными зубами». Ребята, дежурившие ночью, заявили, что они слышали шорох во тьме, такой, будто возле них проползла змея. Лопотецкий справедливо ругал их за ротозейство.

Весть о кощунстве над «комиссаром» с быстротой молнии распространилась по колонии. Все только об этом и говорили. Возбуждение ребят нарастало. Лопотецкий и кое-кто из старших колонистов уже начали самовольно производить допросы. Антону Семеновичу пришлось решительно призвать их к порядку. Он предложил самозванным следователям заниматься своим делом, а сам в течение всего дня внимательно наблюдал за колонистами.

Наступил вечер. Возбуждение ребят всё никак не могло улечься. В кузнице Лопотецкий мастерил что-то похожее на капканы, которые он собирался расставить на подходах к бахче.

Когда, наконец, раздался сигнал «на общее собрание», ребята, полные нетерпеливого ожидания, со всех ног бросились в клуб.

Антон Семенович прежде всего предложил всем командирам дать ему списки отсутствующих на собрании членов отрядов и указать причины их отсутствия. Затем выступил Лопотецкий, красочно рассказавший все подробности происшествия на бахче; были допрошены ребята, слышавшие шорох — «как будто змея проползла»; рассказали о своих подозрениях все командиры отрядов. Но ничего нового не выяснилось. Антон Семенович опустил глаза, задумался, и на некоторое время в клубе воцарилась полная тишина.

— Ну что же, давайте разузнаем пока, кто из ребят особенно любит арбузы, — вдруг предложил Антон Семенович.

Были названы пять-шесть колонистов. Последней говорила Мухина (Левченко) — командир отряда девчат. Она сказала, что в ее отряде больше всех любит арбузы Валя...

Это была худенькая, невысокая девочка, прибывшая в колонию из Харькова всего несколько месяцев назад.

Она вела себя тихо и ничем не выделялась среди наших девочек. Но в специальном письме харьковского наробраза, сопровождавшем Валу, указывалось, что она была наводчицей в крупной банде, занимавшейся обкрадыванием квартир. При одном неудачном ограблении банда, по сигналу Вали, успела скрыться, а ее задержали. Однако прямых улик против девочки не оказалось, и она была передана в приемник харьковского наробраза... За ее дальнейшей судьбой налетчики внимательно следили. Через несколько часов после передачи Вали в приемник они ее выкрали оттуда. Но скоро Валу задержали вторично и направили к нам, в Полтаву. В письме указывалось, что за нею должен быть установлен специальный надзор: попытка выкрасть ее может повториться...

Когда Мухина назвала имя Вали, Антон Семенович даже привстал от неожиданности. Казалось, он был поражен какой-то внезапной догадкой. Но минуту спустя он сказал своим обычным, спокойным голосом:

— Валя, подойди сюда, к столу...

Лицо Вали, когда она шла меж скамеек, а потом стояла возле Антона Семеновича, выражало только недоумение: зачем ее вызвали? Заподозрить причастность этой тихой девочки к делу с кавунами было, в самом деле, просто невозможно.

— Зачем ты без разрешения взяла нож на кухне? — тем же спокойным голосом спросил Антон Семенович.

— Я не брала ножа, — пожалуй, слишком поспешно ответила Валя.

Эту-то поспешность сразу уловил Антон Семенович и начал наступление:

— Нет, Валя, ты взяла нож, и будет нехорошо, если я сейчас пошлю дежурного и он найдет его в твоих вещичках. Где ты его спрятала?

Валя немного помолчала, потом негромко ответила:

— Он в матрасе, там дыра, я его туда засунула...

Через несколько минут дежурный положил злополучный нож на стол перед Антоном Семеновичем. Ребята перешептывались, в клубе нарастал шум, но в голосах колонистов слышалось скорее удивление, чем возмущение.

— Валя, ты очень любишь арбузы? — продолжал допрос Антон Семенович.

— Очень. Я никогда их раньше не ела.

— А зачем ты клала корки от кусков, вырезанных тобою, на старое место?

— Я думала, они прирастут, — серьезно ответила Валя.

Теперь заговорили сразу все: и для ребят и для всех нас было полной неожиданностью, что «трижды гадом», «оборотнем, прикинувшимся змеей», оказалась эта маленькая худенькая девочка. Лопотецкий, уже забыв о своей угрозе «перегрызть горло гаду», начал подговаривать ребят попросту нарвать после собрания побольше крапивы...

Антон Семенович строго посмотрел на него, и Лопотецкий сразу затих.

— Валя, ты дашь слово общему собранию, что не будешь никогда лазить на бахчу и портить арбузы?

— Да, я больше этого делать не буду, — тихо ответила она.

Антон Семенович поставил на голосование предложение простить Валу, и ребята довольно дружно проголосовали за это. Только Лопотецкий, члены его отряда да еще несколько ребят «воздержались»... Валя села на свое место, а Антон Семенович поставил на обсуждение собрания еще некоторые — уже вполне мирные — вопросы жизни колонии.

Когда все разошлись, Антон Семенович задержал Лопотецкого. Поговорив с ним о разных хозяйственных делах, он сказал, прощаясь:

— Если я узнаю, что ты хоть как-нибудь обидел Валу, то уходи из колонии сам. Всё равно уволю. Так и ребятам передай.

Сказано это было словно между прочим, но так, что Лопотецкий понял: Антон Семенович не шутит!

После собрания, когда я возвращался домой под впечатлением всего, что видел и слышал в клубе, мне показались наивными, чтобы не сказать просто глупыми, мои прежние мысли о записной книжке Антона Семеновича, в которой будто систематизированы все наказания за те или иные проступки колонистов...

Каждое необычное происшествие в жизни ребят, а то и просто изменение в их настроении или поведении, подчас совсем незаметное, для Антона Семеновича оказывалось серьезным поводом к тому, чтобы начинать

искать иное решение уже однажды решенного вопроса и находить новые формы педагогического воздействия на колонистов. Именно так, в повседневной практике, вырабатывал Антон Семенович свою систему воспитания. Главным в ней было внимание к «человеку в ребенке», гибкость и отсутствие трафарета в подходе к ребятам.

На следующий день случай с арбузом был уже забыт. Только «капканы» Лопотецкого, валявшиеся за ненадобностью возле куреня, еще некоторое время напоминали о той вспышке ребячьих страстей, которую Антон Семенович так мастерски погасил.

Среди применявшихся Антоном Семеновичем наказаний был выговор с объявлением в приказе в день праздника Первого снопа, в день рождения А. М. Горького или в день другого ближайшего колонийского праздника.

Сначала я не понимал смысла этой воспитательной меры. Мне казалось, что наказание, исполнение которого отложено надолго, теряет свое значение. Кроме того, думал я, разве можно омрачать общий для всех колонистов праздник кому-нибудь одному из них? Это непедагогично.

Но скоро я заметил, что практически до объявления такого выговора дело никогда не доходит: тот, кто предупрежден об ожидающем его позоре, быстро исправляется, и совет командиров отменяет свой выговор еще до наступления праздника. В моей памяти сохранился поучительный случай.

Колонист Рогоза,¹ мальчик лет двенадцати, очень живой и предприимчивый, обладал одной «слабостью». Замечательно плавая под водой, он любил порезвиться в реке, но при этом терял всякое чувство меры — часто неожиданно выныривал среди купающихся крестьянских девушек или детей, подымал дикий визг, пугал их до смерти и вновь исчезал под водой... Увидев как-то нашего старшего конюха Силантия Семеновича (Отченаша), купавшего в реке лошадь, он решил и над ним

¹ Рогоза — по-украински тростник: это было прозвище, подлинную фамилию я уже забыл, как забыл и настоящие имена Молчаливого, Цыгана и некоторых других. Если им попадутся на глаза мои воспоминания, пусть они не посетуют на меня за это.

подшутить — подплыл незаметно, чтобы схватить его под водой за ногу, но не рассчитал и вместо ноги Силантия поймал ногу лошади. Та вздыбилась, опрокинула Силантия, а самого шутника едва не убила.

Поведение Рогозы несколько раз обсуждалось на совете командиров, и он обещал исправиться, но стоило ему окунуться в воду, как он забывал все свои обещания... Однажды по Коломаку катались на лодке отдыхающие, приехавшие из Полтавы. И вдруг кто-то выпрыгнул из воды за кормой, схватил за косу одну из сидевших в лодке девушек и едва не стащил ее в воду... Но на этот раз Рогозе не удалось удрать. Катающиеся поймали его и, голого, доставили в колонию, прямо в кабинет заведующего. И тут терпение Антона Семеновича, как говорится, лопнуло. По его предложению совет командиров постановил: «За хулиганские поступки объявить Рогозе выговор в день праздника Первого снопа. Запретить ему участвовать вместе со всеми колонистами в косьбе первого снопа».

Праздник приближался, и перспектива лишиться права принимать в нем участие показалась Рогозе такой обидной, что он не только перестал хулиганить на реке, но вообще разлюбил купаться. Накануне праздника Первого снопа выговор ему был отменен.

Месяц без Макаренко. Театр. Школа

В начале 1925 года Антон Семенович получил отпуск и решил поехать в Москву. Во все предыдущие годы, с самого основания колонии, он ни разу не отдыхал, потому что, как говорил он, у него не было «свободной души». Руководство колонией на время своего отпуска Антон Семенович решил поручить мне. Я сознавал, какая большая ответственность ляжет на мои плечи, помнил о своей педагогической неопытности, и мне очень не хотелось браться за эту работу. Однако от всех моих доводов и возражений ничего не осталось, когда Антон Семенович грустно сказал:

— Ну что ж, придется и в этом году не идти в отпуск...

Дольше отказываться стало невозможно. Но на душе у меня было беспокойно, и я попросил Антона

Семеновича на всякий случай оставить мне необходимую инструкцию. Он улыбнулся:

— Вы в колонии уже работаете почти год, хорошо знаете наше хозяйство и организацию воспитательно-педагогического процесса, — ведь вы незаметно тоже участвуете в его разработке. Опыта, подобного нашему, не было в прошлом, нет в настоящем ни у нас, ни за границей. Если общие положения, которые легли в основу воспитания колонистов, верны, то, возвратившись из отпуска, я найду колонию еще более окрепшей. Все отклонения от нормы покажут слабые стороны в нашей организации дела. Прошу вас смотреть на мой отъезд, как на один из методов проверки нашего опыта, и поэтому разрешите мне никакой специальной инструкции вам не давать. Могу только посоветовать побольше бывать с колонистами, опираться на лучших из них, не упускать из внимания ни одной мелочи, не плестись на поводу у ребят, а вести их вперед...

В ответ на мою просьбу дать на крайний случай хоть свой московский адрес Антон Семенович махнул рукой и сказал:

— Где остановлюсь — не знаю, а если бы даже и знал, то мой адрес вам совершенно не пригодился бы. Заочно управлять жизнью колонии и вообще давать какие-либо указания и советы, не зная обстановки, трудно. Все мои советы будут приходиться с большим опозданием, и если вы их будете дожидаться сложа руки, — причините колонии большой вред.

Свой отъезд Антон Семенович постарался сделать малозаметным, вел себя так, будто уезжает всего на один-два дня. Но видно было, что ему нелегко даже ненадолго покинуть колонию, как нелегко мастеру оторваться от своего творения.

На общем собрании колонистов, когда Антон Семенович уже уехал, я сообщил ребятам, что он будет отсутствовать целый месяц. Подавленным молчанием встретили ребята мои слова, на их лицах было уныние, а у некоторых малышей даже выступили слезы.

В течение всего этого месяца я находился в напряженном состоянии, непрерывно ожидая каких-нибудь «сюрпризов». Однако колонисты, как бы понимая, что наступил ответственный момент в жизни колонии — проверка накопленного Антоном Семеновичем нового педа-

гогического опыта, — вели себя на редкость дисциплинированно и учились хорошо. Но всё же в ту пору случилось два происшествия, о которых следует рассказать.

...Как-то утром в колонии появился нарочный с письмом от начальника милиции станции Полтава-Южная. Начальник сообщал, что у одного спекулянта, задержанного при посадке в поезд, отобран мешок с тридцатью килограммами овса; причем на мешке имеется надпись: «Колония имени М. Горького». Подозревая, что овес украден в колонии, он предлагал нам прислать кого-нибудь за этим овсом.

Сообщение начальника милиции крайне огорчило меня не только потому, что был неприятен самый факт кражи, но и потому, что похищен был именно овес. Ребята очень любили наших животных — лошадей, телят, собак — и иногда сами недоедали, чтобы оставить кусочки хлеба и мяса своим любимцам. Овса для лошадей у нас и без того было мало, и вдруг — такая кража!

Ничего не говоря о полученном письме, я послал заведующего хозяйством на станцию за этим мешком. Когда он вернулся, я вызвал Братченко, командира отряда колонистов, работающих на конюшне, и его двух помощников. Мое подозрение, что в пропаже овса повинны именно они трое, вызвало со стороны Братченко такое искреннее удивление, а затем и возмущение, что я поверил в его непричастность к этому делу. Однако помощники Братченко были смущены, хотя тоже категорически отрицали свою вину. Когда я показал им мешок как вещественное доказательство кражи, зоркий глаз Братченко тотчас обнаружил, что овес не наш: наш чистый, а в этом попадаются зерна ячменя. Я немного успокоился, чувство обиды на ребят прошло, но дело оставалось всё же темным. Ну хорошо, овес не наш, а мешок-то ведь колонийский! Как он попал к спекулянту? Не кроется ли за этим какой-нибудь другой, еще более скверный проступок ребят?

Я сказал им, что верю в их честность, но так как овес не принадлежит нам, то его надо вернуть обратно. Мне казалось, что именно так поступил бы Антон Семенович. Мои слова вызвали негодование ребят, особенно помощников Братченко.

— Как? Отдать овес обратно? — шумели они. — Раз он попал к нам, значит он наш! Чем мы будем

кормить лошадей, ведь они у нас почти целый месяц не видят овса!

Откровенно говоря, я надеялся, что нам не придется возвращать этот неожиданный дар милиции, но мне хотелось услышать, что скажут ребята. Их преувеличенно выраженное возмущение подсказывало, что они, пожалуй, всё-таки что-то скрывают. Отпустив Братченко, я задержал его помощников и потребовал от них объяснений. Неловко переминаясь и смущенно переглядываясь, ребята, наконец, выложили всю правду.

Один их знакомый парень из Ковалевки, сын зажиточного крестьянина, попросил ребят помочь ему перевезти в соседнее село несколько мешков хлеба и никому об этом не говорить. Ребята согласились, но потребовали «за услугу» полмешка овса для лошадей колонии. Когда хлеб был перевезен, ребята дали парню наш мешок, чтобы он принес обещанное. Парень же, нарушив слово, продал овес вместе с мешком проезжему спекулянту. Ребята считали, что овес они «честно заработали», и поэтому незачем его возвращать.

Вопрос, конечно, не был таким простым, как это казалось ребятам. То было время, когда кулаки и их прихвостни всячески саботировали выполнение хлебопоставок по продналогу. Сами того не понимая, колонисты помогли одному из таких сабогажников скрыть от государства хлеб.

На общем собрании я разъяснил это притихшим ребятам, сказал о помощи, которую они невольно оказали кулакам, и о вреде, который причинили самой колонии; предупредил их, что возможны и в будущем попытки наших врагов втянуть колонистов в подобные преступления против Советского государства... И когда я говорил это, я снова вспоминал Антона Семеновича, который учил каждого из нас всегда видеть за малым большое, за второстепенным главное.

Другое происшествие было совсем иного рода.

Дежурные воспитатели несколько раз сообщали мне, что по вечерам в глубине нашего сада иногда раздаются какие-то странные, приглушенные взрывы, а однажды была видна даже вспышка огня. Мне и самому приходилось слышать отдаленный, довольно резкий

шум, но я не обратил на него внимания, как и на сообщение дежурных. И вот как-то вечером, во время ужина, на территории колонии раздался оглушительный грохот, от которого задрожали, а кое-где и выпали оконные стекла. Все ребята и воспитатели бросились во двор. Пробежав немного, мы увидели, что из вылетевших окон пекарни валит дым. Пожар! Я немедленно распорядился о доставке воды. Но ребята, проникшие в пекарню, дали знать, что огня нигде нет.

Колонистка Варя, помогавшая нашему пекарю, стояла передо мной в растерянности, с крайне смущенным видом, и это выдало ее с головой. Оказалось, что ребята, начитавшись исторических романов, в которых описывались торжественные салюты в честь полководцев, решили встретить Антона Семеновича пальбой! Где-то в куче старого железа они подобрали поломанное шомпольное ружье, а из обрезков водопроводных труб смастерили несколько «самопалов» и по вечерам испытывали их в глубине сада. Опасаясь, что подобные опыты могут быть запрещены, они тщательно скрывали свои намерения и от меня и от воспитателей. Между тем подготовка к салюту шла полным ходом. Ребятам удалось достать на селе запас оружейного пороха, долго хранившегося в земле, и они передали его для просушки в пекарню колонистке Варе. Закончив выпечку хлеба и дождавшись ухода пекаря, Варя положила порох на печку, а сама пошла ужинать...

Это событие заставило меня еще раз оценить совет Антона Семеновича — не упускать из внимания ни одной детали колонийского быта. В самом деле, как легко было бы своевременно предотвратить этот взрыв!

Но, кроме того, история с порохом показала, что и я и воспитатели совсем упустили из виду необходимость подготовиться к встрече Антона Семеновича, и в этом деле, которое имело ведь и несомненное педагогическое значение, инициатива оказалась в руках ребят. И тут я вспомнил еще один совет Макаренко: не плестись на поводу у колонистов, а вести их за собой!

Стремясь исправить свое упущение, я поставил вопрос о встрече на общем собрании. Решено было встретить Антона Семеновича в строю, а на станцию послать делегацию. Пальбу из самопалов после долгих прений всё-таки отменили.

Телеграмма о приезде Антона Семеновича всколыхнула колонию и обсуждалась всеми — от мала до велика. Поезд прибывал в Полтаву рано утром. На станцию поехали в двух санях: одни предназначались для Антона Семеновича, в других отправилась делегация. Задолго до возвращения саней все ребята были уже во дворе. Высланный навстречу верховой два раза подымал ложную тревогу, но наконец примчался с клятвенным заверением, что «по-настоящему едут». Все колонисты выстроились, и наступила тишина. Но удержать ребят в строю не удалось. Едва только Антон Семенович вышел из санок, как колонисты бросились к нему. Ряды смешались, раздалось громогласное «ура», и мой рапорт потонул в гуле восторженных криков. Попытка Антона Семеновича внешне сохранить спокойствие никого не могла обмануть. Все его жесты, все слова говорили о бесконечной радости, о глубокой душевной взволнованности.

Остаток дня Антон Семенович неумоимо бродил по колонии, заглядывал во все ее уголки и без конца беседовал с ребятами. Я видел, что ему не терпелось тотчас уловить перемены, которые могли произойти в его отсутствие.

Вечером, после собрания колонистов, почти все воспитатели собрались в кабинете у Антона Семеновича. Он щедро делился с нами своими московскими впечатлениями, рассказал о жизни столицы, о своих встречах, о музеях и театрах, в которых побывал...

Антон Семенович обладал способностью увлекать и вдохновлять слушателей, о чем бы он ни говорил. И его рассказ о московских театрах, о спектаклях Художественного театра «На дне» и «Горячее сердце», которые он посмотрел по два раза, так глубоко взволновал нас, что, когда он сказал в заключение: «А хорошо бы нам организовать собственный театр в колонии», — мы встретили его слова шумным одобрением.

Беседа затянулась до глубокой ночи. Прощаясь со всеми, Антон Семенович задержал меня:

— Теперь никто нам не помешает, и я смогу выслушать ваш отчет и принять дела.

Антон Семенович слушал мой недолгий рассказ молча и только изредка прерывал его краткими замечаниями. Но когда я заговорил о подготовке ребят к

«шумной» встрече, он начал весело улыбаться, а потом сказал, что ему уже удалось узнать сегодня об этом кое-какие новые подробности. Затевалось гораздо более серьезное дело, чем я предполагал. Ребята, разведав, что кулаки с Михайловских хуторов где-то спрятали в разобранном виде небольшую пушку, решили во что бы то ни стало добыть ее и притащить в колонию, а затем произвести салют. С этой-то целью они и запаслись оружейным порохом, который взорвался по неопытности Вари. Взрыв расстроил их планы, и после этого Варя несколько дней ходила заплаканная, так как ребята понимали ее за провал такого, по их словам, «мирового дела»...

Я имел случай еще раз упрекнуть себя в том, что не обращал должного внимания на «мелочи»: я ведь не заметил, что с Варей что-то происходило после истории с порохом!

— Поверьте мне, — добавил Антон Семенович, — такие, как Калабалин, Братченко, Лопотецкий, да и многие другие, хоть из-под земли, а пушку бы достали. Я в этом несколько не сомневаюсь. И вы только представьте себе, какое действительно «мировое дело» началось бы для всех нас, если бы ребята осуществили свой план! Как только это дошло бы до губнаробраза, Шарин и другие с перепугу потребовали бы послать против колонии весь полтавский гарнизон!..

Закончив сдачу дел и пожелав Антону Семеновичу спокойной ночи, я невольно подумал о том, что я вот смогу теперь спать спокойно, но сможет ли спать спокойно Антон Семенович, это сомнительно... Разве можно предугадать, какие «мировые дела» зарождаются сейчас в головах наших предприимчивых колонистов?

И до поездки Макаренко в Москву у нас ставились иногда спектакли, но лишь от случая к случаю. Мысль о создании театра в колонии, безусловно, созрела у Антона Семеновича в Москве, а последнее из происшествий, случившихся во время его отсутствия, лишний раз подтвердило педагогическую необходимость осуществления этого замысла.

На третий день после ночной беседы о театре начались репетиции. Таков уж был Антон Семенович: если

у него появлялась плодотворная идея, он стремился сразу претворить ее в жизнь.

Обязанности режиссера, а часто и главную роль в ставящейся пьесе исполнял он сам. Антон Семенович обладал несомненными актерскими способностями. Роль городничего в «Ревизоре» была им сыграна блестяще. Хорошо играл и воспитатель Иван Петрович Ракович. Были талантливые исполнители и среди колонистов, но нам, как правило, не хватало артисток для женских ролей. Одна моя знакомая, любившая и знавшая театр, несколько раз выступала по просьбе Антона Семеновича в колонийских спектаклях. Она рассказывала мне, как глубоко освещал Антон Семенович во время репетиций роль каждого действующего лица, как преследовал он малейшие попытки иных нерадивых актеров схалтурить, как умело выходил из затруднений при постановке сложного действия на нашей необорудованной сцене. Хотя репетиции и затягивались порою до двух-трех часов ночи, никто из участников будущего спектакля никогда не высказывал недовольства: Антон Семенович умел вовремя поднять настроение уставших актеров интересным рассказом, веселой шуткой, комической сценкой.

Для театра был отведен пустовавший мельничный сарай без потолка. Установленные в нем временные печи не могли нагреть это помещение даже до мало-мальски сносной температуры. Однако холод никого не смущал. Актеры дрожали, но играли с подъемом. Хуже, чем другим, приходилось суфлеру, который от холода иногда так стучал зубами, что уже не мог внятно произносить многословные реплики, за что ему попадало и от режиссера и от актеров. Зрители тоже дрожали, но не уходили до самого конца спектакля. После спектакля у них еще хватало терпения минут десять-пятнадцать аплодировать участникам представления. По установившейся традиции к зрителям должны были выходить не только актеры и режиссер, но и суфлер и все рабочие сцены.

Наш театр посещали и свои, и сельская молодежь, и люди преклонного возраста. Иной раз можно было наблюдать, как во время спектакля какой-нибудь «дидусь» сперва начнет зевать, а потом и заснет. Разбудишь его и посоветуешь пойти домой. Но «дидусь» не

соглашается уходить: «Как же уйти, не услышав, убьет он врага своего или нет? Как же я не всё расскажу своей старухе? Смотри, еще не поверит, что в театр ходил!»

Большинство наших актеров, как и большинство зрителей, раньше никогда не бывало в театре. Оттого-то и те и другие частенько настолько увлекались действием, происходившим на сцене, что оно им начинало казаться происходящим в жизни. И поэтому в ходе спектакля нередко возникали совершенно непредвиденные эпизоды, чаще всего наивные и комические, в которых принимали участие не только актеры, но и зрители. Антона Семеновича такие сцены всегда поражали своей глубокой непосредственностью, и он не очень осуждал ребят за их актерские вольности.

Из первых постановок того времени мне особенно запомнилась одна. Название пьесы я забыл, но содержание ее более или менее точно запечатлелось в моей памяти.

Трое англичан — два купца и один матрос, — уцелевшие во время кораблекрушения, попали на остров, жители которого еще не знали денег, были честны, добры, независтливы. Купцы немедленно воспользовались доверчивостью островитян и начали выманывать у них золото и драгоценные камни. Они уверили молодую королеву острова, что матрос — королевский сын, и она согласилась на брак с ним. Матроса тяготила ложь, навеянная ему купцами, и он рассказал королеве всю правду о себе. Но она уже любила его, и они решили вдвоем покинуть остров. Об этом, однако, узнали жрецы. Они подняли народ против англичан. Матрос был убит, а купцы с награбленным добром пытались скрыться на лодке, но погибли во время бури. При всей наивности этого романтического сюжета в пьесе хорошо были показаны низость и жадность купцов, в ней было много волнующих сценок и занятных приключений.

Роль королевы Антон Семенович попросил сыграть мою знакомую, о которой я уже упоминал; роль матроса исполнял колонист Костя Белковский (Ветковский), купцов играли колонисты Горгуль (Кудлатый) и Мухин, а главным жрецом был Антон Семенович.

Всё шло хорошо. Но вот началась последняя картина. Занавес поднялся... На опушке леса возле шалаша сидели королева и матрос и вели разговор о своем

Драматический кружок со своим художественным руководителем А. С. Макаренко. Кружковцы в костюмах действующих лиц политического ревью "Путешествие коммунаров по Европе".

предстоящем отъезде. Костя, который сначала стеснялся малознакомой актрисы, уже вошел в свою роль и даже рискнул обнять королеву. В это время издали послышался шум. Это приближалась толпа островитян, руководимая главным жрецом. А влюбленные продолжали спокойно сидеть, не подозревая о надвигающейся опасности. Волнение нарастало, и наконец кто-то из малышей не выдержал и испуганным голосом крикнул:

— Костя, убегай скорее! Антон Семенович договорился с ребятами убить тебя!

На Костю эти слова подействовали совершенно неожиданно. Он поднялся и, обратившись к зрителям, произнес:

— Меня убить? Да я кого хочешь в котлеты изрублю!

Грозный вид Кости и его решительное заявление вызвали бурное одобрение зрителей. Но ворвавшаяся на сцену толпа островитян-колонистов уже набросилась на хвастливого Костю-матроса и, несмотря на все предупреждения Антона Семеновича, затеяла настоящую свалку. Королева растерялась, ее лицо выражало испуг, и Антон Семенович, сдерживая ребят, на всякий случай стал поближе к ней. Косте не удалось «изрубить» — поверженный на пол сцены, он лежал, изображая убитого. Но симпатии зрителей всё же были на его стороне. И когда Антон Семенович произнес заключительную фразу пьесы: «Так будут уничтожены все наши враги», — вдруг раздался возмущенный голос одного из гостей, пожилого крестьянина:

— Такого хорошего хлопца и убить!..

Занавес опустился при полном молчании зрителей. Только через несколько минут после того, как занавес снова поднялся и все актеры выстроились на сцене и среди них зрители увидели улыбающегося Костю, раздались долго не смолкавшие аплодисменты. Тот же пожилой крестьянин, пробравшись к сцене, крикнул Косте:

— Так, значит, тебя не убили!

— Нет, остался жив!

— Ну так приходи в воскресенье, жинка пироги напечет, и ты расскажешь ей, как всё тут у вас было!

— Приду обязательно! — весело ответил Костя.

По настоянию ребят в тогдашнем репертуаре

нашего театра было немало подобных пьес — со сражениями, нападениями, путешествиями... Соображения идеологические и педагогические, а также необходимость приспособляться к ограниченным сценическим возможностям заставили Антона Семеновича многое перерабатывать — дополнять и изменять — в тексте этих пьес. Но с каждой новой постановкой росли и актеры и зрители. И скоро в репертуаре нашего театра большее место стали занимать пьесы Гоголя, Островского, Горького.

Еще в начале учебного года, на заседании педагогического совета, Антон Семенович предупредил преподавателей, что он сам будет проверять весной успеваемость колонистов. Возвратившись из отпуска, Антон Семенович немедленно этим и занялся.

Приближалось начало весенних работ, и ребята, продолжая учиться в школе, немало времени проводили в оранжерее, на парниках, на очистке семян и подготовке инвентаря. Эти работы являлись практическими занятиями к пройденному зимою в школе курсу основ агротехники. Меня радовало, что положительные результаты учебы были очевидны. Раньше, например, когда я с помощью термометра проверял температуру парника, где росли ранние огурцы, ребята с недоверчивыми улыбками следили за мной; теперь же они проделывали эту операцию сами и строго поддерживали тепловой режим парника.

С началом весенних полевых работ, когда занятия в школе закончились, на очередном заседании педагогического совета обсуждались успехи каждого колониста. Антон Семенович высказал при этом два критических замечания, вызвавших общий интерес.

Когда речь зашла о плохой успеваемости колониста Чобота по арифметике, Антон Семенович сказал:

— Любовь Петровна, а вы не пробовали специально подзаняться с Чоботом и хотя бы раз поставить ему, может быть даже покрывив душой, хорошую оценку и похвалить его перед классом? Как вы думаете, не ободрило бы это Чобота? Не показала бы ему такая похвала, что он может учиться не хуже других? Своими хроническими плохими и посредственными оценками вы развиваете в нем безразличие, убиваете его веру в себя, в свои силы...

При обсуждении успеваемости в одной из школьных групп оказалось, что ни у кого из хорошо учившихся по русскому языку ни разу не было посредственной или плохой оценки. Антон Семенович отнесся к этому с недоверием.

— Конечно, — сказал он, — если хорошие оценки поставлены ребятам правильно, то лучшего желать нельзя. Но я всех этих ребят хорошо знаю. Среди них есть зазнайки, которые и уроки не всегда готовят как следует и думают, что они знают больше, чем все остальные колонисты. Я боюсь, что преподаватель не только не пытался «поймать» таких зазнаек и дать настоящую оценку их успехам, но скорее всего ставил им хорошую оценку даже тогда, когда они отвечали лишь посредственно, — и добавил: — Нет ничего хуже, чем предвзятость в оценках.

Тысяча девятьсот двадцать пятый год принес нам немало побед. Даже в глазах самых закоренелых обывателей колония перестала быть «бандитским гнездом». Разрабатываемая Антоном Семеновичем система воспитания ребят с тяжелым прошлым завоевывала себе всё больше сторонников. Школа и театр в колонии получили общее признание даже среди противников Макаренко. Очевидны стали и успехи нашего сельского хозяйства.

Мы уже освоили всю имеющуюся у нас земельную площадь и начали собирать высокие урожаи зерновых, огородных и кормовых культур. Деловая связь с Полтавской опытной сельскохозяйственной станцией позволила в широких масштабах нашего производства проверять предлагаемые станцией новые агротехнические мероприятия. Достижения нашего животноводства были уже таковы, что мы оказывали серьезное влияние на развитие этой отрасли сельского хозяйства далеко за пределами Ковалевки и окрестных мест.

Ребята гордились своими успехами и критически оценивали старые способы хозяйствования, применяемые соседями-единоличниками.

Антон Семенович полагал необходимым в будущем, 1926 году расширить программу школьных занятий по агротехнике и выделить специальный опытный участок, чтобы дать возможность старшим ребятам получить квалификацию полевода или огородника. Однако наступившие события не дали возможности осуществить эти планы.

Завоевание Куряжа

Весной 1926 года Антон Семенович получил приказ Народного комиссариата просвещения Украины о слиянии Полтавской колонии имени М. Горького с Куряжской, находившейся в ведении Харьковской комиссии помощи детям.

Дурная слава Куряжской колонии разнеслась по всей Украине. По рассказам ребят, бежавших оттуда и направленных к нам, Куряж был настоящим притоном всевозможных воровских шаяк, состоящих из беспризорников разного возраста. Вывеской колонии они в известной мере защищались от закона. В дневные часы большая часть «воспитанников» находилась «на работе» — на харьковских рынках, вокзалах, в трамваях — или лазила по дворам и квартирам обывателей. Только к вечеру или поздно ночью возвращались колонисты в Куряж для ночевки. Заведующий колонией и воспитатели (а их было около сорока человек) могли передвигаться по территории колонии относительно свободно и безопасно только днем. Как только наступала темнота, все служащие поспешно забирались в свои комнаты, чтобы системой сложных запоров и баррикад отгородиться до утра от внешнего мира. Никто из них не рисковал выходить ночью не только во двор, но даже в коридор, и это была вполне основательная предосторожность, так как обкрадывание квартир работников колонии и грабежи с насилием были в Куряже обычными явлениями.

Положение стало настолько нетерпимым, что Наркомпрос Украины под давлением общественности Харькова должен был, наконец, обратить серьезное внимание на эту колонию и принять меры к прекращению безобразий в Куряже. Кем-то было высказано мнение, что только Макаренко смог бы навести там порядок. Так возник многообещающий проект перевода Полтавской колонии имени М. Горького в Куряж. Но этот проект встретил, однако, серьезные возражения и со стороны наших друзей, не хотевших рисковать дружным, дисциплинированным коллективом горьковцев, и со стороны наших противников, опасавшихся, что в случае успеха чрезмерно усилится влияние Макаренко. Окончательное решение вопроса затягивалось. А поло-

жение в Куряже продолжало ухудшаться и дошло до того, что потребовало, наконец, принятия немедленных мер. Друзья колонии имени М. Горького скрепя сердце согласились на наш переезд в Куряж. Неожиданно их поддержали и наши противники: катастрофическое положение Куряжской колонии позволяло им надеяться, что теперь уж и дружный коллектив горьковцев во главе с Макаренко ее не спасет, и таким образом «макаренковская система» будет посрамлена.

Пока велись все эти переговоры, Антон Семенович часто беседовал с нами по поводу возможного переезда под Харьков и рисовал при этом суровую картину предстоящих трудностей. Но вместе с тем он убеждал нас, что, оставаясь в Ковалевке, колония лишается перспектив для дальнейшего роста. Больше всего Антона Семеновича беспокоила удаленность колонии от заводов, крупных сельскохозяйственных предприятий и учебных заведений.

Конечно, тяжело было оставлять хорошо обжитое место с налаженным сельским хозяйством, но доводы Антона Семеновича склонили подавляющее большинство сотрудников к безоговорочному согласию на переезд в Куряж. Каждый из нас был уверен, что с Антоном Семеновичем мы не сможем потерпеть поражение. С ним мы победим Куряж! Не будь этой уверенности, приобретенной годами совместной работы с Макаренко, среди нас не нашлось бы охотников добровольно ехать в куряжское воровское логово. Не сомневались в успехе и колонисты — они на собственном опыте знали, какое чудодейственное влияние оказывает дисциплинированный коллектив колонии имени М. Горького на беспризорных ребят.

Строгий порядок, внешняя подтянутость, веселый смех, спокойствие и уверенность, с какими наши колонисты вступили в Куряж и начали в нем размещаться, сразу же показали куряжанам, что сюда пришли настоящие хозяева, тогда как они сами были здесь только жильцами и притом весьма скверными жильцами. Они поняли, что для них открыт лишь один путь — идти в ногу с горьковцами, тем более что горьковцы это им и предлагают! Подавляющее большинство куряжан так и поступило.

Завоевание Куряжа было замечательной победой

той системы коммунистического воспитания, которую с таким успехом теоретически и практически разрабатывал Макаренко. Антон Семенович с исключительным педагогическим мастерством дал анализ всей обстановки в Куряже, детально разработал тактику наступления на куряжскую «вольницу» и блестяще осуществил намеченный план. Трудно добавить что-нибудь к тому, что написал он об этом сам в «Педагогической поэме».

Противники колонии имени М. Горького, ожидавшие нашего провала, теперь должны были замолчать. Открытые выступления против А. С. Макаренко почти прекратились, но неприятности, творимые исподтишка, следовали одна за другой. Однако завоевание Куряжа, ставшее широко известным, привлекло на сторону колонии много новых друзей, к числу которых принадлежали работники Государственного политического управления, хорошо знавшие старый Куряж со всеми его ужасами. Теперь, навещая колонию, они с удивлением наблюдали разительные перемены, которые произошли в ней.

Вся проверенная на опыте организация коллектива и повседневной жизни колонии была перенесена в Куряж без особых изменений. В точно установленные часы раздавались трубные сигналы, оповещавшие о подъеме, о начале работы, о ее окончании, о времени завтрака, обеда и ужина, о созыве совета командиров или общего собрания колонистов, об отходе ко сну.

Еще чаще, чем прежде, обсуждался на педагогических совещаниях вопрос о трудовых заданиях для ребят. Антон Семенович стоял на той точке зрения, что задания не должны быть легкими. Но вместе с тем, говорил он, нельзя давать задания, требующие чрезмерного физического напряжения. Главное — развивать в ребятах сноровку, смекалку, стремление к здоровому соревнованию.

Выполнение тех или иных работ по-прежнему, как правило, поручалось отряду. Индивидуальные наряды колонистам давались редко, только заведомым лентяям и только по настоянию самого отряда, в который входил нерадивый колонист.

Организующая сила здорового коллектива Полтавской колонии была настолько велика, что сводные от-

ряды даже тогда, когда в них было большинство куряжан, работали не хуже других отрядов, а подчас и лучше. Куряжане, изголодавшиеся за годы безделья по настоящей работе, как бы наверстывали упущенное.

Среди них попадались, конечно, и «вредители». Один из таких куряжан, не желая трудиться, сделал вид, что не может отличить всходов свеклы от сорняков. Чтобы доказать это, он при прополке срезал на одном рядке все всходы. Совет командиров осудил и колониста и командира отряда, не проследившего за его работой. Следуя педагогическим методам Антона Семеновича, совет решил, что провинившийся колонист должен в неурочное время под наблюдением командира посадить на место срезанной новую рассаду свеклы и ухаживать за нею, пока она не приживется.

Несмотря на мелкие недоразумения, работа спорилась. Особенно весело трудились сводные отряды во время летних каникул, когда в их рядах появлялись добровольные помощники — наши бывшие воспитанники, а ныне рабфаковцы и студенты. Приезжая из города в колонию, они прежде всего являлись к Антону Семеновичу и подробно рассказывали ему о своем житье, об учебных делах. Отпуская их после долгой дружеской беседы, Антон Семенович обычно говорил:

— Ну, теперь отдыхайте, набирайтесь сил к новому учебному году.

Однако с первого дня приезда наши гости по собственному почину начинали работать вместе со сводными отрядами, выбирая самые ответственные и трудные участки колонийского производства. В час отдыха, собрав ребят в кружок, они запевали песню, отвечали на бесчисленные вопросы молодых горьковцев, с особым старанием удовлетворяя любопытство бывших куряжан. Шум и веселый смех не смолкали во время этих оживленных бесед. Воспитанники Макаренко — рабфаковцы, позже ставшие студентами: Калабалин, Белухин, Шершнев (Вершнев), Архангельский (Задоров), Супрун и многие другие — теперь сами чувствовали себя как бы воспитателями. Их всегда можно было видеть в окружении ребят, видевших в них «себя в будущем».

Так же, как в Ковалевке, в Куряже был организован сторожевой отряд, охранявший нашу усадьбу, поля, сады, луга, лес. Попасты в сторожевой отряд, вооруженный винтовками, считалось большой честью. Кандидатура каждого будущего сторожа всесторонне обсуждалась советом командиров и при малейшем сомнении в надежности кандидата снималась с голосования. Куряжане, привыкшие к полной безнаказанности, сначала с некоторой иронией смотрели на дело охраны колонии; они считали, что по принципу «блатной» круговой поруки колонист колониста не должен подводить. Но вскоре им пришлось изменить эту точку зрения. Пойманного на месте преступления — в саду, на огороде, у дверей кладовой, — несмотря на все его уверения, что он «свой», ребята неизменно запирали на остаток ночи в сторожку, а утром приводили к Антону Семеновичу. При всей сложности обстановки в Куряже Антон Семенович не изменил и там правилу, установленному в Полтавской колонии. Заключительный этап для всех воришек неизменно бывал одним и тем же — они должны были выступить перед советом командиров и на общем собрании колонистов с рассказом, «как всё было». Охотников дважды испытать позор такого выступления, насмешки и строгий суд ребят обычно не находилось, и старая привычка «чего-нибудь поискать» очень скоро стала исчезать у куряжан.

Однако сторожевому отряду всегда приходилось быть начеку, так как разного рода неприятностей можно было ожидать не только от «своих», но и от «чужих». С «чужими» сторожевой отряд поступал еще более решительно, так как, по существовавшей традиции, ребята считали, что в отношении «не своих» они могут быть и судьями и исполнителями наказания.

Антон Семенович с таким пониманием прав сторожевого отряда, конечно, боролся, но искоренить эту традицию было нелегко. Пойманных в лесу «заготовителей» дров ребята обязательно заставляли тащить срубленные или спиленные деревья в колонию, а пилу и топор во всех случаях отбирали в качестве трофеев сторожевого отряда. Гражданину, посягнувшему на вишни в нашем саду, пришлось за каждую сорванную вишню выкопать по ямке для будущей посадки деревьев, запланированной нами. Жестоко наказал сторо-

жевой отряд и одного крестьянина из соседнего села, пойманного при попытке выкопать ночью у нас в саду недавно посаженное дерево. Ребята заставили его выкорчевать на склоне горы большой дубовый пенёк, очень мешавший нам при разбивке нового сада. Обливаясь потом, он работал до самого утра.

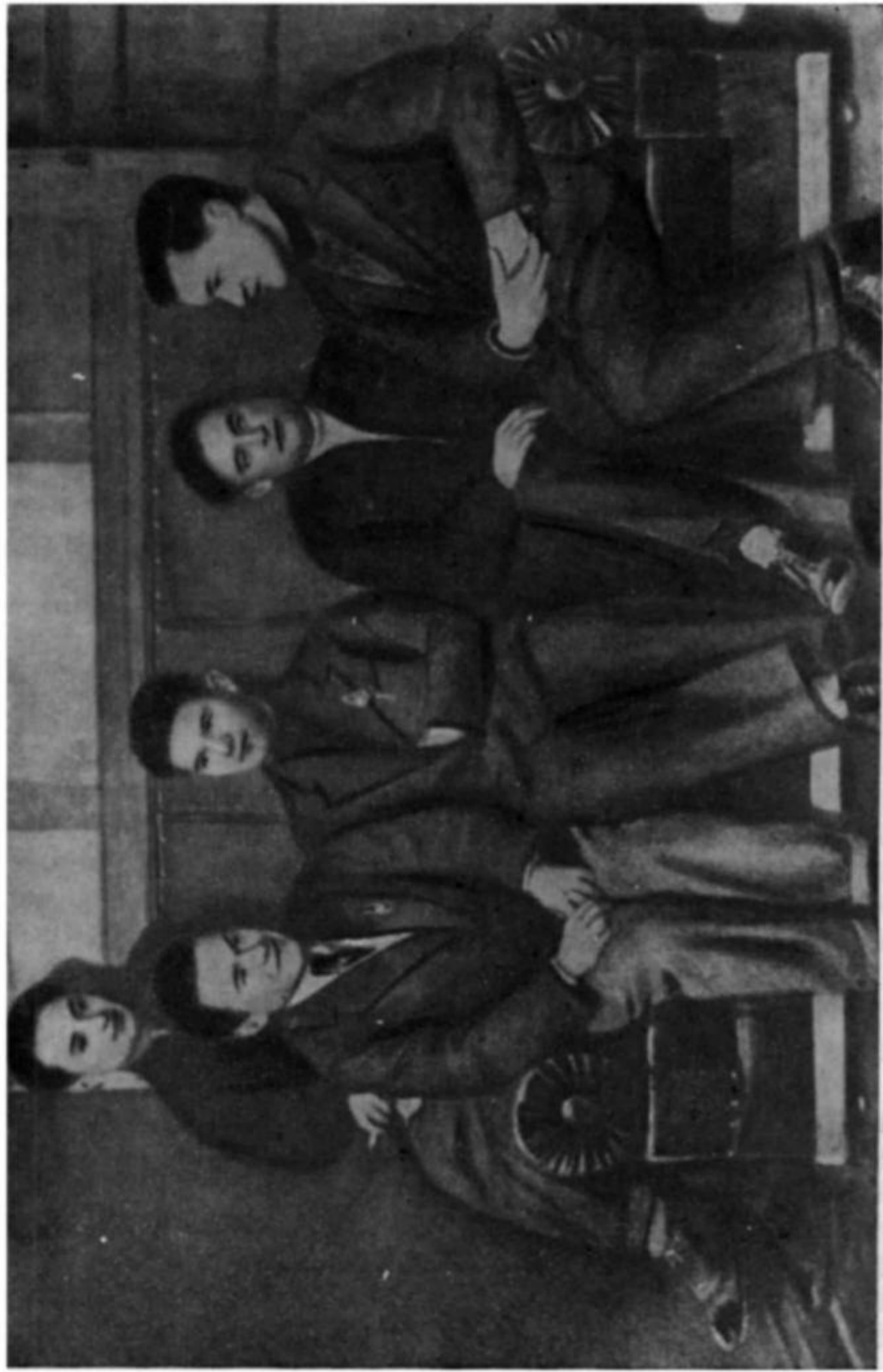
Согласно традиции, установившейся еще под Полтавой, Антон Семенович провел присвоение звания «колони́ста» тем из воспитанников бывшей Куряжской колонии, которые показали себя достойными этой чести. Обычно ребята удостоивались права носить значок с буквами ГТК — «Горьковская трудовая колония» — только после годичного пребывания в колонии, но для куряжан испытательный срок был сокращен. Они знали давно о нашей традиции, Антон Семенович рассказывал о ней на общем собрании, воспитатели разъясняли ее смысл во время многочисленных бесед. И стремление заслужить почетное звание владело большинством куряжан.

Одновременно было присвоено звание «старшего колони́ста» тем из старых горьковцев, кто пробыл в колонии больше трех лет и своим поведением не запятнал значок ГТК, уже давно украшавший его грудь. Звание «старшего колони́ста» давало важное преимущество тому, кто удостоился его: он в первую очередь направлялся на рабфак или на работу.

По идее Антона Семеновича эта хорошая традиция присвоения званий распространялась не только на воспитанников, но и на воспитателей. Разница заключалась лишь в том, что ребятам звание присваивалось открытым голосованием членов педагогического совета, а воспитателям — закрытым.

И были случаи, правда, единичные, когда воспитатели после года работы не получали большинства при обсуждении их кандидатур на педагогическом совете. Само собой разумеется, что для забаллотированного педагога это было равносильно увольнению — продолжать работу в колонии он уже не мог.

Один из таких неудачников после объявления итогов голосования шумно запротестовал и заявил, что он сообщит в высшие инстанции «о новом макаренковском авантюризме». Выйдя из кабинета Антона Семеновича, где происходило заседание педагогического совета,

Студенты, воспитанники коммуны имени Ф. Э. Дзержинского.

Афанасий Петрович — так звали этого воспитателя — продолжал громко возмущаться. Кто-то из ребят, догадавшись о причине его негодования и желая посочувствовать Афанасию Петровичу, а может быть, и пошутить над ним, стал его утешать:

— Вы не очень огорчайтесь, Афанасий Петрович. Вот и мне не дали в прошлом году значка, а я взял да и исправился и в этом году уже получил его. Вы тоже исправитесь, и вам тоже дадут значок.

Афанасий Петрович, вне себя от гнева, обрушился на своего утешителя с грубой бранью. Если до этого он юридически всё же мог опротестовать решение педагогического совета, так как введенный Антоном Семеновичем своеобразный конкурс воспитателей никем утвержден не был, то после оскорбления колониста этот «воспитатель», независимо от решения педагогического совета, из колонии должен был уйти. Уважение к человеческому достоинству колониста было законом, никаких отступлений от которого Макаренко не терпел.

Жители сел и деревень, непосредственно прилегающих к колонии, в прошлом обслуживали богомольцев, посещавших Куряжский монастырь, обрабатывали монастырские земли, выполняли различные хозяйственные работы для монахов. В этих селах жило немало кулаков и торговцев. Колония, разместившаяся в стенах монастыря, кровно задевала их интересы, и нам всегда приходилось быть начеку.

Вначале иные из кулаков пытались даже захватывать земли колонии, запахивали отдельные участки на наших полях, вытаптывали наши посевы, косили траву на наших лугах, рубили деревья в нашем лесу. Однако Антон Семенович твердой рукой сравнительно быстро пресек все эти поползновения кулаков. Достаточно было кому-нибудь из колонистов крикнуть, что наш огород «запахивает Онуфрий Галактионович», как колонисты бросали все дела и через пять—десять минут доставляли в колонию Онуфрия Галактионовича со всем его живым и мертвым инвентарем «на расправу» к Антону Семеновичу. После соответствующего внушения Онуфрий Галактионович, уплативший штраф, отпускался домой с выдачей имущества. Если же Онуфрий Галактионо-

вич, завидев мчавшихся к нему колонистов, бросал на произвол судьбы свое добро, ребята доставляли его инвентарь в колонию, некоторое время пользовались им и возвращали хозяину только после уплаты установленного штрафа.

Трудна была борьба с «частным капиталом» в лице разных предприимчивых дельцов. Вспоминается единоборство колонии с неким Поповым — владельцем лесопильного завода, расположенного в нескольких километрах от Куряжа.

Попов оказался одним из наших первых «гостей» на новом месте. Присмотревшись к строительным работам в колонии, он предложил Антону Семеновичу в кредит большую партию крайне нужного нам лесоматериала. Предложение пришлось принять, так как другой близлежащий лесопильный завод, принадлежавший кооперативному товариществу, в кредите отказал, а деньги по смете нами еще не были получены.

Лесоматериалы Попов поставил неважные, но что скажешь, если получаешь их в кредит... В дальнейшем мы просто отказались от услуг Попова, но под разными предлогами он продолжал заходить в колонию. Высокий, красивый блондин лет тридцати пяти, он производил впечатление «своего парня». Благодаря умению на особый лад подойти к каждому он заслужил среди колонистов общее признание весьма симпатичного и даже передового человека. На него заглядывались девушки. Только наш дядя Вася — инструктор деревообделочной мастерской, несколько лет работавший у Попова, — охлаждал поклонников своего бывшего хозяина:

— Да, да, что и говорить, на словах — соловей, а на деле — волк. Попадись ему в лапы, так и без портков оставит!..

Примерно через полгода после нашего переезда в Куряж, когда в колонии была организована и начала работать деревообделочная мастерская, мы в поисках заказов предложили местному Обществу пчеловодов изготовлять ульи для пасек. Общество под разными предлогами очень долго тянуло переговоры, и в конце концов они были прерваны. Но на сцене появился Попов:

— Вы хотите изготавливать ульи? Так я уже всё устроил. Идите в Общество пчеловодов и заключайте договор!

Действительно, теперь был оформлен большой заказ, причем Общество предоставляло свои материалы, которые мы должны были получить на лесопильном заводе... Попова! Эти лесоматериалы отличались очень скверным качеством, и мы не раз предупреждали об этом нашего заказчика, но нас успокаивали: «За материалы вы не отвечаете».

Ясно стало, что Попов дал взятку.

Антон Семенович попытался было разоблачить его, но из этого ничего не вышло. Очень уж хорошо сумел тот спрятать все концы в воду.

Прошло время, и мы снова столкнулись с этим хозяйчиком. Наша деревообделочная мастерская приняла большой срочный заказ, для которого была закуплена в Казани партия круглого леса. Договор на его распиловку мы заключили с кооперативным лесопильным заводом, некогда отказавшим нам в кредите.

Когда маршрут с лесом находился уже в пути, на этом заводе по неизвестной причине произошел большой пожар. Через день-два лес должен был прибыть на станцию, а завод не работал. Выполнение срочного заказа, принятого нами, срывалось. Если к этому добавить, что на закупку леса была затрачена большая часть наших оборотных средств, то станет понятным, в каком действительно критическом положении очутилось хозяйство колонии.

Вот тут-то на сцене вновь появился Попов. Правда, он был уже не таким веселым, как раньше. Очевидно, гораздо труднее стало ему осуществлять свои комбинации.

— Не беспокойтесь, — сказал он, — я искренне хочу помочь соседям, попавшим в беду. Лес переадресуем и на моем заводе распилим. Условия? Условия те же, что и на лесопилке товарищества! Вы только дадите мне справку, что завод обслуживает колонию...

Предложение Попова Антон Семенович поставил на обсуждение совета командиров. Заседание проходило крайне бурно. Теперь все ребята уже были настроены против Попова, и их неприязнь усилилась еще более, когда стало известно, что тот не раз пытался мелкими подачками подкупать колонистов, заводил с ними при встречах «душевные разговоры», чтобы выяснить, чем

сейчас занимается наша деревообделочная мастерская и каковы ее нужды. Однако голоса разделились. Часть ребят, понимая всю сложность создавшегося положения, всё-таки высказалась за передачу леса на завод Попова. Другие командиры резко выступили против этого. Оба мнения примирил командир отряда, работавшего в мастерской, Стебловский:

— Если Попов такой хитрый, то давайте его перехитрим. Лес отдадим на распиловку, а сами будем добиваться, чтобы завод у него был вообще отобран и передан колонии. Кто ближе Советской власти — колония или какой-то там кулак-спекулянт? Он же в конце концов просто враг!

Предложение Стебловского было встречено всеобщим одобрением, хотя кое-кто из командиров высказал сомнение в самой возможности перехитрить этого скользкого дельца.

Антон Семенович очень внимательно слушал ребят, видно было, что ему доставляет глубокое удовлетворение их политическая активность.

— В нашем положении я вижу сейчас только один выход, — сказал он. — Заключенный нами договор должен быть выполнен и притом точно в срок. Отобрать у Попова завод дело не простое, для этого нужно иметь серьезные основания. Надо проверить, как он будет использовать нашу справку. Попов не такой человек, чтобы упустить случай прижать нас и взять за распиловку много дороже, чем берет артель. Очевидно, справка о том, что его завод обслуживает колонию, сейчас нужнее ему, чем наши деньги. И поэтому он проявляет к нам такое «великодушие».

Ребята недаром сомневались, удастся ли нам перехитрить Попова. Прослышав о наших планах, он под разными предлогами начал задерживать распиловку леса, и мастерская колонии всё время находилась в полной от него зависимости. В таких условиях предпринимать что-либо против него было опасно — он мог сорвать всю нашу работу по выполнению ответственного заказа.

И вдруг мы узнали от рабочих лесопилки, что Попов сам попал в беду: он обязался поставить кому-то партию пиломатериалов и уже получил деньги вперед, а выполнить заказ не мог — предназначенный для рас-

пиловки круглый лес где-то задержался в пути. Чтобы не платить неустойки, Попов надумал временно воспользоваться нашим лесом.

Ребята, работавшие в мастерской, решили поймать его, как говорится, на месте преступления. Они установили наблюдение за каждым нашим бревном. Когда первая партия пиломатериалов, изготовленная из колони́йского леса, была подвезена Поповым к железной дороге для отправки постороннему заказчику, на станцию явился Антон Семенович. Его сопровождали несколько колонистов и я. Мы вызвали Попова, затем председателя рабочкома завода, начальника станции и составили соответствующий акт. Представленные нами доказательства, что лесоматериалы принадлежат колонии, были настолько убедительны, что Попов даже не пытался отрицать предъявленное ему обвинение.

Теперь весь наш лес он распилил без малейших задержек, и у нас оказались развязанными руки, чтобы продолжать борьбу с ним.

Когда, по предложению Антона Семеновича, финансовым органам были представлены данные о заказах, выполненных Поповым для колонии, сразу выяснилось, что в бухгалтерских книгах завода эти данные завышены по меньшей мере в десять раз! Благодаря нашей справке Попов обманным путем добился пониженного налогообложения. Одновременно раскрылись и другие его финансовые комбинации, наносившие прямой ущерб Советскому государству.

Настойчивость Антона Семеновича помогла нам довести борьбу с Поповым до полной победы. Завод у него был отобран.

„Кладовскатели“

Зайдя как-то к Антону Семеновичу, я застал у него одну харьковскую учительницу, которая приехала для проведения культурно-массовой работы среди женщин ближайших сел. Она поселилась в колонии. Это была очень полная женщина, и позже ребята в шутку прозвали ее «тетя Пуд». Первый поход на село окончился для нее неудачно. Серки, Кудлатки, Пираты, имевшиеся в каждом дворе, изорвали ей платье, и она под

звуки собачьего концерта ускоренным шагом должна была возвратиться в колонию, не успев ничего сделать.

По предложению Антона Семеновича, совет командиров прикрепил к «тетя Пуд» колониста Ваню Ивченко, который вооружился огромным дрючком. Теперь культработа пошла успешнее. Прожив у нас около двух недель и выполнив свою миссию, «тетя Пуд» собралась уезжать обратно в Харьков. Но в последний день она решила еще раз посетить село. Так как Ваня уже работал по наряду совета командиров в поле, ей пришлось эту прогулку совершить одной, с могучим Ваниным дрючком в руках. То ли «тетя Пуд» стала смелей, то ли собаки привыкли к ней, но путешествие закончилось вполне благополучно. В веселом настроении, напевая песенку, вступила она на тропинку, пролежавшую меж кустов сирени уже на территории колонии, и здесь произошло то, чего она меньше всего ожидала.

У нас был пес Шарик — любимец ребят и друг всех сторожевых отрядов. В тот злополучный день Шарик в самом мирном настроении плелся за колонистом Котовым (младшим), направлявшимся к кухне. Дорожки «тети Пуд» и Котова пересеклись. Котов приостановился возле кустов сирени, чтобы пропустить вперед гостью. «Тетя Пуд», не замечая его, прошла мимо, беспечно размахивая длинной палкой. Этого-то и не смог снести Шарик. Он с яростью налетел на «тетю Пуд» сзади. Та, споткнувшись от испуга, упала на землю и стала кричать, приводя в неистовство сторожевого пса.

Котову вся эта сцена показалась такой смешной, что он, вместо того чтобы отогнать Шарика, начал безудержно хохотать. Спасли нашу гостью ребята, работавшие невдалеке на клумбах.

Вечером на общем собрании раскрылось в самом неприглядном виде поведение Котова, нарушившего давно укоренившуюся у нас традицию гостеприимства и внимания к приезжающим. Колонист Денис Горгуль, помощник заведующего хозяйством, обрушился на Котова с громовой речью:

— Такого у нас еще не бывало, чтобы собака кусала человека, а колонист смеялся бы! Это что же такое? Значит, ежели Шарик набросится на нашу Леночку (пятилетняя дочь одного из преподавателей), то ты тоже

будешь стоять и наблюдать, потому что ты, дескать, тут ни при чем?!

Котов всегда хорошо работал, принимал горячее участие в общественных делах, но принадлежал к числу упрямых ребят. Если бы он промолчал и не доказывал своей невиновности, его бы ждало не такое уж строгое наказание. Но когда в ответ на выступление Дениса он небрежно процедил сквозь зубы: «Шарик малых детей не трогает», — Антон Семенович резко осуждающе заговорил о поведении Котова и напомнил всем о других его провинностях...

— Я вижу, Шарик умнее тебя, раз он детей не трогает. А ведь на тебя были жалобы, что ты обижаешь малышей...

Общее собрание вынесло два решения. Во-первых, Котов должен завтра пойти к «тете Пуд» извиниться и впредь выполнять все ее приказания. Во-вторых, в день праздника Первого снопа в приказе по колонии Котову будет объявлен выговор с лишением права участвовать в празднике. Если Котов исправится и не совершит никаких новых проступков, это решение будет считаться условным. По предложению Антона Семеновича, ребята избрали делегацию к «тете Пуд», с тем чтобы принести ей извинения от имени колонии.

Котов переживал свое наказание, применявшееся, как он знал, в исключительных случаях, очень тяжело. Бродил по колонии унылый и почти ни с кем не разговаривал. Он не мог себе даже представить, что в день Первого снопа его не будет в числе лучших наших косарей. От огорчения он решил уйти из колонии и несколько раз намечал срок побега, но каждый раз откладывал исполнение своего намерения — слишком глубоки были корни, которые связывали его со всей жизнью коллектива горьковцев.

Но однажды после ужина он покинул Куряж с твердой решимостью не возвращаться. Уже около километра прошел он нашими полями и вышел на шоссейную дорогу, ведущую в Харьков, когда отдаленный сигнал ко сну сразу напомнил ему всё то светлое и яркое, что внесла колония в его жизнь. Котов немного постоял и повернул обратно.

Постепенно его мысли направились в иную сторону: он начал искать какой-нибудь способ загладить свой

проступок, и, как это часто бывает в детстве и юности, всевозможные фантастические проекты замелькали в его голове. Вскоре он приступил к деятельному осуществлению одного из них, показавшегося ему самым верным.

Еще в начальный период завоевания Куряжа среди колонистов-полтавчан образовалась группа кладоискателей... Внешняя обстановка — старинная церковь, часовня, монастырские стены, могильные плиты, пещеры, — всё это возбуждало воображение ребят, настроенных романтически. У кого-то возникла надежда найти «несметные богатства», которые, несомненно, зарыты где-нибудь на территории монастыря. Однако раскопки кладоискателей, индивидуальные и коллективные, поглощавшие всё свободное от работы время этих романтиков, ничего не дали. В конце концов большинство ребят обратилось к более реальным развлечениям — к купанию, спорту и разным играм. Но слухи о несметных богатствах периодически снова появлялись на свет божий, и тогда опять кто-нибудь из колонистов заболел кладогорячкой.

Эпидемия этой болезни вспыхнула с особой силой, когда на южном склоне нашей усадьбы при нарезке террас, предназначенных для будущего плодового сада, была найдена заржавевшая железная копилка, наполненная старинными медными полушками. Денег там было рублей пятнадцать, но с этого момента заболели кладоискательством многие наши колонисты. Затянувшуюся было нарезку террас ребята выполняли теперь с исключительной быстротой — не только в урочное, но и во внеурочное время. И как хорошо работали они! Моему помощнику приходилось следить уже не за тем, чтобы нарезка была достаточно глубока, а, наоборот, за тем, чтобы она не оказалась излишне глубокой...

Котов не был склонен к заболеванию кладогорячкой, но после случая с «тетей Пуд» ему пришло в голову, что если он разыщет настоящий клад и потом преподнесет колонии какой-нибудь особенно ценный подарок, то наложенное на него взыскание будет отменено. И Котов начал деятельно искать клад. Он привлек к этой работе нескольких ребят, но они, один за другим, постепенно «выздоровливали», и в конце концов у него остался только один помощник — Шурка Рыжий, коло-

нист, вызывавший общую антипатию (до поступления в колонию он занимался нищенством и теперь еще нет-нет попадался на выклянчивании денег у пассажиров дачных поездов). Несмотря на все неудачи, Котов и Шурка упорно продолжали свои поиски. Если первоначально Шурку прельщала одна перспектива — урвать для себя хотя бы кусочек от найденного клада, то потом он увлекся интересными замыслами Котова, который намеревался осчастливить всю колонию.

Когда на одном из заседаний совета командиров со всех сторон посыпались жалобы на наших кладоискателей — со стороны коменданта («ребята ходят грязные»), со стороны хозяйственной части («ребята портят обувь и одежду»), со стороны прачек («грязь на их белье невозможно отстирать»), — Антон Семенович приказал вызвать Котова и Шурку Рыжего. И вот они предстали перед столом президиума, действительно грязные, опустившиеся. Антон Семенович с досадой спросил:

— До каких же пор вы будете заниматься глупостями?

Ребята молчали.

— Ну, хорошо, а как вы поступите со своими несметными богатствами, если действительно их найдете?

Кладоискатели заулыбались. Этот вопрос был решен ими уже давно.

— Найдем какое-нибудь применение... — скромно ответил Котов.

— Какое же применение? Нелепость, вероятно, какая-нибудь? Говори совету командиров, что вы там придумали!..

— Прежде всего купим вам, Антон Семенович, фаэтон с парой хороших лошадей или мотоцикл!

— Ну для чего мне фаэтон и мотоцикл? — с досадой ответил Антон Семенович. — Я и без них прекрасно передвигаюсь по земле. Уж лучше бы вы подумали о ребятах!

— Мы и о них подумали! Вам фаэтон или мотоцикл, а всем ребятам — велосипеды. Вы только подумайте, Антон Семенович, — всё больше увлекаясь, продолжал Котов, — в Харькове на параде перед трибунами молнией промчимся! Вы на фаэтоне, а еще лучше на мотоцикле, а мы на велосипедах! А экскурсий сколько можно

совершить — в Москву, в Крым, на Кавказ. В море покупались бы! Ох, Антон Семенович, как было бы хорошо...

Надо признаться, что командиры отрядов слушали Котова завороженно, и видно было, что сейчас они в мыслях вместе с ним мчатся на велосипедах по просторам необъятной нашей Родины. Антон Семенович тоже поддался общему настроению и, забыв о своей досаде, с улыбкой обратился к совету командиров.

— Если все мы будем хорошо работать и учиться, — сказал он, — то не только велосипеды, а и автомобили добудем. И в Москву, и в Ленинград, и куда душа захочет поедем! А чтобы окончательно вылечить Котова и Шурку от кладоискательства, я вношу на обсуждение совета командиров следующее предложение: у нас есть ордер на два станка для наших мастерских, за ними надо ехать далеко, километров за сто, в один совхоз. Давайте завтра пошлем туда на лошадях Котова, Шурку и еще двух ребят, а командиром назначим Котова. Поручение очень ответственное — станки надо разобрать, аккуратно уложить и без повреждения доставить в колонию.

После недолгого обсуждения совет командиров утвердил это предложение. Котов в тот же вечер получил у меня инструкции и на рассвете следующего дня выехал со своим отрядом в далекий путь.

Ребятам пришлось преодолеть большие трудности: очень тяжелые дорожные условия, нелегкие поиски фуража для лошадей, да и станки в совхозе им не хотели давать, но через десять дней груз на двух подводах был доставлен в Куряж. Общее собрание заслушало отчет Котова. О своих путевых невзгодах он говорил мало, но все знали, каким трудным было поручение, выполненное котовским отрядом. Собрание постановило отменить выговор Котову, и он вместе со всеми колонистами участвовал в празднике Первого снопа.

Через год выпускник Котов получил направление на один из крупных машиностроительных заводов Харькова.

Прошло более десяти лет, и случай столкнул меня с его старшим братом, тоже бывшим колонистом (о нем речь впереди). Котов-старший показал мне вырезки из газет — очерки, заметки, — в которых описывались трудовые подвиги его брата, работавшего на Урале. Когда я прочитал, как бригада Котова вышла на первое место

в социалистическом соревновании, я невольно вспомнил настойчивые попытки юного колониста отыскать клад в Куряжском монастыре, вспомнил, как успешно доставил он станки в колонию, и подумал об Антоне Семеновиче, сумевшем направить энергию и порывы этого юноши к достижению полезных для общества целей.

Весной 1927 года мы получили долгожданный трактор, а немного позднее наши друзья из Государственного политического управления подарили нам второй.

Ребята встретили появление этих машин с настоящим энтузиазмом. И очень скоро многие наши романтики-кладоискатели, увлекшись техникой, стали вполне квалифицированными механиками.

...В один из ноябрьских вечеров во время ужина неожиданно погас свет. На нашей электростанции произошла авария с 75-сильным двигателем. Механик заявил, что ремонт потребует не меньше месяца, но, добавил он, если кому-то там доплатить, другими словами дать взятку, то этот срок можно будет сократить до двадцати дней... Мы оказались в тяжелом положении. Остановка электростанции вызвала еще и остановку водокачки. Четыреста колонистов и служащих колонии остались без воды и без света, да притом в такое время года, когда рассветает поздно, а темнеет рано...

На следующий день утром Антон Семенович собрал экстренное заседание совета командиров.

Заведующий хозяйством колонии Семен Лукич Рогданович зачитал список предметов, которые нужно приобрести на то время, пока будут стоять электростанция и водокачка. Двести керосиновых ламп, бидоны, запасные стекла, фитили, новые ведра — всего около ста различных названий! Сумма непредвиденных расходов оказалась столь значительной, что ребята ахнули, а Антон Семенович даже переспросил:

— Простите, Семен Лукич, сколько вы сказали?

Кроме того, завхоз потребовал организовать специальный отряд для заправки ламп и наблюдения за ними. А выступивший после него механик электростанции опять намекнул, что если кого-то там «подмазать», то, может быть, ремонт займет и меньше месяца...

Неожиданно попросил слова колонист Беленький.

— У меня есть новое предложение, — уверенно сказал он. — Ничего не нужно покупать, никого не будем

подмазывать, а поставим на электростанцию наш трактор, и пусть механик ремонтирует свой двигатель, сколько ему нужно...

Гробовое молчание последовало за этой короткой речью нашего тракториста. Затем заговорили все сразу и азартнее всех — механик электростанции. Он с возмущением доказывал абсурдность предложения Беленького:

— Что же ерунду пороть: ведь семьдесят пять сил моего двигателя почти в четыре раза больше двадцати сил вашего трактора!..

Возразить на это было нечего, но оказалось, что Беленький и его помощники уже всё рассчитали и даже сумели довольно убедительно доказать, что наша станция никогда не работала на полную мощность. Последнее слово оставалось за Антоном Семеновичем. Однако он, всегда такой решительный, на сей раз задумался, прежде чем сказать «да» или «нет».

Перевести на язык цифр находчивость ребят было невозможно, а семьдесят пять действительно почти в четыре раза больше двадцати! Но Антон Семенович и все мы знали на примере завоевания Куряжа, что двадцать могут победить семьдесят пять.

— Возьметесь ли вы руководить осуществлением этого проекта? — спросил Антон Семенович меня.

— Попытаюсь, — ответил я, — думаю, что к началу сумерек, часам к пяти вечера, можно закончить подготовительные работы, а там увидим...

К пяти часам, когда пришел Антон Семенович, всё уже было подготовлено к пуску станции. И вот наступил решающий момент — уже завели и прогрели двигатель, надели ремень на шкивы трактора и генератора. Беленький плавно включил сцепление, и генератор спокойно заработал на холостом ходу. Теперь надо было включить сеть, осторожно, постепенно увеличивая нагрузку. Но у рубильников стоял механик электростанции, обремененный вмешательством колонистов в дела, затрагивавшие его личные интересы. Он включил всю нагрузку сразу. Двигатель трактора, как бы надорвавшись, запнулся и тотчас начал уменьшать обороты. Вспыхнувший по всей колонии свет стал тускнеть. По испуганным взглядам ребят я понял, что они растерялись. Антон Семенович крикнул Беленькому что-то ободряющее.

Тот пришел в себя и быстрым движением руки поставил рычаг газа в положение наибольшей подачи. Двигатель начал прибавлять обороты. Свет в лампочках становился всё ярче и ярче. И вот они уже горели почти так же ярко, как при двигателе в семьдесят пять сил!

Только сейчас мы заметили, что вокруг собрались все колонисты и служащие. И когда, наконец, стало совершенно ясно, что свет есть и будет, раздались крики, смех, дружные аплодисменты. Никто не расходился до самого сигнала на ужин, который сегодня надолго задержался.

А через час Антон Семенович на общем собрании объявил благодарность Беленькому и его помощникам. Он радовался инициативе, технической смекалке и смелости своих воспитанников.

Рабочий день Антона Семеновича

Антон Семенович свой рабочий день начинал обычно с девяти часов, когда сводные отряды уже работали в поле, в саду и на усадьбе колонии. Никаких портфелей и папок он с собой не носил — прекрасная память заменяла ему и блокноты, и инструкции, и всякие справочные материалы. Но часто его можно было видеть со стопкой книг и журналов под мышкой. Сегодня же, кроме книг, он держал в руке небольшой сверточек. Выходя из дому, Антон Семенович получил его от своей матери Татьяны Михайловны, с которой вместе жил и которая нежно заботилась о сыне.

Как всегда аккуратно, по-военному одетый, Антон Семенович прежде всего направился в канцелярию, помещавшуюся во втором этаже главного здания колонии. К этому времени комендантский отряд уже навел во дворе порядок, а ребята садовники полили и подчистили цветочные клумбы.

В канцелярии Антона Семеновича встретил улыбающийся Тося Соловьев, исполнявший обязанности курьера. Таких курьеров, или, как их у нас называли, «канцелярских крыс», было двое, но второй — Петя Романов (Зайцев), друг и приятель Тоси, — лежал в больничке после сильного приступа малярии.

— Доброе утро, Тося! — сказал Антон Семенович. — Позови ко мне Евгению Александровну и Семена Лу-

кича, а потом сходи в комнату для приезжих и узнай, встал ли Сидор Иванович.

Наш бухгалтер Евгения Александровна Пышнова и заведующий хозяйством Семен Лукич Рогданович уже ждали курьера и пришли незамедлительно. Начался обычный разговор о деньгах, о чеках, переводах, ассигнованиях, сметах, покупках... Вбежавший Тося доложил, что Сидор Иванович встал сегодня очень рано и куда-то ушел со старшим Чевелием (Жевелием). Деловой разговор по хозяйственным вопросам продолжался, но мысли Макаренко нет-нет да и возвращались к Сидору Ивановичу и Мите Чевелию, старшему колонисту, известному не только своей хорошей рабочей инициативой, но и умением ловко подшутить над кем угодно.

Сидор Иванович Халабуда был председателем Комиссии помощи детям (Помдет). О нем и о наших взаимоотношениях с ним следует рассказать поподробнее.

Сразу же после переезда в Куряж колония начала испытывать финансовые затруднения. Больше всего огорчений доставляла нам Комиссия помощи детям, финансирувавшая более половины наших расходов по смете. В «Педагогической поэме» рассказано, как ребята выкачали из Халабуды деньги на одеяла. Но «выкачивать» из него приходилось буквально всё. Халабуда был совершенно неопытен в вопросах воспитания и не очень-то разбирался в нуждах колонии. Но это бы еще полбеды. Человек мягкий и простосердечный, он попал под влияние разного рода дельцов, вертевшихся вокруг Помдета. Они вовлекали доверчивого и честного Халабуду во всевозможные аферы, сомнительные предприятия, и он забывал о колониях, месяцами не выдавая им причитающихся денег. Особенно трудным, чтобы не сказать безнадежным, считалось получение от Помдета средств на покупку хозяйственного и учебного оборудования. С течением времени «выколачивание денег» из Халабуды превратилось в своеобразный спорт, которым с увлечением занимались все колонисты. Участие ребят в переговорах с Халабудой облегчалось тем, что он частенько приезжал к нам и оставался погостить в колонии, особенно летом, на день-два. Сидор Иванович и сейчас у нас гостил. Антону Семеновичу необходимо было договориться с ним по ряду вопросов финансового порядка.

Закончив хозяйственные дела, отпустив Евгению Александровну и Семена Лукича, Макаренко вызвал нашего коменданта Васю Швеца, известного под кличкой Кудряш за свои действительно прекрасные, черные, вьющиеся колечками кудри. Вдвоем они отправились в утренний обход спален колонистов. Проходя мимо комнаты для приезжих, Антон Семенович встретил Халабуду, запыхавшегося от быстрой ходьбы.

— Вы куда это так рано ходили?

Сидор Иванович, обычно разговорчивый, на этот раз промямлил в ответ что-то невнятное и, не задерживаясь, поспешно скрылся за дверь. Мысли Антона Семеновича вернулись к Чевелию — не Митя ли виновник смущенного вида и дурного настроения Сидора Ивановича? Антон Семенович продолжал путь к спальням ребят, уже рассеянно слушая болтливого Васю Швеца.

В спальнях Швец поднимал то на одной, то на другой кровати подушку, матрац или простыню. Сначала всё было в порядке, но под матрацем колониста Бондарчука оказалось штук десять зеленых яблок. Швец, не задумываясь, отрапортовал:

— Яблоки из сада Гордея Юхимовича, это точно!

— Удивительно, что ты так точно знаешь, из какого сада яблоки...

Сказав Васе, чтобы он забрал эту находку, Антон Семенович пошел дальше. Возле кровати Швеца, застланной с особым шиком, с небольшой кокетливой подушкой в изголовье, Антон Семенович остановился:

— А ну, подними матрац.

— Да что вы, Антон Семенович, разве я себе позволю!

— Ну, ну, не разговаривай, подымай матрац!..

Под матрацем, однако, ничего не оказалось.

— А что у тебя в сундучке? — спросил Антон Семенович (старшим колонистам разрешалось иметь сундучки).

— Да всякая мелочь.

— Дай слово колониста, что в сундучке нет ничего недозволенного, в том числе и яблок!

— Да, Антон Семенович, я же вам говорю!..

— Ты не заговаривай меня — или дай слово колониста, или открывай сундучок.

Пришлось Швецу открыть сундучок, запертый каким-

то особо секретным замком. Сверху в нем лежали яблоки — десятка два, такие же, как у Бондарчука, но покрупнее и поспелее.

— Так ты что ж, на пару с Бондарчуком работал?

— И скажете такое, Антон Семенович! — возмутился Швец. — Вы же сами видите — у него зеленые яблоки, а у меня спелые. Мне их подарила Катя, дочь Гордея Юхимовича.

— Хорошо, мы это разберем вечером на общем собрании, а пока все яблоки сдашь Дроздюку (секретарю совета командиров).

Сердитый вид Антона Семеновича не предвещал для Васи Швеца ничего хорошего, и тот поплелся сзади, став вдруг молчаливым и унылым.

После обхода спален Антон Семенович направился в больничку, где лежал Петя Романов.

— Здравствуй, Петя! Как себя чувствуешь? Кто тебя навещал? Что ты хочешь, чтобы тебе приготовили на обед? — спросил Антон Семенович.

Петя отвечал вяло, скучным голосом. Чтобы разведелить мальчика, Антон Семенович предложил ему поиграть в загадки. Петя охотно согласился.

— Давай начну я... Сколько у тебя на руке пальцев? — спросил Антон Семенович и показал растопыренную ладонь.

Петя с некоторой нерешительностью посмотрел на руку Антона Семеновича, потом на свою и ответил:

— Пять.

— Верно. Ну, а на двух руках сколько пальцев? — И Антон Семенович показал Пете обе руки.

Теперь мальчик более решительно ответил:

— Десять!

— Верно. Ну, а на десяти руках сколько пальцев? — быстро спросил Антон Семенович и взмахнул перед Петиними глазами обеими ладонями.

— Сто! — уверенно ответил Петя.

— А ты подумай, прежде чем отвечать, — улыбнулся Антон Семенович.

— И думать нечего! Десять на десять, Любовь Петровна учила нас, будет сто!

Антон Семенович молчал, отрицательно покачивал головой, и это заставило мальчика задуматься. Наконец он понял свою ошибку.

— А зачем вы мне обе руки показали? — с обидой проговорил Петя. — Так нельзя!..

— Нет, можно. На то это и загадка! Надо слушать внимательно, не зевать и не отвечать наобум... Ну, теперь ты загадывай загадку!

Петя не остался в долгу. Правда, загадки он не смог придумать, но всё-таки вышел из положения с честью:

— Антон Семенович, я читал одну книжку, и в ней есть слово «Ривьера». Что это такое?

Пространные объяснения Антона Семеновича Петя прослушал внимательно и серьезно. Но потом в его глазах появилась улыбка.

— Ну, а теперь, Антон Семенович, быстро-быстро много раз скажите — Ривьера, Ривьера, Ривьера...

Набор совершенно невразумительных слов, в которых слышалось: «ревела, ревела, ревела...», привел Петю в веселое настроение. Разговор продолжался, и скоро больной вместе с посетителем стал хохотать от души.

Уходя, Антон Семенович передал Пете маленький сверточек:

— Это тебе от моей мамы. Ну, не скучай. Я скоро пришлю Тосю посидеть с тобой и поиграть...

Возле больнички Антона Семеновича поджидал наш техник-строитель, с которым еще накануне было условлено осмотреть здание электростанции, давшее трещину. Осмотр, обсуждение мер, которые необходимо принять во избежание беды, разговоры с колонистами, работавшими на станции, — всё это заняло немало времени. Антон Семенович намеревался еще до обеда пройти в мастерские, чтобы проверить, как там идут дела... Но посещение мастерских пришлось отложить. Прибежал запыхавшийся Тося:

— Антон Семенович, к вам пришли какие-то двое, один в очках, другой с бородой, очень сердитые!

— Сейчас приду. Да ты обожди, не беги, пойдем вместе... А почему ты думаешь, что они сердитые? — спросил Антон Семенович уже на ходу.

— А вот расскажу всё по порядку, — зачастил Тося. — Заходят они в канцелярию, тот, что в очках, строго спрашивает: «Где заведующий колонией Макарен-

ко?» Я ему говорю, что Антон Семенович только что закончил обход спален, задержался немного в больничке с Петей Романовым, а сейчас находится на электростанции с нашим техником-строителем. Тогда другой, бородатый, на меня так и окрысился: «Ты откуда, мальчик, всё знаешь? Правду, видно, говорят, что у вас все знают и все командуют!»

— Ну, а что ты ему сказал?

Едва поспевая за Антоном Семеновичем, Тося торопливо ответил:

— Я им сказал, что вы, когда уходите, всегда говорите куда... А тот, второй, опять сердито спрашивает: «У вас в колонии часто бьют?»

Антон Семенович замедлил шаг и нахмурился. Его противники не раз задавали ему такого рода вопросы, не верили его ответам и сеяли клевету.

— Ну, ну, продолжай, — сказал он Тосе.

— Я молчу, не пойму, о чем он говорит, кого это у нас бьют? А тут Алешка Новиков, вы ж знаете, какой он языкастый... Как услышал, о чем меня спрашивает бородатый, так взял да и брякнул: «Конечно, лупцуют, иной раз до крови!» Только он это сказал, оба наперебой и давай спрашивать: «Как часто бьют? Почему не убегают воспитанники? Как это вы, ребята, терпите?» А Новиков им в ответ спокойно так и говорит: «Своих же Антон Семенович ведь не бьет, а только приезжих, которые со всякими глупостями пристают!»

Антон Семенович нахмурился еще сильнее и, шагая рядом с Тосей, молча ожидал конца его рассказа.

— Тогда приезжие давай о чем-то шептаться, а когда я им сказал, что пойду вас позову, они стали меня отговаривать: «Ты, мальчик, не беспокойся, мы обождем, пока он сам придет...» Я их не послушал, у нас ведь не полагается, чтобы посетители ждали, и побежал за вами... Вот и всё.

Как ни был раздосадован Антон Семенович глупыми расспросами посетителей, оказавшихся работниками одной детской колонии возле Днепропетровска, он принял их любезно, не укорив ни словом.

— Вы спрашиваете, на каких положениях или принципах построена организация жизни коллектива колонии? Вопрос очень важный, основной в нашей воспитательной работе с ребятами. Но я бы предпочел отве-

тить на него только после того, как вы детально ознакомитесь с колонией. Тогда вы отнесетесь с бóльшим доверием к моим словам и забудете обо всяких слухах и клевете, распространяемых о колонии ее врагами...

Гости охотно согласились с предложением Макаренко и в сопровождении недавно приехавшего к нам на каникулы рабфаковца, бывшего колониста Белухина, отправились знакомиться с Куряжем. Только одно условие в категорической форме поставил перед ними Антон Семенович: не расспрашивать ребят об их жизни до поступления в колонию.

Еще во время разговора с гостями Антон Семенович, продолжая, как всегда, чутко следить за течением колонийского дня, заметил, что сигнал на обед запаздывает. Прошло уже десять минут сверх положенного срока! В Куряже Антон Семенович с первого дня установил правило, по которому о всяком нарушении распорядка жизни колонии, об опоздании любого сигнала более чем на пять минут дежурный воспитатель обязан был немедленно сообщать ему. А затем вопрос о каждом таком нарушении подлежал обсуждению на общем собрании колонистов или на совете командиров. Поэтому Антон Семенович был уверен, что сейчас, после ухода гостей, к нему зайдет дежурный воспитатель. Действительно, не прошло и минуты, как в дверь постучались. В кабинет вошла воспитательница Зинаида Петровна и доложила, что на кухне произошла авария — неожиданно лопнул котел, и пищу пришлось перекладывать в другой, поэтому обед немного запаздывает. В ряду других происшествий, случившихся за время ее дежурства, Зинаида Петровна отметила опоздание на работу без уважительной причины Мити Чевелия.

Имя Чевелия невольно воскресило в памяти Антона Семеновича неприветливую утреннюю встречу с Халабудой.

Хотя время было обеденное, пойти домой Антону Семеновичу не удалось. Сперва пришли комсомольцы из соседнего села с просьбой помочь организовать вечер самодеятельности, затем появился Семен Лукич, только-только возвратившийся из Харькова с невеселым сообщением, что Помдет опять задержал выдачу денег. Наконец вернулись гости, закончившие обход колонии. Как и предвидел Антон Семенович, от прежнего

недоверия и предвзятости у них не осталось и следа. Гости просили разрешения приехать завтра утром и снова пробывать в колонии до вечера.

Только в пять часов Антон Семенович сумел пойти домой пообедать, а в шесть он уже вновь выходил из своей квартиры.

В дневное время, когда колонисты работали, Антон Семенович занимался главным образом организационными и производственными делами, вечерние же часы целиком отдавал ребятам. Начиная с шести, его всегда можно было найти среди колонистов в клубе, в читальном зале, во дворе. Сегодня же, после доклада Семена Лукича об очередной неурядице с Помдетом, нужно было без промедлений переговорить о денежных делах колонии с Сидором Ивановичем. Антон Семенович опять вспомнил и утреннюю прогулку Халабуды с Чевелием, и смущенный вид председателя Помдета при встрече возле комнаты для приезжих. Антон Семенович обратил внимание и на какое-то перешептывание Чевелия, Новикова и других ребят на скамейке возле клуба: они замолчали при его приближении, когда минут пять — десять тому назад он направлялся к себе в кабинет. Всё это беспокоило его и почему-то связывалось с мыслями о Халабуде.

Неожиданно дверь приоткрылась и в кабинет просунулась голова Алексея Новикова:

— Антон Семенович, к вам можно?

— Ты хочешь мне сообщить что-нибудь очень важное, да? — шутливо спросил Антон Семенович.

— Совершенно верно, Антон Семенович, очень важное! Мы тут задумали такое дело, что Халабуда все деньги, которые нам должен, сам на стол выложит. Вы только устройте, чтобы он обязательно на общее собрание сегодня пришел, да Митю Чевелия не очень ругайте за утреннее опоздание на работу и не спрашивайте, почему он опоздал. После всё вам расскажем...

Антон Семенович задумался. Его как педагога и воспитателя радовало, что колонисты живут с ним одной жизнью, одними интересами и заботами. Не хотелось огорчать ребят отказом от участия в их «заговоре»: по глазам и по всему поведению Новикова он видел, что они задумали не просто шутку, а что-то серьез-

езное. Расспрашивать о подробностях их замысла он считал для себя невозможным, раз они сами преднамеренно не хотят посвящать его в детали дела, — этим он выразил бы им недоверие, чего во взаимоотношениях с колонистами, особенно старшими, не допускал никогда. Ответ мог быть только один: или отказ, или согласие. Но взаимоотношения с Помдетом были проблемой особой важности. Вправе ли он передоверить ее решение самим ребятам?

Новиков с нетерпением ожидал ответа, но Антон Семенович медлил. Чтобы выгадать время, он стал уверять Новикова, что ребятам лучше отказаться от своих намерений, так как «вообще нет никаких сил и способов воздействовать на Халабуду». Но Новиков с жаром ответил:

— Не сомневайтесь, Антон Семенович, дело самое наивернейшее! Пусть нас гром убьет или Николай Эдуардович пошлет бегонию пикировать, если оно сорвется! А за Сидора Ивановича не беспокойтесь. Никакого насилия не будет...

Уверенность Новикова в успехе, подкрепленная такой серьезной готовностью к самопожертвованию, подкупила Антона Семеновича. Вспомнив примеры блестящего выполнения Калабалиным, Белухиным, Лопотецким и другими колонистами очень ответственных поручений, Антон Семенович согласился помочь ребятам в их «наивернейшем деле», но предупредил, чтобы они не допускали никакой грубости по отношению к Халабуде и вообще не обидели бы как-нибудь старика.

Обрадованный Новиков хотел было уже помчаться к товарищам с радостным известием, но Антон Семенович, нахмутив брови, остановил его:

— Что это ты болтал сегодня перед обедом двум приезжим, ожидавшим меня? Чтобы этого больше никогда не было! Понял?

— Есть, понял! Больше не будет никогда! — весело ответил Новиков и исчез за дверью.

Ребята придумывали разные способы заставить Сидора Ивановича раскошелиться, или, как они стали говорить потом, «подцепить Халабуду на крючок». Но самый многообещающий план возник у них, когда стало известно, что Сидор Иванович большой любитель поудить рыбу. Накануне того дня, к которому относят-

ся рассказ, Митя Чевелий завел с Сидором Ивановичем разговор о всякой всячине и, как бы невзначай, рассказал, что сейчас по утрам замечательно рыба ловится — успевай только вытягивать. Вчера, например, в речушке Уде, протекавшей вблизи колонии, он, Митя, самолично подцепил краснопера по меньшей мере килограмма на три! Вертевшийся тут же Петька Левша с особо таинственным видом сообщил, что и он несколько дней тому назад выхватил удочкой из ямы, той, что за мостом, почти полуметрового карпа!

Через полчаса Сидора Ивановича и Митю Чевелия уже можно было видеть за деятельной подготовкой к завтрашней ловле. Они заготовили по пяти удочек на каждого и, по предложению Халабуды, смастерили еще и сачок с длинной ручкой на случай, если «стервец», который безусловно будет пойман, попытается оборвать или перекусить леску. Они осмотрели место ловли и обильно разбросали приманку — куски черного хлеба. Закончив такую тщательную подготовку, наши рыболовы уселись на берегу реки и стали мечтать о возможных результатах предстоящей ловли. Чевелий, которого интересовал вопрос, как подцепить на крючок не мифического краснопера, а самого Халабуду, намекнул, что ему как колонисту надо попросить разрешения отправиться завтра на рыбную ловлю — он ведь может опоздать на работу... И тут же добавил:

— А вдруг не отпустят, что тогда?

Размечтавшийся Халабуда, как и следовало ожидать, возмутился и безапелляционно заявил:

— Ты же не с кем-нибудь, а со мной пойдешь рыбачить! Я-то ведь над всеми вами начальник. Если захочу, так и десять колонистов возьму с собой! Понятно?

Чевелий поспешил воспользоваться этим и попросил дать ему на всякий случай справку — «на предмет его участия в рыбной ловле». Халабуда назвал Чевелия дураком, но парень не отставал, и в конце концов Сидор Иванович на клочке бумаги написал справку следующего содержания: «Чевелий Митька находится в моем распоряжении до необходимого срока. Сидор Халабуда».

Возвратившись в колонию, Халабуда отпустил Чевелия, приказав ему на рассвете явиться в комнату для приезжих со всем «оборудованием». Митя сразу же помчался созывать на экстренное совещание своих дру-

зей. Очень скоро в укромном уголке колонии были разработаны все детали завтрашней «ловли» Халабуды.

...Рано утром наши рыболовы уже сидели с удочками на берегу реки.

Прошел час, два, три... Солнце поднялось довольно высоко, но весь улов пока составляли две небольшие плотички. Чевелий с жаром убеждал Сидора Ивановича, что «настоящая рыба» пойдет позже — ведь и он, Митя, своего краснопера поймал позавчера что-то около десяти часов, не раньше!

Уже оттрубили сигналы на подъем, на завтрак, на работу, а наши горе-рыболовы, ничего не замечая и не слыша, продолжали упорно сидеть в ожидании «настоящей рыбы». Неожиданно из-за кустов показался Алексей Новиков и, делая вид, что не замечает Сидора Ивановича, начал кричать:

— Ты, Митька, чего тут сидишь? Ребята в поле работают, а ты возле речки прохлаждаешься! А для чего это ты пять удочек захватил? На лягушек разве? Справедливо сказано в старой поговорке, что рыбка любит лодыря, а пашня труженика. Кто разрешил тебе отлучаться из колонии?

Чевелий сделал вид, что сильно напуган, вынул справку Халабуды и подал ее Новикову, но тот, не читая, спрятал справку в карман и продолжал:

— Смотри, еще и документик припас! Антон Семенович разберется, кто тебе его дал, и вклеит хорошенько вам обоим — и лодырю и покровителю лодырей! А сейчас — марш в поле, на работу!

— Ну, чего расшумелся? — миролюбиво сказал Халабуда.

— А, Сидор Иванович! Добрый день! Вы тоже здесь? — сказал Новиков так, будто только теперь заметил Халабуду. — Нехорошо, Сидор Иванович! Видите, что колонист порядок нарушает, бездельничает, а вы его не гоните домой... Он и справкой от какого-то начальника, которому до колонии дела нет, обзавелся. А вы ему потакаете... Счастливой ловли, Сидор Иванович! — И Новиков скрылся в кустах.

Крайне сконфуженный всем, что наговорил Новиков, Халабуда сразу же после ухода Чевелия поспешил в колонию, забыв даже о пойманных плотичках. Встреча с Антоном Семеновичем возле комнаты для при-

езжих, видимо, окончательно испортила ему настроение, и Сидор Иванович, по этой ли причине или по какой другой, до самого вечера не выходил из своей комнаты.

...Оставшееся до общего собрания время Антон Семенович провел в беседах с ребятами. Увидев вышедшего наконец из дома и усевшегося на скамейке Халабуду, Антон Семенович с группой ребят направился к нему и пригласил его принять участие в общем собрании колонистов. Польщенный вниманием, Халабуда согласился прийти.

Когда в зале появился Сидор Иванович, ребята дружно ему зааплодировали и с нетерпением стали ожидать, как развернутся события, — большинство из них уже знало о подготовлявшемся «моральном наступлении» на руководителя Помдета. Собрание проходило спокойно, и добросердечный Сидор Иванович, растроганный и аплодисментами колонистов и тем, что его посадили на почетное место, с улыбкой оглядывал ребят, не предвидя никаких каверз и подвохов с их стороны.

Дольше, чем на других вопросах, задержались только на истории с яблоками. Когда секретарь совета командиров Дроздюк выложил на стол «вещественные доказательства», найденные под матрацем Бондарчука и в сундучке Швеца, всё внимание ребят поглотили яблоки и они на время забыли о Халабуде. Во всяких яблочных происшествиях ребята разбирались лучше даже, чем сам Антон Семенович. Несколько наводящих вопросов, заданных провинившимся, сразу же привели в ясность всё дело. Слово взял Матвей Белухин:

— Что можно сказать о Бондарчуке? Залез в сад Гордея Юхимовича, нарвал яблок и честно признался. А вот со Швецом дело другое! Катя, дочь Гордея Юхимовича, увлеченная кудрями Швеца, стала угощать своего ухажёра плодами из отцовского сада, и он, воспользовавшись ее доверием, за ее спиной набрал себе, как вы видите, двадцать отборных яблочек. Конечно, мы все не прочь залезть в сад — кто из нас не бывал грешен! — но с этим надо бороться. И наказывать надо обоих. Но Швецу за такую мелкую подлость, как обман девушки, недостойный колониста, я предлагаю усилить наказание: во-первых, остричь ему кудри,

чтобы не смущал больше дивчат, а во-вторых, запретить ему раз навсегда принимать от них подарки!

Предложение Белухина — остричь кудри — привело Швеца в полное смятение. Со слезами на глазах и с дрожью в голосе он стал уверять общее собрание и Антона Семеновича, что больше никогда не то что на яблоки, но и на Катю не посмотрит!..

По выражению лица Антона Семеновича нельзя было сказать, поддержит ли он Белухина или пощадит Швеца. Ему хотелось, чтобы ребята сами пришли к определенному решению. Он выступил только в конце обсуждения.

— Вася, наш комендант, конечно, мастер своими кудрями девушкам головы кружить, — сказал Антон Семенович, — но свои обязанности он исполняет хорошо: везде чистота и порядок, он не корчит из себя какого-нибудь барина или приказчика, а сам, где надо, действует и метлой, и лопатой, и граблями. Наказать его следует, однако я предлагаю оставить только второе предложение Матвея — запретить Швецу принимать подарки от девушек и предупредить его, что в другой раз он будет острижен наголо. В отношении Бондарчука, по-моему, можно ограничиться запрещением на месяц ходить в деревню. Через месяц яблоки отойдут, и у него не будет больше соблазнов.

Общее собрание согласилось с Антоном Семеновичем. Швец был счастлив — страшная угроза миновала.

Сидор Иванович с большим интересом прослушал обсуждение всей этой истории, но когда собрание перешло к следующему вопросу и командир сводного отряда Перцовский доложил об опоздании на работу Чевелия, Халабуда почувствовал себя неловко. Антон Семенович, как и обещал Новикову, не стал расспрашивать о причинах Митиногo проступка, но заявил, что проступок этот тяжелый, и предложил лишить Чевелия на месяц права исполнять должность помощника дежурного воспитателя, которая считалась весьма почетной. Митя не стал оправдываться и принял наказание как вполне заслуженное.

Собрание продолжалось. Поднялся Семен Лукич и попросил слова.

— Скоро ребята начнут учиться в школе, лето на

исходе, а у нас очень плохо обстоит дело со столами, стульями и другой мебелью для школы, — сказал он.

Антон Семенович спросил, какой же выход из положения предлагает Семен Лукич, и тот ответил, что надо просить Комиссию помощи детям оплатить из причитающихся нам по смете средств хотя бы расходы на материалы — доски, гвозди, клей; тогда мастерские колонии быстро сделают сами недостающую мебель.

Все мы вопросительно поглядывали на Сидора Ивановича, ожидая, что он скажет. Сидор Иванович сделал, однако, вид, будто слова нашего заведующего хозяйством никакого отношения к нему не имеют. Тогда ребята, считая момент самым подходящим, приступили к осуществлению своего плана — «подцепить Халабуду на крючок».

Встал Алексей Новиков и сказал:

— Тут в одном деле требуются ваши разъяснения, Антон Семенович.

— А это дело к мебели для школы имеет какое-нибудь отношение? — спросил Антон Семенович, догадываясь, что сейчас начнется атака ребят на Халабуду, что выступления и Семена Лукича и Новикова заранее подготовлены.

Новиков на мгновение замялся, а потом весело ответил:

— Самое что ни на есть прямое!

— Ну, тогда говори...

— Митя Чевелий доказывает, что если какой-нибудь наш харьковский начальник приедет, то он имеет право без вашего, Антон Семенович, ведома или без ведома дежурного дать любое распоряжение колони-сту и тот обязан это распоряжение выполнить! А по моему, тут что-то не так... Приедет, к примеру, зимой кто-нибудь из начальников и скажет: «Бросайте, ребята, учиться, у меня тут есть дельце поважнее, мне на зайцев сходить охота, а одному скучно, давайте соби-райтесь, учење подождет!» Что тогда делать? А некото-рые начальники своими действиями так и показывают, что им до нашего учења дела никакого нет. Прямо не говорят, а школу, чем надо, не обеспечивают! И даже в колонии на дисциплину внимания не обращают... Вот сегодня Митя Чевелий получил распоряжение... — Но-виков не спеша полез в карман, достал справку,

которую утром ему предъявил Чевелий, и, помахивая ею в воздухе, победоносно посмотрел на Сидора Ивановича.

Тот сидел в полном смущении, не зная, что сказать, и отводил глаза. Антон Семенович, сообразив, что ребята вынудили доверчивого Халабуду написать какую-то компрометирующую его справку, с улыбкой поглядывал на Сидора Ивановича, сидевшего с ним рядом, ожидая, как тот выйдет из этого весьма неприятного положения. А Новиков, продолжая помахивать справкой, с притворной нерешительностью спросил:

— Не знаю, зачитывать этот документик или, может, разорвать?

— Порви его к бису! — не выдержал Халабуда и, нагнувшись к Антону Семеновичу, прошептал: — Говорили о столах, стульях, шкафах, а тут, здорово живешь, на каких-то начальников из Харькова перешли. Скажи ребятам, что завтра дам распоряжение выдать все деньги на оборудование для школы... С ними только свяжись!

Сообщение Антона Семеновича о том, что Халабуда, обдумав нашу просьбу, нашел возможным ее удовлетворить и завтра уже можно будет закупать материалы для мастерских, потонуло в восторженных криках ребят. Новиков спрятал злополучную справку, так и не зачитав ее. Сидора Ивановича не качали только потому, что он успел скрыться за спину Антона Семеновича, умоляя защитить его от этих «дьяволов», которые вытрясут из него «не только столы, стулья и шкафы, но и душу со всеми потрохами».

Ребята расходились весело и шумно. Чевелий, окрыленный победой, крикнул:

— Так как же завтра, Сидор Иванович, пойдем красноперов ловить?

— Уж ты, пустомеля первой категории, замолчал бы лучше! — погрозил ему кулаком Халабуда. — А, между прочим, с нами, бюрократами, иначе и нельзя! — уже добродушно добавил Сидор Иванович и вместе с Макаренко направился к нему в кабинет.

Усевшись поудобнее в кресле, Сидор Иванович закурил трубку и не спеша, с удовольствием предался размышлениям вслух. Он говорил о достижениях коло-

нии и при этом высказал особые симпатии Антону Семеновичу:

— Как это ты сумел ребят преобразовать? Еще недавно Куряж по кирпичику растаскивали, а сейчас в колонии только и разговору, что надо строить, — то строить и это строить. Вот в Подворском сельсовете — трое твоих колонистов и агроном. Как послушаешь, как это Горгуль и другие авторитетно докладывают в сельсовете об усилении борьбы с кулачеством и бандитизмом, так и не поверишь, что еще год-два тому назад были беспризорными. На что уж твой Тоська Соловьев скромный мальчик, а и тот сегодня пристал ко мне — не отвяжешься, — чтобы отдал я для библиотеки книги, которые у нас в Помдете в кладовой лежат. И скажи ты на милость, как он узнал про эти книги, когда мне самому про них ничего не известно! Вот только не пойму я одного: отчего это ты не ладишь с нашими инспекторами? Ведь они ж институты кончали! Уступил бы им в чем-нибудь, а? Тогда общими силами двинули бы эту самую педагогику. А то ведь сам знаешь, как плохо у нас с этим делом.

Антон Семенович насторожился, едва только Халабуда заговорил об «уступках инспекторам». Это была для него не новая тема. Но он никогда не допускал и мысли о возможности каких бы то ни было уступок в принципиальных вопросах. Отчеканивая каждое слово, он сказал Халабуде:

— А что, ежели я, Сидор Иванович, посоветую тебе уступить в чем-нибудь меньшевикам и эсерам, чтобы вместе с ними «общими силами» строить Советское государство?

— Ну, ты скажешь такое... То партийное дело, а это...

— А это что? Не партийное дело? А чье же? Может быть, инспекторов наробраза? Нет, Сидор Иванович, воспитание молодежи — партийное дело, и ты как коммунист должен это понять. Ты только подумай, куда тянут меня все ваши петровы, брегели, духовы, козловы, шарины и другие. «Боже сохрани как-нибудь влиять на ребят — их сознание должно развиваться самостоятельно!», «Нельзя учить ребят ненавидеть врагов, так как все люди — братья!», «Нельзя наказывать ребят за плохие поступки, так как это их ожесточит!»

И так далее и тому подобное... Вспомни, что совсем недавно проповедовала Брегель: колонии нужно закрыть, а беспризорных, видишь ли, отдать на воспитание кулакам! А твой Духов и десяток его родственников, наводнивших аппарат наробраза? Вспомни, сколько раз их вычищали из вашего аппарата. Почему же вы их снова восстанавливаете на прежнем месте? А ваш Петров, профессор, «крупнейший авторитет в вопросах воспитания», так воспитал своего сына, что вынужден был для исправления отдать его в колонию. Хороша и Козлова (Зоя)! Спроси наших новых колонистов, как она обучала их следить за мной и потом доносить ей. Конечно, и среди ваших инспекторов есть люди, понимающие и ценящие успехи и опыт колонии, но, к сожалению, они еще в меньшинстве и часто не решаются прямо выступить против наших врагов, — добавил Антон Семенович.

Насколько Макаренко был прав, можно судить по одному тому, что враги, о которых он говорил Халабуде, были впоследствии разоблачены на Украине как пособники кулаков, троцкисты, буржуазные националисты. Нужно вспомнить здесь и то, как сурово были осуждены нашей партией извращения педологов.

— Ты, Сидор Иванович, не думай, что нас никто не поддерживает! — продолжал Макаренко. — Я тебе, назову тех, кто на нашей стороне. Это прежде всего работники детколоний, разуверившиеся в «помощи» петровых, брегелей и шариных. Это рабочие-коммунисты с харьковских заводов, частенько заглядывающие к нам, чтобы собственными глазами посмотреть на нашу жизнь. Это бедняцко-средняцкое селянство, которое с нашей помощью объединяется в артели. Я не говорю уже о селянской молодежи — она вся на нашей стороне. А сколько детей из кулацких семейств, познакомившись с колонией, ушли от родителей! А вузовская молодежь! Ты думаешь, она не видит разницы между пустыми словами профессора Петрова и живой творческой работой всего нашего коллектива? Знаешь, что мне напоминают писаки, составители всяких инструкций и проектов, окопавшиеся в наробразе? Пузырьки на воде во время дождя: надуваются, лопаются и исчезают без следа.

Халабуда не рискнул вступить в спор с Антоном Семеновичем и только с огорчением проговорил:

— Тебя всё равно не переспоришь, а между прочим время идти спать...

Шум в колонии стал стихать, но в кабинете Антона Семеновича еще долго раздавались голоса. Пришли наши актеры — они собрались на репетицию «Леса» Островского. Роль Несчастливцева исполнял Антон Семенович. До двенадцати часов был слышен его голос — то актера, то режиссера спектакля. Часто доставалось от него воспитательнице Любове Петровне, игравшей роль помещицы Гурмыжской.

— Да смотрите вы ласковей на своего жениха Буланова! — умолял ее Антон Семенович. — Забудьте вы, что это Гриша, неудачный охотник, разбивший сегодня стрелой из лука стекло в вашей комнате. Он больше этого делать не будет. Правда, Гриша?

Очень удрученное Гришино «да» показывало, что он весьма опасается последствий своей неудачной охоты, тем более что «невеста» уже дважды подала ему реплику совсем не по пьесе:

— Где хочешь возьми, а чтобы завтра стекло было вставлено!..

Только в начале первого возвратился Антон Семенович домой. Татьяна Михайловна спала, но на столе он увидел тщательно укутанный чайник и ужин, прикрытый белой салфеткой, приготовленный заботливой рукой матери.

В борьбе с противниками

В 1927 году Антон Семенович разработал проект создания Управления детколониями Харьковской области (тогда еще губернии), которое должно было взяться за широкое внедрение в жизнь опыта колонии имени М. Горького.

Со своим проектом Антон Семенович ознакомил Галину Стахивну Салько — председателя Комиссии по делам несовершеннолетних. Она горячо поддержала Макаренко и приняла деятельное участие в осуществлении его замысла.

Отдел народного образования Харьковского губис-

полкома, конечно, высказался против предложений Антона Семеновича.

Однако проект был одобрен одним из заместителей председателя губисполкома, хорошо знавшим старый и новый Куряж. Но заведовать Управлением детколониями Антон Семенович отказался, и по его совету во главе этого нового учреждения была поставлена по совместительству Галина Стахиевна Салько. Макаренко стал ее заместителем, заведование производственной частью управления поручено было мне.

Работники наробраза не могли примириться со своим поражением. Они продолжали борьбу, и по их настоянию управление не получило никаких административных прав и, в частности, права сменять персонал детских учреждений.

Вся наша работа протекала главным образом на местах и начиналась с подробного изучения жизни той или иной колонии.

На общих собраниях ребята расспрашивали Антона Семеновича о жизни в колонии имени М. Горького, и часто их вопросы убеждали нас в том, что кто-то (мы хорошо знали — кто!) ведет сознательно клеветническую агитацию против Макаренко.

— Правда ли, что у вас, если не слушаешься, то бьют?

— Есть ли у вас карцер?

— Часто ли оставляют только на хлебе и воде?

А на собраниях педагогов и воспитателей Антона Семеновича всюду спрашивали об одном и том же: какие меры воздействия применяет он к провинившимся ребятам? Чувствовалось, что вопрос о борьбе с хулиганством — больное место всех колоний и никто не знает, как по-настоящему подойти к разрешению этой проблемы.

Не все педагоги относились с доверием к Антону Семеновичу, когда он говорил, что в колонии имени М. Горького никакого карцера нет, ребят не бьют и не наказывают лишением пищи. Один из таких скептиков по приглашению Макаренко прожил у нас три дня, тщательно осмотрел все уголки Куряжа и всё же перед отъездом спросил:

— Где у вас карцер? Я его искал, искал, но так и не нашел.

Антон Семенович покачал головой, невесело улыбнулся и высказал опасение, не напрасно ли вообще этот «педагог» приезжал к нам.

Слухи о предстоящем разгоне педагогического персонала всегда предшествовали нашему приезду в ту или иную колонию. Бывших классных дам, педелей, учителей-неудачников было среди воспитателей в то время немало, они-то и распространяли эти слухи. Кажется, в Волчанске такой «воспитатель» неопределенного возраста, в засаленном долгополом пиджаке, напоминавшем халат Плюшкина, сложив руки на животике, скучным голосом спросил Антона Семеновича:

— Правда ли, что, приняв Куряжскую колонию, вы уволили всех воспитателей? Неужели не нашлось ни одного достойного работать под вашим руководством?

— Да, я действительно уволил всех, — сказал Антон Семенович. — Возможно, среди них и были достойные, но, находясь в Куряже, они дошли до такой степени разложения, что сами нуждались в воспитателе. Но почему это вас так беспокоит?

— Имея жену и наследников, интересуюсь, что ждет меня в будущем, дабы заблаговременно принять необходимые меры к подысканию крова, — витиевато ответил этот субъект.

Подобные этому воспитателю типы встречались почти в каждом детском учреждении, они пугали ребят мнимыми ужасами жизни в колонии имени М. Горького и сеяли среди педагогов сомнения в плодотворности идей А. С. Макаренко.

Попадались и такие педагоги, которые полагали, что введение одних только внешних организационных форм, заимствованных из опыта нашей колонии, уже само по себе сразу поднимает дисциплину среди ребят. А так как их надежды рушились, они начинали взывать к помощи Антона Семеновича, прося его скорее приехать и навести порядок. Антон Семенович рассказывал анекдотический факт. Один из таких руководителей всякий раз, когда ему не удавалось справиться с провинившимся колонистом, в качестве последней, самой страшной угрозы обещал ему:

— Ну вот, приедет Антон Семенович, наведет на тебя специальный аппарат, и через пять минут станешь ты тихий, как овечка, на всю жизнь!

Но во многих колониях — Лозовской, Валковской, Дергачевской — заведующие и воспитатели с радостью изучали и с успехом проводили в жизнь макаренковскую педагогическую систему.

Серьезную идейную борьбу большого принципиального значения пришлось вести Антону Семеновичу с заведующим одной из детколоний Васелюком.

Эта колония (Степная) обладала примерно 1000 гектаров пахотной земли. Хозяйство в ней было поставлено неплохо, она располагала большими запасами зерна и других сельскохозяйственных продуктов, а среди колонистов Васелюк поддерживал довольно строгую дисциплину.

Для нас было ясно, что обработать такую большую посевную площадь силами одних колонистов нельзя. По дошедшим до Харькова сведениям, многие ребята в Степной колонии находились на положении батраков, а значительная часть земли регулярно сдавалась в аренду приезжим крестьянам за плату натурой из будущего урожая. Всё это требовало проверки.

Еще до организации Управления детколониями Васелюк, выступая на совещаниях в наробразе, похвалялся своими богатствами, своей материальной помощью государству, но о воспитании и учебе колонистов умалчивал.

— У наробразовских мудрецов вскружилась голова от тех тысяч пудов хлеба, которые собирает Васелюк, — сказал однажды Антон Семенович, когда мы возвращались из наробраза. — Но они не видят, что за этими пудами хлеба прячется кулак со своими кулацкими методами обогащения. А с воспитанием ребят в Степной колонии дело обстоит неблагоприятно. В этом надо разобратся и вывести Васелюка на чистую воду.

И вот как-то ранним утром мы выехали втроем — Галина Стахиевна, Антон Семенович и я — «в гости» к Васелюку.

Вечером в десяти километрах от Степной колонии наш автомобиль закапризничал, и нам пришлось остановиться. Кругом была глухая степь без признаков жилья, только откуда-то издали доносился в тишине неясный шум. Быстро надвинулась темная осенняя ночь, а шофер еще не успел устранить неполадки в моторе. Вдвоем с Антоном Семеновичем мы отправились

на поиски ночлега, а Галина Стахиевна осталась поджидать нас в машине.

Мы шли туда, откуда слышался шум, и скоро на склоне глубокой балки увидели приветливо мигающие огоньки. Перед нами раскинулся хутор с несколькими домами, хозяйственными постройками и обширным двором, на котором в беспорядке сгрудились десятки телег; у кормушек стояли привязанные лошади и волы. Всюду горели костры, и вокруг них сидели крестьяне, приехавшие, как видно, издалека. Всё это напоминало большой табор. Далеко разносились громкие голоса спорящих, окрики конюхов и погонщиков волов, ржание лошадей и рев скота...

Мы спустились к ближайшему дому, надеясь договориться с хозяином о ночлеге. Вошли — и, удивленные, остановились у входа. За большим некрашеным дощатым столом при свете двух коптящих ламп ужинали человек двадцать грязных, оборванных ребят в возрасте десяти—пятнадцати лет. Они черпали какую-то похлебку из расставленных на столе мисок; двое парней повзрослее и лучше одетых непрерывной бранью и угрозами поддерживали за столом порядок. Нам нетрудно было сразу понять, что мы находимся среди беспризорных. Но как они попали сюда? И кто эти двое надсмотрщиков? Это было неясно.

Заметив нас, ребята притихли. Сделав вид, что мы случайные проезжие и зашли узнать дорогу, Антон Семенович непринужденно заговорил с ребятами. Их недоверчивое отношение к незнакомцам стало рассеиваться. И вскоре, несмотря на окрики надсмотрщиков: «поменьше болтайте», они заговорили с нами откровенно.

...Направленные ранней весной в Степную колонию, ребята были размещены на этом хуторе; им обещали, что если они хорошо поработают, то осенью их переведут в главную усадьбу колонии, где они будут учиться в школе; однако недавно сюда приезжал заведующий и сказал, что он с кем-то заключил договор на откорм быков, теперь ребята должны будут ухаживать за быками всю зиму и только через год попадут в главную усадьбу; надсмотрщики — это старшие колонисты, отбывающие двухнедельное дежурство на хуторе. Ребята рассказали также, что сейчас сюда съезжаются для копки и возки сахарной свеклы крестьяне из дальних деревень.

Антон Семенович спросил, что они знают о колонии имени М. Горького. Ребята дружно ответили: «Там колонистов бьют, и сам заведующий — бывший царский офицер, и воспитатели — тоже, и старшие колонисты — тоже...» Всё это, по словам ребят, стало им известно от Васьки по кличке Перебийнис, убежавшего из колонии имени М. Горького. Сейчас он находится в Степной, на главной усадьбе...

Васька Перебийнис был одним из тех немногих «воспитанников» старого Куряжа, которые не сжились с коллективом горьковцев. За систематическое спаивание малышей водкой Макаренко отчислил его в свое время из колонии. Попав к Васелюку, он или по злобе, или по наущению распространял о нас гнусную ложь.

Когда мы вышли из этого дома, огни хутора не показались нам, как прежде, приветливыми. Всё вокруг вызывало только чувство горечи и обиды. Рассказ Антона Семеновича о виденном и слышанном так возмутил Галину Стахиевну, что она наотрез отказалась перебираться на хутор.

Кое-как скоротали мы ночь в степи, а к девяти часам утра добрались до Васелюка.

Он уже знал об организации Управления детколониями Харьковской губернии и встретил нас весьма любезно. Беседу вела Галина Стахиевна и отчасти я. Антон Семенович упорно молчал. Только когда Васелюк заявил, что его система воспитания, в сущности говоря, очень близка к системе воспитания в колонии имени М. Горького, но имеет то преимущество, что приводит к «большему экономическому эффекту», Антон Семенович бросил язвительную реплику:

— О нет! Нам еще многому надо учиться у Степной колонии и, конечно, прежде всего методам накопления материальных благ...

Осматривая школу, мы увидели, что в ней занимаются всего тридцать—сорок колонистов; Галина Стахиевна сухо спросила:

— Где же остальные ребята?

Васелюк поспешно ответил, что еще не окончены полевые работы и поэтому многие ребята живут в хорошо устроенных хуторах, где они полдня занимаются сельскохозяйственным трудом, а полдня учатся в организованных на месте школах. Мы невольно переглянулись. Антон

Семенович продолжал молчать, но по напряженному выражению его глаз мы понимали, что гроза надвигается.

Галина Стахиевна попросила после конца уроков собрать колонистов в клубе.

Когда мы заняли места в президиуме, Антон Семенович обвел глазами зал, увидел Ваську Перебийниса, притаившегося в самом дальнем углу, и подозвал его.

Через минуту, поставив перетрусившего Ваську перед столом президиума, он приказал ему без лишних слов ответить на вопрос, кто научил его клеветать на колонию имени М. Горького. Окончательно растерявшийся Васька залепетал, что он ничего не знает и ничего плохого о Куряже не говорил.

Антон Семенович отослал его на место, а сам начал рассказывать ребятам обо всем, что мы видели и слышали на хуторе. Он гневно говорил о том, что в Степной колонии ребята разделены на сынков и пасынков: меньшую часть составляют они — сынки, сидящие сейчас здесь, в клубе, и живущие в лучших условиях, а большую — остальные колонисты, пасынки, разбросанные по хуторам. Они, сынки, воспитываются в кулацком духе, чтобы стать надсмотрщиками над своими товарищами, которые находятся на положении батраков. Колония создает свои запасы хлеба за счет эксплуатации пасынков и приезжих крестьян. Неужели ребята сами этого не понимают?!

Васелюк пытался было прервать речь Макаренко, предлагая обсудить все эти «непринципиальные» вопросы на педагогическом совещании, но Антон Семенович, всем корпусом повернувшись к нему, резко сказал:

— Нет! Это вопросы сугубо принципиальные, и их надо обсудить прежде всего здесь. Ребята должны знать, что они идут назад — к кулацкому хозяйству, а не вперед — к коммунизму!

Васелюк притих, Антон Семенович продолжал. Он заговорил теперь о колонии имени М. Горького. Мне много раз доводилось слушать рассказы Антона Семеновича о жизни и воспитании горьковцев, но такого яркого, сильного, глубоко впечатляющего рассказа я никогда не слышал ни раньше, ни позже.

Враждебность колонистов давно уже как рукой сняло. Они слушали Макаренко затаив дыхание, боясь пропустить хотя бы одно его слово.

— Верите ли вы мне, что всё рассказанное мною о колонии имени Максима Горького — правда? — спросил в заключение Антон Семенович.

— Верим! — раздались дружные возгласы ребят.

Отказавшись от приглашения Васелюка «по-товарищески отужинать», мы, несмотря на приближение ночи, выехали обратно в Харьков: уж очень не хотелось оставаться с ним под одной крышей.

Однако серьезно оздоровить Степную колонию нам не удалось — в губнаробразе и даже в Наркомпросе Украины было еще много неразоблаченных защитников Васелюка и его «системы воспитания». Но идейная борьба с Васелюком продолжалась. Антон Семенович, где и когда только мог, беспощадно вскрывал кулацкий характер васелюковского «рентабельного» хозяйства.

Работая в Управлении детскими домами и колониями Харьковской губернии, Антон Семенович оставался заведующим в Куряже. Он категорически отказался уйти из колонии — она была его детищем, его гордостью, его домом.

В начале 1928 года опасно заболела Г. С. Салько. Руководство управлением легло на плечи Антона Семеновича. Атмосфера недоброжелательства со стороны аппарата губнаробраза сгущалась вокруг него, придирки и дерганье становились всё нестерпимее, и в конце концов Антон Семенович вынужден был отказаться от этой работы. Вместе с Антоном Семеновичем ушел из управления и я. Оно просуществовало еще очень недолго и, к нескрываемой радости работников наробраза, было ликвидировано.

Многие педагоги и воспитатели часто просили Макаренко дать им в письменном виде инструкцию, обобщающую опыт педагогической работы в колонии имени М. Горького. Эти просьбы были особенно настойчивы, когда Антон Семенович работал в Управлении детскими колониями. Он обычно отвечал, что такую инструкцию написать очень трудно. «Знаете что, — говорил он, — приезжайте лучше к нам в Куряж, чтобы непосредственно ознакомиться с жизнью горьковского коллектива». Когда мы, ближайшие его помощники, со своей стороны спрашивали, почему он в самом деле не напишет

столь необходимой инструкции, Антон Семенович признавался, что не знает, в какой форме можно было бы это сделать. Изложить обобщающий материал в виде сухого документа — значит наверняка причинить делу вред, это приведет только к формальному выполнению требований системы. Нужно создать такую инструкцию, которая была бы не перечнем правил, а изображением, картиной воспитательно-педагогического процесса в действии. Именно тогда он окончательно уверился в том, что раскрыть опыт работы колонии имени М. Горького можно наиболее полно только на страницах художественного произведения, только в живой, образной форме можно показать весь сложный процесс воспитания ребят разного типа и характера.

Но первоначальный, еще смутный замысел такого произведения возник у Антона Семеновича значительно раньше. Еще в 1927 году у него уже были начерно написаны некоторые главы будущей книги. Когда мы праздновали годовщину нашего переезда из Полтавы в Куряж, вечером на товарищеском ужине Антон Семенович вдруг признался, что он «литературно оформляет различные эпизоды из жизни колонии», но тут же сказал, что еще не представляет себе, какова будет окончательная форма его литературных набросков. Ознакомить нас с написанными страницами он не захотел из опасения, что «действительные лица, узнав себя в литературных героях, перестанут быть по-обычному простыми и искренними». Это было в мае 1927 года.

Противники Антона Семеновича кричали на всех перекрестках, что его уход из Управления детколониями — несомненное доказательство «поражения макаренковской системы воспитания». Нападки на Антона Семеновича и на всё, что им было сделано, начали изо дня в день усиливаться. Участились посещения Куряжа различными комиссиями и инспекторами. Они стремились собрать «неопровержимый» материал для обвинения Антона Семеновича в том, что его система является... несоветской.

Особенно запомнилось мне обследование колонии комиссией, которую возглавляла Брегель — ответственный работник Наркомпроса Украины. На собрании ко-

лонистов, созванном по ее требованию, присутствовали Антон Семенович и я, а остальные служащие, педагоги и воспитатели на эту «особо важную» беседу с ребятами допущены не были. Открывая собрание, Брегель заявила, что комиссия приехала изучить наши нужды, с тем чтобы «поднять колонию на еще более высокую ступень». Однако за этой хорошей декларацией скрывалась совсем другая цель, которая нет-нет да и обнаруживалась в словах Брегель, когда она, как бы между прочим, обращалась к колонистам с просьбой сообщить, не обидел ли кого-нибудь из них Антон Семенович, не оставляют ли колонистов без еды в наказание за проступки, не бьют ли ребят заведующий, воспитатели, старшие колонисты. Словом, мы услышали старую песню! При этом председательница комиссии настойчиво убеждала ребят, что они не должны бояться говорить правду, что за это они наказаны не будут. Она вела беседу вкрадчивым, елейным тоном, в таком же духе разговаривали с ребятами и другие члены комиссии.

Но колонисты не скрывали своей любви к Антону Семеновичу, и это бесило Брегель.

Правда, кто-то из старых куряжан вдруг заявил, что его сильно «штовхнув» (толкнул) один воспитатель, но сразу же выяснилось, что он имел в виду давно уволенного «педагога» из прежней Куряжской колонии. Беседа продолжалась уже более двух часов, а обследователи всё еще не смогли получить столь желанных для них сведений.

Антон Семенович пока не проронил ни слова, но вот он не выдержал, встал и обратился к ребятам не с просьбой, а с требованием ничего не таить про себя, честно рассказать комиссии все обиды на него и на любого из воспитателей и служащих колонии. При этом он назвал фамилии нескольких колонистов, которые были им наказаны в последние дни. Брегель немедленно вызвала их, но они в один голос дружно заявили, что Антон Семенович наказал их за дело, так какая же может быть у них обида на него! Стоит заметить, что всё это были не старые горьковцы, а бывшие куряжане. Наконец после долгих всё новых и новых взываний председательницы поднялся уже знакомый нам старший колонист Дмитрий Чевелий и громко сказал, что он очень обижен на Антона Семеновича и воспитателя Чапляна (Бу-

цай). Члены комиссии сразу оживились — зашелестели бумаги, закрипели перья.

Когда Чевелий выходил к столу президиума, ребята провожали его суровыми взглядами, но как только он начал свой рассказ, они поняли, что Митя просто решил разыграть комиссию. Ребячьи лица засветились улыбками, из зала понеслись насмешливые реплики в адрес председательницы.

По словам Мити, на прошлой неделе он как-то зашел в неурочное время на кухню и попросил старшую кухарку дать ему обед — он, мол, опоздал пообедать в столовой. Кушать на кухне колонистам не разрешалось, но старшая кухарка, поворчав, всё же дала Мите тарелку борща. Едва он успел черпнуть ложкой, как в кухню зашел дежуривший в этот день Чаплян.

«Ты что здесь делаешь? — спросил воспитатель, увидев Чевелия. — Ведь ты только полчаса тому назад пообедал в столовой, и, по твоей просьбе, тебе еще дали прибавку!..»

Кухарка, услышав эти слова, схватила деревянный половник и с криком: «А, так ты мне брехать!» — ударила им Чевелия. Половник треснул. Борщ кухарка вылила в ведро, а Митю выгнала вон из кухни.

Выслушав этот рассказ, председательница комиссии с досадой спросила:

— И это всё? В чем же состоит твоя обида на воспитателя Чапьяна?

— А как же! — не задумываясь ответил Чевелий. — Борщ-то ведь пропал! Не зайди воспитатель на кухню, я бы еще раз пообедал!

— А на Антона Семеновича за что ты в претензии? — уже со злостью спросила Брегель.

— Да ведь Антон Семенович объявил выговор кухарке, и мне теперь не то что в кухню зайти, а и мимо пройти нельзя. Кухарка кочергой побить грозитя! Ей-богу! — сказал он, притворяясь сильно взволнованным.

Чевелий возвращался на свое место, пожимая плечами, с видом человека, удивленного, как это его обиды, о которых он так подробно и ясно рассказал, остались непонятыми... А ребята веселились от души, глядя на него.

Разгневанная комиссия под нескрываемые насмешки

колонистов уехала восвояси, так и не собрав данных, которые могли бы «поднять колонию на еще более высокую ступень».

Хотя никаких отрицательных материалов ни одна из подобных комиссий представить не смогла, всё же духовы, брегели, петровы и прочие сумели провести через Наркомпрос Украины решение, по которому система воспитательно-педагогического процесса, разработанная Антоном Семеновичем Макаренко, была признана несоветской. Трудно и горько сейчас вспоминать об этом. То, что казалось невероятным, стало совершившимся фактом. В июне 1928 года Антон Семенович вынужден был подать заявление об уходе. Меня и еще нескольких «старых горьковцев» Антон Семенович об этом предупредил, но просил никому не рассказывать о том, что произошло, чтобы раньше времени не огорчать ребят и вообще не нарушать спокойной трудовой жизни колонии.

Надо ли говорить, какую душевную боль он испытывал в те дни, какая тяжесть лежала у него на сердце... Но он продолжал работать с неослабевающей энергией. Его больше всего угнетало, что в коллективе, который ему предстояло покинуть, оставалось еще немало ребят, нуждавшихся в серьезной и повседневной воспитательной «обработке». Среди таких неустойчивых колонистов были не только подростки, но и уже взрослеющие юноши. Антон Семенович высказал мысль, что взрослых ребят, пожалуй, лучше будет еще до его ухода направить на производство. Если они останутся в колонии, то без твердого руководства быстро разболтаются и начнут разлагающе влиять на других ребят, — рабочая среда, большой мощный коллектив завода скорее удержат их от неправильного шага.

Антон Семенович составил список таких колонистов и немедленно начал подыскивать для них работу. Но нужно было сделать не только это — ребят следовало где-то поселить и на первых порах помочь им в бытовом устройстве. Они уходили в жизнь из колонии, которая стала для них отчим домом, и она должна была о них позаботиться. Антон Семенович принял эту заботу на себя, и еще до того, как он навсегда покинул колонию, ребята-выпускники были обеспечены и работой и благоустроенным жильем.

Горький у горьковцев

В те же дни, омраченные тягостными раздумьями о предстоящем уходе Антона Семеновича, в жизни колонии произошло событие, быть может, самое радостное за все годы ее существования, и это на время заглушило наши тяжелые переживания.

В начале 1928 года возвратился из Италии Алексей Максимович Горький. Мы не сомневались, что на приглашение посетить колонию он ответит согласием. На общем собрании Антон Семенович предложил немедленно начать подготовку к будущей встрече дорогого гостя. Собрание шумно одобрило идею Антона Семеновича преподнести Горькому в подарок книгу о жизни колонистов, написанную самими ребятами. Решено было поместить в ней биографии всех горьковцев.

С этого момента наш коллектив зажил одной мыслью, одной целью: достойно встретить своего великого друга и шефа. Теперь всё оценивалось с предполагаемой точки зрения Алексея Максимовича: одобрит он или не одобрит, заинтересуется или не заинтересуется, приятно ему будет или безразлично?..

Когда из-за холодной погоды на несколько дней задержались всходы кормовой свеклы, со всех сторон посыпались всевозможные предложения, как ускорить проращивание семян; кто-то даже потребовал развести на посевах костры! Ребята приходили в ужас от одной только мысли, что Алексей Максимович, осматривая наши поля, увидит и этот участок! О появлении запоздавших, но дружных всходов огородники докладывали на совете командиров, как об очень важном событии.

Ребята очистили от мусора большую площадку и разбили на ней прекрасную клумбу. Наши цветоводы выложили из цветов замысловатый вензель «М. Г.» В клубе и на стенах главного здания появились тщательно выписанные колонистами цитаты из произведений Алексея Максимовича и многочисленные лозунги.

Даже малыши и те полны были забот. Наловив всяких зверюшек — ежа, мышей, кроликов — и где-то раздобыв птиц — кобчика, горлицу, удода, — ребята любовно ухаживали за ними, задумав подарить Алексею Максимовичу весь этот зоологический сад.

В середине июня 1928 года в Москву к Горькому

выехала наша делегация. Ее сообщение, что Алексей Максимович согласился погостить у нас несколько дней, взбудоражило всех и вся. На экстренно созванный совет командиров сбежалось столько колонистов, что заседание пришлось перенести в наш клуб.

Проект украшения Куряжа, предложение пошить новую летнюю одежду для колонистов и купить новую столовую посуду споров не вызывали. Затруднения начались, когда перешли к разговору о том, как будет жить в колонии Алексей Максимович. Какую мебель поставить в отведенных ему комнатах? Нужно ли зеркало и какое — во весь рост или меньше? Как быть с кроватью — поместится ли Алексей Максимович на обычной кровати или необходимо сделать специальную, ему по росту? Чем кормить Алексея Максимовича? Не нужно ли обучить нашу кухарку приготовлению каких-нибудь особенных блюд? Командир отряда сапожников предложил обсудить вопрос о сапогах для Алексея Максимовича на случай дождя...

Было решено, что наша столярная мастерская сама изготовит всю недостающую мебель и прежде всего письменный стол и рабочее кресло. А кровать наметили купить новую «с примеркой» на самого высокого колониста, каким у нас считался Калабалин. Вопрос о зеркале вызвал споры, но в конце концов все пришли к единодушному заключению, что зеркало во весь рост необходимо только артистке, а Алексею Максимовичу оно, пожалуй, не потребуется, поэтому совет решил повесить в спальне небольшое круглое зеркало и на туалетный столик поставить складной трельяж.

Дольше всего обсуждался вопрос о питании. Ребята предложили готовить для Алексея Максимовича те блюда, какие они сами больше всего любили: гречневую кашу с салом на завтрак, украинский борщ и отварную свинину на обед, жареный картофель и компот на ужин. Наша старшая кухарка и воспитательницы выступили с шумным протестом против такого меню, и ребятам пришлось согласиться, что, пожалуй, и в самом деле надо запланировать пищу полегче. Была избрана комиссия, которой поручили тщательно продумать этот вопрос.

Предложение командира отряда наших сапожников единогласно одобрили, но изготовление сапог отложили,

так как было неясно, какого размера обувь носит Алексей Максимович и как быть с примеркой — тут уж Ка-лабалин не годился...

Теперь каждый день можно было наблюдать, как во всех уголках Куряжа ребята что-то мыли, чинили, ремонтировали, красили, белили, очищали от пыли. И к тому времени, когда была получена телеграмма, что Алексей Максимович 8 июля приезжает в Харьков, всё уже было приведено в полный порядок.

Когда кончился парад колонистов, во время которого над территорией старого монастыря то и дело разносились торжествующие крики «ура» и радостные возгласы ребят, Антон Семенович предложил Алексею Максимовичу отдохнуть после дороги.

Спутник Горького, фамилию которого я уже забыл, человек, по-видимому, весьма общительный, остался во дворе с ребятами и тотчас же был атакован взволнованной колонисткой Тасей — членом комиссии по приему Алексея Максимовича. Она решила сразу прояснить все сложные вопросы гостеприимства.

— Скажите, пожалуйста, какие блюда больше всего любит Алексей Максимович? Рано ли ложится спать? Не нужно ли положить на кровать Алексею Максимовичу перину? А подушек, как вы думаете, трех достаточно?

Узнав, что трех подушек, пожалуй, многовато, но что Алексей Максимович любит после ужина пить чай с лимоном и что вообще доктора рекомендует ему есть лимонов как можно больше, Тася пришла в полное смятение: она знала, что, кроме клубники и черешни, в колонии нет сейчас никаких ягод или фруктов. Она стремглав помчалась к Елизавете Федоровне, которая по ее виду решила, что случилось какое-то непоправимое несчастье.

— Ох, что мы будем делать? Алексея Максимовича нужно кормить только лимонами! А у нас их нет ни одного!.. — с плачем, скороговоркой доложила Тася.

Елизавета Федоровна успокоила ее, как могла, убедив, что она преувеличивает потребность Алексея Максимовича в лимонах, но беспокойство охватило уже и ее: «В самом деле, надо же что-то предпринять!» А тем временем кабинет Антона Семеновича, где всё это про-

исходило, наполнился ребятами, прослышавшими о неожиданном затруднении.

— Что будем делать? — обратилась к ним Елизавета Федоровна. — Кто возьмется поехать в Харьков и добыть лимоны?

Ребята молчали. Это была для того времени года нелегкая задача. Кто-то робко предложил послать гонцов на самолете в Москву или на Кавказ.

Но вот слово взял Новиков-старший, Жора, известный всей колонии своей находчивостью и ловкостью, правда, иногда направленными совсем не в ту сторону, куда следовало.

— Я поеду! — заявил он.

— У тебя есть какой-нибудь определенный план?

— Ах, Елизавета Федоровна, да разве для такого дела можно заранее план составить! Вся надежда на учет обстановки и на содержимое вот здесь, — с улыбкой ответил Жора, постучав пальцем по лбу.

— Я думаю, что надо на всякий случай и еще кого-нибудь послать в Харьков, — сказала Елизавета Федоровна. — Может быть, и ты, Денис, поедешь?

Отказываться от поручения, как бы необычно и сложно оно ни было, настоящему колонисту не полагалось. Денис Горгуль, исполнявший обязанности помощника заведующего хозяйством колонии, молча вышел из толпы ребят.

Через пятнадцать — двадцать минут высокий, худощавый Жора и низенький, плотный Денис отправились в Харьков. Кто-то шутливо крикнул им вслед:

— Эй, Дон-Кихот, куда ты со своим Санчо Панса отправляешься? Смотри не задержи там с мельницами, их по дороге много!

Но ни тот, ни другой даже не обернулись, поглощенные мыслями о том, как выполнить ответственное поручение, от которого, по убеждению всех ребят, зависела самая честь колонии, принимавшей в своих стенах великого гостя.

После короткого отдыха Алексей Максимович попросил ребят показать ему колонийское хозяйство.

Ребята справедливо считали, что Горького безусловно интересуют всё, что есть в колонии, и водили Алексея Максимовича по всем, даже самым отдаленным

А. М. Горький и А. С. Макаренко с группой воспитанников колонии — рабфаковцев. Куряж, 1928 год.

уголкам Куряжа. Они с гордостью демонстрировали ему наши цветники, оранжерею, сад, молочную ферму, конюшню, свинарник... И на каждом шагу засыпали его бесчисленными вопросами. Алексей Максимович без конца отвечал и отвечал, глядя на ребят со своей спокойной, ласковой и мудрой улыбкой.

— Вот наш Молодец! Правда, он потомок орловских рысаков? — спросили ребята Горького, приведя его на конюшню.

Алексей Максимович не возражал и даже нашел у Молодца какие-то стати, подтверждающие породу. Осмотрели и других лошадей. Затем вышли во двор, где возле кормушки, опустив голову, стоял конь Малыш, доживавший у нас свою старость. Ребята захотели и Малыша показать Алексею Максимовичу. С невинным видом спросили они у Горького, сколько, по его мнению, лет Малышу.

Алексей Максимович сказал:

— Надо думать, лет пятнадцать уже есть.

Ребята загалдели все сразу:

— Что вы, что вы, гораздо больше, — и стали звать Силантия Грищенко (Отченаша), нашего старшего конюха.

Силантий, который всем говорил «ты», независимо от пола и возраста собеседника, явился незамедлительно.

— Смотри, Алексей Максимович, — сказал он, открывая рот Малышу, — зубы-то совсем истер, гладко ведь... Никак ему не меньше тридцати. Да ты рукой пощупай, не бойся! Пока язык держу, не куснет!

И Алексей Максимович, к ликованию ребят, вынужден был заглянуть Малышу в рот и «рукой пощупать», чтобы убедиться в старости нашего водовоза. Впрочем, всё это доставляло Горькому видимое удовольствие, его радовали и галдеж ребят, и споры с ними, и их жадная заинтересованность во всем, что касалось колонии, и их стремление узнать, как он относится ко всем деталям колонийской жизни.

В оранжерее Алексей Максимович сразу согласился, что левкой пахнет хорошо, а роза еще лучше, что табак и метиола — неказистые цветочки, но обладают привлекательным ароматом, что львиный зев зря назвали львиным, ничего львиного в нем нет.

При осмотре свинарника Алексей Максимович с улыбкой признал, что Акулька — красавица, а Машенька всё же красивее. Потом, показывая на недовольно повизгивавшую Зазнайку, ребята начали жаловаться Горькому, что Зазнайка самая большая крикуха, просыпается раньше срока и требует корму, а если опоздать на пять — десять минут, то подымет такой визг, что Антон Семенович обязательно присылает дежурного узнать, не случилось ли чего в свинарнике. А когда ее выпускают гулять, Зазнайка обязательно в огород лезет! Алексей Максимович посочувствовал ребятам, что им приходится иметь дело с такой невоспитанной свиньей, но вопрос, который они тут же задали ему, поставил Алексея Максимовича в тупик.

— Почему Зазнайка поросится пятью поросятами, а все остальные свиньи дают по восьми и даже больше? Ведь, верно, это потому, что она так много кричит? — совершенно серьезно спрашивали ребята.

Алексей Максимович задумался. Что тут ответить, чтобы не попасть впросак?

— Вот что, ребята, — серьезно сказал он, — вы Зазнайку за ее крик, видно, не любите и плохо за ней ухаживаете. Так нельзя! Надо ко всем свиньям относиться хорошо.

Ребята сейчас же признались, что Зазнайке за ее крик, действительно, попадает, но дали Алексею Максимовичу слово, что теперь-то уж они будут за ней смотреть в оба.

На скошенном прибрежном лугу ребята рассказали Алексею Максимовичу, как весело было здесь работать — косить траву, сгребать и укладывать в копны сено, а в перерывах купаться в реке. Косари расхвстались, а лучший наш косарь сказал, что он выкашивал за восемь часов по гектару луга, «а то и больше!»

Алексей Максимович от удивления даже остановился, потом улыбнулся и весело заговорил:

— Ты, дружок, старику загнул и даже очень! Посмотри на мои плечи и руки — во какой я могу дать размах косе!.. — При этих словах он взмахнул руками, как будто и в самом деле косил. — Так вот, с таким размахом и только в степи, на реденькой травке, работая от зари до зари, я накашивал десятину, то есть чуточку побольше гектара. А на этом лугу с такой густой

и высокой травой, как я вижу по копнам сена, больше полудесятины не укосил бы...

Ребята поддержали Алексея Максимовича, и нашему косарю пришлось сознаться, что он в самом деле «чуток загнул».

Побродив по лугу, ребята решили соблазнить Алексея Максимовича выкупаться. Видно, ему очень хотелось принять их предложение, но, помянув недобрым словом свое здоровье, он согласился только посидеть на берегу, чтобы посмотреть, как ребята будут плавать «навзмашки», «собачкой», «на бочку с подпрыжкой». Ребята затеяли соревнование пловцов, и по горящим, помолодевшим глазам Алексея Максимовича было видно, что он, как и болельщики-колонисты, волнуется, с увлечением ожидая исхода заплывов. Он не мог усидеть на месте, поднялся с земли, чтобы не упускать из поля зрения всего происходящего, и иногда казалось, что вот-вот и сам сбросит одежду и ринется догонять пловцов своими сажеными «взмашками». Ребята чувствовали, что Горький живет в эти часы одной жизнью с ними, и, как умели, высказывали ему свою мальчишескую влюбленность в него.

...Прошло четверть века с тех пор, как видел я возвращающегося с луга Алексея Максимовича, окруженного толпой веселых, мокроволосых после купания ребят, но и сейчас эта яркая, полная жизни и света картина, достойная стать сюжетом для талантливого живописца, во всей своей красоте стоит у меня перед глазами.

Вечером Алексей Максимович присутствовал на общем собрании колонистов и принимал рапорты от командиров отрядов.

В это время на кухне шли приготовления к ужину. Тася уже раз десять выбегала во двор посмотреть, не возвратились ли Жора или Денис с лимонами. Пришла на кухню и Елизавета Федоровна проверить, всё ли готово для нашего дорогого гостя. Тася с глазами, полными слез, сразу же начала жаловаться на неспособность Новикова и Горгуля не только что лимоны достать, но даже нос вытереть без няньки... Но волнение Таси было напрасно. Дверь неожиданно распахнулась, и на

пороге появился запыленный Жора; глаза его сияли, шапка еле держалась где-то на затылке, он тяжело дышал.

— Получайте, Елизавета Федоровна, лимончики! Десять штук как один!

— Миленький Жорочка, где ты достал? — с жаром воскликнула Тася.

— Неужели и вы, Елизавета Федоровна, думали, что я могу не выполнить поручения? — не обращая внимания на Тасю, гордо сказал Новиков. — Слушайте, как дело было... — И, немного отдышавшись, Жора стал рассказывать, как безуспешно обегав все магазины Харькова, он чудом, только благодаря своему незаурядному дипломатическому искусству, достал эти лимоны у заведующей одним из лучших ресторанов города.

— ...Понимаете, захожу туда и что же вижу? Между столиками прохаживается наша колонистка Клава в белом фартучке. Помните, в прошлом году Антон Семенович направил ее на работу в пищевой комбинат? Я к ней: «Клабочка, выручай!» А она счастлива хоть что-нибудь для колонии сделать, потащила меня к заведующей. Ну, тут я мобилизовался — не устояла заведующая. И вот — лимончики... Я ей на прощанье руку поцеловал, по-солидному, и пригласил к нам в Куряж посмотреть колонию...

— А Денис где? — спросила Елизавета Федоровна.

— Не знаю, мы разошлись с ним, — ответил Жора. — Ну, он-то вернется с пустыми руками! Не та голова!

Весело подмигнув улыбающейся Тасе, Жора с геройским видом вышел из кухни.

Когда после сигнала ко сну дежурный воспитатель обходил спальни, кровать Дениса Горгуля оказалась пустой. Но Антон Семенович встретил это сообщение спокойно: он хорошо знал настойчивость Дениса и понимал, что Горгуль не вернется, пока не выполнит поручения.

Запыленный, усталый, еле передвигая ноги, Денис утром вошел в кабинет Антона Семеновича, когда там находились уже не на шутку взволнованная Елизавета Федоровна, Жора и другие ребята. Денис молча поставил на стол маленькую плетеную корзинку.

— Лимоны? — спросил Антон Семенович.

— Лимоны не лимоны, а почти лимоны... Посмотрите сами, — тихо ответил Горгуль.

Елизавета Федоровна быстро распаковала корзинку и вынула оттуда два прекрасных желтоватых плода.

Денис рассказал, как он добыл эти «почти лимоны».

От одного харьковского садовника он узнал, что где-то возле станции Казачья Лопань, в каком-то совхозе, работает старик-селекционер, который успешно выращивает у себя в теплице лимоны. Денис немедленно отправился на вокзал и сел в дачный поезд. Но в Казачьей Лопани оказалось несколько совхозов, и только к одиннадцати часам вечера поиски Дениса увенчались успехом. Он нашел старика-селекционера в десяти километрах от станции, в каком-то безымянном поселке. Долго не мог его добудиться, а когда садовник пришел, наконец, в себя, Денис узнал, что у того есть сейчас всего три плода гибрида лимона, которые он хранит специально для выставки.

Обычно молчаливый, Горгуль на этот раз был так красноречив, что садовник довольно быстро согласился уступить парочку своих гибридов для Горького, если, конечно, директор совхоза даст на это разрешение. Пришлось Денису будить и директора. Тот потребовал от ночного гостя документы. И тут выяснилось, что в спешке Горгуль не только не захватил отношения из колонии, но даже забыл взять с собой удостоверение колониста. Лицо Дениса выразило при этом такое безысходное отчаяние и горе, что директор совхоза махнул рукой: «Ладно, берите экспонаты под расписку, денег не надо, пусть это будет наш подарок Алексею Максимовичу!» Садовник тщательно упаковал плоды — результат своей многолетней опытной работы — и попросил только обязательно сообщить ему мнение Горького об их вкусе... Не теряя ни минуты времени, Денис сразу же отправился на станцию и вернулся в Харьков первым утренним поездом.

Жора хотел было посмеяться над «почти лимонами» Дениса, но строгий взгляд Антона Семеновича заставил Новикова прикусить язык. Антон Семенович поблагодарил Горгуля и приказал ему сейчас же идти спать, а сам пошел к Алексею Максимовичу, который, как сообщили ребята, уже встал и отправился на прогулку.

Алексей Максимович захотел посмотреть наши поля. Мы как раз закончили подготовку трактора с двумя сенокосилками к выезду в поле для косьбы смеси вико-овса.

Старший тракторист Беленький сел за руль. Алексей Максимович устроился на крыле трактора и предложил Антону Семеновичу занять другое крыло, я встал сзади, на прицепной серьге, и мы тронулись в путь.

Алексей Максимович с живейшим любопытством оглядывал наши уголья.

Еще издали, только завидя Алексея Максимовича, ребята из сводных отрядов, работавших на полях, сложив рупором ладони, начинали во всю мочь звать его к себе. Растроганно улыбаясь, он им приветливо кивал головой, держась обеими руками за крыло трактора.

— Замечательно у вас тут! — перекрывая шум мотора, громко говорил Алексей Максимович, обращаясь к Макаренко. — Я помолодел среди ребят. Как дружно работают, как дружно веселятся! Новая, именно новая жизнь, по-настоящему советская, бьет у вас полным ключом...

Мы подъехали к участку, который надо было ско-сить. Антон Семенович прыгнул на землю, а Горький решил следить за работой, оставаясь на крыле... Ребята, сидевшие на косилках, быстро перевели их в рабочее положение, включили режущие аппараты.

Алексей Максимович, наблюдая за механизированной косьбой, восторженно говорил о мощи человеческой мысли, создавшей такую простую и умную технику, расспрашивал, за какой срок можно научиться управлять трактором, как часты поломки машин, какова их производительность, вспоминал свои ранние годы и сравнивал тяжелый ручной труд крестьян в старой России с высокопроизводительным трудом в советском механизированном сельском хозяйстве...

Заметив колонистов, вручную обкашивавших углы загона, Алексей Максимович попросил Беленького остановиться, соскочил с крыла, взял косу и присоединился к работающим ребятам. Косил он умело и удивительно легко, казалось, без всякого напряжения.

— Как, Антон Семенович, примете меня в колонисты? — шутливо спрашивал он, взмахивая косой. — Бо-

юсь только, что на совете командиров будете драть меня за всякие провинности, не простите ни одного огреха...

Потом, отирая пот с лица, продолжал:

— И хорошо сделаете, что не простите! Новую жизнь на огрехах не построишь... Наверное, нелегко было вам всё так отлично организовать и устроить! Дурное наследье в душах ребят, как и старый уклад в самой жизни, живуче, его не выкорчуеть сразу до основания. А надо! Ну, а как ваши коллеги по педагогике, о которых вы писали мне в последнем письме, всё еще не поддерживают ваших начинаний? А кое-кто, наверное, ведь и мешают, а?

Горький бросил пристальный взгляд на Антона Семеновича:

— Я ведь встречал противников вашего опыта. Но со мной они боялись откровенничать и спорить не решались...

Я понял, что Антон Семенович до сих пор еще не рассказал Горькому о том, что произошло, о своем предстоящем уходе из колонии, и подумал, что он заговорит об этом сейчас в ответ на прямой вопрос Алексея Максимовича. Но Антон Семенович спокойно сказал:

— Конечно, нелегко нам было. Особенно в первые годы... Об этом можно целую книгу написать. А что касается противников, Алексей Максимович, то это правда — мешают они, и бороться с ними, пожалуй, потруднее, чем со старым наследьем в душах ребят. Чинуши, начетчики от педагогики, они тебя и цитатами и решениями засыпят. И складно у них получается, да только на словах, на бумаге, а на деле... Впрочем, до дела они не доходят, пуще всего боятся они этого самого дела, — улыбнулся Антон Семенович. — Долгой еще будет борьба с ними, Алексей Максимович, и нелегкой. Ну да ничего, справимся...

Ясно стало, что Макаренко намеренно не хочет рассказывать Алексею Максимовичу о своих бедах, не хочет огорчать и заставлять волноваться Горького в эти радостные часы его встречи с теми, кто гордо называл себя горьковцами.

Обратно мы шли извилистой тропинкой, что бежала вдоль пологого склона широкой долины, которую пере-

секали Южная и Северо-Донецкая железные дороги. Захватывающе прекрасный вид открывался перед нами: до самого горизонта — сады, сады, ярко-зеленые поля и луга на одном склоне густо заселенной долины и темнеющие леса — на другом.

— Как легко здесь дышится!.. Мне этот вид напоминает что-то знакомое, а что — вспомнить не могу... — тихо, словно про себя, сказал Алексей Максимович.

Некоторое время он шел молча, потом стал рассказывать о своей жизни за границей, о том, как в самых различных слоях европейского общества пробуждается желание узнать правду о советских людях, а также о том огромном впечатлении, которое производит на честных людей всех стран революционное новаторство советского человека во всех областях жизни.

— И ваш педагогический эксперимент с его блестящими результатами имеет, уверяю вас, мировое значение... — говорил он Антону Семеновичу. — Вы должны, обязаны, сделать его достоянием прогрессивных педагогов всех стран. И чем скорее, тем лучше...

Взволнованный этими словами Горького, Антон Семенович стал доказывать, что им сделано еще очень мало в научной разработке новых проблем советской педагогики, но Алексей Максимович, посмеиваясь, отвечал ему:

— Не скромничайте, Антон Семенович, не нужно, надо знать истинную цену своей работе!

Когда стали уже ясно видны стены Куряжского монастыря, Алексей Максимович вдруг приостановился.

— Здесь был, кажется, довольно большой лес... — снова силясь вспомнить что-то, задумчиво сказал он.

Я заметил, что еще сравнительно недавно почти все наши поля были под лесом, что прежде леса окружали и монастырь — издали видна была только его колокольня...

Алексей Максимович оживился.

— Теперь вспомнил! — воскликнул он. — Я был здесь! Правда, очень давно. Прослышав, что архимандрит Куряжского монастыря известен своей ученостью и праведной жизнью, я по дороге из Полтавы зашел в эту обитель и был принят архимандритом. Однако беседа окончилась для меня не совсем удачно. Выяснив, что я сильнее его в вопросах философского понимания

жизни, он вызвал службу и сказал: «Вывести сего еретика и богохульника за ограду монастыря и больше в оный не пускать!»

...В тот же день Алексей Максимович присутствовал при передаче представителю одного донбасского завода очередного вагона продукции, изготовленной по специальному заказу нашей механической деревообделочной мастерской.

Чтобы отметить успешную работу колонистов, в короткий срок освоивших довольно сложные станки, заранее было решено сдать выполненный заказ в торжественной обстановке, приурочив это событие к приезду Алексея Максимовича.

В назначенный час конный обоз с нашими изделиями, украшенный зеленью и разноцветными лентами, стоял в ожидании сигнала к параду. Духовой оркестр грянул марш, когда перед строем колонистов появились Алексей Максимович и Антон Семенович. Представитель завода, приняв продукцию, обратился с приветственным словом к Горькому и отметил, что колония, носящая его имя, образцово выполняет свои обязательства по договору. Однако, когда в оплату счета колонии, предъявленного и подписанного самим Горьким, он торжественно передал нам вексель, Алексей Максимович, под одобрительные возгласы ребят, совсем не торжественно сказал:

— Так не поступают, товарищи с завода! За наш товар вы деньги давайте. Зачем нам ваш вексель?..

Алексей Максимович, а вслед за ним и Антон Семенович поздравили ребят с большой трудовой победой. Потом выступил Стебловский, командир отряда, работавшего в столярной мастерской. Он рассказал, как его отряд освоил станки, сколько вначале было брака, сколько трудностей пришлось преодолеть, прежде чем ребята добились успеха, а в заключение он дал Алексею Максимовичу слово работать всегда только погорьковски — с отличными показателями!

На следующий день Горький уезжал. Вечером мы устроили товарищеский прощальный ужин. Алексей Максимович веселился и шутил, и чувствовалось, что ему с нами действительно хорошо.

В комнате стоял хохот, когда Антон Семенович со свойственным ему мастерством, с уморительными подробностями рассказывал о похождениях Жоры Новикова и Дениса Горгуля, героев лимонной эпопеи, еще не известной Алексею Максимовичу. Сам рассказчик не мог удержаться от смеха и должен был придерживать рукой пенсне, чтобы оно не упало, когда он показывал, как Денис без документов стоял перед заспанным директором совхоза и слезно умолял его отдать гибриды. Алексей Максимович смеялся неудержимо.

— Ну как я мог предполагать, что из-за меня не выпится такой почтенный человек! — говорил он, продолжая смеяться. — Покажите мне этих героев!

Алексей Максимович долго тряс руки Денису и Жоре и от души благодарил их за трогательную заботу. А потом повернулся к Антону Семеновичу:

— Вы, вы просто исключительный человек! Вы воспитали замечательных ребят. Ведь для них нет ничего невозможного!

Алексей Максимович попросил Дениса написать садовнику-селекционеру из Казачьей Лопани, что его гибрид очень вкусен и почти ничем не уступает настоящим лимонам, попросил он поблагодарить и директора за внимание.

Веселье продолжалось, но Антону Семеновичу временами становилось грустно. Сидя рядом с ним, я в одну из таких минут наклонился к его уху:

— Разрешите всё-таки рассказать Алексею Максимовичу всю правду... Ведь он так и не знает, что вы завтра уходите из колонии. Не знает, что вы сейчас переживаете... Этого хочу не я один, но все старые работники колонии, которые просили меня раскрыть глаза Алексею Максимовичу на печальные события, происходящие у нас.

Антон Семенович покачал головой и так же тихо ответил:

— Ни в коем случае! Посмотрите, как весело настроен Алексей Максимович... Я не позволю омрачать его пребывание в Куряже участием в каких-то там склоках и дразгах! Слышите?

Мог ли я согласиться с Антоном Семеновичем? Речь шла о том, что было слишком дорогим для всех нас: о колонии, с которой мы сроднились, интересами кото-

рой жили, и о человеке, создавшем эту колонию. Антон Семенович, по-видимому, заметил, что его слова не убедили меня и я жду только удобной минуты, чтобы заговорить с Алексеем Максимовичем. Он крепко сжал мою руку и строгим голосом проговорил:

— Ни одного слова Алексею Максимовичу! Это мое приказание. Я еще заведующий колонией... — И, немного помолчав, добавил более спокойно: — Спасибо всем, кто вас об этом просил, спасибо за заботу. Я не сдаюсь и буду бороться дальше...

Вечер кончился поздно. Проводив Алексея Максимовича в его спальню, Антон Семенович, хотя и была уже ночь, зашел в свой кабинет. Он не мог не чувствовать, что мы, его старые друзья и соратники, соберемся там, чтобы с ним проститься. Ведь утром уже трудно будет всем сойтись вместе...

Никаких слов говорить не нужно было. Антон Семенович молча обнял каждого из нас, молча пожал нам руки, и мы разошлись глубоко удрученные, с бесконечной тяжестью на душе.

На следующий день, 10 июля, мы провожали Алексея Максимовича, уезжавшего отдыхать на Кавказ. В качестве его гостей с ним отправлялись на юг трое наших колонистов: Калабалин, Шершнеф, Архангельский. Поезд отошел, но и ребята, и Антон Семенович, и многочисленные провожающие Горького харьковчане продолжали посылать прощальные приветы Алексею Максимовичу, высунувшемуся из окна вагона и приветливо махавшему нам своей белой фуражкой. Но скоро поезд скрыли другие составы, вытянувшиеся вдоль станционных путей.

Антон Семенович долго еще стоял на перроне вокзала, глядя вслед ушедшему поезду. Душевный подъем, вызванный приездом Горького, кончился, осталась тяжесть прощания с колонией, в которую — он хорошо знал это — ему больше никогда не вернуться...

Горьковцы возвращались дачным поездом в Куряж. Попрощавшись с ними, Антон Семенович вышел из вокзала и направился в детскую коммуну имени Ф. Э. Дзержинского, заведующим которой он уже был назначен приказом по Госполитуправлению.

Так закончилась работа Антона Семеновича Макаренко в колонии имени Горького. Мне посчастливилось на протяжении почти пяти лет трудиться с ним бок о бок, под его руководством. За эти годы много было пережито, передумано, сделано. Каждый из нас, работников колонии, вносил свою лепту в общее дело. Как же относился Антон Семенович к нам, своим помощникам?

Мне вспоминается, как еще в Трибах, в первые дни нашей совместной работы, Антон Семенович знакомил меня с Елизаветой Федоровной Григорович — своей бессменной заместительницей по учебной части. Он называл тогда Елизавету Федоровну главным и неподкупным судьей во всех колонийских делах.

— Берегитесь в чем-нибудь проштрафиться! — добавил он. — Но в то же время помните, что никто не даст вам лучшего совета, чем Елизавета Федоровна, и никто не окажет вам более надежной помощи, чем она...

В этой характеристике сказались и чрезвычайная скромность самого Антона Семеновича, и его умение глубоко ценить самоотверженный труд и душевные качества тех, кто с ним работал.

Как радовался он инициативе воспитателей, их жизнелюбию, умению сработаться с ребятами! Мне никогда не случалось слышать, чтобы Антон Семенович кого-нибудь из них специально учил, как надо вести себя с колонистами. Случаи, когда тот или иной воспитатель не находил правильного тона во взаимоотношениях с ребятами или педагогическим персоналом, бывали очень редки. И это легко объяснимо. Научно обоснованная система воспитания в колонии была такой последовательной и четкой, что новый работник быстро проникался ее требованиями и сразу находил верную линию своего собственного поведения. Любые отклонения от этих требований тотчас же, по контрасту, начинали всем бросаться в глаза — и другим воспитателям, и служащим, и самим колонистам. Конечно, новичку не очень приятно было со всех сторон выслушивать критические замечания, особенно от колонистов, но редко кто не понимал, что лучше признать свою ошибку и исправить ее, чем усугублять. Это тоже было одним из требований системы.

Как-то летом приехала в Куряж молодая воспитательница из соседнего детского дома — Варвара Петровна, выразившая горячее желание поработать у нас

недели две, чтобы хорошо изучить распорядок жизни в колонии. Она поселилась в Куряже и принялась за дело. Утром Варвара Петровна должна была отправиться с отрядом Тоси Соловьева на прополку картофеля. Я предупредил ее, что она сама должна работать хорошо и служить примером для колонистов. Восторженные возгласы и заверения Варвары Петровны позволяли надеяться, что с ее помощью отряд блестяще выполнит задание.

Каково же было мое удивление, когда я обнаружил, что прополка сделана из рук вон плохо. Тося Соловьев, хотя и был одним из самых юных колонистов, считался отличным командиром... Выслушивая мои замечания, Тося только молчал и краснел. Зато Варвара Петровна начала горячо защищать его.

На следующий день ребята работали еще хуже.

На исходе третьего дня, возвращаясь с дальнего сенокосного участка и подходя к опушке леса, вблизи которой вел прополку отряд Тоси Соловьева, я наткнулся на Варвару Петровну. Она стояла с растерянным видом.

— Меня прогнал Тося. Какой он невежливый! — смущенно сказала она.

Я невольно улыбнулся, мысленно сравнив маленького Тосю с солидной Варварой Петровной.

Вечером, на заседании совета командиров, выяснились подробности ее изгнания. На работу в поле она смотрела, как на прогулку, развлекала ребят разговорами, каждые полчаса устраивала длительные передышки. Тося робко пытался делать ей замечания — говорил, что в колонии так не работают, но Варвара Петровна весело отвечала: «Работа не волк — в лес не убежит». Наконец сегодня она предложила вместо прополки пойти в лес поискать землянику. Тут уж Тося не выдержал. Он просто-напросто прогнал Варвару Петровну, отобрав у нее сапку... Пришлось нашу гостью направить в другой отряд, с которым уже работал один из старых колонийских воспитателей.

Промахи воспитателей Антон Семенович никогда не оставлял без внимания, но дело, как правило, ограничивалось обсуждением совершенной ошибки. Однако за серьезные проступки могло последовать даже увольнение. Антон Семенович не простил бы ни одному чело-

веку применения силы по отношению к ребятам, рукоприкладства. Только наш старый конюх Силантий позволял себе иногда «дать шлепка» колонисту.

...Приведет кто-нибудь из ребят после работы вспотевшую лошадь, тут Силантий и набросится: «Ах ты, такой-сякой, и скажи на милость, коня загнал!» И после этого обычно следовало «внушение» по соответствующему месту. Когда Силантию делали за это замечание, он с искренним изумлением оправдывался: «И скажи на милость — да разве я его ударил? Только муху со штанов согнал!» Ребята на Силантия никогда не жаловались, а работник он был хороший и человек честный, прямодушный, поэтому Антон Семенович мирился с его незлобивой стариковской привычкой.

Увольнение могло последовать немедленно, если кто-нибудь появлялся среди колонистов в нетрезвом виде. Только нашему глухому технику-строителю, пожилому человеку, Антон Семенович прощал эту слабость. Тот и сам сознавал, что поступает нехорошо, и, подвыпив, старался не показываться на глаза ребятам. Техник-строитель был очень предан колонии и всегда горячо защищал ее интересы, любил ребят, и они отвечали ему тем же.

Повторяю, Антон Семенович прекрасно разбирался в людях и умел к каждому подойти на особый лад — он был чужд какого бы то ни было догматизма. Работали мы всегда много, но труд нам никогда не был тяжел. Хотелось делать еще больше, еще лучше... И для всех бывших воспитанников колонии, за редчайшими исключениями, воспоминания о ней, об Антоне Семеновиче навсегда остались самыми дорогими и светлыми в жизни...

Колония после ухода Макаренко

На первых порах после ухода Антона Семеновича трудовая жизнь колонии внешне оставалась прежней. Сводные отряды, как и раньше, по трубным сигналам направлялись на работу и возвращались на отдых. Но уже не было в коллективе колонистов былого трудового подъема, бодрого и веселого настроения. В Куряже стало как будто даже и тише. Реже раздавались веселые песни ребят и их заразительный смех.

Отсутствие Антона Семеновича сказывалось ежедневно. Ведь от нас ушел не просто начальник, а лучший друг, старший товарищ, советчик, а для малышей — и отец...

В течение двух-трех месяцев обязанности заведующего колонией временно исполнял один из наших старых опытных педагогов. Он строго поддерживал установленный в колонии распорядок жизни. Это было нелегко, так как противники Макаренко из губнаробраза и Наркомпроса Украины постоянно вмешивались в нашу работу. Первая серьезная стычка с ними произошла в связи с подготовкой к традиционному колониjsкому празднику Первого снопа.

В предыдущие годы этот праздник всегда справлялся очень торжественно, и в душах ребят надолго оставалось воспоминание о нем как о ярком проявлении трудовой мощи коллектива, как о красочном спектакле, героями которого были они сами. Теперь же представители наробраза достаточно красноречиво намекнули нам, что пора кончать с «языческими» церемониями в колонии вроде праздника Первого снопа — «ненужной и вредной затеей Макаренко».

Мне лучше, чем кому-либо, было известно, какое огромное значение для нас имел этот праздник. Готовясь к нему, мы приводили в образцовое состояние наши поля. Ребята всегда работали хорошо, но перед праздником их энергия необычайно возрастала: очень часто сводные отряды по собственной инициативе оставались на работе сверх положенного времени, чтобы удалить со всего участка свекловичных или картофельных посадок все до единого сорняки. Зато потом, во время праздника, с какой гордостью водили ребята гостей по нашим полям! С каким чувством собственного достоинства отвечали они на восторженные «охи» и «ахи» горожан и наших соседей: «У нас не какое-нибудь, а культурное хозяйство, поэтому нечего и удивляться!» Занятно и весело было смотреть, как малыш-колонист с важным видом рассказывал почтенным гостям, что наши враги — осот, лебеда, пырей и другие сорняки — загнаны так глубоко, что и нос из земли высунуть боятся! Обычно гости верили маленькому рассказчику на слово и соглашались с ним без возраже-

ний; но случалось, что кто-нибудь прямо высказывал свое недоверие; сколько презрения бывало в глазах нашего малыша, когда он говорил такому недоверчивому гостю: «Вы сельским хозяйством, видно, мало интересуетесь! Вам бы лучше в клубе посидеть, там, знаете, есть разные картинки, книжечки, газеты...»

И вот праздник Первого снопа, праздник наших трудовых достижений, нашего трудового подъема, объявлялся теперь «языческим» и подлежал отмене как «вредная затея Макаренко»! Стоит сказать, что праздник мы всё же провели, но как бы тайком, скромно, не приглашая «больших гостей».

Когда новый, угодный еще не разоблаченным тогда педологам из наробраза заведующий и новый помощник по учебной части приняли колонию, в ее традициях и распорядке жизни появилась глубокая трещина, становившаяся с каждым днем всё шире.

Новое руководство сразу вступило в серьезный конфликт с ребятами. Так, оно отказало нашим рабфаковцам в той небольшой помощи, которую они всегда получали от колонии. Причина для этого была найдена чисто формальная: рабфаковцы теперь не колонисты. Это вызвало такое нескрываемое негодование ребят, что поспешное и непродуманное решение было отменено. Но след от такого бездушного отношения к воспитанникам колонии, которые были ее гордостью, остался в душах ребят, и след глубокий.

Был отменен и наш осенний праздник труда.

Ежегодно, когда все остальные полевые работы заканчивались и начинала нормально работать школа, в колонии устраивалась выставка экспонатов нашего сельского хозяйства и производственных мастерских. Выставка предназначалась прежде всего для самих ребят — ее воспитательное значение было очевидно. Но играла она и важную пропагандистскую роль — гости из ближайших сельхозартелей, сельсоветов, комитетов незаможных селян, сельские коммунисты и комсомольцы лишней раз наглядно убеждались в преимуществах культурного ведения хозяйства и коллективного труда. После демонстрации экспонатов начинался традиционный праздничный обед, для которого мы заранее откармливали одну-две свиньи. Обед всегда проходил весело, в дружеской обстановке. Гости старались не оста-

ваться перед нами в долгу — они привозили с собой экспонаты и угощали ребят яблоками, грушами, сливами нового урожая.

В этом году, как обычно, был откормлен для предстоящего праздника кабан. Но новое руководство решило «в корне пресечь еще одну вредную затею Макаренко». Желая, по-видимому, укрепить свои позиции в наробразе откровенным угодничеством, руководители колонии, ни с кем не посоветовавшись, отменили праздник, а кабана бесплатно передали в Харьков для банкета в честь участников губернского совещания работников детколоний и детдомов. За всё время моей работы в колонии это был первый случай использования — и притом столь бесцеремонного использования — для посторонних целей продуктов труда колонистов.

Отмена праздника и история с кабаном вызвали бурное возмущение ребят. Никогда еще без согласия совета командиров никому не передавалось имущество колонии. Антон Семенович отстранил бы от дел любого служащего, который позволил бы себе что-нибудь подобное, не посоветовавшись с колонистами. Только благодаря старым работникам колонии этот случай не имел серьезных последствий: мы постарались уверить ребят, что и отмена праздника и передача кабана были необходимы «для пользы дела». Мы покривили душой, чтобы уцелело главное — дисциплина в колонии.

Больше всего бесило противников Макаренко то, что он продолжал борьбу за методы коммунистического воспитания, уверенный в своей конечной победе. Он продолжал ее вести на деле, неумолимо работая в детской коммуне имени Ф. Э. Дзержинского. Он продолжал вести борьбу и в самой колонии имени М. Горького, незримо присутствуя в ее повседневной жизни, в душах и думах своих воспитанников, колонистов-горьковцев.

Новые встречи. „Педагогическая поэма“

Старые работники колонии один за другим начали покидать Куряж. Зернотрест предложил мне участвовать в научной экспедиции по изучению опыта работы первых крупных механизированных зерносовхозов. Я дал

согласие и в начале 1929 года тоже простился с колонией.

Перед отъездом с экспедицией в Донские степи я заехал к Антону Семеновичу в детскую коммуну имени Ф. Э. Дзержинского.

Встреча с Антоном Семеновичем, с ребятами и воспитателями, большинство которых перешло сюда из колонии имени М. Горького, была на редкость радостной и теплой. Антон Семенович водил меня по коммуне как экскурсанта. Когда осмотр подошел к концу, я невольно сказал:

— Да ведь вам же здесь делать нечего! Всё настолько четко и хорошо организовано, что если вы явитесь на один час утром и на два часа вечером, то этого будет достаточно, чтобы обеспечить нормальную жизнь колонии.

Антон Семенович рассмеялся и ответил, что мое замечание вполне справедливо, но что он вовсе не собирается отдыхать в свободное время, а намерен серьезно заняться литературной работой, обобщающей все этапы жизни колонии имени М. Горького, и что в связи с этим ему хотелось меня кое о чем расспросить. Мы стали воскрешать в памяти эпизоды колонийской жизни, участником и свидетелем которых я был. И так увлеклись беседой, что проговорили до самого вечера.

Антон Семенович уже составил план будущей «Педагогической поэмы», а некоторые главы и написал.

Потом заговорили о моей предстоящей работе в экспедиции, об огромном размахе революционных преобразований в сельском хозяйстве всей страны, о сталинском докладе на XV съезде партии в 1927 году и о решениях съезда по развертыванию коллективизации и укреплению колхозов и совхозов... Вспоминали былое положение колонии в самой гуще кулацких хозяйств и нашу упорную, непрерывную борьбу с кулачеством. Антон Семенович с жаром говорил, что ныне ни один честный советский человек не может не принимать участия в небывалой перестройке всей жизни советской деревни. Он говорил, что жаждет найти и для себя форму живого и действенного участия в грандиозных процессах, какими был отмечен тот год — «год великого перелома».

— Как бы мне самому хотелось окунуться в вашу

работу! Поехать в совхоз я, конечно, не могу. Но если вы не возражаете, я охотно помогу вам по возвращении литературно оформить всё, что вы делали, видели, слышали. Осветить в живом очерке опыт первых крупных механизированных совхозов будет крайне полезно для тысяч рядовых организаторов социалистического сельского хозяйства Украины. Давайте сделаем это?

Я с радостью согласился на предложение Антона Семеновича усердно собирать в экспедиции материалы для будущей очерковой книжки, о которой он говорил...

Весну, лето и осень я провел в Донских степях, а в декабре 1929 года, возвратившись из экспедиции, снова встретился с Антоном Семеновичем в Харькове, на квартире Галины Стахиевны Салько, ставшей его женой.

Выслушав мой рассказ об организации и первых успехах огромного учебно-опытного зерносовхоза, Антон Семенович потребовал, чтобы я немедленно засел за предварительную обработку моих наблюдений и данных для задуманного очерка. Когда мы прощались, он, словно между прочим, сказал, что за минувшие полгода его работа над книгой о колонии продвинулась вперед, и предложил встретиться на следующей неделе, если я хочу послушать то, что уже написано.

В назначенный день я пришел к Галине Стахиевне. Антон Семенович сразу начал читать. Я никогда не забуду того впечатления, которое произвела на меня прочитанная им тогда первая глава «Педагогической поэмы». Рождалось крупнейшее художественное произведение, и не понимать этого было нельзя. Галина Стахиевна, конечно, знала уже не только эту главу, но и всё, что успел написать к тому времени Антон Семенович, из числа же его товарищей по работе мне посчастливилось быть, по-видимому, одним из первых, на чей суд он вынес свой литературный труд. Антон Семенович потребовал от нас самой беспощадной критики и тщательно записывал все наши замечания.

Потом уж как-то само собой получилось, что по пятницам мы встречались у Галины Стахиевны, и Антон Семенович, рассказав сначала, какие из наших замечаний по предыдущему тексту он учел, какие отклонил и почему, затем принимался читать следующие главы. Так я услышал целиком первую часть и некоторые главы второй части его замечательной книги. Мысль

назвать ее «Педагогической поэмой» была выношена Антоном Семеновичем уже давно, но он просил нас высказать свое мнение и о других возможных названиях. Мне запомнились некоторые из них: «Горьковцы», «Из жизни колонии имени М. Горького», «Педагогика в жизни», «Рождение советского гражданина»... Однако после долгих раздумий Антон Семенович остановился на первоначальном названии — «Педагогическая поэма», потому что оно наиболее полно отвечало основному замыслу книги — показать значение *творческого* труда советского педагога...

Так прошли незабываемые для меня январь—февраль 1930 года.

Когда я закончил предварительную обработку всех материалов, собранных в экспедиции, мы встретились, чтобы наметить план нашего будущего очерка. Он должен был отобразить труд советских трактористов, комбайнеров, агрономов, инженеров, успешно строящих новый огромный совхоз, взаимоотношения этого совхоза с окружающим крестьянством, его помощь молодым, еще не окрепшим сельхозартелям. В нашем распоряжении был обильный материал, позволяющий показать всё это на фоне упадка и внутренних противоречий капиталистического способа ведения сельского хозяйства в Америке. Отложив на неделю работу над «Педагогической поэмой», Антон Семенович сразу же засел за этот очерк.

Уже в следующую пятницу он читал его нам с Галиной Стахивной. Собранные мною наблюдения и данные были мастерски литературно обработаны Антоном Семеновичем, оживлены поэтичными описаниями степной природы и обогащены очень ценными сравнениями и глубокими замечаниями по экономическим и политическим вопросам.

На мою долю оставалось внести ряд технических поправок, и очерк можно было публиковать.

Так родилась в соавторстве со мною небольшая книга Антона Семеновича, названная им «На гигантском фронте». Это был первый печатный труд Макаренко, увидевший свет раньше «Педагогической поэмы».

Первая часть «Педагогической поэмы» и этот очерк были сданы в Государственное издательство Украины одновременно — весной 1930 года. Ответ издательства

поразил нас своей неожиданностью: очерк «На гигантском фронте» оно одобрило без всяких возражений, а «Педагогическую поэму» отказывалось издать под предлогом ее дискуссионности.

Мы много раз обсуждали этот трусливый ответ украинского Госиздата, и стало ясно, что Антону Семеновичу необходимо ехать с книгой в Москву.

Договор на издание очерка был заключен на мое имя. Антон Семенович решительно не хотел ставить свою фамилию на обложке брошюры.

— Я не намерен давать врагам педагога Макаренко повод обвинить его в «несерьезности», «разбросанности», попытке делать выводы и обобщения в малознакомой ему области жизни, — сказал он.

Но и я не мог согласиться, чтобы очерк, целиком обязанный своими литературными достоинствами Антону Семеновичу, был издан без его имени. Наконец мы пришли к соглашению поставить на книжке только наши инициалы (Н. Ф. и А. М.). Издательство не возражало. Очерк появился в свет летом 1930 года на украинском языке.

Когда поздней осенью 1930 года я вернулся в Харьков из очередной экспедиции, Антон Семенович стал готовиться к поездке в Москву для переговоров об издании «Педагогической поэмы». К этому времени он окончил уже и вторую часть книги. Мы решили отпраздновать завершение его многолетней работы, благо я получил наш общий гонорар за уже изданный очерк «На гигантском фронте». Встретились, как и раньше, у Галины Стахиевны. За праздничным столом, естественно, больше всего говорили о «Педагогической поэме». Антон Семенович рассказывал о том, что нового внес он в книгу за минувшие месяцы, читал неизвестные мне куски из «Поэмы», показывал переделанные места. Изменения и дополнения сводились главным образом к художественной доработке текста.

Случилось так, что в Москву я попал раньше Антона Семеновича. Он приехал в феврале или марте 1931 года, когда я еще не кончил своих служебных дел, и мне удалось увидеться с ним дважды: первый раз мы встретились в гостинице, в которой он остановился, и я

узнал тогда, что рукопись уже сдана им в издательство. Второе наше свидание произошло в самом издательстве, в день, когда он должен был получить там ответ.

Антон Семенович пришел раньше условленного часа и поджидал меня на лестничной площадке. Вид его был необычен: он стоял с опущенной головой и плотно сжатыми губами... Московское издательство попросило, чтобы Наркомпрос Украины дал свой отзыв о «Педагогической поэме». Было совершенно ясно, что те, кто признал педагогическую систему Макаренки «несоветской», никакой визы на издание его книги не дадут.

Мы молча вышли на улицу. Говорить не хотелось, и мы зашагали по зимней, сияющей Москве, только изредка перебрасываясь ничего не значащими словами; иногда я замечал, что одну и ту же вывеску или витрину вижу уже в третий или в четвертый раз; долго продолжалось это наше бесцельное блуждание по городу...

С наступлением ранних зимних сумерек мы оказались на Неглинной. Внезапно загоревшиеся фонари привлекли наше внимание к вывеске ресторана. Усталые и продрогшие на морозе, мы невольно остановились и решили зайти согреться, перекусить и отдохнуть. Время было обеденное, посетителей много. Свободный столик оказался только в глубине большого зала. Мы переговаривались в ожидании заказанного, когда вдруг раздался громкий женский возглас:

— Да ведь это он!

И я увидел, как между столиками по направлению к нам быстро пробирается молодая женщина, продолжая взволнованно говорить:

— Это он! Он!

За нею, с интересом глядя в нашу сторону, шел военный. Мы замолчали, а молодая женщина уже оказалась возле нашего столика и бросилась обнимать Антона Семеновича. По его удивленному и немного растерянному виду я понял, что он не узнает ее.

— Да иди же скорее, Вася, ведь это Антон Семенович, о котором я тебе столько раз говорила! — крикнула женщина своему спутнику и, повернувшись снова к Антону Семеновичу, сказала: — Вы меня не узнаете? Я — Райса...

— Рая! — радостно воскликнул Антон Семенович и, ласково глядя на молодую женщину, обменялся с нею крепким рукопожатием. — Ты очень изменилась, поэтому я тебя сразу и не узнал, — говорил он. — Ты, кажется, не одна? Садитесь вместе к нашему столику.

Как только было произнесено имя «Раиса», я тотчас вспомнил ее тяжелую историю, коротко рассказанную в «Педагогической поэме».

Взволнованная встречей с Антоном Семеновичем, она сидела перед нами со своим мужем.

За беседой незаметно проходило время. Антон Семенович и Раиса вспоминали колонию, но, конечно, даже намеком не касались темных пятен прошлого Раи. Вспоминали веселые случаи и радостные моменты колонийской жизни. Но когда Антон Семенович к концу разговора спросил, откуда она сейчас едет, на глазах Раисы показались слезы.

— Мы едем из одного пограничного района Средней Азии, где недавно потеряли нашего сына... — ответил за Раису ее муж. — Рая считает вас своим спасителем, отцом, самым близким человеком. И я поделюсь с вами нашим горем...

Он рассказал, что в прошлом году его перевели с Украины в далекий пограничный район. Сначала он уехал один, а через полгода к нему приехала Раиса с сыном. Район считался тихим, и жили они всё время спокойно. Но месяца полтора назад, как раз когда он был в отъезде, на пограничный пост напал перешедший границу отряд басмачей. В перестрелке его заместитель и несколько бойцов были тяжело ранены. Раиса не испугалась и, чем только могла, помогала красноармейцам: делала перевязки, подносила воду, патроны, помогала устраивать укрытия. Когда басмачи бросились в атаку, Рая сама взяла винтовку в руки и вместе с оставшимися в живых красноармейцами отбивала натиск бандитов и защищала пост до подхода отряда, посланного к ним на помощь. Во время этого боя всё и случилось... Шальной пулей был убит их сын. И Рая получила несколько ранений, но, к счастью, не опасных — сейчас она уже совсем оправилась от ран...

Антон Семенович с напряженным вниманием слушал этот рассказ, и по взглядам, которые бросал он на Раису, прижимавшую к глазам платок, было видно, что всё

происшедшее на далекой пограничной заставе полно для него глубокого смысла и значения.

Муж Раисы напомнил ей, что надо спешить на поезд. Мы вышли из ресторана вместе, чтобы проводить их. Когда они садились в трамвай, Антон Семенович на прощание крепко поцеловал свою бывшую воспитанницу.

Трамвай отошел, и Антон Семенович, сдерживая свое волнение, сказал:

— Проводите меня до гостиницы, поговорим... Встреча с Раисой вернула мне всю прежнюю бодрость и веру в себя. Ведь она не растерялась в минуту смертельной опасности, а смело взяла винтовку и защищала пограничный пост. В этом видна наша колони́йская закалка! После сегодняшнего разговора в издательстве первой мыслью моей было — бросить все дальнейшие хлопоты с «Педагогической поэмой». Я даже позволил себе усомниться: может быть, и сам я, и вы, и все те, кто поддерживает мои писательские начинания, ошиблись в ценности опыта колонии имени Горького и в необходимости широкого освещения его в печати? Но еще там, на лестнице, когда ждал вас, я подумал о тех живых людях, которые пришли в колонию с толстыми «делами», а сейчас уже кончают рабфаки и вузы, и их новые «дела» тоже становятся день ото дня всё толще, но теперь уже вы найдете в них иные материалы — рассказы о трудовых подвигах, об учебных успехах, о полезной общественной деятельности... И я понял, что замалчивать то, как происходило это превращение, нельзя! Всю дорогу я думал об этом. А встреча с Раисой окончательно отбросила мои минутные сомнения...

Как известно, первая часть «Педагогической поэмы» впервые была опубликована в 1933 году в третьей книге альманаха «Год XVII». Она была напечатана по настоянию Алексея Максимовича Горького, считавшего «Педагогическую поэму» выдающимся художественным произведением большого идейного значения. Вторая и третья части впервые увидели свет тоже на страницах горьковского альманаха (1935 год).

В работе над «Педагогической поэмой», в подготовке рукописи этой книги к печати неоценимую помощь оказывала Антону Семеновичу его жена Галина Стахиевна. Всесторонне образованный человек с большим

политическим кругозором, богатым жизненным опытом и волевой настойчивостью, Галина Стахиевна умела вовремя поддержать Антона Семеновича, дать нужный совет, подвергнуть дружеской критике написанное им, помочь ему в преодолении трудностей, которые нередко возникали в его сложной писательской работе.

Заключение

Первого апреля 1939 года Антона Семеновича не стало — он умер внезапно от тяжелой болезни сердца.

Заканчивая воспоминания о нем, я невольно еще раз мысленно пробегаю свой жизненный путь, начиная со времени первой встречи с этим замечательным человеком. Поступая юношей в сельскохозяйственный институт, я и не думал когда-нибудь стать педагогом.

Пафос педагогики увлек меня, как и многих других, кого счастливая судьба столкнула с Антоном Семеновичем.

В 1930 году я начал по совместительству работать лектором и преподавателем в ряде харьковских вузов, а с 1934 года полностью перешел на вузовскую учебную работу. Педагогическая закалка, полученная в колонии имени Горького, всегда помогала и помогает мне находить решения трудных задач, постоянно возникающих в педагогической практике.

В 1940 году среди моих студентов-дипломников одного из харьковских технических вузов был студент Котов. Кто бы мог узнать в этом подтянутом и дисциплинированном студенте того замухрышку, который в первые месяцы своего пребывания в колонии имени Горького частенько забывал умыться после работы в котельной нашей оранжереи!.. Руководя дипломным проектом Котова, я часто встречался с ним. Закончив беседу по техническим вопросам, мы всякий раз начинали вспоминать наше житье в колонии. Вспоминали колонистов, воспитателей и «нашего Антона», с болью думая о том, что его уже нет в живых, что ни дела, ни случай, ни душевная потребность услышать его совет никогда больше не сведут нас с ним...

Котов часто сравнивал свое тяжелое прошлое беспризорника со славным настоящим студента-дипломника инженерного вуза.

А. С. Макаренко. 1937 год.

— В те двадцатые годы изъездил я всю страну, — рассказывал он, — под вагонами, на буферах... Не раз били меня торговки, когда я неудачно пытался стянуть у них пирог или какую-нибудь другую снедь... И потом с компанией друзей-беспризорников начал уже заниматься и взломами сараев, амбаров, клетей. Словом, путь у меня был один — в тюрьму... Пробирался я как-то глубокой ночью из Харькова в Николаев, и на стан-

ции Полтава-Южная железнодорожная охрана сняла меня, промокшего и иззябшего до последней степени, с буфера пассажирского вагона. Стрелок попался покладистый и по дороге к дежурному начал увещевать: «И чего и куда вы все ездите? Ведь вот тут рядом Советская власть для вас колонию устроила, кормит, поит, одевает, учит бесплатно, а вам, дуракам, хочется мокнуть, да мерзнуть, да нам беспокойство причинять...» Я только ждал удобной минуты, чтобы юркнуть куда-нибудь под вагон, но слова стрелка меня остановили, и я спросил его: а далеко ли до этой самой колонии и примут ли меня? «Выпишет тебе дежурный направление, тогда, конечно, примут», — сказал стрелок... Так я попал к Антону Семеновичу, а потом поступил на рабфак, а сейчас, как видите, уже институт заканчиваю. Иной раз прямо не верится, что через месяц буду инженером! И всем этим я обязан Советской власти, сделавшей из меня настоящего человека... — Котов встал из-за стола, взволнованно прошелся по комнате.

Слова его шли из самой глубины души. Это говорил воспитанник Антона Семеновича Макаренко — я узнавал за словами Котова голос «нашего Антона», я думал о том, сколько таких питомцев колонии имени Горького рассеяно по необъятной нашей Родине!

Время идет, и из моей памяти уже изгладились имена многих колонистов. В душе навсегда сохранились образы таких горьковцев, как Калабалин, Шершнев, Супрун, братья Чевелий, Архангельский, Горгуль, Беленький, Белухин, Перцовский, Белковский, Мухины — брат и сестра, братья Котовы, Братченко, Галатенко, Тося Соловьев, Волковы, Новиковы, Стебловский, Тупицын, Шнейдер, Дроздюк, да и многих других ребят.

В годы Великой Отечественной войны горьковцы — солдаты и офицеры Советской Армии — геройски боролись с фашистскими полчищами. Трусов, людей с ослабленной волей и жалкими нервами, среди них не было. Воспитанники Антона Семеновича Макаренко, они в своем детстве и юности получили настоящую идейную закалку на всю жизнь... С честью выполнял ответственные задания советский разведчик Калабалин, немало врагов и вражеской техники уничтожил танкист Супрун, на боевом посту погиб старший Чевелий, а младший — летчик — был не раз тяжело ранен в боях,

успешно боролся с гитлеровцами Павлуша Архангельский, в партизанской войне сложил свою голову Денис Горгуль. Жизнь и деяния каждого из них никогда не будут забыты...

Когда думаешь об Антоне Семеновиче, невольно сравниваешь его с другим гигантом в иной области человеческой деятельности — с Иваном Владимировичем Мичуриным...

Как Иван Владимирович Мичурин создавал в своих садах новые виды растений, так и Антон Семенович в детском коллективе создавал нового человека.

Богатое педагогическое наследство, оставленное нам Антоном Семеновичем, ныне изучают все: родители и дети, старики и молодежь, педагоги и учащиеся. Старшее поколение должно учиться у него воспитывать в духе коммунизма детей, подростков, юношей, девушек; младшее поколение должно учиться у него совершенствоваться и закалять себя, чтобы вместе со старшим поколением строить славное будущее — коммунистическое общество. Настала пора творческого изучения наследства А. С. Макаренко. Он верил в победу своих идей, и она пришла.

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ТРУД В КОЛОНИИ ИМЕНИ МАКСИМА ГОРЬКОГО

...нельзя себе представить идеала будущего общества без соединения обучения с производительным трудом молодого поколения: ни обучение и образование без производительного труда, ни производительный труд без параллельного обучения и образования не могли бы быть поставлены на ту высоту, которая требуется современным уровнем техники и состоянием научного знания.

В. И. Ленин. Сочинения, т. 2, стр. 440

Проверка „по всходам“. Агава

...В то время, к которому относятся мои воспоминания (весна 1924 года), колония размещалась в двух местах: основная часть, так называемая первая коло-

ния, — в Трибах, а меньшая часть, вторая колония, — в Ковалевке.

Первую и вторую колонии разделяла река Коломак, в половодье разливавшаяся на несколько километров.

Направляя меня во вторую колонию, Антон Семенович предвидел возможность сильного паводка и предупредил, что какой-либо помощи в этот ответственный для дальнейшей жизни колонии момент, совпавший с начальным периодом моей работы, он оказать не может.

— Встретимся, вероятно, когда всё уже взойдет. Вот и хорошо, легко можно будет проверить «по всходам», как работали ребята, воспитатели, агроном, — сказал на прощанье Антон Семенович. Немного помолчав, добавил: — Нелегко вам придется, но надо бояться не трудностей, а отсутствия или недостатка воли, настойчивости к их преодолению.

О предполагаемой проверке «по всходам» я, конечно, рассказал ребятам и воспитателям. Все решили, что надо стараться и выполнить работы в срок. Особенно горячо откликнулся Братченко, командир отряда, ухаживающего за пятью тощими лошадками и парой молодых быков. Братченко или его подчиненные всегда находились где-либо вблизи места работы и при каждой остановке подкармливали своих любимцев. Кроме соломы и небольшого запаса отрубей, у нас ничего не было, но очень часто в кормушках я находил остатки сена и даже зерна овса.

— Где ты достал? — не раз спрашивал я Братченко.

— Еще зимой немного припрятал. Я же знал, что весна будет, — неизменно отвечал Братченко.

В душе я гордился таким «предусмотрительным» парнем.

Все колонисты работали хорошо, с инициативой, и посев ранних культур закончился в срок. Последствий проверки «по всходам» мы уже не опасались. Но всё же, когда во время отдыха вдруг кто-то крикнул: «Антон Семенович!» — все вскочили, и на лицах ребят можно было прочесть не только радость, но и волнение. Тревога оказалась ложной. Самый маленький колонист Петя увидел в сочетании облаков контур, похожий на лицо Антона Семеновича. Ребята побранили Петю, но все, в том числе и я, посмотрели в направле-

нии его руки. Действительно, что-то похожее на профиль Антона Семеновича при некотором воображении можно было обнаружить среди облаков. Разговор, естественно, перешел на Антона Семеновича, и нельзя было не почувствовать большого уважения, которое ребята питали к своему заведующему.

— Чем бы нам еще удивить Антона Семеновича? — как всегда, с азартом предложил обсудить Братченко. — Уже видно, что с посевами всё будет у нас в порядке.

Предложений последовало много, но все или трудно осуществимые, или неинтересные. Лучшим оказалось предложение колонистки Вари. Она рекомендовала построить беседку и обсадить цветами.

В тот же день на общем собрании колонисты одобрили предложение об устройстве клумбы и единогласно постановили вечерами по два часа работать на расчистке площадки. На четвертый день клумба была готова. Посадка цветов много времени не заняла. Но центральная часть клумбы была пуста. Чтобы как-нибудь ее использовать, посадили на этом месте куст шиповника, но все понимали, что этого недостаточно.

Выход из положения нашел Белковский:

— Я сумею, кажется, достать хороший цветочек, как раз то, что нам надо.

— А где же ты его достанешь? — с удивлением спросил я.

— А... у своей тети... у нее очень много цветов.

— Тогда поезжай скорее, хотя бы сегодня.

— Нет... сегодня нельзя.

— Почему?

— Она... бывает в разъездах.

Через несколько дней, когда я, как всегда, в половине шестого утра вышел во двор, мне прежде всего бросилась в глаза чудесная агава из семейства амариллисовых с огромными толстыми листьями, покрытыми по краям шипами, посаженная на месте тут же валявшегося шиповника.

Клумба приняла совсем иной вид, стала нарядной. Тетя Белковского подарила колонии действительно замечательный цветок.

Все ребята с нетерпением ожидали приезда Антона Семеновича.

Осмотр колонии Антон Семенович начал с наших полей. Хотя ничего сказано не было, но я видел, что он доволен. Возвращаясь на усадьбу колонии, вышли прямо к клумбе.

— Где вы эту красавицу достали? — не скрывая своих чувств, спросил Антон Семенович и остановился.

— А это подарок тети Белковского.

— Чей, чей подарок? Тети Белковского? Ха-ха-ха!

Не ожидая такой реакции, я смутился. Антон Семенович продолжал хохотать и, немного успокоившись, сказал:

— Да у Белковского никаких родных нет. Я делал запрос на его родину в Саратов и получил ответ: родители и родственники Белковского умерли.

Рабочий день уже закончился, и все ребята находились около клумбы. Недоставало только... Белковского. Он предпочел уклониться от встречи с Антоном Семеновичем, которого «провести нельзя». Об этом не раз мне говорили ребята.

В тот день Антон Семенович осмотрел также коровник и конюшню. Рассказать о «предусмотрительности» Братченко, запасшего еще с зимы овес и сено для наших лошадей, я уже не рискнул, чтобы окончательно не попасть впросак.

В следующий приезд Антона Семеновича Белковскому избежать встречи не удалось.

Вышел он из кабинета красный и растерянный. Опасаясь неприятных последствий, вплоть до отчисления из колонии, Белковский энергичной работой старался искупить свой проступок. Поведение его было безупречным.

Меня же Антон Семенович предупредил, чтобы все подарки «тети», «дяди», «бабушки» и других близких и дальних родственников колонистов проходили только через него.

История с агавой долгое время оставалась нераскрытой, и только много позднее стали известны подробности получения «подарка».

Вскоре была построена оранжерея, в которой самое лучшее место было отведено агаве.

В оранжерею частенько заглядывал и Антон Семенович, и воспитатели, и ребята. Всем хотелось посмотреть и полюбоваться цветами, познакомиться с «тон-

кой», требующей особого внимания работой по выращиванию и уходу за цветами и рассадой.

Заканчивался 1924 год. Можно было подвести итоги напряженной работы всего коллектива на новом месте в Ковалевке. Богатый урожай картофеля, свеклы, капусты, помидоров намного превышал наши потребности в овощах. Имелся также некоторый запас пшеницы, ржи, овса, кукурузы. В прекрасном состоянии ушли под снег всходы озимой пшеницы и ржи, посеянные на черных парах.

Чувство гордости за свое хозяйство всё ярче проявлялось в словах, поступках и действиях колонистов.

Антон Семенович внимательно следил за проявлением этого чувства и всячески его поддерживал. Обращаясь ко мне, он говорил:

— Вам, Николай Эдуардович, теперь намного легче будет. Пафос труда становится центром всей жизни колонии. — И добавлял: — А теперь давайте подумаем, что нам предстоит выполнить в ближайшие годы.

Много еще больших и малых, простых и сложных задач стояло перед нами. Необходимо организовать учебу колонистов по основам агротехники и зоотехники, быстрее развивать животноводство, обосновать и осуществить переход на правильный севооборот, привести в порядок сад, расширить цветоводство, «чтобы колония утопала в цветах», усилить работу среди местных крестьян и выполнить многое другое.

Зима 1925 года прошла в напряженной учебе и подготовке к весенним работам.

Приближалось начало весенних полевых работ, и колонисты, продолжая учиться в школе, некоторое время работали в парниках, оранжерее, очищали и проверяли на всхожесть семена, подготавливали инвентарь. Это были по существу практические занятия по пройденному зимой в школе курсу основ агротехники.

Закончив занятия в школе, колонисты всю энергию направили на полевые работы. Предстоял исключительно напряженный сельскохозяйственный год. Работу по крайней мере двух-трех лет предстояло выполнить за один год. Мои заявки на рабочую силу, деньги и материалы для сельского хозяйства превышали возможности колонии. Антон Семенович, несмотря на большую выдержку, получив такие заявки, возмущался:

— Вы что, хотите, чтобы я всех грудных детей слушающих мобилизовал? Вы этого хотите?

В таких случаях приходилось отвечать возможно более спокойно:

— Как же можно образцово вести сельское хозяйство колонии, если не удовлетворяются даже очень «скромные» заявки? Неужели можно допустить, чтобы наши соседи, упрямые единоличники Иван и Григорий Коваленко, перетянули на свою сторону всех сомневающихся в преимуществах коллективного ведения хозяйства?

Антон Семенович соглашался с моими доводами и на совете командиров, общем собрании колонистов просто и убедительно доказывал колонистам, что намеченное надо выполнить обязательно и точно в срок. При этом он не скрывал от ребят необходимости большого напряжения с их стороны.

В самые напряженные рабочие дни можно было наблюдать, как Антон Семенович ходил по полям и в минуты отдыха беседовал, шутил, подбадривал колонистов, и на наших глазах невозможное становилось возможным. Посев всех культур — ранних и поздних — мы закончили раньше, чем намечали. Это послужило мне основанием при ближайшей встрече с Антоном Семеновичем упрекнуть его, что он напрасно ругал меня за «совершенно невозможные заявки» на рабочую силу.

— Так вы теперь хотите меня ругать? А знаете ли, какой ценой мы добились хороших показателей? Сегодня же обсудим на общем собрании вопрос об отдыхе для ребят, хотя бы на недельку.

Последние слова Антона Семеновича меня сильно обеспокоили, и я пожалел, что затронул этот вопрос. Разве можно в сельском хозяйстве прервать на неделю работы? За это время сорняки могут погубить урожай свеклы, моркови и некоторых других культур.

К предстоящему вечернему разговору с Антоном Семеновичем я тщательно готовился и даже написал текст своего выступления на всякий случай. Пока отряды отчитывались в своей работе, я сидел как на иголках, ожидая обсуждения вопроса об отдыхе «хотя бы на недельку».

— Ребята, — начал Антон Семенович, — посевную мы закончили, Николай Эдуардович очень доволен, но,

может быть, вы... устали и нуждаетесь в отдыхе хотя бы на недельку?

В ответ раздался общий веселый смех и дружные протесты. Необходимость в моем выступлении отпала. Антон Семенович посмотрел на меня. Его улыбку можно было понять так: «Я знал, что они откажутся, но, уважая их, должен был этот вопрос поставить и обсудить».

За два года колония освоила всю земельную площадь и начала собирать высокие урожаи зерновых, огородных и кормовых культур. Была установлена связь с Полтавской опытной сельскохозяйственной станцией. В колонии в широких производственных условиях проверялись предлагаемые станцией новые агротехнические мероприятия.

Ребята по-настоящему гордились сельским хозяйством колонии и критически оценивали способы, применяемые соседями.

В 1926 году намечалось увеличить объем школьных занятий для старших ребят по земледелию, растениеводству и животноводству и выделить специальный опытный участок. Антон Семенович, хорошо понимая значение науки и опытнической работы, полностью поддерживал все эти начинания в сельском хозяйстве. Однако наступившие события — переезд колонии в Куряж под Харьков — не дали возможности осуществить эти планы.

Переезд в мае 1926 года раскрыл тайну подарка «тети» Белковского.

Всё наше имущество было доставлено для погрузки к железнодорожной станции. Агава в большой деревянной кадке красовалась тут же, привлекая общее внимание как пассажиров, так и железнодорожных служащих. Руководил погрузкой нашего имущества Белковский, и именно к нему обратился чем-то весьма взволнованный садовник местного железнодорожного садоводства:

— Где вы достали этот цветок? Два года назад у нас пропал такой же. Вечером перенесли из оранжереи и оставили на платформе, чтобы утром высадить на клумбу, но утром... его не оказалось. До сих пор не могу понять, как это могло случиться. По крайней мере пять человек нужно было, чтобы его унести. При этом

ведь на платформе всё время находились железнодорожные служащие.

— Что вы, — чуть смутившись ответил Белковский. — Он у нас уже почти... десять лет. Вот каким к нам попал.

При этих словах Белковский развел руки и сейчас же их опустил, не желая, по-видимому, уточнять рост агавы десять лет назад.

Полубоовавшись еще немного цветком и выразив удовлетворение его состоянием, садовник ушел.

В Куряже с первого же дня наметили место для клумб и приступили к их устройству. Теперь это уже не было так сложно, хотя площадь клумб была увеличена по крайней мере в десять раз.

Агроминимум

Вместе с колонистами и наравне с ними работали в поле, оранжерее, парниках и наши воспитатели. Разграничение обязанностей командира сводного отряда колонистов и воспитателя установилось не сразу. Первое время наблюдались частые случаи подмены воспитателем командира отряда. Вопрос о правах и обязанностях командира и воспитателя обсуждался на педагогическом совете. В своем выступлении на совете Антон Семенович подчеркнул, что укрепление самоуправления колонистов требует повышения ответственности командира отряда.

— А каковы же тогда обязанности воспитателя? — задал кто-то вопрос.

— Воспитатель должен являться примером для всех в выполнении порученной отряду работы, должен разъяснять и отвечать на возникающие вопросы — политические, педагогические, агрономические и т. д.; наконец, воспитатель должен вести культурную работу среди ребят не только в часы отдыха, как это принято, а и в рабочие часы.

Для наших старых воспитателей, много лет проработавших в колонии, не представляло затруднений показать ребятам, как высаживать рассаду капусты, прорывать свеклу, пасынковать помидоры, а также отвечать на несложные агротехнические вопросы. Когда же стали приезжать работники других колоний знакомить-

ся с нашим опытом, а также студенты-практиканты, то стали возникать недоразумения. Обычно приезжих прикрепляли на некоторое время к дежурному воспитателю, а затем переводили в сводные отряды, работавшие в различных отраслях нашего сельского хозяйства. Здесь-то и выявилась неподготовленность многих из практикантов. Колонисты, прослушавшие в период зимней учебы основы агротехники и практически подготовленные неплохо, с иронией поглядывали на тех, кто должен был в будущем стать для них примером. К выводу — требовать от практикантов минимума агрономических знаний — в колонии пришли не сразу. Толчком послужил эпизод с двумя студентками-практикантками из педагогического института Оксаной и Ривой.

Интересные, веселые девушки вскружили головы нашим ребятам, в том числе и Жоре Новикову, командиру сводного отряда, в котором работали Оксана и Рива.

Во время одного из перерывов Жора с самым серьезным видом спросил практиканток:

— Дивчата, а когда экзамен будете сдавать?

— Какой экзамен? — с испугом воскликнули девушки.

— Да разве вам Николай Эдуардович ничего не говорил?

— Нет, ничего.

— Ну, видно, не хотел сразу вас огорчить, а завтра обязательно скажет.

— Так какой же экзамен, Жорочка? К нему, вероятно, надо готовиться?

— Конечно, надо, — не изменяя серьезного тона, продолжал Жора. — Прежде всего Николай Эдуардович потребует, чтобы каждую культуру вы знали по виду — огурец это, к примеру, или тыква, пшеница или ячмень, вика или люцерна; а потом спросит: как надо почву подготавливать, сеять, ухаживать, чтобы урожай побольше собрать.

— Ох, Жорочка, голубчик, после работы останься с нами, покажи и расскажи нам всё.

А Жоре только этого и надо было.

Через несколько дней по просьбе Жоры, раскрывшего мне секрет длительных вечерних прогулок с Оксаной и Ривой по нашим полям и лугам, я принял экзамен у девушек. К чести Жоры, долгое время работав-

шего в качестве моего помощника, надо сказать, что подготовил он наших практиканток к экзамену хорошо. Оксана и Рива получили «отлично».

Время шло, но Оксана и Рива, смотревшие на дело серьезно, об экзаменах не позабыли. После окончания практики девушки зашли к Антону Семеновичу попрощаться и получить характеристику и справку о выполненной работе. Жора в этот момент почему-то тоже оказался здесь. В разговоре с Антоном Семеновичем девушки попросили отметить в справках, что они сдали агроминимум.

— Какой агроминимум? — с недоумением спросил Антон Семенович.

— А вот спросите Жору. Он нам помогал подготавливаться, а Николай Эдуардович принимал экзамен.

Виноватый взгляд Жоры раскрыл Антону Семеновичу всё. Не расспрашивая больше ни о чем, он отметил в справках о сдаче девушками агроминимума.

На следующий день я рассказал Антону Семеновичу подробности приема экзаменов.

— Пусть это шутка, но шутка здоровая, — с улыбкой сказал Антон Семенович, выслушав меня. — Люблю Жору за инициативу и находчивость. Вы не думайте, что он только болтун и легкомыслен. У него железная выдержка. Где надо, в камень превратится. Ни слова из него не выжмешь. Давайте на будущее договоримся, что, прежде чем назначать того или иного воспитателя или студента в сводный отряд, вы с ним хорошенько побеседуете.

Так с легкой руки Жоры Новикова была введена обязательная беседа по агрономическим и зоотехническим вопросам со всеми практикантами и новыми воспитателями.

Наше животноводство

Развитие животноводства Антон Семенович поддерживал не только по соображениям замены всем столь надоевшего в предыдущие годы пшеничного «кандёра» на борщ со свининой, а пустого чая — на молоко. В развитии животноводства он видел возможность всестороннего ознакомления колонистов с сельскохозяйственным производством.

Животноводство позволяло рационально использовать отходы кухни и столовой. Наибольшее внимание было уделено развитию свиноводства, которое давало возможность в самый короткий срок получить и мясо и жиры.

На Полтавской опытной сельскохозяйственной станции мы приобрели несколько молодых свинок. Свинки доставляли много хлопот: то залезут к кому-нибудь в огород, то заберутся в реку и взмутят воду так, что в ней нельзя купаться. И тем не менее свинки стали общими любимцами.

Особенной любовью ребят пользовалась Фиалка, имевшая и другую кличку — Спортсменочка. Первую она получила, когда кто-то из ребят надел на нее старую дырявую дамскую шляпу с искусственными фиалками и Антон Семенович, увидев ее в таком виде, сказал: «Нашей свинке фиалки, кажется, к лицу»; вторую — за необычные спортивные способности. Не раз можно было наблюдать, как Фиалка вместе с ребятами прыгала с обрыва в воду, вызывая бурный их восторг. Естественно, что такой свинке перепали самые лакомые кусочки; к осени Фиалка оказалась более упитанной, чем ее сверстницы, и это обстоятельство привело к большой для нее опасности.

Взоры нашего завхоза Михаила Павловича, характеристика которого достаточно полно дана в «Педагогической поэме» в лице Калины Ивановича, устремились именно на Фиалку. Когда ребята узнали, что Михаил Павлович не только собирается, но уже точит, в буквальном смысле слова, нож, чтобы зарезать Фиалку, они страшно взволновались. По распоряжению Антона Семеновича в необычное время был дан сигнал «на общее собрание». Опоздавших не оказалось.

Михаил Павлович так с ножом и явился на собрание, чем еще больше взволновал ребят. Первое слово получил он.

— Кто я такой, вы знаете, — начал Михаил Павлович. — Я лицо ответственное, уполномоченное высшим начальством, и не обязан подчиняться каким-то там... а посему...

Но договорить ему не удалось. Поднялся ужасный шум, к которому скоро присоединилось жалобное похрюкивание Фиалки. Ребята умудрились и свою люби-

мицу притащить на собрание и в нужную минуту легкими толчками заставляли ее выражать свой протест.

Но вот взял слово Антон Семенович.

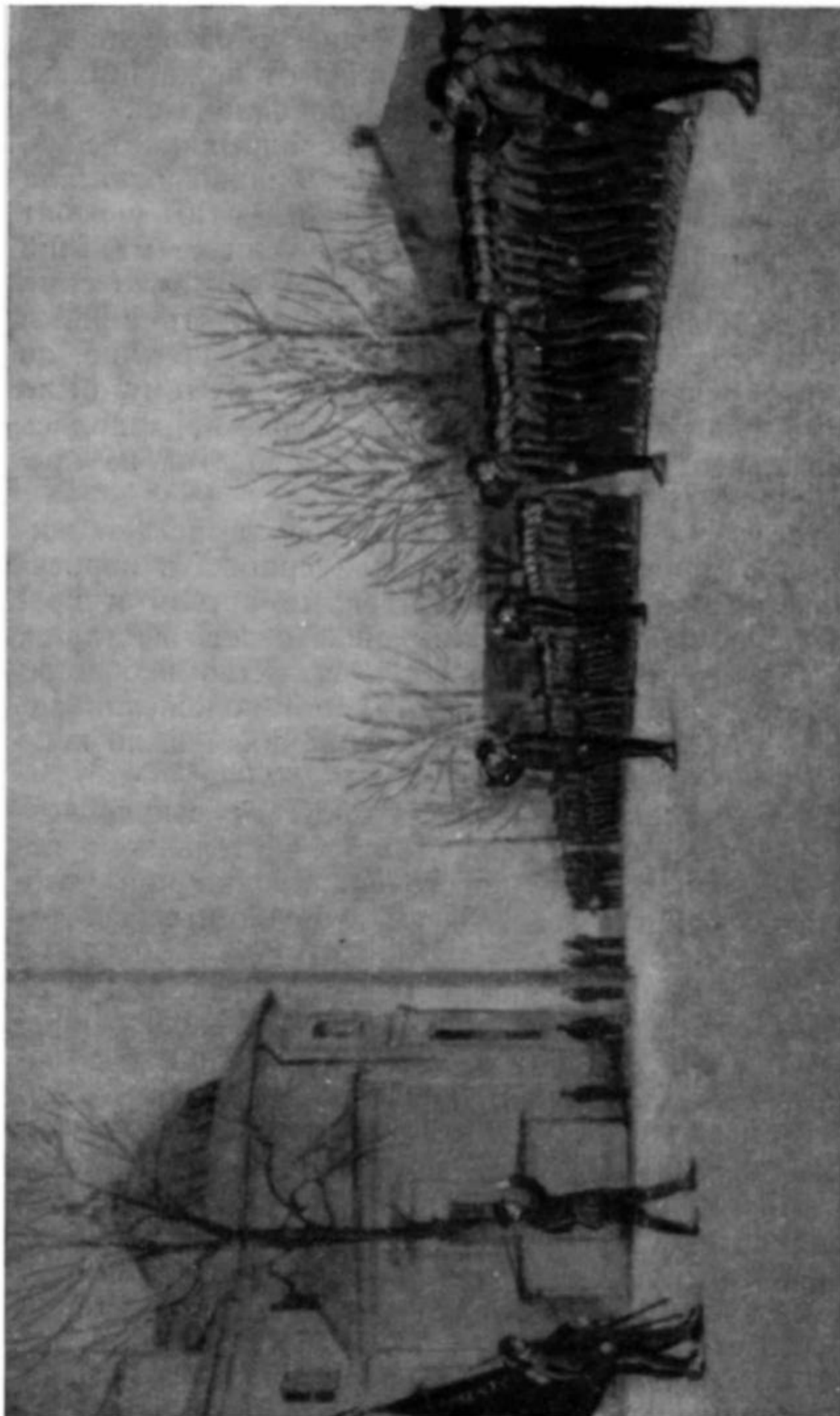
— Ребята, — сказал он, — Михаил Павлович просил пояснить, что если не зарезать Фиалку, то дней десять придется есть борщ без мяса. Поэтому ставлю на голосование: с мясом или без мяса будем готовить борщ?

И даже Михаил Павлович голосовал за «борщ без мяса». Так была спасена жизнь Фиалки, а вместе с ней и ее подруг. Решено было их всех оставить для увеличения стада нашего «свинства» — так частенько называл его Антон Семенович.

К весне 1925 года наше животноводство заметно увеличилось. На пастбище вышло стадо в количестве двадцати голов крупного рогатого скота и двадцати овец. Правда, коров у нас было только три — две молодые и одна весьма «пожилая», носившая соответственно своему возрасту кличку Старушка; но шесть молодых телочек обеспечивали хорошую перспективу для развития молочной фермы. Имелись также два рабочих вола, племенной бык и молодняк.

Коровник и конюшня находились рядом. Уход за животными осуществлял один и тот же отряд колонистов под командой Антона Братченко. Его симпатии, как заядлого лошадики, были на стороне конюшни, но и обслуживание коровника производилось вполне удовлетворительно. Правда, между ним и колонисткой Варей, страстной поклонницей «коровьего царства», возникали не раз бурные сцены и даже... драки, кончавшиеся вызовом к Антону Семеновичу и разбором на общем собрании вопроса, кто первый коснулся своей рукой противника. По установившейся традиции этот момент считался очень важным для выявления зачинщика «военных действий». Причина ссор в основном была одна: по уверениям Вари, Антон за счет коров подкармливал лошадей отрубями, мукой и другими концентрированными кормами, в которых у нас ощущался недостаток. Этим она объясняла и случаи снижения удоев молока.

Ссоры, однако, не мешали нашим «животноводам» объединяться, когда этого требовали интересы животноводства. Спасение коровы Старушки, забравшейся в трясины, из которой с большим трудом ее вытащили

Салют знамени. Поход колонии имени А. М. Горького в Харьков. А. С. Макаренко впереди
знаменной бригады, следующей к правому флангу.

Антон Братченко со своим отрядом и Варя с девушками, — наглядный тому пример.

Самые большие достижения имелись в развитии нашего свиноводства. Спасенные осенью от ножа Михаила Павловича, наши свиньи жили спокойно. Как и некогда, Фиалка опять стала в центре внимания ребят, но на этот раз по другой причине: Фиалка принесла восемь прекрасных малышей, и в связи с этим у ребят возник «серьезный» вопрос, унаследуют ли ее малыши спортивные способности своей матери. В том, что сама Фиалка, ставшая солидной мамашей, прыгать с ними с обрыва в воду больше не будет, ребята, конечно, не сомневались. Споров и разговоров на эту тему было много. И Антону Семеновичу и мне не раз приходилось разъяснять, что развитие нашего свиноводства не преследует спортивных целей.

Свиноводство становилось ведущей отраслью животноводства в колонии. Мы начали снабжать поросятами ближайшие сельскохозяйственные артели и крестьян. Однако хозяйство в свинарнике велось кустарно, не соблюдался режим кормления, не было необходимой чистоты. Основная причина такого положения заключалась в том, что помещение свинарника было явно неудовлетворительным.

Антон Семенович разрешил доходы от свиноводства, которые к этому времени стали значительными, использовать на постройку нового свинарника при условии, если он будет отвечать всем необходимым зоотехническим требованиям.

Перевод свиней в новое помещение был для всех нас праздником. С одобрения Антона Семеновича сразу ввели такие мероприятия, как выдачу кормов в соответствии с весом свиней, кормление по часам, регулярное обмывание животных и периодическое их взвешивание. Устанавливать нормы выдачи кормов и следить за кормлением свиней в точно назначенные часы вначале приходилось мне. Но вскоре всё это стал выполнять командир отряда под моим наблюдением.

Первое время мойка свиней сопровождалась таким визгом, что его было слышно далеко за пределами колонии. Поливая теплой водой и энергично растирая визжащую свинку щетками, ребята деликатно упрашивали ее «вести себя тихо». Но не всякая свинья понимала

деликатные речи, и иногда некоторые чрезмерно упрямылись. В таких случаях дело не обходилось без пинков. Скоро и ребята становились мокрыми с ног до головы, но энтузиазм их от этого не снижался. После мойки наступала полная тишина. Уставшие от визга свиньи спали на чистой подстилке, а дежурившие ребята, переодевшись, читали или тихо беседовали где-нибудь в уголке.

Рассеялось укоренившееся у некоторых наших служащих и местных крестьян мнение, что свинья — самое неопрятное животное и что грязь чуть ли ей не на пользу. В старом свинарнике, где поддерживать помещение в порядке было трудно, только Чистюлька жалобным хрюканьем проявляла свое нежелание лечь на грязную подстилку и успокаивалась, когда ей подбрасывали свежей соломы. Свою кличку она получила именно за это качество. В новом помещении ребята начали терпеливо приучать к чистоте всё наше поголовье: меняли по нескольку раз в день подстилку. Оказалось, что даже такая грязнуля, как Пышка, начинала выражать недовольство, если солому вовремя не меняли.

Значительно сложнее оказалось приучить наших свиней к взвешиванию. Только при помощи веревки упиравшуюся и визжавшую свинью удавалось втянуть в установленную на весах клетку. Больше всех огорчений доставлял кабан Василий Васильевич. Чтобы ввести его в клетку, за концы веревки тянули пять-шесть человек.

По предложению Антона Семеновича результаты взвешивания, которые обычно приурочивались к смене сводных отрядов, докладывались на совете командиров. Совет командиров быстро оценил прогрессивное значение такого мероприятия и выносил решение в зависимости от итогов взвешивания. Плохо приходилось тому командиру, у которого, например, кабан Собакевич, поставленный на откорм, дал незначительный привес или, еще хуже, снизил вес. В таких случаях совет командиров выносил решение — оставить отряд еще на один срок работы в свинарнике и добиться улучшения показателей по свиноводству.

Наивно, но в то же время образно выразила на одном из общих собраний свое мнение о новом свинарнике наша самая молодая воспитательница Лидочка, мало знакомая с сельским хозяйством.

— Раньше,—говорила она,—из-за постоянного визга и хрюканья свиней я не могла спать, а во время дежурства больше всего боялась заходить в свинарник для проверки работы ребят. Мне казалось, что Василий Васильевич или какая-нибудь другая свинья перепрыгнут через перегородку и...

— ...вас съедят, Лидочка, — шутливо продолжал Антон Семенович.

— А сейчас ночью в свинарнике тихо, и я сплю спокойно. В свинарник заходить не боюсь. Сегодня самого маленького поросеночка даже... поцеловала в пяточок, — закончила свое выступление Лидочка под веселые возгласы ребят.

Порядок в свинарнике, хорошая упитанность свиней и своевременно принятые предупредительные меры спасли наше стадо от чумы, уничтожившей почти полностью поголовье свиней в округе на несколько десятков километров. У нас ни одна свинья не заболела чумой. В период строгого карантина на дверях свинарника висело объявление, на котором ребята изобразили мертвую свинью и сделали надпись: «Остановись! Опасно для жизни свиней! Вход запрещен». Никто, кроме членов отряда, в свинарник не заходил. Когда необходимо было срочно отремонтировать печь, ребята, не обращая внимания на бурные протесты печника, обрызгали его дезинфицирующим раствором и только после этого впустили в свинарник. Для вызова кого-либо из свинарника на дверях повесили большой звонок.

К концу 1925 года наши успехи в сельском хозяйстве стали еще значительнее, поголовье свиного стада увеличилось до ста шестидесяти голов. Крестьяне из окружающих деревень начали ставить колонистов в пример и советовались с ними по различным специальным вопросам культурного ведения сельского хозяйства. Колония, бесспорно, оказала влияние на развитие свиноводства в окружающих хозяйствах.

Даешь трактор!

— Что вы думаете о тракторе? — спросил меня Антон Семенович в один из сентябрьских дней 1925 года. К этому вопросу я уже был подготовлен. О тракторах писалось в газетах. Изредка можно было наблюдать,

как по пролегавшей недалеко от колонии проселочной дороге перегонялись тракторы. Интерес у ребят к стальным коням был необычайный. Вечерами или во время перерывов в работе разговор не раз переходил на трактор, и все дружно желали его приобрести.

Тема «Даешь трактор!» в рисунках и карикатурах наших художников заняла основное место. В сельском хозяйстве хотя и имелись заметные достижения, но было много и недостатков, устранить которые можно было только при помощи механизации. В напряженные периоды сельскохозяйственных работ заметно ощущалась нехватка в рабочей силе. Это в свою очередь задерживало организацию крайне нужных нам мастерских — деревообделочной и слесарной.

На общем собрании колонистов Антон Семенович предложил обсудить вопрос: нужен ли колонии трактор или можно обойтись нашим живым тяглом? Обсуждать этот вопрос не пришлось. Громогласное: «Даешь трактор... трактор... трактор!» — потрясло всё здание. Даже Братченко, известный всем как заядлый любитель лошадей, на реплики ребят: «Теперь твоим лошадям только в клуб ходить, газеты читать», — добродушно отвечал: «А вы думаете, чтобы только вам было полегче; лошадкам тоже надо, чтобы было полегче. Пусть трактор пашет и сеет, а лошади тогда будут боронить и семена подвозить». Появившиеся вскоре после собрания два рисунка долго привлекали внимание колонистов, воспитателей и всех приезжавших к нам. На одном рисунке было показано, как в единоборстве трактор, управляемый колонистом Беленьким, побеждает тройку вместе с кучером Братченко. На другом были изображены лошади, часть из которых увлеклась чтением газет, а остальные весело махали платочками трактору, распахивающему недалеко участок земли.

Разрешить вопрос о приобретении трактора оказалось, однако, не так просто. Против трактора резко выступило наше наробразовское руководство: «Нельзя доверить управление трактором ребятам, это опасно для их жизни и жизни окружающих», «Ребята быстро поломают и приведут в негодность дорогостоящую технику», «Зачем вам трактор, когда вы хорошо управляетесь в сельском хозяйстве и с лошадьми», «Вот если бы

что-либо вроде детского трактора, ну тогда может быть...»

Антон Семенович боролся, резко спорил с такими нытиками и перестраховщиками. Он доказывал, что нельзя дать ребятам специальность, обучая их на игрушечном тракторе или игрушечном станке, что колонисты должны выполнять работу высококачественно, как настоящие трактористы.

Покупку трактора всё же пришлось отложить. Однако было решено начать подготовку своих трактористов, так как никто не сомневался, что трактор рано или поздно у нас будет. Для подготовки трактористов нам было предоставлено шесть мест. Курсы размещались в нашей бывшей первой колонии в Трибах.

Кандидатуры курсантов очень тщательно обсуждались советом командиров. Когда пять кандидатур были намечены, Антон Семенович заявил:

— В отношении шестой у меня есть некоторые соображения. Вот закончат наши колонисты курсы, вернуться в колонию, а тем временем мы приобретем трактор. Кто же тогда будет руководить трактористами и сложной, совершенно новой для нас техникой?

— Николай Эдуардович, — раздались голоса ребят.

На мгновение воцарилась тишина. Все смотрели в мою сторону и ждали ответа. Я понимал, что моему ответу Антон Семенович придает большое значение, и, не раздумывая, решительно сказал:

— Я возьмусь при условии, если вы направите меня вместе с ребятами на курсы.

— Я был уверен, что именно так вы ответите.

Обсуждение шестой кандидатуры много времени не отняло.

Так я, агроном колонии имени Максима Горького, стал курсантом школы трактористов, и с тех пор вся моя дальнейшая работа оказалась неразрывно связанной с механизацией сельского хозяйства.

Если до слияния первой и второй колоний сводные отряды колонистов из первой колонии по утрам направлялись на работу во вторую, а вечером возвращались, то теперь по утрам из второй колонии шествовали в первую шесть курсантов под командой старшего колониста Гриши Беленького, а поздно вечером возвращались домой. Разница, и притом существенная, заключа-

лась еще и в том, что передвижение нашего отряда проходило в осенний и зимний периоды. Сколько раз нас поливал дождь, засыпал снег, валили с ног буря и буран! Были случаи, когда, возвращаясь домой, мы не находили на берегу Коломака нашей лодки, которую оставили утром. Прокричав с полчаса дружно «перевозу» и не добившись ничего, Беленький или кто-либо из ребят раздевался, бросался в ледяную воду, переплывал на другой берег и уже на лодке возвращался обратно.

Курсы всеми нами были успешно закончены и экзамены по конструкции и езде на тракторе сданы. Все шесть курсантов получили «посвидчения» (удостоверения) на право управления трактором. «Посвидчение» за № 281 для меня не менее дорого, чем другие аттестаты и дипломы. Оно всегда напоминает колонию и Антона Семеновича, направившего меня в новую, бесконечно интересную область сельскохозяйственного производства.

Мне всё же пришлось задержаться в школе, на этот раз — на курсах механиков. Антон Семенович согласился со мной, что я должен иметь более высокую квалификацию, чем тракториста. В течение почти двух месяцев «шестой курсант» продолжал преодолевать снежные сугробы между второй и первой колониями.

Приобрести трактор в Полтаве нам не удалось. Разрешили этот вопрос только через год, весной 1927 года, уже после переезда в Куряж. Принять трактор и доставить его в колонию поручили старшему колонисту Беленькому. Как только раздался шум приближающегося к колонии трактора, все ребята выбежали навстречу. Вышел Антон Семенович и почти все воспитатели. Беленький на высшей передаче подвел трактор к клубу и рапортовал о благополучном прибытии. Приняв рапорт, Антон Семенович обратился к ребятам с краткой речью, в которой отметил, что получение трактора является началом нового этапа в жизни колонии — этапа широкой механизации.

Обслуживал трактор небольшой постоянный отряд в составе трех колонистов. Командиром отряда совет командиров назначил Гришу Беленького — серьезного и дисциплинированного колониста.

За время моей работы в колонии не было ни одной

поломки или аварии трактора, ни одного несчастного случая. Как жестоко просчитались наробразовцы, препятствовавшие еще в Полтаве приобретению трактора!

Наш трактор обслуживал не только колонию, но и ближайшие коллективные хозяйства, выполняя для них наиболее тяжелые полевые работы: вспашку, культивацию, молотьбу.

Подготовленные еще в Полтаве на курсах, наши трактористы вскоре ушли на производство, в рабфаки. Остался только Беленький, назначенный инструктором. Ежегодно проводилась подготовка пяти-шести новых трактористов. Один из них, Иван Антонович Котов, впоследствии стал инженером-механиком и работал в МТС.

Механизация сельского хозяйства прочно вошла в жизнь колонии и помогла разрешить немало стоящих перед нами проблем.

За очень короткий срок в колонии имени М. Горького выработалась стройная, проверенная практикой система сельскохозяйственного трудового обучения колонистов.

Весьма ценным в этой системе являлось то, что творческая инициатива каждого колониста, воспитателя не угнеталась, а, наоборот, получала полный простор.

Вечером, когда на общем собрании обсуждались итоги прошедшего дня, каждый присутствовавший имел возможность выступить и внести свои предложения.

Всё настолько было ясно и понятно всем колонистам, что каждый из них знал, как ему надо поступить в том или другом случае. Никого не удивляло, когда самый маленький колонист Тося Соловьев с важным видом рассказывал приехавшей познакомиться с колонией пожилой учительнице весь наш распорядок.

Случаи, когда тот или иной колонист самовольно сорвал цветок, «забыл» в поле лопату, грабли, ударил животное, были весьма и весьма редки. Наоборот, примеры аккуратности, заботы об имуществе колонии являлись повседневными.

Творческое применение системы сельскохозяйственного трудового обучения колонистов воспитателями и учителями является одной из ближайших задач детских домов и школ.

А.С. МАКАРЕНКО

*В коммуне
имени*

Ф.Э. ДЗЕРЖИНСКОГО

*Последние
годы жизни*

В. Н. Терский

СЛОВО О БОЛЬШОМ, НАСТОЯЩЕМ ДРУГЕ

Для нас, педагогов, Антон Семенович всегда был большим другом, искренним, заботливым до мелочей, внимательным, чутким, добрым и вместе с тем строгим, суровым и очень требовательным.

Вспоминается такой случай. В час ночи у меня внезапно заболел ребенок, а в половине второго уже явился врач, хотя заболевание не было опасным и мы с женой беспокоить доктора не хотели. Однако появление его нас не удивило. В начале второго кто-то заглянул к нам в комнату, что-то спросил и, конечно, о больном ребенке сообщил Антону Семеновичу. Он еще не спал и работал в своем кабинете. По обыкновению Антон Семенович не просто выслушал сообщение о больном ребенке, а сразу же сделал выводы и послал врача.

Нас Макаренко всегда настраивал на хорошие дела. От этого и жилось нам легко и чувствовали мы себя замечательно хорошо. Мы много трудились. Антон Семенович на каждом шагу разъяснял нам величие труда, заставлял уважать труд, проявлять искренние симпатии к честным труженикам и презрение к бездельникам.

Попадали временами в наш коллектив такие люди, которые в погоне «за рублем» смотрели на дело с точки зрения личной выгоды. Но эти людишки не могли долго задерживаться у нас потому, что не выносили открытого и прямого презрения к ним со стороны всего коллектива.

Антон Семенович всегда понимал, какого результата надо ожидать от того или иного исполнителя, учитывая его силы и способности, в какой мере нужно помочь ему. Этому, очевидно, помогало личное участие Макаренко в самых различных работах, его широкий диапазон развития. Он выполнял охотно любую работу. И ему

всегда доставалась самая трудная, такая, которую другие делать хорошо не могли. Так, по праву досталась ему роль руководителя коллектива. Но чувствовалось, что если он найдет человека, более способного, чем сам, то передаст ему свое сложное и трудное дело.

Такого человека при его жизни не встретилось, хотя Макаренко специально выращивал некоторых в этом направлении. Это он вырастил товарищей Калабалина, Конисевича, Шершнева, Шведа и других. Некоторые из них успешно работают ныне руководителями детских коллективов. Но Макаренко не всех растил в одном направлении. Учитывая личные способности воспитанников, Антон Семенович стремился обеспечить лучшее развитие каждого сообразно его особенностям, т. е. он не стремился «выучить курицу плавать, а утку кукарекать».

Ничьей воли Макаренко никогда не подавлял, за исключением, разумеется, злой воли, угрожавшей благополучию коллектива. Исключительно свободными чувствовали себя в колонии и мы, педагоги, и дети. На первом плане у каждого из нас стояли интересы трудящихся, интересы Родины, на втором плане — интересы коллектива колонии имени Горького, а позже коммуны Дзержинского, на третьем — интересы личные, каждого из нас. Всё, что намечалось нами, претворялось в жизнь.

Если друзья близки, если это настоящие друзья, то взаимная открытая, дружеская критика никого не раздражает, а является залогом роста каждого и в результате — всего коллектива. Я ношу в своем сердце глубокую благодарность Антону Семеновичу за те многие изменения во мне самом, которые произошли с его помощью. Однако мои недостатки никогда не были предметом обсуждения не только на общих собраниях в колонии или коммуне, но и на педагогических совещаниях. Никто и никогда у нас не мог блеснуть перед всеми своими прокурорскими талантами, обвиняя других. Каждый понимал, что прежде всего надо совершенствовать самого себя, а другу легче всего указать на его недостатки с глазу на глаз, тактично, честно, чтобы не задеть его самолюбия.

Всем известно, как трудно бывает искренне исправляться и становиться лучше и как нехорошо грубо тре-

бовать от человека немедленного полного исправления. Поэтому даже проступки детей у нас в колонии становились предметом обсуждения коллектива лишь тогда, когда было необходимо влияние всех, когда личные беседы педагогов и самого Антона Семеновича оказывались недостаточными или надо было показать единство мнения коллектива, против которого бороться невозможно.

Макаренко считал, что каждый человек, имеющий общение с детьми, так или иначе влияет на них, и, исходя из этого, организовывал полезные знакомства, добивался крепкой связи с широкой передовой общественностью. Шефов, друзей у дзержинцев было очень много: рабочие Харьковского паровозостроительного завода, рабочие тракторного завода, шахтеры Донбасса, моряки крейсера «Червона Украина», колхозники окружающих сел, летчики, артисты Харьковского государственного театра русской драмы, с которыми колонисты вместе ставили «Тартюфа» Мольера и «Дон-Кихота» Сервантеса.

Часто бывали у нас гости из-за границы, и мы их приходу радовались, всегда оставались вежливы со всеми и каждому показывали всё, что у нас есть, потому что у нас не было ничего, что надо было бы прятать. Мы горячо говорили о нашей любви к Советской стране, показывали эту любовь в мирные дни и показали позже, в тяжелые дни войны, когда коммунары подросли и многие из них полегли на поле боя. Но ни один не отступил, никто не опозорил светлого имени своего воспитателя: не опозорят его и те, кто остался в живых и продолжает дело Макаренко.

Антон Семенович был великим тружеником. Обычно еще до сигнала на подъем, который зимой давался в 7 часов утра, а летом в 6, он уже находился в своем кабинете. Этот кабинет был центром всей жизни коллектива. Из многих сотен коммунаров, коммунарок и сотрудников нельзя было найти никого, кто не побывал бы в кабинете Антона Семеновича за день хотя бы раз десять. Здесь всегда было интересно, здесь всё решалось, задумывалось, проектировалось, претворялось, устанавливалось, выяснялось, обсуждалось. Здесь проходили самые неофициальные споры и самые официальные собрания, на которых решались и важнейшие

дела, и такие, например: кто отвечает за экономию электроэнергии, какие платья шить девочкам к лету, сколько фотоаппаратов «ФЭД» надо выпустить за месяц, что делать с Мишей, который был недостаточно вежлив в разговоре с Катей? Вопросов накапливалось очень много, некоторые из них решались тут же, сразу, иные передавались на рассмотрение совета командиров, в бюро ВЛКСМ, в другие организации.

Многие, изучая Макаренко, стремятся найти в его системе воспитания главное, что, по их мнению, достаточно применить в практике — и успех будет обеспечен! По-моему, такое секретоискательство — утопия. Главное в работе Макаренко — это отсутствие чего-то одного, исключительного, важным было всё, что делалось и признавалось необходимым.

Макаренко многократно говорил и не раз писал, что труд — главное, учеба — главное, каждый предмет, который преподается в школе, — главный, игра — главное дело в детском коллективе.

Макаренко утверждал, что человек не воспитывается по частям, а создается в результате всей суммы влияний, которые на него оказываются.

Мы все, и взрослые и дети, по примеру самого Антона Семеновича, очень много и напряженно работали в колонии. Но мы чудесно, весело и интересно отдыхали! Если бы у меня был талант писателя, то и тогда я бы не сумел описать всю прелесть нашего летнего отдыха с коллективом ребят в трудных походах, с всевозможными приключениями. Ни ливни, только освежавшие нас в теснинах Дарьяльского ущелья, ни горные обвалы — ничто не могло омрачить нашего победного шествия вперед и вперед. Всякие преграды только крепили и объединяли коллектив, делали его сильнее, выносливее и веселее. Это было самое настоящее, самое светлое, хорошее счастье.

Меня часто спрашивают: на чем был основан непрекаемый авторитет Макаренко?

Конечно, и на его светлом разуме, и на его таланте, и на его исключительной трудоспособности. Всё это способствовало незыблемости авторитета Антона Семеновича. Но главное всё же не в этом. По моему глубокому убеждению, его исключительный авторитет зиждился на том, что он каждому из нас искренне хотел

Группа педагогов коммуны имени Ф. Э. Дзержинского.

добра. Имеется много людей, умеющих показать свою доброжелательность. Но есть разница между людьми, умеющими показать ее, и людьми, действительно желающими тебе добра. Антон Семенович был наш лучший, настоящий, подлинный друг. А разве можно не выполнить желания лучшего друга? Антон Семенович желал и жил только тем, что нужно было детям, его соратникам по работе, его Родине, его народу и трудящимся всего мира.

НОВИЧКИ

В коммуну прибыла партия новичков. Для их встречи на вокзал маршем выступила вся коммуна во главе с Антоном Семеновичем, в парадных костюмах, с оркестром и знаменами. Из вагона вылезали типичные беспризорные ребята — грязные, босые, в оборванной одежде. Хмурое выражение их лиц при виде коммунарской колонны сменилось выражением недоумения и затем восхищения. Командиры разместили новичков по отрядам, грянул оркестр, и коммунары четким строем двинулись домой. Первые шаги новичков в строю неуверенны, но свернуть некуда, — размещены ребята в колонне так, что и спереди, и сзади, и с боков каждого идут коммунары. Приходится равняться. Через пять минут новички уже идут в ногу, еще через пять минут некоторые выпрямились, подтянулись.

Пришли в коммуну, уже чувствуя что-то общее с нею, чувствуя себя членами коллектива. Коммунары успели понравиться им. Нравится и приветливое обращение коммунаров, и еще многое. Уже готовы помириться с такой «неприятностью», как баня, стрижка ногтей и приведение в порядок полученной одежды.

Вот начало воспитания, в котором сразу, буквально с первых же шагов, видно могучее влияние крепкого детского коллектива. Форме принятия новичков, началу своей работы с новичками Антон Семенович придавал огромное значение. Он считал, что приготовить костюмы, постели, белье, обувь для новичков совершенно недостаточно. Необходимо продумать: какие книжки надо для них заранее приготовить в библиотеке, какими формами клубной работы их нужно охватить вначале? Продумывалось всё до мелочей. Новичков, однако, сра-

зу по прибытии их в коммуны не заставляли идти в цех, на работу, и в школу. Давали им время осмотреться, подумать. Но когда новички видели, как по сигналу на работу все коммунары идут в цехи, они, новички, чувствуя себя одиноко, невольно тянулись за ними.

На общих собраниях коммунаров новички сталкивались вновь с целым коллективом, членами которого они себя начинали чувствовать, и так же, как в строю, чувствовали себя окруженными со всех сторон коллективом, чувствовали движение этого коллектива к определенной цели, понимали нелепость и невозможность сопротивления этому движению.

Отсюда и основной тон отношения коллектива ко всякого рода нарушениям и ненормальностям: тон известной иронии и недоумения. Так, примерно, отнеслись бы окружающие весело настроенные ребята к парню, делающему явную нелепость, ну, скажем, к юноше, который влез бы на улице на лошадь, сел бы задом наперед и стал на спине лошади расставлять шахматные фигуры. Это несколько ироническое отношение коллектива, в большинстве случаев совершенно добродушное, имело особенную силу при той замечательной форме, которую создал А. С. Макаренко. Новичок, совершивший нарушение, должен был стоять посреди зала, окруженный сидящими коммунарами. По выражению коммунаров, он «отдувался». На него сыпались всевозможные реплики, вопросы, шутки и замечания. Редчайшие попытки «отдувающегося» бравировать своим положением неминуемо терпели крах. Он стоял смирно, руки по швам, каблуки вместе, носки врозь: таково было общее положение, и нарушать его было нельзя.

Если в его позе было малейшее отклонение от установленной формы, то его моментально поправляли: «Как стоишь?» Выражение его лица бывало обычно растерянным, он частенько тяжело вздыхал и шумно выдыхал воздух, причем некоторые, выдыхая воздух, немного прикрывали рот так, что щеки раздувались. Отсюда и пошло название — «отдуваться». Но самым трудным в его положении было «смотреть не туда, куда смотришь». Как я уже сказал, его окружали коммунары со всех сторон кольцом. Только в одном месте был небольшой разрыв кольца, просвет, в котором сидел Антон Семенович. Если провинившийся поворачивался

лицом к Антону Семеновичу, то последний говорил ему: «Что ты мне говоришь, говори ребятам». Если он поворачивался боком, то оказывался спиной к какой-то части ребят, и его снова поправляли: «Куда же ты смотришь?» Таким образом, его положение уже было нелепым. Это положение его разоружало настолько, что возражать потом против обычно единодушного мнения всего коллектива он не мог. Идти против общего мнения, против установленных традиций могли только единицы. Эти единицы попадали в кабинет к Антону Семеновичу, и он с ними «возился», как он выражался. Возня эта принимала самые разнообразные и неожиданные даже для нас, старых соратников Макаренко, формы. Вот отдельные моменты: Антон Семенович сидит в своем кабинете и что-то пишет. Трое малышей сидят возле него на диване. Они «отдуваются». Антон Семенович посадил их на диван с тем, чтобы они «подумали хорошенько над своими поступками». Проходит час.

— Антон Семенович, я уже подумал, — говорит один из малышей, поднимая руку и вставая с дивана.

Соседи смотрят на Антона Семеновича с живым интересом: если «номер пройдет», то и они через пару минут последуют примеру первого малыша.

— Мало думал, думай еще! — отвечает Антон Семенович. И малыш, которому страшно хочется побегать, порезвиться, с типичным вздохом «отдувающегося» садится вновь на свое место.

Применяя ту или иную меру воздействия, Макаренко был бесконечно изобретателен, редко повторялся, умел артистически точно учитывать индивидуальные особенности провинившегося, характер его проступка, малейшие душевные нюансы «отдувающегося».

Лицо каждого воспитанника было понятно Антону Семеновичу до мельчайших подробностей. Он знал, в каком отряде и как сегодня работал Иванов, какие он получил оценки в школе сегодня и какая у него оценка по математике была три месяца назад, в каких кружках и как занимается этот Иванов, с кем он дружит, куда он ходит и о чем мечтает, что он думал вчера и о чем будет думать, предположительно, завтра. Люди наблюдательные, работая вместе с ним, не могли не заразиться его пафосом, не усвоить его системы.

Е. З. Юрченко

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ АНТОНЕ СЕМЕНОВИЧЕ МАКАРЕНКО

Еще работая в Кременчуге, в заводской школе, я много слышала об Антоне Семеновиче Макаренко и очень заинтересовалась им, как педагогом. Получаю как-то письмо от сестры. Она описывает с большим восторгом коммуну имени Дзержинского под Харьковом и в особенности деятельность руководителя коммуны — Макаренко. Пишет, что из коммуны ушел групповод и не могут найти нового. Вскоре получаю телеграмму из коммуны — предложение занять место ушедшего групповода. Согласилась, — уж очень интересовала меня работа среди ребят, бывших беспризорников. Больших трудов стоило уехать из Кременчуга. Ведь в заводской школе я проработала 33 года! Но телеграмма трудкоммуны сделала свое дело, и вот в 1933 году я прибыла в коммуну. Вошла в здание «А». Какая чистота везде! Стоит дневальный с ружьем. Ребята вежливо поздоровались со мной, и я услышала шепот: «Новая учительница». Я внутренне очень волновалась, одна мысль сменяла другую, но одна особенно тревожила — сумею ли я подойти к этим ребятам. С каким трепетом и волнением ожидала встречи с Антоном Семеновичем! Вошла в его кабинет. Но его не увидела. Он, как мне сказали, уехал в Москву. Встретил меня заведующий школой тов. Тартинов и сказал, что мне придется работать с третьими и четвертыми классами. Это было для меня неожиданностью, так как я полагала, что буду заниматься с малышами, с первым классом. Но я не испугалась. Я слышала, что Антон Семенович прекрасный товарищ и руководитель, и рассчитывала на его помощь. Пришлось работать в две смены. Подбор учеников был

крайне разнообразен: от 8 до 18 лет. Подготовка и знания тоже были различные. Всё это сразу меня поразило. Постаралась не показать ребятам своего изумления, а только с еще большим нетерпением стала ждать приезда Антона Семеновича.

Через несколько дней замечаю среди коммунаров волнение и слышу крики: «Антон приехал, Антон приехал!» Я не представляла себе, чтобы такая масса ребят могла выражать столь искреннюю радость по поводу приезда своего руководителя. Это только в семье с такой радостью встречают любимого отца. Учителя тоже засияли: «Вот теперь начнется работа». Мне, как новому человеку, всё это бросилось в глаза. Провела уроки. Волновалась очень, думая, что Антон Семенович придет в класс. После занятий сама пошла к нему в кабинет. Антон Семенович встретил меня так просто, как встречаются только старые друзья:

— Ну что же, Елена Захаровна, будем вместе работать?

— Да, Антон Семенович, но только я очень волнуюсь, смогу ли с этими ребятами справиться?

Засмеялся.

— Приходите в любое время, приму вас, переговорим...

Выбрала время, пришла. Антон Семенович беседовал со мной, как старший товарищ. Дал установку: прежде всего не интересоваться прошлым воспитанника.

— Перед вами вновь рожденный человек, изучайте его и перерабатывайте.

Сказала, что заниматься с третьими и четвертыми классами тяжело. Антон Семенович ответил на это весело:

— Ничего, справитесь!

Когда я просила его посетить класс, он говорил:

— Я знаю, как у вас идет работа, — ребята всё говорят.

Оказывается, Антон Семенович хвалил меня ребятами, и отношение их ко мне делало меня всё более счастливой.

В тех классах, где я занималась по вечерам с отстающими, часто делали на досках чертежи и решали теоремы бывшие воспитанники коммуны, теперь же студенты вузов, приезжавшие на каникулы в коммуны, как

в свой родной дом. Этот пример был очень полезен для моих отстающих ребят, он побуждал их к большему старанию. Антон Семенович всемерно заботился о будущем своих воспитанников, о том, чтобы они получали законченное образование. Одаренных музыкальными способностями малышей Антон Семенович направлял во Дворец пионеров, а старших — в консерватории.

Часто приезжали в коммуну иностранные гости. Особенно запомнился мне приезд матери Димитрова. Она очень внимательно осмотрела все помещения коммуны, выслушала краткий доклад Антона Семеновича и долго выражала свое искреннее удивление и радость по поводу того, что ей пришлось увидеть и услышать. Расцеловала меня и пожелала мне долгие годы работать так на пользу Родины...

В одно из моих посещений Антона Семеновича он сказал мне, что ребята хотят организовать драматический кружок, и предложил мне взять на себя руководство этим кружком. Я поблагодарила за такое доверие, но просила дать мне ряд указаний. Антон Семенович лично наметил пьесу, дал список участников во главе с пионервожатым Сашей М. После нескольких репетиций я почувствовала, что для этих ребят нужен настоящий руководитель-профессионал. Я высказала это Антону Семеновичу. Он выслушал меня очень сосредоточенно и сказал только одно слово: «Да». И что же, через некоторое время разносится по коммуне: «Приедут артисты!» Приехали артисты Харьковского драматического театра Петров и Крамов. Под их руководством были поставлены пьесы Мольера и Сервантеса. Пьесы, выбранные Антоном Семеновичем, и имена актеров-руководителей подтверждают основной принцип Антона Семеновича — выполнение задачи только на высоком уровне и замечательную особенность его — быть всегда готовым к быстрой реализации полезных идей членов своего коллектива. Представления проходили с большим успехом и доставляли громадное удовольствие не только участникам, но и зрителям. Вызовов всегда не было конца. Но самое большое удовольствие доставила всем пьеса, написанная самим Антоном Семеновичем на злобу дня коммуны, и особенно момент в заключении, когда на бурные аплодисменты вышли на сцену два Антона Семеновича — один настоящий и

другой прекрасно загримированный артист Крамов. Некоторые из коммунаров, выступавших в этих спектаклях, пошли потом учиться в театральные школы, как, например, Шура Сыромятникова, Клава Борискина, Митя Терентюк и Ваня Ткачук.

Антон Семенович просил следить за тем, чтобы ребята обязательно читали в свободное время. Если в рапорте, бывало, напишешь, что ученик не читает, Антон Семенович посылает за учеником и строго спрашивает: «Почему не читаешь? Бери книгу, садись в кабинете и читай». — «Есть читать!» Бежит весело и с книгой усаживается или на диван, или около стола, как укажет Антон Семенович, и читает. После этого ученики говорят между собой: «Надо читать, а то Антон усадит в кабинете читать». Заставляя читать в кабинете, Антон Семенович интересовался всегда, что читают ребята и какие книги берут из библиотеки. Библиотека в коммуне была прекрасная. В ней были собраны все классики в лучших изданиях. Последними пользовались старшие коммунары. Антон Семенович старался пробудить в каждом воспитаннике любовь к чтению и научить бережному обращению с книгой. Советовал каждому завести тетрадь для краткого конспектирования и разбора прочитанного.

Хорошо работала пионерорганизация в коммуне. Можно было часто видеть, как совещался с Антоном Семеновичем вожатый Саша. Вожатый поддерживал тесную связь с преподавателями. Я лично присутствовала на всех собраниях пионеров. Если я где-нибудь задерживалась, вожатый посылал разыскивать меня. Я должна была каждый раз докладывать об успехах и поведении пионеров. Мои ребята все были пионерами. А какая живая связь была с пионерами за границей! С каким восторгом и интересом читали их письма. Содержание этих писем докладывала Антону Семеновичу. Он разделял всегда с пионерами их детскую радость. В коммуне была устроена даже специальная витрина для писем и вырезок из иностранных газет. Хочу коснуться и связи наших ребят-пионеров со слепыми пионерами. Неоднократно организовывали псевдски к ним в гости. Не скрою, что в первый раз эта масса слепых детей произвела на меня тяжелое впечатление. Они

знакомились с нами, ощупывая нас пальцами. Я сама была глубоко тронута тем, как спокойно и покорно стояли мои ребята, пока происходило такое необычное для них знакомство. Между ребятами быстро завязалась дружба. Меня удивил один маленький слепой, который предложил игру: кто раньше по цветам сложит звезду. Оказалось, что он ощупью сделал это быстрее моих зрячих ребят. Сколько было в связи с этим радости и смеха! Ездили мы к ним и на праздничный вечер. Мои пионеры были поражены, как их товарищи прекрасно провели пьесу, как чудно и весело танцевали. Слепые пионеры в свою очередь приезжали к нам. Трудно описать, с какой лаской, с какой предупредительностью наши маленькие хозяева встречали своих гостей. С каким вниманием и заботливостью усаживали их за столы и угощали. Как старались развлечь и развеселить их! Картина была настолько трогательная, что нельзя было удержаться от слез.

С большой торжественностью отмечали всегда в коммуне наши революционные праздники. Как сейчас встает передо мной картина празднования знаменательной даты — 7 ноября. Зал великолепно убран зеленью и цветами (в коммуне были свои оранжереи и богатые цветники). На сцене портреты Ленина и Сталина. Все коммунары собрались в зале. На хорах — оркестр. Антон Семенович входит на сцену и громко говорит: «Смирно! Под знамя!» Все коммунары поднимаются со своих мест. Антон Семенович и все салютуют. Музыка играет. Открывается дверь, из нее выходит дежурная коммунарка, как и все, в парадной форме, за ней рослые юноши со знаменами в руках. Знамена сопровождают два коммунара с ружьями. Какая выправка, какая четкость движений, какая гордость во взглядах! Группа занимает место около бюстов. Через каждые пять минут смена караула. Дежурный подходит к сидящим и тихо говорит: «На сцену — караул». Организованно, бесшумно, без единого лишнего движения или жеста происходит эта смена. Председатель совета командиров зачитывает список президиума. Члены президиума занимают места, начинается доклад. После официальной части, конечно, угощение, танцы. Коммунары всегда принимали участие в парадах, организуемых в Харькове, и проходили мимо трибуны первыми

после колонн военных. 1 Мая надевалась белая парадная форма, и у каждого коммунара в петлице был красный цветок. Шли стройными рядами. Антон Семенович возглавлял шествие сам. Антон Семенович очень заботился всегда о красоте строя. Перед каждым выступлением своих коммунаров Антон Семенович производил им смотр в строю. С ребятами, не удовлетворявшими его требованиям, он занимался сам. Но надо заметить, что физкультура и спорт, которыми занимались, конечно, все воспитанники коммуны, быстро организовывали движения юношей и девушек, и военный строй усваивался ими легко. Коммунары очень любили свои официальные выступления в строю и гордились ими не без основания, так как их стройные, четкие и бодрые ряды в парадной, красивой форме вызывали всегда восторг и удивление. После парадов коммунары, взволнованные и покрасневшиеся, всегда спешили окружить Антона Семеновича и узнать: доволен ли он ими?

Очень интересно проходили всегда заседания совета командиров. Раздается сигнал. Члены совета быстро идут и солидно занимают места. Антон Семенович уже на месте и своим внимательным, но в то же время быстрым взглядом встречает каждого входящего. Председатель совета командиров открывает собрание. Секретарь зачитывает повестку. Все сосредоточенно слушают. Идет обсуждение вопросов, члены совета высказываются. Антон Семенович молчит. В заключение прений по каждому вопросу председатель совета просит Антона Семеновича высказать свое мнение. Антон Семенович говорит твердо, веско, коротко. И тут я часто внутренне любовалась педагогической виртуозностью Антона Семеновича, когда он так тонко и с необыкновенным тактом, не умаляя авторитета членов совета, менял или направлял по иному руслу их мнения и выводы.

В конце учебного года начались разговоры о летнем отдыхе и поездке в Святогорск. Мне лично очень хотелось принять участие в этой поездке, а потому с большим волнением я ждала решения Антона Семеновича. И вот как-то Антон Семенович позвал меня к себе и попросил составить список педагогов, желающих принять участие в этой поездке. Конечно, в этот список я включила и себя. К каждому отряду прикреплялся преподаватель. Меня прикрепили к 25-му отряду. Сборы про-

шли удивительно организованно. Если непосвященный зритель в первый момент, наблюдая за сборами, мог заметить движение, напоминающее суету, то затем очень быстро менялось его впечатление: во всех движениях была целеустремленность и направленность.

Ребята выполняли беспрекословно распоряжения своих командиров, командиры — Антона Семеновича. Во время сборов и самой поездки можно было видеть Антона Семеновича с совершенно спокойным выражением лица, казалось, что всё делается само собой, без его активного и резкого вмешательства. Но многие педагоги прекрасно знали, что даже самые тонкие детали предстоящего летнего отдыха были продуманы и учтены Антоном Семеновичем заранее и переданы для исполнения организованному и слаженному коллективу преподавателей и воспитанников. Сейчас он как бы только наблюдал за правильным выполнением чего-то уже изученного и только коротким словом или жестом исправлял порою неправильности.

Ребята быстро собрали свои чемоданы — один на два человека, положили туда всё, что полагалось. Сторожевой отряд едет с вещами на вокзал, все остальные, во главе с Антоном Семеновичем, идут строем. Число вагонов известно заранее. Антон Семенович говорит только, какому отряду занять место в каком вагоне. Посадка занимает ровно пять минут. Никакой суеты, никакой толкотни. Приехали. Высаживаемся тоже по отрядам. Машины уже ждут. Сторожевой отряд грузит на машины вещи. Все остальные вместе с Антоном Семеновичем идут строем до лагеря. Прибыли на место. Каждый отряд берет свои вещи. Палатки уже распределены по отрядам. Я тоже занимаю место в палатке, вместе с девочками. Идем набивать тюфяки сеном. Стараемся по возможности быстро всё устроить. Работа кипит. Ведь впереди купание в Донце. Река у самого лагеря. О еде даже забыли. Столовая тут же: навес, а под ним длинные чистые столы, покрытые клеенкой. Приказ — следить за чистотой. Вечером собрание совета командиров. Распределение дня для занятий и отдыха. Штаб располагается отдельно. В нем помещается знамя, охраняемое коммунарами из сторожевого отряда. Утро начинается с зарядки, затем купание и завтрак. После завтрака менее успевающие воспитанники оста-

ются заниматься с преподавателями, большинство же уходит гулять в лес. В два часа — обед и мертвый час. После мертвого часа и вечером — спорт, прогулки, занятия кружков, заседания совета командиров и пр.

Приезжали к нам в Святогорск из Сталино стахановцы. Ребята тщательно готовились к их приему. В день их приезда коммунары надели белые парадные костюмы. Выстроились шеренгой вдоль шоссе почти на километр. Встретили гостей музыкой. Водили по палаткам и знакомили со своим лагерным бытом. Усаживали за свои столы, угощали с радушием, свойственным коммунарам. Гости принимали с удовольствием участие в играх, в купании. Вечером, на реке, на специально устроенном плоту поставили пьесу и продемонстрировали физкультурные упражнения. Плот был декорирован зеленью и иллюминирован разноцветными фонариками; пускали ракеты и бенгальские огни над водой. Представления казались какой-то волшебной феерией. Стахановцы, видимо, были глубоко поражены картиной неподдельного детского счастья и радости. Ко мне подошла в конце вечера одна шахтерка и взволнованно спросила: «Скажите, неужели это дети с улицы, дети из допра?» — «Да». — «Мы просто не можем поверить! Какие внимательные, вежливые, какой порядок, дисциплина, чистота в одежде, в палатках!.. И это всё Макаренко делает?!» — «Да, он организатор и начальник». — «А как дети к нему относятся, — как к отцу!» — «Да он и есть их отец». Стахановцы уехали, взяв с нас слово, что мы в свою очередь приедем к ним на шахты. Через некоторое время организовали выезд в Сталино. Строй коммунаров в белых костюмах, вступивший с музыкой в маленький город, произвел, видимо, сильное впечатление на местных жителей. Через некоторые улицы были растянуты стяги с надписью: «Добро пожаловать, коммунары-дзержинцы». Население радостно встречало нас, многие бросали нам цветы. Встретили нас партийные и советские организации и после короткого митинга и радужного угощения отправили на машинах к шахтам. Потом все ребята захотели спуститься в шахты. Посещение шахт произвело, конечно, на коммунаров большое впечатление, и всю обратную дорогу они взволнованно делились своими наблюдениями и мыслями. Мы же, преподаватели, и с нами командиры отрядов

радовались тому, что экскурсия прошла без единой шероховатости, без единого замечания Антона Семеновича. Экзамен, стало быть, выдержан.

В заключение хочу сказать несколько слов о том горячем чувстве любви и привязанности коммунаров к Антону Семеновичу, к нам, педагогам, и ко всей коммуне в целом, которое уносили в своих сердцах и своей памяти решительно все воспитанники, уходившие дальше, на широкий жизненный путь. Те из коммунаров, которые продолжали свою учебу в высших учебных заведениях, на каникулярное время приезжали в комму-ну, как к себе в родной дом. Антон Семенович с любовью и интересом встречал всегда бывших питомцев и никогда не ставил себе в труд и в дальнейшем влиять устно или даже письменно, если это было нужно, на созданного им Человека в горьковском смысле слова. Мы, педагоги, с глубокой печалью расстались в 1935 году с Антоном Семеновичем, когда он оставил комму-ну, так как хорошо сознавали, что лишаемся большого счастья — совместной работы с таким товарищем и руководителем, каким был Антон Семенович Макаренко.

Е. О. Ройтенберг

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А. С. МАКАРЕНКО

Впервые я познакомился с Антоном Семеновичем в 1933 году. Он произвел на меня впечатление сурового человека, но как только он начал со мною беседовать, — а беседа началась с того, что он спросил, сколько будет семью восемь, а потом в нескольких словах рассказал о тех больших задачах, которые стоят перед коммуной, о радости коллективной жизни и труда, — я почувствовал теплоту этого человека, почувствовал, что он видит человека насквозь, умеет понять его.

Трудовая коммуна имени Дзержинского, в которой я воспитывался, возникла в 1927 году. Антон Семенович взял первых 50 воспитанников из колонии имени А. М. Горького, и это основное ядро пополнялось ребятами с улицы, из других колоний, из семьи. Сейчас коммуна — большой промышленный комбинат, имеющий в своем составе два завода: завод ручных электрических сверл, которые наша коммуна впервые стала производить (раньше их привозили из-за границы), и первый в Союзе завод пленочных фотоаппаратов. Антон Семенович выбрал производство сверл и фотоаппаратов, насчитывающих сотни деталей, требующих сложных производственных операций, которые нужно выполнять в тысячных долях, потому что такая точная работа воспитывает выдержку, твердость, аккуратность, внимание, воспитывает волю и энергию.

Первое время коммуна жила на деньги, которые работники Главного политического управления отчисляли из своей зарплаты на содержание коммунаров. Когда мы производственно окрепли, Антон Семенович предложил нам освободить их от отчислений и перейти на свой собственный хозрасчет и не только существовать на свои средства, но и давать прибыль государст-

ву. Позже коммуна ежегодно давала 4 миллиона рублей прибыли. Конечно, в связи с этим росла и зарплата коммунаров, которой Антон Семенович придавал большое воспитательное значение. Деньги являлись не только стимулом для поднятия производительности труда, но они имели значение и воспитательное. Личные деньги повышают культурные возможности и требования человека. Он приучается разумно тратить свои деньги, разумно рассчитывать. Для того чтобы организовать такое умение и руководить им, Антон Семенович сам распределял зарплату: составлял ведомость, устанавливал, сколько кому нужно и можно выдавать на руки. Новичкам, у которых было звание «воспитанников», Антон Семенович давал только совсем небольшие карманные деньги, и они должны были отчитываться в своих тратах. Все же остальные заработанные ими деньги шли в сберегательную кассу на их имя, и когда они подрастали и получали звание «коммунаров», только тогда они получали право на большие суммы. Многие старшие коммунары, применяя стахановские методы, зарабатывали до тысячи рублей в месяц. У них высчитывали на личное содержание 120 рублей. Затем были обязательные взносы на содержание младших, в фонд совета командиров, определялась сумма ежемесячных карманных денег, а остальные, как неприкосновенный фонд, лежали у каждого на сберкнижке. Поэтому, когда коммунары покидали коммуны, у них скапливались довольно солидные суммы денег для жизни и первых лет учебы в вузах. Таким образом мы учились быть разумными хозяевами наших личных заработков.

Воспитывающее значение производительного и рентабельного труда в коммуне было огромно, но воспитывал не только труд, но и учеба, и быт, крепко и разумно организованный. Быт, труд и учеба являлись основой воспитания. Десятилетка, которую мы кончали, давала нам возможность поступать в вузы, и большинство коммунаров теперь студенты, как и я.

Антон Семенович с уважением относился к людям и доверял ребятам, и так доверял, что стыдно было его обмануть. Нужно сказать, что мы каждый год во время отпуска ездили на заработанные деньги всей коммуной на Кавказ, в Крым и т. д. В 1933 году мы поеха-

ли в Новороссийск. Было у нас с собой 300 000 рублей отпускных денег, которые все были сложены в чемодан, а в другой чемодан сложили ведомости на зарплату. Антон Семенович поручил эти чемоданы с деньгами и ведомостями нести старшим коммунарам по очереди. Конечно, все мы понимали, что это большое доверие к нам, понимали и ответственность, которая с ним связана. Тому, кто нес чемоданы, Антон Семенович давал револьвер, чтобы его не ограбили. Ехали мы в поезде, и ночью погас свет, и вот на ходу вскочили в поезд воры и вытащили один из чемоданов. Ребята сразу стали прыгать со ступенек вагона (а поезд быстро шел под уклон) и погнались за ворами, — к сожалению, воров не нашли. Потом оказалось, что вытащили чемодан не с деньгами, а с ведомостями. Положение было лучше, но всё же нельзя было определить, кто сколько должен получить денег. Антон Семенович предложил: пусть каждый напишет на записке, сколько он уже получил денег и сколько осталось получить. Мы не верили, что все ребята честно напишут правильную сумму, но Антон Семенович сказал: «Я знаю, что коммунары напишут правильно и мы восстановим всю ведомость». Собрали совет командиров. Совет командиров решил согласиться с предложением Антона Семеновича. Мы все очень волновались, что цифры не сойдутся, что кто-нибудь напишет неправильно, и представьте, сошлось всё, копеечка в копеечку. А Антон Семенович сказал: «Видите, я вас лучше знаю, чем вы сами себя знаете».

У Антона Семеновича был дифференцированный подход к каждому воспитаннику, к каждому случаю. Как-то у Антона Семеновича украли со стола часы. Вора поймали. У этого воспитанника и отец и мать были живы, но воспитание было плохое. Надо сказать, что воровство в коммуне было редко, у Антона Семеновича даже новенькие воспитанники не крали. Но вот произошел такой случай. Вора поймали и повели «отдуться» на совет командиров. Командиры требовали немедленно исключить его из коммуны. Антон Семенович выступил против такого предложения и сказал, что этот мальчик совсем не вор, что он не виноват, с ним случилось несчастье: соблазнился часами.

— Как же не виноват? Он украл часы!

Но Антон Семенович всё же убедил всех, и мальчика оставили. После мы Антона Семеновича спросили, почему он так его защищал. Антон Семенович сказал:

— Часы я забыл на столе, ему хотелось иметь часы, но он не вор, и его надо было убедить, что он не вор! Если он теперь будет воровать, то меня нужно отсюда выгнать.

И действительно, мальчик этот пробыл в коммуне пять лет и никогда больше такого случая с ним не было.

А вот другой факт. Привели в коммуну мальчика с улицы, вскоре привлекли его в драматический кружок, а он срезал занавеси, которые висели в помещении кружка. Конечно, его вызвали «отдуваться» на общее собрание. А это еще бóльшая гроза — коммунары ненавидят пьяниц, воров, картежников. Антон Семенович выступил с резкой речью, с гневом назвал мальчика вором. Мы все были в недоумении. Как же говорить так про мальчика, который только что пришел сюда? Но когда мы увидели, какое влияние оказали эти слова на мальчика, мы поняли, что Антон Семенович был прав: именно, как говорил Антон Семенович, на этого мальчика надо было накричать, чтобы он сразу понял, что здесь не позволят воровать. Действительно, мальчик больше не крал. Вот два контрастных примера. В таких трудных вопросах Антон Семенович всегда оставался победителем. У него было высокое педагогическое мастерство, знания, и мы уважали и любили его за это, верили его опыту.

Антон Семенович требовал чистоты, культуры быта. В коммуне это было одним из главных вопросов в системе требований. Как-то одна домохозяйка, пожилая женщина, мне сказала: «Макаренко написал книжку «Флаги на башне», но это полная утопия, не может быть, чтобы у беспризорников было так чисто. У меня есть домработница, но и то такой чистоты нет. Там описывается совершенная утопия».

Должен сказать, что в коммуне паркетный пол блестел, как зеркало, кругом была замечательная чистота. Когда Антон Семенович ходил с дежурными проверять чистоту, то у него в руках был белоснежный батистовый носовой платок и тонкая палочка. Носовым платком он проверял чистоту уборки, а палочкой — чистоту

одежд. Такой контроль заставлял нас следить за чистотой, и она стала для нас необходимостью, без которой трудно жить.

В коммуны приезжали иностранные делегаты, почти каждый день. Расскажу об одном таком посещении. Мы ожидали торжественного приезда важного дипломатического деятеля, а он приехал и пошел на задний двор. Оказывается, этот представитель искал карцер, он не верил, что можно воспитывать ребят без карцера. Карцера он не нашел, но его поразила чистота хозяйственных дворов и помещений.

К чистоте приучал нас Антон Семенович не только для виду, не только заставлял ребят носить чистые рубашки, но и иметь «чистое тело», он вводил культуру и чистоту во всю жизнь коммунаров: чистота везде — и в поступках и в мыслях. У советского человека не может быть изнанки, грязных задворков — везде чистоплотность, искренность и открытость. И он умел этому научить...

У нас требовалась безукоризненная вежливость в обращении друг с другом, но особенно со старшими, со всеми гражданами, с посетителями, с посторонними людьми. Антон Семенович говорил: «Мы, советские люди, должны блистать изысканной воспитанностью и джентльменством. У нас это будет без подхалимства и унижения, мы равные среди равных. Нашей воспитанности должен завидовать весь мир».

Однажды на совете командиров Антон Семенович внес предложение, чтобы все коммунары уступали место женщинам в трамвае, но через несколько дней один из коммунаров сказал, что вот наши ребята уступят место, а потом поглядывают, замечена ли эта наша «добродетель» или нет. Антон Семенович только сказал: «Вы не джентльмены, а хвастунишки. Когда уступаете место в трамвае — не оглядывайтесь».

Сам большой художник, автор замечательных книг и тонкий ценитель искусства, Антон Семенович широко знакомил нас с литературой и прививал нам любовь к театру, музыке, живописи. Эстетике в жизни он придавал огромное значение. Большую роль в этом отношении сыграл театр.

Харьковский театр русской драмы вместе с оперным театром организовал для коммунаров изучение

«Евгения Онегина». Это была своеобразная «Онегинская конференция», которая длилась довольно долгое время. Все коммунары собирались в своем «тихом клубе» (а у нас было два клуба — «тихий» и «громкий»), приезжали туда артисты, литературоведы, и мы слушали и изучали «Евгения Онегина». После этого мы все пошли в Харьковскую оперу, а когда приехал на гастроли театр имени Станиславского, мы еще раз все пошли слушать «Онегина». Наш прекрасный коммунарский оркестр исполнял Чайковского с большим вкусом и мастерством. Большую роль в понимании искусства сыграла наша тесная связь с артистами Театра русской драмы в Харькове. И коммунары с большой благодарностью и любовью вспоминают заслуженного деятеля искусств Н. В. Петрова и актеров Л. А. Скопину, А. И. Янкевского, Н. В. Вислоцкую, а также художественного руководителя Театра русской драмы А. Г. Крамова, который много работал с коммунарами, за внимание и усилия, которые вложили они в это дело. В Театре русской драмы мы были своими людьми, имели свою ложу, каждый день на 10 человек, и она не пустовала. Бывали мы во всех других театрах Харькова. Театр сыграл большую роль в сознании коммунаров, в их мировоззрении и привил нам большую любовь к искусству.

Для нашего культурного роста и конкретного понимания связи между жизнью и литературой имело огромное значение знакомство и переписка с великим писателем Максимом Горьким.

Знакомство Антона Семеновича с Горьким началось с колонии имени Горького. Максим Горький увидел в Антоне Семеновиче замечательного человека и мастера-воспитателя. И между ними завязалась крепкая дружба. Я считаю себя вправе именно так назвать эти отношения. Ребята хорошо знали Алексея Максимовича, и он находил время и силы переписываться с десятками наших коммунаров. Конечно, с большим энтузиазмом встретили коммунары Горького, встречали криками «ура», торжественным строем, со знаменем. Когда А. М. Горький вышел на сцену, у него выступили слезы на глазах, и он сказал: «Я лучше напишу, а говорит пусть Макаренко». Тогда Макаренко выступил.

Он говорил коротко, но каждое его слово высоко ценилось.

Десятого сентября 1934 года я имел счастье поехать с Антоном Семеновичем в Москву к Горькому. Мы везли ему альбом коммунарских произведений, — наши коммунары написали стихи, прозу. Было это после съезда писателей. У Антона Семеновича была и другая цель: он кончил вторую часть «Педагогической поэмы» и вез ее Горькому. На Никитской улице нам сказали, что Горький на даче в Горках. Мы поехали в Горки, там нас Алексей Максимович тепло принял, очень внимательно отнесся к альбому и потом прислал нам письмо, в котором сильно раскритиковал наши произведения.

Антон Семенович в это посещение рассказывал Горькому о своих литературных планах, о том, что он приступил к работе над историческим романом «Владимир Мономах», что эта тема чрезвычайно увлекает его, как специалиста-историка.

Много трудностей было в работе Антона Семеновича от горе-критиков, которые не понимали его педагогических приемов. Они говорили: «Как это можно? Макаренко вводит муштру! Это не педагог!» Но Антон Семенович оказался победителем. Его литературная и педагогическая деятельность получила признание, и он был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Антон Семенович тогда сказал, что эта награда за всю его трудовую жизнь.

У Антона Семеновича были большие творческие замыслы и планы — ранняя смерть их прервала. Его произведения очень популярны. В «Правде» опубликована статья А. А. Фадеева, где он указывает на огромный спрос на нашу советскую литературу, в частности говорит, что на сочинение Макаренко «Педагогическая поэма» предъявлен спрос на 430 000 экземпляров. Произведения Антона Семеновича переведены на 12 иностранных языков. В своих произведениях Макаренко рисовал живых людей, живых участников нашего социалистического общества, людей, которые сейчас работают и приносят пользу советскому обществу. Вершнев в «Педагогической поэме» — в жизни Н. Ф. Шершнев — врач, работает сейчас на Дальнем Востоке, он был под пулями самураев, проявил себя героем. Карabanов по-

Группа коммунаров коммуны имени Ф. Э. Дзержинского. 1928 год.

шел по пути Антона Семеновича и стал педагогом. Как-то мы собрались на квартире Антона Семеновича. Пришел незнакомый молодой человек, он назвал себя Борисом Таймановым и сказал, что работает пионервожатым в испанской детской колонии. Оказалось, это уже воспитанник Калабалина (Карабанова). Многие воспитанники Антона Семеновича стали артистами, инженерами и т. д. Некоторые посвятили себя литературному творчеству. Среди воспитанников Антона Семеновича есть орденосцы...

Антон Семенович во всей своей жизни, во всей деятельности был гражданином в лучшем значении этого слова. Он горячо откликался на каждое явление советской жизни, и нужно было видеть, с каким подъемом Антон Семенович переживал историческую работу XVIII партийного съезда. В эти дни он подал заявление о приеме его в партию.

Четвертого апреля 1939 года в час, когда мы хоронили Антона Семеновича, должен был обсуждаться вопрос о приеме его в партию партийной организацией Союза советских писателей, но жизнь Антона Семеновича так неожиданно и рано оборвалась. Смерть не дала возможности осуществить колоссальные замыслы, которые были у Антона Семеновича.

Воспитанники Антона Семеновича у его гроба дали клятву, что они всю свою жизнь, где бы они ни находились, будут пламенными патриотами своей Родины, будут до конца драться за дело коммунизма, для которого работал, творил и о котором мечтал Антон Семенович.

А. Г. Явлинский

УЧИТЕЛЬ И ДРУГ

Я не знаю ни года, ни дня своего рождения. Датой своего рождения я привык считать тот самый прекрасный и светлый день моей жизни, когда я стал коммунар. Это произошло 1 Мая 1932 года в коммуне имени Дзержинского.

С какой нетускнеющей яркостью встает в моей памяти этот торжественный прием в коммуну! Огромный зал залит светом, украшен красными флагами и цветами. Все места заняты коммунарами и гостями. Тридцать человек новичков стоят на сцене. И среди них я. Над нами — красное знамя коммуны. Здесь же, на сцене, в президиуме сидят рабочие Англии, Франции, Польши, которые прибыли в Советский Союз на празднование 1 Мая и посетили нашу коммуну. Мы, новички, одеты в нарядные белые костюмы с эмблемой коммуны на левом рукаве. Это золотой ромб с буквами «ФЭД» на черном бархате.

Взволнованный и счастливый, я слышу голос председателя совета командиров товарища Шведа, объявляющего о зачислении меня в коммунары.

Сердце начинает сильнее биться от радости, глаза застилает туман, но я изо всей силы креплюсь и ищу взглядом только одно, самое родное и близкое мне лицо — Антона Семеновича. Он сидит в президиуме, гордый своими воспитанниками. Глаза его слегка прищурены, Антон Семенович улыбается, глядя на наши растерянно счастливые лица.

Большой, горячей любовью светятся глаза ребят, обращенные к Антону Семеновичу. Один из новичков, высокий, худой мальчик, не сдержался — выбежал из строя и со слезами на глазах обнимает и целует Анто-

на Семеновича. Это Андрей Мельник. Гремит оркестр коммунаров. В зале все встают. Аплодисменты переходят в восторженную овацию Антону Семеновичу...

До поступления в коммуну имени Дзержинского мне приходилось жить во многих детских домах и колониях. Но только коммуна для меня навсегда стала родным домом. А в лице Антона Семеновича я, как и тысячи других коммунаров, нашел и отца, и мать, и учителя, и друга. Только позже, став уже взрослым, я по-настоящему понял, какой это был замечательный человек, какой непревзойденный мастер воспитания. Тогда же я очень мало думал об этом. Но личное обаяние Антона Семеновича было так велико, а его забота о каждом из нас так очевидна и ощутима, что не могла не вызвать большой ответной любви к нему. Авторитет его был непоколебимо высок в глазах всех воспитанников. Я помню, многие из нас самым серьезным образом думали, что Антон Семенович умеет читать мысли и скрыть от него ничего невозможно — он всё равно узнает. Такому наивному, полудетскому убеждению способствовало то, что Антон Семенович, действительно, всегда знал обо всех поступках воспитанников, строго следил за всеми подробностями их быта. Ни одна деталь не ускользала от его пристального внимания. Каждый шаг воспитанников в школе, на производстве всегда был ему известен. Глубоко справедлива та характеристика, которую дал Антону Семеновичу Алексей Максимович Горький: «Всюду поспевает, всё видит». Именно это умение Антона Семеновича всюду поспевать, всё видеть так поражало детей и подростков. Огромная трудоспособность Антона Семеновича удивляла ребят и часто служила лучшим воспитательным примером. Неизгладимое впечатление оставляли у ребят беседы с Антоном Семеновичем. Говорил он настолько просто, доходчиво, убедительно и в то же время красиво, что невозможно было не слушать его, невозможно было ему не поверить. Он в совершенстве владел своим голосом, придавая самые различные оттенки одним и тем же словам. Каждое его слово убеждало даже самых упрямых и несговорчивых воспитанников. Беседы Антона Семеновича никогда не носили характера нотаций, голого мо-

рализации. Но всё, что он говорил, было всегда в высшей степени человечно и справедливо. Для меня теперь ясно, что огромная сила слов Антона Семеновича заключалась в их глубокой искренности. Он утверждал всегда только то, в чем сам нисколько не сомневался, и это передавалось его слушателям. Все мы должны учиться у Антона Семеновича искусству разговаривать с детьми, подростками и юношами.

...Худой, с большим открытым лбом, Антон Семенович был чрезвычайно подвижен и выглядел моложе своих лет. У него часто менялось выражение глаз — то они загорались искрами молодости, радости, удовлетворения, то вспыхивал в них огонек гнева. Эти глаза могли быть и очень строгими, даже суровыми, и очень нежными.

Антон Семенович всегда принимал непосредственное и самое живое участие во всех мероприятиях, проводимых детским коллективом. Поэтому мы, ребята, видели в нем не только воспитателя, но и своего старшего друга, чувствовали в нем родного, близкого человека.

Огромное внимание уделял Антон Семенович художественной самодеятельности. В коммуне имени Дзержинского были, кажется, все кружки, какие только могут существовать.

Антон Семенович сам писал пьесы из жизни коммуны, и пьесы эти с большим успехом ставил наш драматический кружок. Роль Антона Семеновича в наших пьесах бесменно исполнял его большой друг, впоследствии народный артист СССР Александр Григорьевич Крамов. Когда Украина в 1936 году послала в Москву на олимпиаду свои лучшие самодеятельные коллективы, несколько первых мест занял коллектив коммуны имени Дзержинского.

Антон Семенович считал, что в кружках определяются способности, склонности воспитанников, развивается их индивидуальное и коллективное творчество. Жизнь блестяще подтвердила эти взгляды...

С большой чуткостью и постоянной заботой поощрял Антон Семенович развитие способностей и талантов коммунаров. Мне вспоминается такой случай. В коммуне имени Дзержинского впервые демонстрировался кино-

фильм «Чапаев». Один из коммунаров — Юра Камышанский, очень хорошо рисующий, сразу после просмотра фильма вбежал в художественную комнату, где были краски и кисти для рисования, и заперся в ней. Всю ночь провел Юра в этой комнате и даже утром не вышел к завтраку. Антон Семенович обычно требовал строгого соблюдения режима, но тут попросил ребят оставить Юру в покое и распорядился принести «затворнику» поесть в художественную комнату. Когда через два дня мы вместе с Антоном Семеновичем вошли в эту комнату, перед нами на стене висела чудесная картина «Чапаев на коне». Ее нарисовал Юра на двух сшитых простынях. Эта картина впоследствии украшала харьковский клуб МВД.

У Антона Семеновича отсутствовал стандартный подход к воспитанникам. К каждому он подходил глубоко индивидуально, учитывая все особенности характера воспитанника. И в каждом случае Антону Семеновичу удавалось найти тот заветный золотой ключик, которым можно было открыть это сердце.

Навсегда остался в моей памяти такой эпизод. Во время одного из уроков литературы я страшно рассердился на свою соседку по парте, девочку, которая действительно вела себя очень скверно и в ответ на какую-то мою ироническую реплику обрушилась на меня градом оскорблений. Только после нескольких замечаний преподавателя она замолчала. Я был взбешен и с трудом сдерживался на уроке, но на перемене, не помня себя от гнева, подскочил к ней и ударил ее. Первый и последний раз в своей жизни я тогда ударил девушку. С горькими слезами она помчалась жаловаться Антону Семеновичу. И вот мне вручили записку от Антона Семеновича с предложением явиться к нему после ужина в кабинет. Я уже успел раскаяться в своем поступке и мучился, ожидая самого строгого наказания. Я знал, как сурово осуждались подобные поступки в коммуне. Говоря честно, в то время я не так боялся наказания, как страшно мне было прочесть на лице Антона Семеновича презрение и осуждение.

Помню, что некоторые из товарищей смотрели на меня в этот день как на обреченного и только покачивали головами. К вечеру мое напряжение достигло предела. За ужином я, конечно, ничего не ел и ровно в 10

часов, дрожа от страха, переступил порог кабинета Антона Семеновича. Он сидел за письменным столом и что-то писал. «Вот я пришел», — с трудом выдавил я и тут же замолчал, ожидая грозы. Антон Семенович отложил ручку в сторону и посмотрел мне в глаза долгим, пристальным взглядом. Несколько минут длилось молчание. Я слышал только неровное биение своего сердца. После этого Антон Семенович совершенно спокойно сказал: «Значит, ты уже понял, в чем твоя вина. Это хорошо». Совершенно ошеломленный таким оборотом дела, я начал несвязно говорить о том, что понял и больше никогда не обижу девушку. У меня будто гора с плеч свалилась. Я решил завтра же извиниться перед соседкой.

— Это хорошо, что ты всё понял, Алеша, — сказал мне Антон Семенович и как бы мимоходом добавил: — Ведь это — девушка! Как у тебя могла рука подняться?

Я и сейчас слышу интонацию, с которой Антон Семенович произнес слово «девушка». Сколько уважения и нежности он вложил в него! И до сих пор я не могу равнодушно слышать это слово, не вспомнив при этом, как произнес его Антон Семенович. Никакое наказание не могло бы подействовать на меня так, как тон Антона Семеновича, как высказанное им доверие ко мне.

Антон Семенович часто поступал совсем не так, как ждали воспитанники и все окружающие. Конечно, тогда мы не могли еще понять в полной мере железной логики его поступков. Они часто казались нам неожиданными. И только впоследствии мы чувствовали всю их справедливость.

Андрей Мельник дважды убегал из коммуны. После первого побега его задержали на одной из улиц Харькова и снова привели в коммуну. Вид у Андрея был очень смущенный, и в ответ на замечания и расспросы товарищей он молчал. Но когда Антон Семенович спросил: «Ну что, еще будешь убегать?» — Мельник поспешно произнес торжественное обещание никогда больше не уходить из коммуны. «Нет, — прервал его Антон Семенович, — по глазам вижу, что убежишь еще раз», — и ушел к себе. Действительно, через некоторое время Андрей, поддавшись страсти к приключениям, убежал снова. На этот раз в Ленинград. Потом он рассказывал ребятам, что в Ленинграде его начали мучить угрызе-

ния совести. Андрей вспомнил данное Антону Семеновичу обещание и решил вернуться в коммуну. Теперь его уже никто не приводил. Он пришел сам и, окруженный ребятами, среди которых был и я, бросился в кабинет Антона Семеновича. Мы слышали, как горячо просил он снова принять его в коммуну, и ожидали, что Антон Семенович с радостью простит раскаявшегося Андрея. Но Антон Семенович сказал очень холодно и строго: «Ты не держишь своих обещаний и можешь снова убежать. Так вот — уходи лучше сейчас и немедленно, никто тебя не держит. Двери открыты». На глазах у Андрея показались слезы. Антон Семенович помолчал и добавил: «А если решил твердо остаться — пиши заявление в совет командиров, я сам теперь этот вопрос решить не могу. Пусть решает коллектив». Впоследствии Андрей Мельник стал прекрасным коммунаром. Он был очень талантлив — писал стихи, играл на рояле, чудесно рисовал и пользовался заслуженной любовью и уважением всего нашего большого коллектива. О своих побегах из коммуны Андрей вспоминать не любил. И если с ним заговаривали об этом, всегда старался отделаться шуткой. Именно строгость Антона Семеновича помогла Андрею стать настоящим человеком.

Антон Семенович всегда был непримиримым врагом такого воспитания, которое изнеживает человека, не приучает его преодолевать трудности и препятствия. Он стремился всесторонне закалить своих воспитанников, научить их смело входить в жизнь и не бояться жизни, а строить ее. Часто он умышленно ставил перед ребятами те или иные препятствия, намеренно подвергал их лишениям, закалял характер и волю воспитанников. В этих вопросах он был неумолим. Мне очень запомнился такой случай. В 1934 году коммунары отдыхали в Святогорске. Было это на берегу Донца. Антон Семенович сидел в кругу других педагогов, недалеко от вышки для прыжков в воду. Коммунары играли в Цусимский бой. «Бой» был в самом разгаре. По ходу игры некоторых участников бросали в воду. Один из коммунаров — Ройтенберг не умел плавать и сидел на берегу, боясь принять участие в игре. Внезапно товарищи схватили его и потащили на вышку. Чтобы научить Ройтенберга

плавать, они решили применить самый надежный способ — бросить в воду. Он отбивался изо всех сил, кричал, звал на помощь, но в воду его всё же бросили и тут же через две минуты вытащили с намерением бросить снова. Антон Семенович прекрасно всё видел, но делал вид, будто это его не касается. Он продолжал спокойно беседовать с педагогами и, казалось, не обращал никакого внимания на крики своего воспитанника. Конечно, Антон Семенович был уверен, что Ройтенберг утонуть не может. Ведь его окружало двести коммунаров — отличных пловцов, и на реке было сорок лодок. Ни один коммунар не оставил бы в беде товарища. Они отвечали за него головой, и Антон Семенович не считал нужным вмешиваться, он хотел, чтобы воспитанник не боялся воды, сумел преодолеть в себе этот страх. И действительно, уже к вечеру Ройтенберг овладел искусством плавания.

В коммуне я жил еще подростком и, конечно, не мог понять всех положений педагогической системы А. С. Макаренко. Я просто любил его и безгранично ему верил, был ему предан, как и все воспитанники.

Только теперь многое в замечательной деятельности Антона Семеновича становится для меня ясным. Я снова и снова перечитываю его чудесные произведения. Они учат меня жить и работать. В 1937 году, восемнадцати лет, я ушел из коммуны в летнюю школу, а оттуда в армию. После окончания Великой Отечественной войны меня потянуло на педагогическую, воспитательскую работу. Самым горячим моим желанием было в меру моих сил продолжать дело, которому отдал всю свою жизнь и весь свой блестящий талант Антон Семенович. Сейчас я работаю старшим воспитателем детской трудовой колонии и заочно учусь на юридическом факультете Львовского университета. В самые трудные минуты я пытаюсь представить себе, как поступил бы в таком случае Антон Семенович, и он всегда приходит мне на помощь — мой большой учитель и друг.

В. Ключник

НАШ АНТОН СЕМЕНОВИЧ

Мне было шесть лет, когда умерли мои родители. Это случилось в 1921 году. Мне пришлось поступить в пастухи к кулаку. А в 1929 году я попал в детскую трудовую коммуну, где и встретил того человека, который не только научил меня читать и писать, но и заменил мне родного отца. Это был руководитель нашей коммуны, учитель Антон Семенович Макаренко.

Таких детей, как я, у Антона Семеновича было пятьсот человек. Жили мы одной дружной семьей и гордились тем, что нас называют коммунарами. В коммуне мы учились школьным предметам. Но это не всё. Мы работали на наших полях, огородах, в швейных и слесарных мастерских. И душою ученья и работы был Антон Семенович. Мне запомнилась одна фраза, которую повторял Антон Семенович, когда кто-нибудь хныкал и ленился. Он говорил: «Мы воспитываем не барчуков, не кисейных барышень, а советских людей».

Была в коммуне у нас одна девочка. Ее звали Аня. Через каждые три-четыре дня она появлялась в кабинете у Антона Семеновича и сквозь слезы тянула: «У меня ботинки жмут», «Мальчишки стащили мой красный карандаш», «Мыши съели мое мыло».

Антон Семенович хорошо знал своих воспитанников. Поэтому ему достаточно было произнести одно слово — и Аня переставала жаловаться.

Прошло много лет. Недавно бывшие коммунары случайно встретили Аню. В годы войны ей пришлось пере-

нести много трудного. Но она не падала духом. И мы еще раз вспомнили, как Антон Семенович умел как бы невзначай бросить одно острое слово, которое действовало на нас сильнее, чем длинные беседы и выговоры...

Стояло лето 1931 года. Мы ехали в Сочи. По пути мы остановились в Батуми. Коммунары шли строем по главной улице города. Я был командиром и шагал впереди своего отряда. Вдруг позади меня послышался разговор. Разговаривали мои ребята.

— Перестаньте! — предупредил я их, потому что знал: Антон Семенович не любит, когда разговаривают в строю. Однако ребята меня не послушались и продолжали болтать.

Мы подошли к одной школе, где должны были отдохнуть. Отряды остановились, и Антон Семенович объявил:

— До отъезда в Сочи осталось два часа. Все ребята, кроме командира первого отряда Васи Ключника, могут идти осматривать город.

Антон Семенович наказал меня за то, что ребята моего отряда разговаривали в строю. Целых полчаса я негодовал и сердился: они болтали, я их останавливал, а теперь я же и виноват! Мне стало очень обидно. Все они пойдут осматривать Батуми, этот зеленый черноморский город, а я буду сидеть наказанный... Я сидел на сцене большого школьного зала и, скучая, смотрел по сторонам. Все ребята и воспитатели разошлись. Один только Антон Семенович сидел впереди меня за столом и писал что-то. Неожиданно он обернулся ко мне и спросил:

— Ну как, Вася, скучно?

Мне было скучно, но я ответил:

— Нет, Антон Семенович, ничего...

— Ну, хорошо, сиди! Посидишь немного один — подумаешь, тогда лучше будешь следить за порядком в своем отряде. — Немного погодя Антон Семенович снова обернулся ко мне и ласково сказал: — Иди, Васек, гулять.

— Нет, Антон Семенович, раз вы меня наказали, значит, я виноват, и потому никуда не пойду.

Тогда он встал, вытянулся и строго, как командир, произнес:

— Ключник! Иди гулять. Иначе я не выпущу тебя ни на одной станции, пока не приедем в Сочи.

Я соскочил со сцены и стремглав кинулся во двор...

Так, много лет назад, когда мы были еще ребятами, Антон Семенович учил нас отвечать не только за себя, но и за своих товарищей.

Теперь я стал офицером и командую не двадцатью ребятами, а сотнями бойцов. Но то, чему нас учил Антон Семенович, не забываю ни на один день.

А. Н. Швед

НАШ АНТОН СЕМЕНОВИЧ

Исключительно скромный и трудоспособный, человечный в полном смысле этого слова, приветливый и в такой же мере требовательный к себе и к своим воспитанникам, предельно милый и строгий — таким встает в моей памяти облик Антона Семеновича и именно таким я буду помнить его всю свою жизнь.

Теперь, когда мое детство осталось уже далеко позади и я сам занимаюсь воспитанием ребят, — с особой силой ощущаю то огромное влияние, которое имел на меня Антон Семенович. И в своей работе я каждый раз мысленно обращаюсь к Антону Семеновичу, соображая, как поступил бы он в данном случае.

Когда встречаемся друг с другом мы, бывшие воспитанники Антона Семеновича, наши беседы всегда наполнены бесконечными воспоминаниями о коммуне и нашем Антоне Семеновиче.

Я прибыл в коммуну имени Дзержинского из харьковского коллектора. До этого мне пришлось побывать во многих детских домах Киева и Харькова. Я отчетливо помню, что каждый раз, когда я прибывал в новый детский дом, меня начинали «изучать».

Я должен был рассказать всю свою биографию с мельчайшими подробностями, описать все свои привычки и недостатки.

Затем меня измеряли, взвешивали и на основании этих данных также делали какие-то выводы. На этом обычно и заканчивалось «изучение».

В коммуну имени Дзержинского меня привели утром и сразу же ввели в кабинет к Антону Семеновичу.

Он пристально посмотрел на меня из-за своих очков, спросил только мою фамилию и велел кому-то вызвать Олю Харламову (как я узнал потом — это была кастелянша и член коммуны).

Не больше чем через две минуты явилась Оля. «Выдай новому коммунару Шведу обмундирование и направь его в третий отряд», — распорядился Антон Семенович. Оля ответила: «Есть». Я не успел опомниться, как очутился в кладовой и получил обмундирование.

Не прошло и нескольких дней, как я уже знал всю коммуну, ее порядки и обычаи. Правду говоря, я был удивлен, что со мной здесь не проделали снова всю «процедуру изучения», как это было в детских домах. Но еще сильнее было мое удивление, когда вскоре я узнал, вернее почувствовал, что Антон Семенович знает обо мне абсолютно всё.

Я так и не знаю, запрашивал ли он обо мне, но в всяком случае это было сделано так умно, так тонко, что я почувствовал себя полностью в его власти, и впервые в жизни это ощущение было не тягостным, а приятным. Вскоре я привязался к Антону Семеновичу так, как ни к кому больше в жизни.

Антон Семенович умел в каждом воспитаннике, даже в самом «плохом», найти зерно хорошего, доброго, и очень часто это имело решающее значение. Он умел в каждом своем воспитаннике уважать человека, и естественно, что, чувствуя к себе такое отношение, воспитанник становился смелее, решительнее, проникался верой в свои силы и сам начинал вести борьбу со своими недостатками и пороками.

На беспредельную любовь Антона Семеновича к своему делу и к своим воспитанникам мы отвечали такой же любовью. Нельзя было не любить человека, который столько вкладывал в каждого из нас, раскрывал перед нами смысл жизни, воспитывал нас в духе любви и преданности великим идеям Ленина...

Антон Семенович глубоко знал свое дело и постоянно совершенствовал свое педагогическое мастерство. К любому докладу, к любой беседе с воспитанниками Антон Семенович тщательно готовился, и поэтому его

Группа коммунаров коммуны имени Ф. Э. Дзержинского. 1932 год.

беседы всегда оставляли огромное впечатление, были могучим воспитательным фактором.

А ведь и теперь в наших детских колониях и детских домах можно нередко наблюдать, как тот или иной воспитатель проводит беседу, иногда очень важную, совершенно не подготовившись к ней, видимо, считая, что с детьми можно говорить как угодно.

Мы должны учиться у Антона Семеновича исключительно развитому в нем чувству ответственности за свою работу.

Он был удивительно трудоспособным человеком, мог работать по 15—16 часов в сутки и в то же время отличался заразительной жизнерадостностью. Я не помню, чтобы Антон Семенович пользовался выходными днями или отпуском. Всего себя безраздельно он отдавал работе. Один раз его буквально заставили уехать отдохнуть, и ровно на десятый день он возвратился в коммуну.

Вместе с тем Антон Семенович был очень скромным человеком. Как он не любил и смущался, когда его хвалили. Когда всякого рода делегации приезжали знакомиться с коммунной, Антон Семенович всегда старался остаться незамеченным, отойти на задний план.

На любое собрание он обычно приходил первым. Его выступления, как правило, были немногословными, деловыми и внушительными.

Антон Семенович был в высшей степени требовательным и по отношению к себе и по отношению к своим воспитанникам. Он требовал от нас честности и простоты во взаимоотношениях, скромности в быту, в поведении, требовал постоянной работы над повышением своего культурного уровня.

Мне вспоминается такой случай. Несколько коммунаров, и я в том числе, сидели в кабинете у Антона Семеновича. Не помню уже, о чем шла речь, но почему-то вспомнили «Ревизора» Гоголя, и я «имел неосторожность» спросить, что это за книга. «Как, — с возмущением перебил меня Антон Семенович, — ты не читал «Ревизора»? Немедленно убирайся отсюда, чтобы и духу твоего здесь не было!» Я выскочил из кабинета. Это было вечером. Библиотека была уже закрыта. Но у кого-то из учителей я раздобыл эту книгу и не уснул до тех пор, пока внимательно не перечел ее дважды.

Как радовался Антон Семенович, когда на следующий день утром я подробно рассказывал ему содержание «Ревизора», характеризовал Хлестакова, Городничего и других персонажей этого замечательного произведения. Тут же Антон Семенович дал мне задание прочесть целый ряд других книг. Помню, что особенно настойчиво рекомендовал он мне прочесть книгу «Железный поток» Серафимовича.

Уже впоследствии, значительно позже, я узнал, что каждый раз, заходя в библиотеку, Антон Семенович спрашивал: «Швед меняет книги?» И когда ему отвечали положительно, он добавлял: «А вы у него спрашивайте содержание книг, а то он может менять их без конца не читая».

Надо сказать, что за время пребывания в коммуне я прочел больше книг, чем за всю мою остальную жизнь. Чтение стало для меня постепенно потребностью. И этим, как и многим другим, я обязан Антону Семеновичу...

Антон Семенович постоянно искал новых путей воспитательной работы, он ревностно следил за тем, чтобы в его деятельности и в жизни детского коллектива не было остановок, не было застоя. Он никогда не останавливался на достигнутом и требовал того же от своих воспитанников. Вот характерный в этом отношении случай из жизни колонии имени Горького.

Антон Семенович послал группу ребят в лес — заготовить дрова. К вечеру он сам пришел поглядеть на работу и увидел огромную гору нарубленных дров. «Молодцы, — сказал Антон Семенович, — много сделали!» А потом постоял немного, подумал и сказал: «А ведь можно было еще больше нарубить!»

Именно таким был Антон Семенович, и такого искреннего и честного в работе, такого требовательного и милого мы будем помнить его всегда.

Антон Семенович поддерживал непрерывную связь со своими бывшими воспитанниками. Он постоянно следил за ними, интересовался их жизнью, давал им ценные советы. Я видел это, еще находясь в коммуне и по-

сле выхода из коммуны. Я это испытал на себе самом. Сколько писем я получил от Антона Семеновича! С какой радостью и волнением перечитывал я постоянно эти письма, написанные его ровным, каллиграфическим почерком. Антон Семенович расспрашивал, советовал, и его советы никогда не носили характера сухого наизидания. Он писал в дружеском тоне, полном уважения и искренней заботы о своих воспитанниках.

Когда Антон Семенович в 1939 году, в последний раз в своей жизни, приезжал в Харьков, — он побывал у всех бывших коммунаров (а их было немало), чтобы лично посмотреть, как они живут. А сколько бывших коммунаров приезжало в Москву прямо к Антону Семеновичу! Никто из нас даже не мыслил приехать в Москву и не побыть несколько дней вместе с Антоном Семеновичем. Мы приезжали к нему с таким чувством, с каким едешь только в свой родной дом, только к самому близкому и любимому человеку...

Василий Зайцев

РАССКАЗЫ О МАКАРЕНКО

„Поэтический беспорядок“

Был коммунар Фимка Ройтенберг, но все его называли Роя. Он писал стихи, слыл хорошим оратором, а о его рассеянности ходило в коммуне множество анекдотов.

Однажды во время утренней поверки с этим Роей произошел такой случай.

Поверку, как всегда, проводил вместе с дежурным по коммуне и дежурным членом санитарной комиссии Антон Семенович. Проверяли они чистоту спален. От внимания Антона Семеновича не ускользал даже малейший беспорядок. Заходя в комнату, он первым делом по очереди всматривался в ее обитателей. «Так, — говорил его пронизывающий взор. — Аккуратен. Подворотничок чист. Подстрижен...» Затем беглый взгляд на помещение: «Пол натерт. Окно чистое... Ага!..» Антон Семенович вынимал из кармана белоснежный носовой платок и решительно направлялся к окну. Все замирали. Он, не торопясь, наматывал на указательный палец угол платка и проводил им по оконной ручке... Пыль!

— Записать! — коротко бросал он дежурному.

Но зато каким добродушным становилось его лицо, когда в комнате действительно было всё в порядке.

— Благодарность в приказе! — говорил он громко в таких случаях. — И всем билеты на вечер в театр.

В то утро, о котором идет речь, в комнате, где жил с тремя коммунарами Ройтенберг, Антон Семенович стал, помимо всего, просматривать и шкаф для одежды. Такие шкафы были в каждой спальне. Они состояли из нескольких отделений, по количеству жильцов.

Каждый мог в своем отделении повесить выходной костюм, полотенце; на верхней полке держать мыло, зубной порошок и другие предметы туалета, внизу — щетку и крем для обуви.

Осмотрев комнату и удовлетворившись ее видом, Антон Семенович открыл в шкафу первую дверцу слева.

Все — и проверяющие и жильцы — ахнули.

На нижней полке из-под растрепанной толстой тетради выглядывала дырявая пятка синего носка, валялось несколько измятых и исписанных вдоль и поперек листков бумаги, обрывков газет. Всё это было придавлено большим ботинком.

— Чей это шкаф? — сердито спросил Антон Семенович. Его обычно бледное лицо залилось краской.

— Мой, — еле слышно ответил Ройтенберг.

Он стоял низко опустив голову, и казалось, что густая курчавая шевелюра оттягивает ее книзу.

— Как стоишь? — закричал Макаренко.

— Антон Семенович, — обратился к нему старший по комнате. — Роя вчера долго писал стихи, а мы уже спали. Не проверили. Вот и получилось...

— Поэтический беспорядок! — в голосе Антона Семеновича слышалось большое огорчение. — Два наряда вне очереди!

— Есть два наряда!

Один наряд пришлось отрабатывать в этот же день. Вечером дежурный велел Ройтенбергу натереть паркет в кабинете Макаренко. Роя, сунув под ремень полотерной щетки правую ногу, с усердием стал трудиться. Когда дело уже подходило к концу, пришел Антон Семенович.

— Извини меня, — сказал он, — я мешать не буду. Мне надо поработать...

Он сел за стол и углубился в бумаги. Немного погодя спросил:

— Что-нибудь новое написал?

Роя, не прекращая работы, ответил:

— Комсомольскую песню вчера сочинил.

— Песню? Это хорошо. Может, кто-нибудь из коммунаров к ней музыку напишет. А в крайнем случае попросим Левшакова. Будет своя песня. Мы с ней на демонстрацию пойдем.

В это время в кабинет вошел дежурный. Роя сразу отвернулся и еще пуще прежнего стал тереть щеткой пол. Антон Семенович, как ни в чем не бывало, занимался своими бумагами.

Но дежурный слышал их разговор. «Чудной, — подумал он, — сам наказал, а теперь радуется сочиненной песне».

Без портрета

Первая часть «Педагогической поэмы» была напечатана в альманахе «Год XVII», но отдельной книгой две части вышли впервые на украинском языке. Книгу, очевидно, предполагали издать с портретом автора.

Однажды вечером, незадолго до заседания совета командиров, в кабинете Макаренко раздался звонок. К этому времени уже почти все командиры собрались. Они сидели на узких диванах, стоящих вдоль стен, и разговаривали между собой. В кабинете было шумно, нередко раздавались взрывы дружного смеха.

— А ну, тише, товарищи, — попросил Антон Семенович. Он снял трубку и некоторое время внимательно слушал. Потом сказал: — Думаю, не нужно, — и усмехнулся, как обычно, чуть с хитрецей, посмотрев на притихших коммунаров.

Такие слова, наверно, удивили того, кто звонил Макаренко. Он стал что-то разъяснять и, волнуясь, всё больше и больше, повышал голос.

— Читатель прочтет хорошую книгу и обязательно захочет посмотреть, кто автор, — кричала трубка, и теперь уже не было надобности держать ее возле уха.

Антон Семенович осторожно положил трубку на стол и, глядя в микрофон, отвечал:

— Тем более не следует помещать портрет. Если книга понравится, то моя фотография ничего к этому не прибавит, разве только разочарует.

— У меня нет времени выслушивать ваши шутки! — раздраженно, фальцетом выкрикивала трубка.

— А я и не думаю шутить, дорогой товарищ. — Макаренко взял трубку снова в руку и сказал спокойным, доверительным голосом: — Я не помню, сколько уже лет не фотографировался. Сохранилась одна фотография, но там мне лет двадцать. Это вас не устроит.

А других — ни хороших, ни плохих — у меня нет. Да и к чему это? Лицо у меня, как говорится, нефотогеничное. Без портрета будет проще, а для вас меньше хлопот.

После этого в телефоне что-то клокотало и щелкало еще минуты три, но Антон Семенович отмалчивался или отвечал односложно: «Нет, не нужно», «Да, я так думаю»...

На том разговор и оборвался.

Как только трубка легла на рычаг, поднялся один из коммунаров и сказал:

— Антон Семенович, мы просим вас, дайте фотографию для книги.

А другой выкрикнул с места:

— Какой дурак сказал, что у вас лицо нефотогеничное?

— Вы на чью мельницу воду льете? — спросил Макаренко, сердито округляя глаза.

Моментально в кабинете воцарилась тишина. Антон Семенович встал и тяжело уперся ладонями в стол:

— Вы кто мне: друзья или недруги?

— Друзья! — ответили все.

— А почему же заставляете делать то, к чему душа не лежит? Что я такого выдающегося сделал, чтобы мой портрет печатать?

И, помолчав, добавил:

— А насчет нефотогеничного лица никакой дурак мне не говорил. Это я сам хорошо знаю.

Андрей Гальченко

Володя Яковлев всех нас удивил.

— Вот «Мажор», пьеса о нашей коммуне, — сказал он, поднимая над головой небольшую книжку.

Мы бросились к нему. Да, действительно, в аннотации так и сказано: «Одобренная на Всесоюзном конкурсе пьеса Андрея Гальченко «Мажор» знакомит зрителя с жизнью харьковской трудкоммуны имени Ф. Дзержинского».

Кто же такой этот Андрей Гальченко? И откуда он может знать, что из себя представляет наша коммуна?

— А это еще вопрос, знает он коммуны или не знает, — заметил Саша Нечаев.

— Знает. Я читал. Как будто по пятам ходил за нами, — сказал Яковлев.

Тем временем, рассматривая список действующих лиц, большеголовый и высокий Вася Федоренко уличал драматурга:

— Ох и хитрущий! Забегай. Так это ж наш Захой! Зырянский. Ну, ясно же — Землянский...

— Тут хитрость небольшая, — заметил Нечаев, — а вот ни разу не бывать в коммуне и о ней написать пьесу, это надо уметь. Не мог же посторонний человек ходить среди нас, высматривать да выслушивать всё и оставаться незамеченным.

Мы тут же уселись на траве и, не отрываясь, залпом прочли «Мажор».

Сомнений не оставалось. Автор прекрасно знает жизнь коммуны, написал о ней правдиво и увлекательно. Кто же он?

— Не иначе как дружок Антона Семеновича. Видно, сильно заинтересовался коммуной. Антон Семенович ему всё и рассказал.

— Тут одной беседой не обошлось...

— Бесед могло быть много, — отстаивал свою мысль Федоренко. — Антон Семенович так расскажет, что драматургу уже и наблюдать нечего, только садись да записывай.

— Тогда проще самому Макаренко сесть да и написать.

— Да, просто. Одно дело роман, а другое — пьеса, — возразил Яковлев.

— Думаешь, Антон Семенович не смог бы написать пьесу?

— Умел бы, так написал. А зачем бы он стал кому-нибудь это дело перепоручать?

— А давайте к нему пойдем и всё выясним.

Мы направились в кабинет Макаренко. Антон Семенович задумавшись сидел за письменным столом. Перед ним лежали счеты. Рядом — белый лист, исписанный четкими и круглыми цифрами.

— С чем пожаловали? — спросил Антон Семенович, не отрываясь от своего занятия.

— Да, вот, — вышел на середину Федоренко, — читали пьесу Андрея Гальченко...

Федоренко запнулся, и я докончил начатую им фразу:

— «Мажор»... И не всё там понятно.

— Что же вам непонятно? — Макаренко отложил ручку. Под стеклами очков лукаво поблескивали глаза.

— В пьесе понятно всё, — сказал Яковлев, — а вот не ясно, как этот человек, не бывая в коммуне, написал такую вещь.

— А почему вы думаете, что автор не бывал в коммуне?

Антон Семенович вышел из-за стола и прошелся по кабинету.

— Садитесь, — предложил он нам, — чего стоите, поговорим.

Мы сели рядышком на диване возле окна.

— Ну, пускай был. Но без вашей помощи тут не обошлось, — настаивал Яковлев.

— Ты думаешь?

— А как же. Ваш стиль чувствуется, — сказал Федоренко.

Антон Семенович громко рассмеялся. С лица исчезла обычная суровость, и поэтому он казался много моложе своих лет.

Перестав смеяться, Антон Семенович спросил очень серьезно:

— Так, говоришь, мой стиль?

— Ну, да!..

— Ладно. Сдаюсь. — Макаренко подошел к нам с поднятыми вверх руками. Мы уступили ему место на диване, ожидая с интересом, что он скажет.

Антон Семенович, пощипывая пальцами правой руки короткий ус, сказал:

— Пьесу написал я. Давайте начистоту выкладывайте, что в ней плохого.

— А почему Гальченко?

— Вот чудачки человеки! В первый раз в жизни пьесу написал. Послал на конкурс. Страшновато было. Педагог как педагог, а тут вдруг плохим драматургом заделался. И вас и себя подвел бы.

Федоренко наклонился к самому уху Антона Семеновича, но сказал громко:

— А жюри думает, вот Гальченко — новый драматург появился. Смехота...

— Дело не в фамилии, — возразил ему Яковлев, — а новый драматург действительно появился.

„Евгений Онегин“

К выходному дню подводились итоги за шестидневку, и отряды, в которых не было нарушений дисциплины, получали в виде премии билеты в театры Харькова. Коммунары, едущие в театр, извещались об этом заранее. Сразу же после ужина голубой автобус увозил их в город.

В один из весенних вечеров, ожидая автобуса, ребята нашего отряда собрались у парадного подъезда коммуны. Разговор в основном шел о тех спектаклях, которые предстояло посмотреть. На гранитной ступеньке стоял Антон Семенович, молча курил папиросу.

Ваня Гостев сказал недовольно:

— В оперу мне билет достался на «Евгения Онегина», а я его уже видел...

— Оперу слушают, — поправил его Митя Мохарев.

— Всё равно, и слушать второй раз неинтересно.

— Как? — удивился Антон Семенович и сошел со ступеньки к нам на тротуар. — Ты говоришь, что второй раз неинтересно слушать оперу «Евгений Онегин»? А знаешь, я вот восемь раз ее слушал и еще пойду.

— Так то вы.

— А чем ты хуже меня?

В это время подошел автобус, и разговор был прерван.

А через несколько дней на заседании совета командиров Антон Семенович вдруг неожиданно для всех задал вопрос, не имеющий никакого отношения к повестке дня:

— Интересно, кто из вас знает наизусть хотя бы стривок из «Евгения Онегина»?

Командиры удивленно переглянулись, но Макаренко повторил свой вопрос.

Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог, —

стали наперебой полушутя, полусерьезно декламировать человек десять. Но, прочитав 15—20 строк, начали сбиваться и под общий хохот умолкли. Девчата пытались вспомнить письмо Татьяны к Онегину, но тоже без особого успеха.

— Да-а, — Антон Семенович укоризненно посмотрел на молодежь, — такую прекрасную вещь и не запомнить...

Он поднялся со стула и стал ходить по кабинету, заложив ладонь за широкий кожаный пояс:

— Давайте сообща подумаем, что нужно сделать для того, чтобы все наши коммунары полюбили это замечательное произведение.

Предложение Макаренко всем пришлось по душе. С его помощью совет командиров тут же наметил целую программу действий.

Вот как всё это происходило.

Прежде всего Антон Семенович пригласил в коммуну профессора-литературоведа. Ученый прочитал популярную лекцию о жизни и творчестве Пушкина. Он рассказал нам историю возникновения «Евгения Онегина» и показал на примерах, какого высокого мастерства добился поэт в своем романе.

Затем через два-три дня нас посетил известный музыковед. Он не менее занимательно обрисовал творчество Чайковского, иллюстрируя свою лекцию проигрыванием мелодий на рояле.

Вскоре к нам в гости приехали артисты. Они исполнили ряд сцен из «Евгения Онегина».

Получив таким образом основательное представление об эпохе, о художественной ценности произведения, почти все 500 коммунаров с жадностью набросились на роман, читали его запоем, только теперь по-настоящему понимая всю его красоту и силу.

В ту пору у Макаренко было немало противников. Они относились с большим недоверием ко всем его начинаниям. И на этот раз они говорили, что он затеял вредную «кампанейщину» и «штурмовщину».

Однако Антон Семенович, наблюдая за коммунарами и видя, с какой радостью мы открывали для себя

всё больше и больше замечательного в поэзии Пушкина, радовался, понимая, что он на верном пути.

В один из вечеров Антон Семенович предложил:

— А теперь давайте объявим конкурс на лучшего чтеца «Евгения Онегина».

Оказалось, что сам Макаренко знал наизусть не только отдельные отрывки из «Евгения Онегина», а целые главы. Мы собрались как-то в «тихом клубе», и Антон Семенович прочел всю первую главу без запинки. Читал он просто и увлекательно, слегка хрипловатым голосом. Среди коммунаров нашлось много его последователей и даже «конкурентов». В особенности преуспевали Клава Борискина, Шура Сыромятникова и Митя Терентюк. Каждый из них выучил по несколько глав, поражая всех своей памятью.

Интересно заметить, что все трое впоследствии стали артистами.

Этот вечер-конкурс на лучшего чтеца прошел весело и бурно. Претендентов на первые места оказалось больше, чем ожидали.

Потом коммуна в полном составе поехала слушать «Евгения Онегина».

Во время антрактов артисты в костюмах и гриме ходили по фойе в обнимку с коммунарами, дружески беседуя. Макаренко попросил, чтобы разыскали Гостева. Когда тот пришел, Антон Семенович, заговорщически посмотрев на собравшихся коммунаров, довольно громко спросил Гостева:

— Ну как, Ваня, трудно слушать оперу в третий раз?

Гостев, очевидно, ждал этого вопроса и был готов к нему. Он ответил сразу, с вызовом:

— Три раза — что? Я вот думаю, как и вы, девять раз побывать!

Макаренко взял Гостева за плечи и слегка привлек к себе:

— Значит, ты рассчитываешь, что я на девяти посещениях остановлюсь?

Гостев, боясь сказать что-либо опрометчивое и снова оказаться в смешном положении, уклонился от прямого ответа. Он только безнадежно махнул рукой:

— Я же говорил. За вами разве угонишься...

О первой любви

Группа старших коммунаров вместе с Антоном Семеновичем после осмотра Краматорского машиностроительного завода отправилась на вокзал. Уже стемнело. Был душный августовский вечер. В ожидании поезда мы сидели на траве и делились впечатлениями. Антон Семенович тоже сидел на траве, затем лег, положив фуражку рядом.

— Вы сняли бы сапоги, — посоветовал кто-то из девочек.

— Зачем, я не устал, — ответил Антон Семенович. Шура Жевелий разыгрывал Фильку Кучмия:

— Ну, расскажи, Филя, как ты в сборочном цехе от табельщицы никуда не хотел отходить.

Филька сердился. Это всех очень смешило. А Жевелий наседал:

— Ты, Филя, не обращай на них внимания. Любовь с первого взгляда — большая штука...

— Расскажите что-нибудь из своей жизни, — просили Антона Семеновича девочки.

— Что же я вам расскажу? Жизнь у меня без приключений... Лучше вы расскажите. Вон Филька расскажет о своей первой любви.

Снова взрыв смеха.

Филька, паренек лет пятнадцати, говорит обиженно:

— Антон Семенович, и вы слушаете Шурку. Это же не человек.

Девушки не унимались:

— Антон Семенович, расскажите о вашей первой любви...

— О первой любви? — переспросил Макаренко, как бы сомневаясь, подходящая ли аудитория для такой темы.

— Расскажите, расскажите, — стали упрашивать уже все.

— Ладно уж. Расскажу... Было мне чуть больше шестнадцати лет, — начал свой рассказ Антон Семенович. — Я уже тогда учительствовал. Одно время давал уроки дочери попа. Помимо уроков, мы с ней много беседовали о прочитанных книгах. Я тогда впервые достал Горького. Дал ей. Девушка она была неглупая,

года на три старше меня. Несмотря на то что жила в богатой семье, жалела бедных детей. Всегда носила им на станцию хлеб, яблоки. Вместе с ней мы прочитали «Что делать?» Чернышевского.

Меня радовало то, что она, дочь попа, начинала смотреть на окружающую действительность так же, как и я, сын рабочего. Понятно, я в нее влюбился по уши.

Во время занятий с нами в комнате всегда находилась старая-престарая бабка, вязала что-то. Но вскоре я заметил, что старуха плохо видит, и занятия пошли веселее. Мы обменивались многозначительными взглядами и говорили полунамеками.

Я мечтал о том, как мы будем вместе бороться за новую жизнь.

И вдруг всё сразу рухнуло. Поп выдал свою дочь за кулацкого сынка.

Злился я тогда на весь мир, места не находил. В день свадьбы решил пойти в церковь, посмотреть. А у меня был старый ржавый револьвер. Я захватил его с собой. Стал у самого входа и думаю: вот возьму и застрелюсь в церкви, пусть знает... Но стрелять в себя раздумал. Решил, выстрелю просто вверх, пусть все всполошатся. Подумал, поглядел по сторонам, махнул рукой и вышел на паперть.

Посмотрел на револьвер: «Пальну в воздух». Поднял руку и нажал курок. Выстрела не последовало. Еще нажал. Осечка. Я разозлился еще больше, размахнулся и забросил револьвер далеко за ограду. Но успокоиться долго не мог. Бродил почти всю ночь. Я тогда многого не понимал, но попову дочку жалел от души. Эта свадьба отрубила ей раз и навсегда пути к той жизни, о которой мы мечтали, читая Чернышевского и Горького.

А как мне хотелось вырвать ее из проклятого мещанского быта! Но силенок не хватило... А могло бы на свете стать одним хорошим человеком больше...

Антон Семенович умолк. Долго никто не решался нарушить тишину. Только трещали кузнечики и шуршал сухой травой ветерок.

Неожиданно Филька спросил Макаренко:

— А какую же надо иметь силу, чтобы не одного, а сотни людей вывести на верную дорогу?

Макаренко, опираясь на локоть, приподнялся и теп-

ло посмотрел на Кучмия. Ответил не сразу. Сидел, покусывая стебелек, и, как бы мысля вслух, проговорил:

— Время другое было, Кучмий. А теперь у меня столько помощников: вся страна, Горький, да ты, Филька!

Преподаватель химии

Мы уже знали, что химию будет вести новый преподаватель. На урок он пришел с небольшим опозданием, держа под мышкой большой разбухший портфель. Его внешний вид нас поразило. Со взлохмаченными волосами, обсыпанными табаком лацканами пиджака и сбитым набок тонким и закрученным спиралью галстуком он показался нам очень смешным, даже каким-то беспомощным. Живописное зрелище представляли его ботинки — огромные, явно не по ноге, давно нечищенные и почти не зашнурованные. Проходя по классу, он высоко поднимал ноги и с грохотом опускал их.

Началось перешептывание, полетели через головы записочки. О химии никто и не думал. Каждое движение преподавателя приводило нас в восторг. Многие уже смеялись вслух, шумели, покашливали на все лады.

Преподаватель вначале старался ничего не замечать, но потом не выдержал, раскричался, схватил портфель и убежал.

Антон Семенович велел немедленно вызвать старосту курса. Старостой была одна из лучших учениц и активисток коммуны Нина Курьянова. Она вошла в кабинет, поздоровалась.

— Что у вас там происходит? — спросил Макаренко спокойно, однако мускулы на его скулах подергивались.

Нина молчала.

— Я спрашиваю, что у вас на курсе творится?

Что Нина могла на это ответить? Ведь виноват прежде всего староста.

Макаренко превосходно умел владеть собой. В самые трудные минуты жизни он не показывал огорчения, учил коммунаров не падать духом и сам так поступал. Любые комиссии, делегации, представители видели его неизменно спокойным, уравновешенным, слегка иронизирующим. Но в коммуне, с глазу на глаз с

коммунарами, он жил обыкновенной жизнью, как живут в своей семье. Ни к кому не подлаживался, не напускал на себя нарочитого добродушия или строгости. Если он веселился, то по-настоящему, без поглядывания на себя со стороны: «А удобно ли в моем положении?» Сердясь, мог и накричать и разволноваться так, что потом держался за сердце и пил валерьянку. Больше всего коммунары опасались его гнева — не потому, что боялись наказания, а потому, что берегли его.

Любые слова в данный момент только подлили бы масла в огонь, и Нина Курьянова отмалчивалась, выжидала.

Макаренко не вспылал. Он развел руками и проговорил совсем тихо:

— И это называется рабфаковцы! Никакой солидности. Пришли бы и сказали: «Учитель неряшлив». Я бы объяснил ему, каким надо являться в класс, поговорил бы просто, по-человечески. А вы какой метод избрали?

Тогда Нина спросила:

— Антон Семенович, задержать после урока весь наш курс? Вы поговорите?

Вот теперь он дал волю своим нервам:

— Не о чем мне с ними говорить! Я могу говорить с умными людьми, а для таких бузотеров и пустосмешек у меня нет слов! Иди и так передай им.

— Есть так передать!

Нина ушла.

В этот день на втором курсе рабфака провели собрание. Все были очень удручены происшедшим. Внимательно выслушав старосту, решили: считать свой поступок хамским, просить прощения у нового преподавателя и у Антона Семеновича.

Очередной урок химии проходил обычным порядком. И новый преподаватель и коммунары всем своим видом показывали, что прошлое забыто. Преподаватель оказался знающим человеком и быстро завоевал симпатии рабфаковцев. Он пришел в аудиторию гладко выбритым, в новом костюме, начищенных ботинках и благоухал одеколоном. Коммунары проявили исключительную тактичность, ничем не выдавая своих чувств.

Все догадывались, что простой, человеческий разговор между Антоном Семеновичем и преподавателем химии состоялся.

Приказ о Качаеве

Существовало неписаное правило: в столовую все обязаны являться точно по сигналу. Опоздавший на пять минут оставался без завтрака или обеда. Некоторые коммунары, в особенности старшие, всё же иногда задерживались в спальнях и приходили в столовую позже. Макаренко не поднимал по этому поводу никаких разговоров. Он просто, выждав после сигнала пять минут, подходил к двери столовой, где в вестибюле висела доска объявлений, и делал вид, что его внимание привлекла именно эта доска. Все опоздавшие, спустившись по лестнице и заметив Макаренко, принимали озабоченный вид и, не заворачивая в столовую, направлялись прямо на завод.

Таким способом Антон Семенович приучил всех ходить в столовую вовремя. Впоследствии он уже не выходил в вестибюль после сигнала. Опоздания в столовую стали редкостью.

Но однажды вышло так, что коммунар Саша Качаев опоздал к завтраку. В это время Макаренко случайно проходил по коридору. Ничего не оставалось делать, как поздороваться с ним и выйти на улицу. Саша так и поступил. А там его осенила мысль: «Вокруг нет ни души, столовая на первом этаже, окна раскрыты...» Качаев увлекался физкультурой, и перепрыгнуть через подоконник для него не составляло труда. Через несколько секунд он уже сидел на своем месте, как ни в чем не бывало. Соседи по столу благодушно посмеивались.

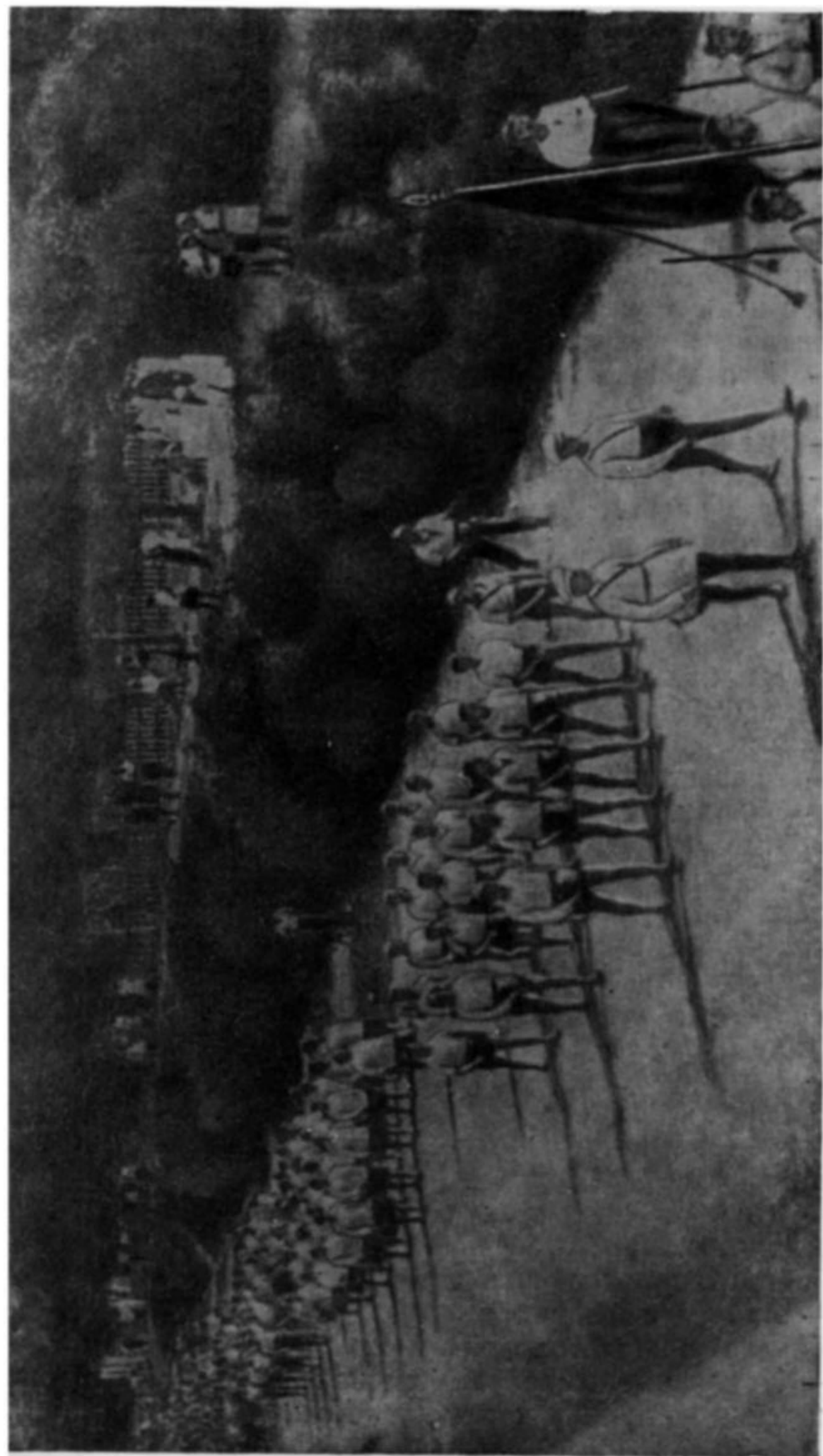
Никто не догадывался, что Антону Семеновичу всё известно.

...Приказы по коммуне обычно зачитывались в столовой. Мы их выслушивали стоя. Так было и на этот раз. Как только все собрались на обед, послышалась команда:

— К приказу встать!

На середину вышел секретарь совета командиров и зачитал:

«Сегодня, опоздав к завтраку, коммунар Качаев влез в столовую через окно. Приказываю с сегодняшнего дня запретить Качаеву входить в столовую через дверь, а разрешить входить только через окно.

Строй коммунаров в Сочи. 1931 год.

За выполнение данного приказа несет ответственность дежурный».

Обед проходил шумно. Смеялись, обсуждая столь забавный приказ. Многие специально приходили с другого конца столовой посмотреть на выражение лица Качаева. А у Саши совсем пропал аппетит. Он, не дожидаясь конца обеда, ушел.

Ужинать Качаев принципиально не пошел. Не пошел он и на другой день завтракать. Его вызвал Антон Семенович. Состоялся такой разговор:

— Чего дурака валяешь? Почему не ходишь в столовую?

— Вы же запретили.

— Зачем говоришь неправду. Я запретил тебе ходить через дверь. Через окно — пожалуйста.

— Что я, дурак, чтобы в окно лазить?

— А это тебе виднее. Ты сам избрал такой путь. Иди завтракать!

— В окно я не полезу.

— Ну, как хочешь...

Перед обедом Качаев пришел к Антону Семеновичу уже сам:

— Разрешите?

— Заходи.

— Антон Семенович, отмените приказ.

— Не вижу никакой необходимости. Мне дежурный говорил, что у тебя здорово получается. Влезть в окно для тебя пара пустяков.

Качаев нахмурился:

— Антон Семенович, отмените приказ. Я больше никогда не буду. По глупости так поступил.

— По глупости? — недоверчиво переспросил Антон Семенович, но взгляд его был таким теплым, отечески добрым и немного озорным, что у Качаева невольно вырвался вздох облегчения.

— Мне от насмешек прохода нет, — признался он простодушно.

Губы Макаренко чуть тронула улыбка:

— Значит всё понял?

Качаев кивнул головой.

— Хорошо, — после небольшой паузы пообещал Макаренко, — приказ я отменю. Иди.

Регламент

Общие собрания проводились почти ежедневно и занимали они не больше 20 минут.

Нарушил ли кто-нибудь порядок, нагрубил, опоздал на работу, потребовалось ли договориться, как лучше организовать экскурсию, поход, — Макаренко коротко бросал сигналисту:

— Общий сбор!

Шустрый паренек, вскинув горн, прижимался к нему губами, и властные звуки сигнала врывались в окна и двери.

Обычно общий сбор трубили в перерыве между сменами на заводе и в школе или по вечерам. Зал заполнялся быстро, и собрание начиналось сразу же.

Макаренко не любил демагогических рассуждений, зло высмеивал краснобаев и требовал выступлений толковых, кратких, деловых. На это вполне хватало одной минуты. И так уж повелось, что на таких собраниях более минуты почти никто не говорил. В некоторых случаях, когда вносилось очень важное предложение, выступающий заранее предупреждал, что не сможет уложиться в одну минуту, и ему разрешали говорить больше.

Были, конечно, и другие собрания — производственные, комсомольские — с докладами и прениями. Но речь не о них.

Сам Антон Семенович, выступая, говорил мало, скупыми фразами, только о сути дела.

А вот коммунар Миша Колыванов в такой жесткий регламент никак уложиться не мог. Высказываясь, он любил пофилософствовать, посмаковать каждое слово, вспомнить то, что было полгода или год назад. Коммунары почти всегда его поторапливали:

— Ближе к делу!

— Регламент!

— Какой регламент? — возмутился Колыванов на одном из собраний. — Я за него не голосовал. Затвердили: «минута, минута», а что за минуту скажешь?

Услышав это, Антон Семенович поднялся со стула и ответил ему, ставя ударение на каждом слове:

— Минута — целых шестьдесят секунд. А за шестьдесят секунд можно высказать шестьдесят мыслей!

И сел. По залу пронесся гул одобрения. С тех пор эта фраза о шестидесяти мыслях в минуту стала нарицательной. Стоило кому-нибудь выступить не по-деловому, непродуманно, как сразу слышалась реплика:

— Секунды идут, а где же мысли?

В полную меру сил

Незадолго до Первого мая Антон Семенович вызвал к себе членов литературного кружка и предложил выпустить к празднику литературную страницу в нашей многотиражной газете «Дзержинец».

— Подберите стихи, песни, может, рассказ у кого написан, а очерк просто закажите, — советовал он, — и со всем этим материалом приходите ко мне.

Макаренко передал нам листок бумаги. На нем было написано зеленым карандашом несколько строк.

— Тут примерные темы для очерков. Пусть подумают хлопцы.

Выслушав его, мы собрались уходить, но Афанасий Сладков, вынув из кармана ученическую тетрадь, свернутую трубкой, обратился к Макаренко:

— Посмотрите, Антон Семенович, новое стихотворение. Если что не так, я переделаю.

Макаренко охотно прочел стихи вслух.

— Нет. Мне кажется, здесь всё так, — проговорил он, — написано с чувством. Подойдет для литстраницы.

Возвращая тетрадь, он спросил:

— Значит, серьезно хочешь стать поэтом?

— Да, хочу...

— Хорошим поэтом?

Сладков неопределенно повел плечами:

— Не знаю...

— Если ты не знаешь, то кто же знает?

— Там будет видно...

— Не согласен! — запальчиво возразил Антон Семенович. — Заранее готовить себя к серому существованию безвольно и глупо. Всегда надо равняться на великих людей, работать в полную меру сил! Конечно, Пушкиным или Горьким не всякому дано быть, но если ты стремишься стать отличным специалистом, то хорошим всегда сделаешься.

...Несколько позже эту же мысль Макаренко выска-

зал на общем собрании, когда мы провожали в институт группу коммунаров, окончивших рабфак. Он призвал выпускников избрать такую профессию, которой хочется отдать себя всего целиком.

— Чтобы не только в служебные часы чувствовал себя конструктором или врачом, а всегда — днем и ночью, всю жизнь! — сказал он в заключение.

Хорошие манеры

По лестнице подымалась коммунарка Поля Зыкова. Ее светлые волосы челкой спадали на лоб, почти касаясь густых черных бровей. Поля держала в руках большой букет цветов, бережно прижимая его к груди.

На верхней площадке показался Антон Семенович. Посмотрев на Полю, улыбнулся и поправил очки:

— Плоды своего труда?

— Да, Антон Семенович, это меня садовник премировал. Какая прелесть, Антон Семенович, вот понюхайте!

Был выходной день. Макаренко спросил:

— Полина, что делают ваши девчата?

— Они в спальне. Отдыхают после завтрака.

— Ну, пойдем, я посмотрю, как вы живете.

— Ой! — воскликнула Зыкова и заторопилась по коридору. — Я их предупрежу.

Несколько девушек выскочили из спальни навстречу Макаренко, взяли его под руки, повели к себе.

Макаренко положил на подоконник фуражку, сел у окна. Девушки окружили его.

Антон Семенович скосил глаза в угол, где помещалось трюмо. Перед зеркалом стояла Шура Веткина, перевязывая пышные каштановые волосы ярко-голубой лентой. В отличие от большинства коммунарок она любила одеваться пестро. И сейчас на ней короткое в цветах платье, стянутое на тонкой талии красным поясом.

— Шура решила всех в Харькове поразить, — заметил Макаренко.

Веткина смутилась:

— Я в город к сестре собираюсь.

— А знаешь, Шура, — сказал он, внимательно рассматривая ее наряд, — я бы на твоём месте не надевал этот бант. Не гармонирует.

Немного помолчав, Антон Семенович уже обратился ко всем:

— Между прочим, девушки, искусство красиво одеваться состоит не в том, чтобы шить одежду из тканей кричащих тонов и каких-то затейливых фасонов. Наоборот, глаз радует строгость форм и умелый подбор расцветок.

— Но есть же люди, которым идут платья ярких расцветок? — спросила Веткина.

— Одежда имеет свое прямое отношение к внешнему виду, и если к ней относиться без разбора — значит не уделять внимания своей внешности, — ответил Макаренко. — Красный поясик, например, к твоему платью подходит, а голубой бант всё портит.

— А это правда, что комсомолкам нельзя носить крепдешин? — спросила Оля Кравченко, смуглая, остроногая, с большими иссиня-черными глазами.

— Такого запрета, я думаю, нет. Только надо самому думать, куда в каком платье являться. В театр и в крепдешине можно. Но я уверен, что для хорошего платья не обязательно иметь дорогую ткань. Важно хорошо подобрать цвет и фасон.

Макаренко, проведя ладонью по стриженной под машинку голове, посоветовал:

— Вы соберитесь и поспорьте на собрании о вкусах, о манерах хорошего тона.

— А помните, Антон Семенович, в прошлый раз вы так же с нами беседовали, — торопливо заговорила Тоня Яценко. — Вы и тогда нам рассказывали о хороших манерах: как себя в театре держать, в гостях. Я об этом говорила мальчикам из нашего комсомольского бюро — Суржину, Остапчину, а они говорят: «Пустяки, предрассудки».

— Суржин, — неплохой парень, но суховат, — заметил Макаренко, — а манеры хорошего тона — это просто показатель воспитанности человека и его отношения к окружающим людям. Глупо так рассуждать: предложить пожилому человеку или женщине стул — это пахнет стариной, а задеть плечом прохожего и не извиниться — это вполне современно. Откуда берется такое неуважение к людям и к себе в том числе? — Макаренко широко развел руками: — Я не понимаю.

Антон Семенович поднялся, взял фуражку:

— Значит, соберемся и поговорим обстоятельно о хорошем тоне. Поспорим, нужен ли он нам, советским людям, комсомольцам.

— Воображаю, как будет обескуражен Витька Суржин. Скажет, девушки с ума сошли, — певуче проговорила Веткина, комкая в руке голубой бант.

— Так и решили, — сказал Антон Семенович. — Он чудаков, этот Виктор. Сам и дисциплинирован и вежлив, а хорошие манеры его смущают. Мы ему сообща разъясним. Зубы чистить — это хороший тон. И мы это делаем. Не перегибать листов книги — тоже хороший тон, но не все так поступают. Почему? Видите ли, зубы свои, а книга библиотечная...

Макаренко весело оглядел девушек, стоявших полукольцом возле него:

— Я вам об этом говорю потому, что вам предстоит в будущем воспитывать своих детей, а от того, какими будете вы сами, зависит их культура и поведение.

В трамвае

Секретаря комсомольской организации Виктора Суржина вызвали в горком комсомола. Он обратился к Дидоренко — заместителю начальника коммуны по хозяйственной части:

— Степан Акимович, мне срочно нужно поехать в город, в горком вызывают, разрешите взять машину.

— Грузовая машина занята, а автобус не могу посылать. Это всё же не легковая, — ответил тот.

— Степан Акимович, но я ведь не по своим личным делам, — настаивал Суржин, — разрешите автобус!

— Не могу.

— Хорошо. Я пойду к Антону Семеновичу. Он меня скорее поймет.

Антон Семеновича в кабинете не было. Походив по коммуне и нигде не найдя Макаренко, Суржин посмотрел на часы: вызывали на 12. Остается 40 минут. Что делать?

Пришлось идти пешком на остановку трамвая. Дорога пролегла через лес, окружавший с трех сторон коммуну. «Целый километр пешком переться, — злился Суржин, сбивая на ходу крупные листья подорожни-

ка. — Вот я расскажу Антону Семеновичу, как Дидоренко относится к комсомолу...»

Лес остался позади. Суржин вышел на Белгородское шоссе и пересек его. На остановке, к своему удивлению, он увидел... Макаренко. Подошел трамвай, и они оба вошли в него: Суржин следом за Антоном Семеновичем.

Только трамвай тронулся с места, Суржин поинтересовался:

— А почему вы, Антон Семенович, едете в город трамваем?

— А чем же? Автобусом? Совершенно нелепо гнать такую махину из-за одного человека. Мне даже людям неудобно будет смотреть в глаза: один в пустом огромном автобусе.

Но, очевидно, заметив недоуменный взгляд Суржина, Антон Семенович внезапно спросил:

— А ты разве думаешь иначе? Погнал бы ты автобус, когда можно свободно ехать трамваем?

— Видите, Антон Семенович...

Макаренко холодно посмотрел ему в лицо и предупредил:

— Только без дипломатии, Виктор. Не люблю.

Покраснев до ушей, Суржин признался:

— А я вас искал по всей коммуне, хотел пожаловаться на Дидоренко за то, что он не дает мне автобус поехать в горком.

— Искал и не нашел?

— Не нашел, — почти шепотом ответил Суржин.

— Ну и хорошо, что не нашел.

Оба весело рассмеялись.

Антон Семенович, положив руку на плечо Суржина, шутливо резюмировал:

— Так-то, дорогой товарищ секретарь!

Ночной сеанс

В кинотеатрах Харькова шел «Чапаев». Завороженные и восхищенные зрители, побывав на одном сеансе, не раздумывая, покупали билеты снова. Всех пленил самобытный и обаятельный образ легендарного героя гра-

жданской войны. Всюду только и было разговора, что о нем.

Макаренко сразу оценил огромное воспитательное значение этого фильма для молодежи и в особенности для воспитанников коммуны. Он вызвал к себе кинемеханика Иванова-третьего и велел немедля ехать на кинобазу.

Иванов выглядел весьма мрачно.

— Не дадут, — произнес он, рассматривая носок своего ботинка.

— Что значит не дадут? Скажи, что нас шестьсот человек.

— Я уже говорил...

Макаренко с минуту сидел молча, постукивая пальцами по крышке стола в такт своим мыслям. Он знал, насколько у коммунаров высок накал желаний посмотреть «Чапаева». Когда появятся рецензии в газетах, когда отдельные воспитанники посмотрят картину в городе, киносеанс в коммуне потеряет свою свежесть и не обеспечит той цельности восприятия, которую может дать сейчас.

Он снял трубку и позвонил на кинобазу. Ему объяснили, что все копии фильма закреплены строго по плану за киноустановками. Часы и дни сеансов объявлены в афишах и отменить их нельзя.

— Но вы поймите, дорогой товарищ, как важно в воспитательных целях показать эту картину именно сейчас у нас в коммуне, — разъяснял он работнику кинобазы.

Затем Антон Семенович внимательно слушал ответ, вид у него был не менее унылым, чем у кинемеханика.

Но вот Иванов, внимательно ловивший каждое слово Макаренко, восторженно встрепенулся. Лицо Антона Семеновича вдруг прояснилось, а за стеклами очков засияли, улыбаясь, глаза.

— Это, пожалуй, идея, — воскликнул он обрадованно, ударив свободной рукой по столу, — на этом варианте и остановимся. Я тут с товарищами посоветуюсь, и всё будет в порядке. Спасибо, товарищ.

Повесив трубку, он объяснил Иванову:

— Картина действительно занята, и нарушать план они из-за нас не могут. Можно было бы всей коммуной поехать в город, но билеты уже проданы на неделю впе-

ред. Кинобаза предлагает получить сегодня «Чапаева» после окончания работы театров и пустить его у нас в час ночи.

— После отбоя? — удивился Иванов.

— Поскольку это будет час ночи, то надо думать, что после отбоя, — ответил Макаренко, невесело усмехнувшись. Он заранее предвидел, что некоторые дамы из наробраза строго осудят это «антипедагогическое» мероприятие и станут выражать свою жалостливость «несчастливым детям», попавшим к такому тяжелому и злому человеку, как Макаренко.

Совет командиров восторженно отнесся к организации ночного сеанса. Просмотр любого кино или пьесы можно было свободно ждать и неделю, и две, но этот исторический фильм далеко выходил за рамки обычного произведения киноискусства. Он будил самые лучшие чувства у молодежи и учил ее свято хранить славные традиции нашего народа.

— Значит, принимаем такое решение, — сказал Антон Семенович, заключая прения; он положил руки ладонями книзу на стол и слегка откинулся к спинке кресла: — сейчас ужин, после ужина — отбой. Ровно без пяти в час даем сигнал подъема. В час — начало сеанса. Потом снова — сигнал отбоя.

Когда командиры разошлись, некоторые педагоги остались в кабинете.

Почесав театральным жестом затылок, Макаренко прошелся по кабинету, старательно раскуривая папиросу.

— Свои положенные восемь часов коммунары будут спать, — размышлял он вслух, — правда, с перерывом, но это уже не столь большое нарушение, и притом единственный раз. — Он остановился у двери, вопросительно посмотрев на педагогов: — Что приуныли, коллеги?

— Всё это вы решили правильно, — сказала пожилая, рослая преподавательница математики, — слышите, Антон Семенович, какой шум в столовой, с какой радостью встречена весть о ночном сеансе? Всё это я понимаю душой. Но вот будить ребят ночью ради кино всё же очень необычно.

— Необычно, — живо отозвался Макаренко, — я сам об этом думал. Это большое счастье, что наши дети могут спокойно спать по ночам, когда в мире всё-таки

тревожно. Мы знаем, что возможны всякие неожиданности, и должны поэтому готовить наших юношей и девушек не только к мирному труду, но и к защите Родины... Подъем сегодня в час ночи, — это, по существу, игра. Но это и тренировка. Понадобится — коммунары так же поднимутся среди ночи и встанут в строй.

...Ровно в час ночи задорно и неугомонно в кинобудке «громкого клуба» застрекотал аппарат: в переполненном зале отчетливо слышалось дыхание сотен зрителей. На освещенном экране, распластав по ветру черные крылья бурки и вскинув над головой искрящийся клинок, мчался на быстроногом коне Чапаев.

Ликованию коммунаров не было предела.

Е. С. Пихоцкая

НА УРОКАХ А. С. МАКАРЕНКО

Я попала в коммуну в 1929 году. Коммуна была для меня спасением и заменила мне родную семью, которой я до этого фактически не имела. С глубокой душевной теплотой вспоминаю я незабвенного Антона Семеновича. И сейчас, когда речь заходит о родителях, в моей памяти встает светлый образ Антона Семеновича, заменившего мне и отца и мать.

О том, как протекала жизнь в коммуне имени Дзержинского, Антон Семенович пишет в своей книге «Флаги на башнях». Некоторые из моих товарищей по коммуне в своих воспоминаниях приводят много интересных подробностей этой жизни. Всё же до сих пор одна весьма существенная сторона жизни коммуны остается в тени — я имею в виду нашу учебу в школе, работу Антона Семеновича в качестве учителя.

Сейчас, когда прошло столько лет, мне очень трудно передать в полной мере свои первые впечатления о школе в коммуне. Могу только сказать, что с самого начала посещения школы (начала я ее посещать с 4-го класса) я всем своим существом ощущала какую-то приподнятость, мне стало хорошо и весело жить. Антон Семенович добивался того, чтобы в школе царил порядок, чистота и уют, переходящие даже в некоторую торжественность.

Живя в семье, я не имела возможности регулярно посещать школу. Только в коммуне я смогла получить систематическое образование. Надо сказать, что у меня оказались серьезные пробелы в знаниях, особенно по русскому языку. Перевести же такую «великовозрастную» ученицу, как я, в младшие классы, очевидно, было неудобно. Мне посчастливилось на первых порах

моей учебы попасть в учительские руки Антона Семеновича.

Как известно, Антон Семенович руководил всей воспитательной и учебной работой в коммуне, но сама по себе преподавательская работа не входила в круг его прямых обязанностей. Хотя средняя общеобразовательная школа и находилась в самой коммуне, она представляла до известной степени отдельное, самостоятельное учреждение.

Однако на первых порах жизни коммуны работа в школе шла не так гладко, как, очевидно, хотелось бы Антону Семеновичу. В частности, ощущался недостаток в преподавателях отдельных предметов. Чтобы устранить перебои в нашей учебе, Антон Семенович сам замещал недостающих учителей, иногда довольно длительное время. Ему приходилось вести уроки русского языка и литературы, истории, географии и черчения.

Я довольно долго обучалась у Антона Семеновича русскому языку и литературе. Именно как преподаватель русского языка он мне особенно понятен. В школе Антон Семенович становился несколько иным, чем мы привыкли видеть его в коммуне. Признаюсь, что даже побаивались его на уроках, хотя «побаивались» — это, пожалуй, не то слово. Он был очень требовательным учителем и, хотя только временно замещал учителей, относился к своим обязанностям с таким чувством ответственности, что это невольно передавалось всем нам. Уроки вел он исключительно интересно и увлекательно. Конечно, я не берусь судить о его методике или хотя бы описать ее в общих чертах, не говоря уже о деталях, но прекрасно помню, что звонок в конце урока всегда был для нас неожиданностью — так увлекали объяснения Антона Семеновича. Нарушить дисциплину на его уроках было просто невозможно — так интересно и в то же время доступно он объяснял: приводил яркие, запоминающиеся примеры, заставлял самостоятельно думать.

Помню, на уроках русского языка он давал много устных и письменных упражнений. Антон Семенович учил нас правильно излагать свои мысли. Большое внимание уделял он сочинениям на свободную тему. Помню, однажды Антон Семенович задал нам сочинение «Карандаш» и несколькими словами так сумел

направить работу нашего воображения, что эта, казалось бы, бедная по содержанию тема увлекла весь класс.

Антон Семенович систематически прививал нам навыки грамотного письма. Мне особенно приходилось туго, так как я допускала много ошибок в диктантах. В архиве Антона Семеновича сохранилась моя ученическая тетрадь с контрольными диктантами по русскому языку. По этой тетради можно судить о необычайной тонкости и глубине преподавательской работы Антона Семеновича. Вся тетрадь испещрена пространными замечаниями к каждому контрольному диктанту, и в каждом замечании содержится какой-нибудь ценный конкретный совет для ученицы. Антон Семенович не ограничивался исправлением ошибок. Чем меньше становилось грамматических ошибок, тем подробнее были его замечания, касающиеся стиля, глубины мысли, точности определений. Помню, в одном из моих позднейших сочинений, получившем оценку «5», Антон Семенович сделал на полях тридцать два замечания. Так же внимательно относился он к каждому своему ученику. Наши контрольные работы по русскому языку Антон Семенович всегда приносил проверенными к следующему уроку. Нам никогда не приходилось подолгу ждать их, как это, к сожалению, бывает во многих школах. Мне кажется, что Антон Семенович поступал очень правильно: именно в первые дни живешь своей контрольной работой, продумываешь возможные ошибки. И вот через день-два все твои сомнения разрешены.

Не могу не отметить следующего: указания Антона Семеновича на допущенные мною ошибки никогда не вызывали во мне чувства угнетенности, неверия в возможность изжить их. Наоборот, после беседы с ним я всегда чувствовала уверенность в своих силах и какой-то внутренний подъем, так как Антон Семенович одновременно отмечал и достоинства работы. Оценки моим письменным работам он ставил, очевидно, не по количеству ошибок в каждом диктанте, а исходя из моих общих успехов, оценивая каждую последующую работу в сравнении с предыдущей.

Чтобы развить у нас наблюдательность, пытливость, воображение, умение письменно излагать свои мысли, Антон Семенович рекомендовал нам вести личные днев-

ники, особенно в летнее время, в период наших дальних экскурсий по Крыму и Кавказу.

Яркое впечатление осталось у меня и от уроков истории, которые временно вел Антон Семенович. Он был замечательным рассказчиком и постепенно захватывал воображение и внимание слушателей с предельной силой. Объясняя ту или иную тему по истории, Антон Семенович широко пользовался географическими картами, различными таблицами, часто приносил на уроки картины. Иногда уроки истории Антон Семенович проводил на свежем воздухе. Рассадит, бывало, нас под березой во дворе коммуны, и мы с захватывающим интересом слушаем очередной урок.

В школе коммуны имени Дзержинского мальчики и девочки обучались вместе. Антон Семенович был безусловным сторонником совместного воспитания и обучения. Коммуна имени Дзержинского при совместном воспитании и обучении не знала срывов в воспитательной и учебной работе. Совместная учеба бесспорно помогла установлению действительно дружеских, товарищеских отношений между нашими мальчиками и девочками, а впоследствии между юношами и девушками. Отношения эти сохранились на всю жизнь.

То, что называют отроческой или ранней юношеской любовью, вернее дружбой, напоминающей любовь, не проходило мимо внимания такого наблюдательного и чуткого педагога, как Антон Семенович. Его не пугали такие серьезные вопросы, как отношения между мальчиками и девочками. Антон Семенович нашел в совместном обучении и воспитании один из источников морального совершенствования личности воспитанников.

Я всегда буду помнить уроки Антона Семеновича, буду помнить его внимательным, требовательным, наблюдательным педагогом. Всё у него получалось хорошо, вызывало наше восхищение. Он требовал — мы шли навстречу его требованиям, он наказывал — мы были ему благодарны, мы ощущали наши руки в его твердой руке и смело, полностью доверяя ему, шли за ним. И никто из нас не ошибся. В нем мы нашли и нежного отца, и требовательного воспитателя, и замечательного, талантливое учителя.

Н. В. Петров

А С. МАКАРЕНКО И ИСКУССТВО

Когда вспоминаешь Антона Семеновича, самое трудное представить всю глубину, широту и полноту его человеческих возможностей. Эпизоды, связанные с теми или иными воспоминаниями об Антоне Семеновиче, настолько различны и иногда противоречивы, что их трудно свести в единое целое. Но навсегда сохранился в памяти этот необыкновенно яркий, благородный и чрезвычайно многогранный человек.

Однажды я посетил в Париже мастерскую японского художника Фужита, который сделал в то время совершенно головокружительную карьеру. Мы решили поехать к нему и посмотреть, как он работает. Помню, меня поразило всё, что я там видел. У художника сидела женщина и позировала ему. В мастерской стоял столик и табуретка, на ней лежали кисточки и краски.

Нервно куря сигару, Фужита начал кругами ходить вокруг этой женщины. Обошел один круг большой, потом второй — меньше, потом еще меньше и т. д., осматривая женщину со всех сторон. Когда художник уже почти касался натурщицы, проходя мимо нее в последний раз, он вдруг пристально посмотрел ей в глаза. Потом взобрался на табурет, схватил обеими руками какие-то палочки и начал быстро-быстро ими работать; минут через пятнадцать, страшно побледневший, он окончил рисунок. Сходство было поразительное. Но казалось, какой смысл художнику смотреть затылок этой женщины, если он рисовал только ее лицо? Очевидно, и по затылку что-то можно рассмотреть в лице. Из деталей, неуловимых для других, художник создает образ.

Художником такого склада был и Антон Семенович. Беседуя об очень серьезных вещах, решая слож-

нейшие педагогические вопросы, он умел по одной незначительной, незаметной детали схватить главное в человеке, разглядеть, понять собеседника до конца. Наблюдая Антона Семеновича в такие минуты, можно было заметить, как искрились его глаза, как запечатлевалось в них всё до мельчайших деталей.

Это был такой стремительной жизни человек, человек такого богатства, которое редко встречается.

Воспитанники коммуны имени Дзержинского часто приезжали к нам в театр.¹ Обычно перед зданием театра останавливался голубой автобус, из него выходили всегда подтянутые коммунары, иногда с ними приезжал и Антон Семенович. Припоминаю его на одном из спектаклей. Шел первый акт. Антракт. Мне очень интересно узнать впечатление Антона Семеновича от спектакля. Выхожу в вестибюль, встречаю Антона Семеновича — молчит. Проходит второе действие. Антракт. Снова встречаемся — молчит еще упорнее. Спектакль окончился, смотрю — Антон Семенович совершенно мрачный, спрашивает: «Можно пройти к Крамову?»² Говорю: «Пойдемте». Зашли. Антон Семенович сел в кресло в уборной Крамова и молчит. Я спрашиваю, наконец: «Ну, как?» Опять пауза. Потом он говорит: «Да. До самой глубины».

Попрощался и ушел. Больше ничего не сказал.

Мы шефствовали над коммуной, и Антон Семенович просил нас не только показывать спектакли коммунарам, но и проводить с ними беседы. Обычно после спектакля мы говорили о теме произведения, всесторонне обсуждая его. Меня часто поражала в коммунарах необыкновенная способность понимать людей, разбираться в них. При обсуждении образов, ролей коммунары давали, например, такие оценки: «Вот этот актер должен был создать образ советского человека, он говорит правильные слова, но он — не наш. Он не верит в то, что говорит». Коммунары видели загримированного актера, говорящего текст, и только, лично его не знали, но такое безошибочное определение челове-

¹ Здесь речь идет о 30-х годах, когда Н. В. Петров был художественным руководителем Харьковского театра русской драмы.

² Александр Григорьевич Крамов, народный артист СССР, награжден орденом Ленина.

ской сущности актера мне редко приходилось слышать даже от людей, гораздо более опытных, хорошо разбирающихся в художественном творчестве. Какое необычайное умение проникнуть в тайну человеческой сущности, в то сокровенное, что остается где-то глубоко внутри! Антон Семенович умел воспитать у молодежи это неоценимое качество — разбираться в людях и явлениях жизни. Достигал он этого сложной и искусной организацией воспитания, придавая большое значение не только образовательным и трудовым процессам, но и эстетическому воспитанию.

Театральное искусство — самое сложное искусство, ибо каждый спектакль — это симфония человеческих взаимоотношений. Антон Семенович придавал искусству огромнейшее значение в процессе воспитания.

Многих коммунаров мы «совратили», — они поступили в театральное училище и стали актерами. Часто в Харькове я видел потом Клаву Борискину и Митю Терентюка и убедился, что они, как актеры и художники, обладают особенной способностью убеждать и волновать зрителей. Такой способностью обладают или гениальные актеры, как, например, Варламов и Давыдов, или очень духовно богатые люди. Такой человек говорит, — и ты веришь, что он не врет. Он чувствует, и ты заражаешься его чувствами. Это более всего и ценно в коммунарах, ставших актерами. Мы часто слышали: «Каких вы хороших актеров воспитали!» Я же считаю, что такими хорошими актерами они стали главным образом потому, что получили прекрасное, советское воспитание в коммуне.

С Антоном Семеновичем я встречался довольно часто. Не могу сказать, что он был моим близким другом, но мне он очень дорог, и я очень уважаю его как замечательного учителя и друга. Мы с ним, естественно, больше всего говорили о театре. У Антона Семеновича было огромное желание написать пьесу и не затем, конечно, чтобы блеснуть талантом. Понимая и зная театр, он видел в нем благодарную трибуну, с которой можно через художественные образы пропагандировать идеи коммунистического воспитания, доводя их до сознания и чувств широких масс.

Антон Семенович страстно любил театр. Вспоминаю его заразительный хохот на спектакле «Чужой ребенок»

А. С. Макаренко с группой коммунаров, окончивших Харьковский юридический институт.
1939 год.

в нашем театре. Он смеялся так по-детски непосредственно, что это было «почти неприлично». Так же заразительно умел смеяться на спектаклях К. С. Станиславский. Казалось бы, Константин Сергеевич знал всё наизусть, чего же ему-то смеяться, и вот этот гений русского театра, убеленный сединами, иногда сидел в первом ряду (игравшие на сцене актеры, видя его, приходили в ужас) и смеялся заразительно, как ребенок.

Макаренко был страстного, необыкновенно жизне-радостного темперамента человек. И вот его не стало. Не стало человека, который, по существу, только начинал богатейший свой путь. Он унес громаду невысказанных мыслей, ненаписанных романов, повестей, пьес...

Когда я недавно выступал в Литературном музее на вечере, посвященном Антону Семеновичу, мне пришла в голову такая мысль: А. С. Макаренко оставил замечательную книгу «Педагогическая поэма», К. С. Станиславский — «Моя жизнь в искусстве», и я подумал: а какая страна, какое государство, какой народ за последние тридцать лет имеет такие книги по педагогике и по искусству театра? Мы можем гордиться и смело утверждать: наши идеи — самые передовые, самые прогрессивные, наше искусство — самое жизненное, самое передовое.

А. С. МАКАРЕНКО

Антон Семенович Макаренко принадлежит к числу тех замечательных людей, воспоминания о которых или даже простое произнесение их имени невольно рождает в сознании и бесконечное количество дел, совершенных ими, и образы людей, связанных с этими делами, и огромнейшую борьбу, происходившую во время свершения этих дел во имя утверждения передовых идей, которые организуют, направляют, воспитывают и двигают вперед целые коллективы. Вспоминая о таких людях, видишь прежде всего тот огромный вклад в прогрессивную жизнь человечества, который определяется их жизнью, делами, мыслями, тем богатейшим культурным наследством, которое они оставляют после себя.

А. С. Макаренко оставил нам величайшее богатство в области методики коммунистического воспитания,

огромный коллектив советских граждан, воспитанных им подлинными патриотами своей Родины, оставил неизгладимое воспоминание о себе как о необыкновенном, скромном человеке, совершающем большое дело.

Я творческий работник, человек от театра, и не мне, конечно, писать о вопросах методики коммунистического воспитания. Мне бы хотелось сказать именно о человеческой личности Антона Семеновича, о том Макаренко, с которым я встречался в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского в Харькове, о том писателе Макаренко, с которым мы вели споры о путях развития советской драматургии. О той человеческой личности, встречи с которой обогащают тебя, воспитывают, организуют и направляют на правильный жизненный путь, раскрывая перед тобой правильное понимание идейной сущности действительности и тех сложных законов развития жизни человеческого общества, которые формируют идейный и духовный склад человека.

...Ранней осенью 1933 года я приехал в Харьков организовать Театр русской драмы.

Седьмого ноября, стоя на трибуне и наблюдая праздничную демонстрацию харьковчан, я был заинтересован одной группой, которая появилась на площади и отличалась от других групп и дисциплиной и особым своеобразием. Поток демонстрантов прервался, где-то затрещал барабан, грянул прекрасно сыгравшийся оркестр, и на опустевшую площадь торжественно вышел знаменосец; рядом с ним шли два маленьких пацана, гордо и четко барабаня в барабаны. Стройными рядами шли девушки в белых платьях; четко отбивая шаг, шли за ними юноши — тоже в белом. Прекрасный оркестр стройно и радостно аккомпанировал этому параду молодежи. На трибунах грянули аплодисменты.

— Кто это? — обратился я к соседу.

— Коммуна имени Дзержинского, — с гордостью ответил сосед. Так впервые, стоя на трибуне, познакомился я с питомцами Антона Семеновича.

Недавно прочитанная первая часть «Педагогической поэмы» и парад молодежи на площади в день праздника Октября как-то неразрывно связались в моем сознании, и за этим неразрывным единством всплыл лично мне еще не знакомый, но уже знаемый мною облик Макаренко.

«Надо познакомиться, надо ближе узнать этого необычного и беспокойного Макаренко», — такие мысли возникли у нас, когда мы возвращались с праздника домой, накануне открытия театрального сезона.

Театры обычно над кем-нибудь шефствуют, и вот мы решили шефствовать над коммуной имени Дзержинского. Сговорившись по телефону и условившись о встрече, мы направились в коммуну.

Каждый из нас слышал о Макаренко как о новаторе-педагоге и с понятным любопытством ожидал этой первой встречи. Каждый из нас по-своему рисовал себе его образ.

Очевидно, театральная профессия, зачастую пользующаяся привычными штампами, и тут услужливо подсказала очередной штамп облика педагога, человека, обязательно сразу же располагающего к себе.

Автомобиль свернул к шоссе. Мы проехали деревянную арку с надписью: «Коммуна имени Ф. Э. Дзержинского», въехали в небольшой лесок, на опушке которого уже виднелись какие-то строения. Чем ближе мы приближались к цели, тем больше нами овладевало любопытство увидеть этого необыкновенного педагога, занимающегося педагогической деятельностью не в недрах Наркомпроса, а в органах ВЧК и ОГПУ.

Деревья стали редеть: лес кончался, и мы попали в прекрасно распланированную местность с рядом фабричных корпусов, жилых зданий, асфальтированных дорожек и живописно разбитых цветников. Сразу же почувствовался умелый и мудрый хозяин, строящий жизнь коллектива и организующий для него условия жизни.

Машина остановилась перед центральным двухэтажным зданием с флагами на башнях, мы вошли в подъезд и были остановлены дежурным по коммуне.

Умная распланировка территории коммуны, цветники, чистота и порядок, форма у коммунаров, подтянутость и вежливость дежурного — вот первые впечатления, которые не изгладились в памяти, несмотря на то, что это было много лет тому назад. Дежурный провел нас по длинному коридору и, попросив подождать, вошел в кабинет заведующего учебной частью.

По стенам коридора аккуратно были развешаны стенные газеты, художественно исполненные ребусы,

викторины. Во всем чувствовался смысл и вкус, а не внешняя форма. Дверь отворилась, и дежурный пригласил нас войти в кабинет Макаренко.

За большим письменным столом, на фоне окна, мы увидели военизированной подтянутую худощавую фигуру человека в очках. В окно за спиной Антона Семеновича врывались лучи солнца, виднелось голубое небо и буйная пестрота красок осенних цветов. Антон Семенович пригласил нас сесть, и начался тот обычный разговор готовыми фразами, когда между разговаривающими еще не установились ясные отношения и когда собеседники изучают друг друга.

Но этот поединок продолжался недолго. Через несколько минут мы поняли, что мы побеждены, что готовые стандартные фразы не вызывают стандартных ответов, что разговор может завязаться не в поверхностно-словесной форме, а в какой-то иной. Мы поняли, что Антон Семенович несколько не интересуется обычной внешней формой шефства и что он сейчас скорее изучает нас для того, чтобы решить: а можно ли нас включить в группу людей, помогающих ему воспитывать детей?

Острый, требовательный, испытующий глаз Макаренко следил за каждым из нас, а каждая стандартно банальная фраза о шефстве рождала у него саркастическую улыбку, которую он мгновенно сгонял со своего лица...

Мы, как пойманные школьники, чувствовали свою какую-то вину, но осознать ее еще не могли, так как слишком смело и открыто, слишком стремительно и неожиданно для нас ринулся Макаренко в атаку.

В этой своеобразной беседе-допросе Антон Семенович вскрывал перед нами неподготовленность нашего предложения и продолжал как внимательный педагог изучать каждого из нас.

Группа актеров, приехавшая к педагогу Макаренко, действительно неожиданно попала на своеобразный экзамен. Казалось, не предложение наше о шефстве интересовало Макаренко, а люди, приехавшие с этим предложением.

Очевидно, к концу нашей беседы требовательный педагог добился своего; очевидно, он прощупал каждого из нас и поверил в нашу искренность, простив нам

наше легкомыслие. И когда мы прощались с Антоном Семеновичем, то впервые за всю беседу увидели его обаятельную улыбку и искреннее лукавство его умных глаз. Мы попрощались и отправились к машине. Макаренко, провожая нас, стоял окруженный группой коммунаров, которые с любопытством рассматривали нас...

Запомнился этот радостный осенний день, да еще запомнилась прощальная улыбка Антона Семеновича и лукавый взгляд его умных, искрящихся глаз.

За первой встречей последовала вторая, третья, четвертая... Мы ездили в коммуну. Макаренко бывал в театре. Коммунары стали нашими постоянными зрителями. Каждый вечер к театру подъезжал автобус коммуны, и тридцать коммунаров, подтянутых, носивших с гордостью свою, изобретенную Макаренко, форму, входили в театр и чинно занимали свои постоянные места.

Коммунары любили, уважали, поддерживали честь своей коммуны. Наблюдая их в общественных местах, я часто удивлялся их образцовому поведению и воспитанности.

Откуда у этих «трудновоспитуемых» ребят брались выдержка, выправка и такое блестящее владение собой? Этому, конечно, нельзя научить, это можно только воспитать и воспитать не индивидуально, а через коллектив. И эта дисциплина являлась не муштрой, а была воспитанным и сознательным общественным поведением коммунаров и разительно отличалась от их поведения дома, где они были радушными и гостеприимными хозяевами.

Театр шефствовал над коммуной, а по существу Антон Семенович воспитывал наш театральный коллектив. Каждый наш приезд в коммуну с лекцией или беседой, с читкой новой пьесы или обсуждением просмотренного спектакля кончался беседами с Макаренко, и мы уезжали, обогащенные новыми впечатлениями, новыми мыслями, новыми чувствами.

И самая большая прелесть этих встреч была в том, что не было повторений. Антон Семенович был неистощим в своей изобретательности и обладал подлинным творчеством в рождении нового.

Каждая встреча приносила новое. Каждая беседа радостно обогащала. И это вечно новое было в приро-

де самого Антона Семеновича, это было существо его богатейшей природы, безгранично многогранной, всегда творчески неожиданной в своих проявлениях и несущей в себе какую-то неиссякаемую, всегда радостную и оптимистическую, неумную человеческую энергию. Умение проникнуть в самые сокровенные тайники человеческой психики, смелое и энергичное активизирование самых незаметных положительных тенденций человека, бесстрашное и правдивое раскрытие темных начал, безграничная вера в силу коллектива и умение создавать и воспитывать этот коллектив — вот чем в совершенстве обладал Антон Семенович.

Воспитание этических начал в коллективе — вот что было фундаментом педагогики Макаренко, и надо удивляться тому мастерству, быстроте и прочности, с которыми рождался этот фундамент, как только Макаренко приступал к работе. Моральные качества граждан будущего коммунистического общества — вот та конечная цель, к которой уверенно шел Макаренко в своей педагогической работе.

Антон Семенович был подлинным сыном своего народа, несущим в себе все лучшие и передовые гуманистические тенденции именно этого народа. Он отличался той богатой натурой подлинно русского человека, которого может родить только наш народ.

Мы хорошо знаем Макаренко-педагога и по его практической деятельности и по его литературным трудам, но мы очень мало знаем о самой личности Антона Семеновича.

И если бы я обладал литературным даром, я бы написал увлекательную книгу о замечательном человеке, где были бы интересные главы: Макаренко дома, Макаренко в коммуне, Макаренко на занятиях, Макаренко в дружеской беседе, Макаренко в театре, Макаренко в гостях, Макаренко на параде, Макаренко купается, Макаренко в споре, Макаренко за шахматами, Макаренко-педагог, Макаренко-писатель, Макаренко среди друзей, Макаренко с врагами — и много еще интересных граней сложной человеческой личности раскрылось бы в этой книге. Но я не писатель, мне не дана возможность выполнить такую работу, и я могу только сожалеть, что мы, близко знавшие Антона Семеновича, не

соберемся вместе и не напишем коллективную книгу о Макаренко-человеке.

А что же может быть интереснее в человеке, чем сам человек?

Быть человеком — это очень много, но любить человека, а не быть влюбленным в самого себя — еще больше. Антон Семенович обладал обоими этими качествами, он был подлинным человеком, страстно влюбленным в человека.

Можно было поражаться богатству и многогранности человеческой природы Макаренко. Я не случайно перечислил возможные главы ненаписанной книги о Человеке-Макаренко, так как, вспоминая о нем, вспоминая отдельные встречи и эпизоды нашей совместной жизни, каждый раз поражаешься неожиданности новых черт характера Антона Семеновича. Как-то после спектакля «Далекое» А. Афиногенова Антон Семенович зашел к нам за кулисы и мрачно сел в уборной А. Г. Крамова, наблюдая, как тот разгримировывается. Молчание Макаренко было для нас непонятно и тревожно. «Очевидно, спектакль не понравился, — подумали мы, — ведь Антон Семенович всегда так интересно, хотя и беспощадно, говорит о нашей работе». Крамов разгримировался, оделся, и мы уже собирались уходить, когда Антон Семенович нарушил это тягостное молчание. «Плакать заставили, подлецы», — сказал он мрачно, пожал крепко нам руки и молча удалился.

Я очень ценю и уважаю слезы зрителя, да еще такого квалифицированного зрителя, как Макаренко, и, вспоминая подлинно взволнованных зрителей, делаю скромный вывод: чем человечнее зритель, тем ближе ему человеческие чувства, и чем крупнее человеческий интеллект зрителя, тем меньше он стесняется проявления этих человеческих чувств.

Я помню слезы на глазах С. М. Кирова и Серго Орджоникидзе на спектакле «Ярость» в бывшем Александринском театре, помню слезы на глазах А. М. Горького на спектакле «Страх» А. Афиногенова, и много раз мне приходилось наблюдать порывы чувств у зрителя, которые, конечно, ценнее нам, театральным работникам, чем холодок, скепсис и равнодушие людей, прикоснув-

шихся к чаше искусства и неожиданно утративших чуткое человеческое начало.

Помню, как однажды, приехав на репетицию в коммуны, я неожиданно застал Антона Семеновича на сцене со скрипкой в руках, окруженного маленькими пацанами, с которыми он терпеливо разучивал какой-то хор. Пацаны старательно пели, и когда кто-нибудь из них испускал неожиданный козлиный звук, то хохот мгновенно оглашал сцену. Громче всех, моложе и заразительнее смеялся сам Антон Семенович. Но через секунду он стучал смычком о скрипку, водворялась тишина, и снова терпеливо продолжал он обучать свой молодой и непослушный хор до ближайшего следующего козлетона.

Правда, присущая природе Макаренко, правда чувств — вот что делало его необыкновенно приятным, а иногда и неприятным, когда правда бывала не по сердцу его собеседникам. А бесед было много — и по вопросам театра, и о жизни, и о педагогике, и по общим вопросам развития нашего искусства, о личной жизни, о жизни коллектива, о прошлом, настоящем и лучезарном будущем.

Да разве только беседы?

А сколько проектов, сколько литературных планов, сколько начатых работ, задуманных творческих затей осталось неосуществленными, прерванными нелепой смертью!

Смерть прервала кипучую деятельность Макаренко, страстно влюбленного в мечту об облике гражданина коммунистического общества. Смелый революционер в педагогике, неутомимый практик в деле воспитания, блестящий теоретик и прекрасный художник, запечатлевший и утвердивший в художественных образах свою практику и теорию, — таков облик самого Макаренко как деятеля воспитания юношества.

Антону Семеновичу была чужда отвлеченная философия педагогики, он не был и узким практиком, за сегодняшним днем не видящим грядущего завтра. Это был подлинный революционер, горячо преданный своему делу, безгранично верящий в его правоту, неутомимый и изобретательный в своей практической деятельности.

Смелый и глубокий анализ огромной практики рождал самую передовую теорию. Антон Семенович создал опытный участок педагогической практики, преодолевая гигантские трудности, возникающие на пути. Он проверял свою теорию не в оранжерейно-лабораторных условиях, не под охраной директивы, а в сложнейших условиях реальной жизни, в напряженной борьбе, преодолевая как теоретические споры, так и материально-бытовые затруднения, а главное — организуя и овладевая психикой своего труднейшего коллектива.

Увлекательная «Педагогическая поэма» нам дорога не только как художественное произведение, раскрывающее образы замечательных ребят, вырастающих в подлинных граждан нашей Родины, но и как книга, потрясающая нас глубиной своей философии: «Человек не может жить на свете, если у него нет впереди ничего радостного. Истинным стимулом человеческой жизни является завтрашняя радость. В педагогической технике эта завтрашняя радость является одним из важнейших объектов работы. Сначала нужно организовать самую радость, вызвать ее к жизни и поставить как реальность. Во-вторых, нужно настойчиво претворять более простые виды радости в более сложные и человечески значительные. Здесь проходит интересная линия: от примитивного удовлетворения каким-нибудь пряником до глубочайшего чувства долга».

И дальше: «Воспитать человека — значит воспитать у него перспективные пути, по которым располагается его завтрашняя радость. Можно написать целую методику этой важной работы. Она заключается в организации новых перспектив, в использовании уже имеющихся, в постепенной подстановке более ценных. Начинать можно и с хорошего обеда, и с похода в цирк, и с очистки пруда, но надо всегда возбуждать к жизни и постепенно расширять перспективы целого коллектива, доводить их до перспектив всего Союза».¹

Макаренко свою педагогическую систему выработал и описал не в тиши уютного кабинета, он ее не умозрительно выдумал, она родилась в недрах бурной и страстной практической деятельности, в борьбе и схватке

¹ А. С. Макаренко. Соч., т. I, изд-во АПН РСФСР, 1950, стр. 567.

человеческих личностей, в сложнейших процессах созидания и воспитания коллектива. «Педагогическая поэма» — настолько правдивая и откровенная книга, она так чужда литературной выдумке, что невольно преклоняешься перед величием человека Макаренко, который не боится рассказать правду не только о людях, его окружающих, но и о самом себе. Суровая и жестокая правда — вот чем пронизана вся «Педагогическая поэма», вот на каком фундаменте построена педагогическая система Макаренко. Правда, труд и радостная перспектива — вот три кита практической деятельности коммуны.

Однажды кто-то из критиков, разбирая «Флаги на башнях», назвал Антона Семеновича «добрым дядюшкой», который всё приукрасил, сгладил все шероховатости и который смотрит на мир через розовые очки.

Критик «просмотрел» правду советской действительности. Он не понял и оптимизма самого Макаренко, который обладал потрясающим свойством — видеть в человеке главным образом то положительное, что бывает не столь очевидным, как человеческие безобразия.

А Макаренко именно умел замечать незаметное положительное и, активизируя это положительное, им же и убивать отрицательное.

Много можно говорить о Макаренко как о педагогеноваторе и на основе его литературных высказываний и на основе изучения его огромной практики.

С каждым годом аудитории на вечерах, посвященных памяти Антона Семеновича, становятся всё многочисленнее и многочисленнее. Это показывает, насколько духовное богатство, оставленное им нашему поколению, жизненно и неиссякаемо, насколько оно вошло в жизнь и как быстро и плодотворно обогащает людей, приобретающих к этому богатству...

Ю. Лукин

ЗА РЕДАКТИРОВАНИЕМ РУКОПИСИ

Впервые познакомиться с Антоном Семеновичем мне пришлось около десяти лет назад. Мне поручили редактировать рукопись «Марш 30-го года». Это было первое произведение Антона Семеновича, готовившееся к печати. Оно конспективнее более поздних книг Макаренко, написано гораздо более робко. Но и там уже сразу очаровала особая макаренковская свежесть обращения с привычными понятиями, представлениями, полный внезапных парадоксов юмор, украинская хитринка и необычайная душевная чистота. Макаренко обладал ценнейшим даром — в любой мелочи, в любом факте раскрыть свою прекрасную, редкостной чистоты душу. Как и все книги Макаренко, повесть «Марш 30-го года» очень умна. Его творчество возникло как продолжение его борьбы за свои научно-педагогические идеи. «Я не перестал быть педагогом, — часто говаривал он. — Я лишь сменил род оружия».

Макаренко — рыцарь коммунизма. Таким он останется навсегда в нашей памяти и таким он смутно еще, но вырисовывался уже и тогда, при чтении первых страниц его первой рукописи. Он умел ценить счастье и не боялся горечи. Он умел сделать счастливыми детей, которых воспитывал. То, в чем узколобые теоретики из тогдашнего Наркомпроса и Соцвоса видели неразумную муштру, — было увлекательнейшей детской военной игрой, игрой, вошедшей в быт, ставшей действительнейшим средством воспитания. Так и виделся этот незабываемый макаренковский коллектив: ребята, здоровые, веселые, жадные к жизни, смысленные и хитрые, брызжащие жизненной силой, и среди них педагог — в самом высоком смысле этого слова, — тончайший пси-

холог, буквально покорявший коммунаров смелостью ума, силой и чистотой своей души, по-горьковски веривший в человека и ни перед чем не отступавший в благородной борьбе за этого человека.

И все эти люди — в своей трудовой жизни, в быту, в общественных функциях своего коллектива — играли, чуть улыбаясь над этой игрой и отдаваясь ей с увлечением. Этот мудрый воспитатель, которого враги его представляли бурбоном и самодуром, сумел, воспитывая коллектив будущих тружеников, дисциплинированных членов общества, стойких борцов, сохранить детству всё живое, что ему свойственно, без чего оно перестает быть детством.

Макаренко придавал большое значение стилю коллектива. И этот стиль радостной, бодрой деловитости, подтянутости, душевной чистоты и беспощадной иронии, выправляющей человека, ощущался после первого же соприкосновения, хотя бы заочно, с умом его, с его душой.

Письма Антона Семеновича, которые я получал, работая над рукописью, вполне дорисовали образ этого человека.

Когда однажды, сидя в редакции, я услышал вопрос: «Где здесь редакция современной литературы?» — и ко мне обратился пожилой человек в военной шинели, с обветренным суровым лицом и совершенно особенными, несомненно макаренковскими, чуть грустными, чуть ласковыми, чуть насмешливыми, затаенно улыбающимися глазами, — я, не задумываясь даже о неожиданности своего вопроса, спросил его: «Вы — товарищ Макаренко?» Он расхохотался и подтвердил это, удивившись тому, что был так сразу узнан. Мне кажется, его всюду бы узнали те, кто читал его книги.

Работать над рукописью с Антоном Семеновичем всегда было очень интересно и весело. Его тонкий ум, вкус и юмор превращали эту сложную, подчас очень утомительную работу в увлекательнейшее занятие — вроде игры в шахматы.

Он много балагурил. Так, например, правя однажды в его кабинете в Лаврушинском переулке текст «Флагов на башнях», мы обнаружили, что там на каждом шагу герои улыбались и хохотали. Антон Семенович, шутливо сетуя на то, что вот, дескать, автор и редак-

тор не дают молодежи повеселиться, рассказал к разговору, что в одной редакции ему слово «пацаны» всюду переправили на «парни». И когда мы кончили работу, он улыбнулся своей удивительно теплой улыбкой и сказал: «Ну вот, теперь всех улыбающихся пацанов повыкидывали, остались одни мрачные... парни с Лаврушинского».

Так же шутливо он жаловался на то, что критики постоянно требуют от него каких-то коллизий, а он, дескать, даже и не знает, что это слово значит. «Я же не писатель! — воскликнул он. — Пусть писатели выдумывают коллизии».

За этим милым балагурством Антона Семеновича, за его блестящими парадоксами, неожиданными сопоставлениями и противопоставлениями, за всей внешней игрой его блестящего ума открывались глубокие, как всегда неожиданные, всегда интереснейшие раздумья и мысли. Чрезвычайно интересны были мысли о коллективе, изложенные им позже в его лекциях; запомнилось, как он говорил о дисциплине: каждое понятие, представление всегда обновлял применительно к нашим условиям, условиям социализма. Движение нашей жизни ломает установившиеся представления, наполняет старые термины новым, революционным содержанием. Антон Семенович однажды во время очередной работы заговорил о дисциплине и сказал, что старое понимание дисциплины устарело: дисциплина борца состоит не только в выполнении установленных норм; часто забывают, говорил он, о дисциплине движения вперед, о дисциплине преодолевания препятствий. Вот необходимая черта нашей дисциплины.

«Я не писатель, не знаток этого дела», — заявлял он, смеясь над критиками, не понимавшими его произведений и пытавшимися умалить их значение, и тут же давал генеральный бой этим критикам, обнаруживая редкостную эрудицию в вопросах литературной теории, философии, искусства, писательского мастерства.

Несколько сходно с этим и его утверждение относительно своего педагогического таланта. Начисто отрицая у себя наличие таланта, он всё объясняет мастерством, которого может достигнуть всякий и которого, замечает он, за долгие годы достиг и он. В этом есть

и правда. Основная ценность научно-педагогической теории А. С. Макаренко в том, что она учит педагогическому мастерству, которого может достигнуть всякий и которое принесет блестящие результаты. Но в макаренковской практике были подлинные чудеса, были исключительные, из ряда вон выходящие случаи и положения, в решении которых обнаруживалось не только мастерство, но и необычайной силы талант его как педагога. Точно разработанный метод, глубокое философское обоснование этого метода и талант Антона Семеновича сделали то, что он, преодолевая все трудности в своей работе, добивался подчас фантастических побед.

Блеск его педагогического таланта обнаруживался в любой мелочи. Однажды я запоздал на встречу с Антоном Семеновичем и очень торопился, так как знал, что дома никого нет и Антону Семеновичу придется ждать, а занять его сможет только моя десятилетняя племянница. Еще подымаясь по лестнице, я услышал закатывающийся детский хохот. Когда я вошел, то увидел, что племянница сидит на стуле, положив на стол свою школьную тетрадь, притиснув ее к столу руками, и восхищенно, захлебываясь понимающим смехом, глядит на Антона Семеновича. А он самым серьезным тоном настойчиво просит ее дать ему написать в тетради, что он согласен с учительницей и диктант написан действительно хорошо.

«Если учительница написала «хорошо», значит и я должен написать, я тоже думаю, что хорошо». Вслед за этим последовал разбор диктанта: текст странички, подобранный из вполне бессвязных фраз, читался так, как если бы фразы составляли продолжение одного и того же рассказа. Интонациями устанавливались уморительные сцепления. Попутно с самым серьезным и требующим такого же участия видом задавались недоуменные и абсолютно резонные вопросы. Девочка хохотала до изнеможения и после этого дня только и говорила, что об Антоне Семеновиче. Можно представить себе, какие воспоминания о своей юности вынесли на всю жизнь воспитанники этого изумительного человека.

Всё понимающий, всё чувствующий человек, часто рассказывали они, он в ответственные, самые сложные

минуты никогда не надевал на себя личины каменного спокойствия премудрого педагога. Он не боялся открыться перед своими воспитанниками и всю степень своего восхищения и всю степень своего негодования — всю свою человеческую душу, умевшую так остро чувствовать и горевшую так ярко. И величайшим вознаграждением было то, что уже взрослыми людьми при решении наиболее важных для себя вопросов воспитанники неизменно обращались за советом к Антону Семеновичу.

Высокое служение идеалу коммунизма составляло его кредо. Этим была проникнута каждая его мысль. За свои убеждения он боролся со страстью.

Виктор Финк

БЕСПОКОЙНОЕ СЧАСТЬЕ

Слава пришла к нему сразу после выхода в свет «Педагогической поэмы». Однако это не была обычная литературная слава. Встретившись с Антоном Семеновичем, став свидетелем его каждодневной жизни, я увидел, какой трудной и сложной нагрузкой была его слава.

К нему обращалось бесчисленное множество людей, по самым разнообразным причинам попавших в трудное душевное положение. Все писали, или приходили, или издалика приезжали к Макаренко раскрыть душу и просить совета. Читателя пленил не только блеск прочитанных страниц. Волновали сама личность автора, подвиг его жизни, угадываемая мудрость сердца.

Я впервые увидел Антона Семеновича в феврале 1937 года в Москве, в день, когда началось заселение дома писателей в Лаврушинском переулке. Он был в солдатской шинели и кожаной фуражке. На вид ему можно было дать лет пятьдесят. Энергичные черты, крупный нос, за очками строгие глаза, голова острижена под машинку.

Мы оказались близкими соседями. С первого же знакомства я был им покорен. Он обладал удивительной ясностью суждений. Макаренко точно стоял на вышке: он всегда видел дальше других. У него было до предельной степени развито чувство нового. Оно было подобно абсолютному слуху у музыкантов.

Осенью 1937 года он напечатал статью «Счастье». Речь в ней идет о литературе. Автор называет всю мировую литературу «бухгалтерией человеческого горя». Он обращает внимание на тот никем, кажется, не замеченный, хотя действительно замечательный факт,

что ни один из величайших художников слова не описал счастья. И не потому, что горя на этой грешной земле больше, чем счастья. Дело в технологических свойствах материала. Макаренко говорит, что человеческое счастье никогда не годилось для литературы, потому что оно было мелко. Это обычно было личное счастье, к тому же случайное, как карточный выигрыш. Оно не могло служить литературным материалом, потому что никого не затрагивало и никого не касалось. Только горе давало право герою на вход в литературу, — оно было общим. В заключение Макаренко высказывает мысль, что личное счастье войдет в литературу только тогда, когда оно не будет случайным и когда ему не будет противостоять социальная несправедливость, — в свободном, бесклассовом обществе.

Я прочитал эту статью, находясь в Париже, и устно перевел ее одному французу, моему старому товарищу по Парижскому университету.

— Беспокойный вы народ, черт бы вас побрал! — отозвался он. — Ну что вам мешает, что белый свет стоит на своем месте? Зачем вам надо всё расшатывать, даже устои литературы?

Я стал защищать точку зрения Макаренко. Но он перебил меня:

— Не надо! Не доказывай! Он прав! И очень глубоко! Я сам это понимаю. Но всё-таки... Ты подумай! Мы привыкли считать, что боги наши сделаны из мрамора, что они вечны, а этот приходит — р-раз, и вечный бог рассыпается, как сухая глина.

— Да нет же, — сказал я, пытаюсь его утешить. — Боги были действительно сделаны из мрамора. Но время, время, дорогой мой! Мрамор стал крошиться...

А тот не соглашался.

— Они бы еще тысячу лет простояли, если бы не вы! — кричал он. — Нет на вас Далилы! Она бы вам живо постригла ваши космы...

Вернувшись в Москву, я стал выражать Антону Семеновичу свои восторги по поводу статьи. Он пропустил мои излияния, как всегда, мимо ушей и, лукаво сверкнув глазами, перешел к комментариям.

— Послушайте, да ведь я же прав! — начал он. — Назовите хоть одно, всего одно произведение мировой

литературы, которое описывало бы то, что называется личным счастьем. Ага, молчите? То-то! Бо нема таких произведений. Думаете, Пушкин не описал счастливую любовь только потому, что Ленский был рано убит на дуэли, а Онегин сам упустил Татьяну по глупости?.. Или не видел Пушкин в жизни ни одного счастливого брака? Какая чепуха!.. Просто, нечего художнику делать с таким ограниченным счастьем... А возьмите Толстого. Покуда Пьер Безухов был женат на красавице Элен и несчастлив с ней, Толстой показывал их и так и этак. Но вот Пьер находит счастье в браке с Наташей Ростовою, и сразу Лев Николаевич их оставляет: что ему делать с таким счастьем? Ведь это всё-таки постыдное счастье рабовладельцев...

Наступила небольшая пауза. Мне показалось, что у Антона Семеновича пробежала тень по лицу. Видимо, напоминала о себе болезнь сердца. Мне захотелось отвлечь его, и я рассказал про своего парижского товарища, который угрожал нам Далилой.

Макаренко громко рассмеялся:

— Далила! Надо было ему сказать, что у нас она уже давно член профсоюза! Она ж работает в парикмахерской на Пятницкой и целый день стрижет и бреет. Кто ее боится?

На это он был великий мастер: закончить серьезный разговор неожиданной веселой шуткой.

Однажды он прочитал в Московском университете лекцию на тему: «Зачем человеку недостатки?»

Смысл заключался вот в чём: у людей есть множество мелких, но отталкивающих пороков, за которые — увы! — не наказывают. Пусть уважаемый товарищ такой-то будет враль, или бахвал, или стяжатель, или пошляк, или грубиян, или держит себя надменно с подчиненными. Но вы всегда услышите:

«Он прекрасный работник! А что касается недостатков, то у кого их нет? У каждого есть свои недостатки».

И тут Макаренко неожиданно спрашивает:

«А зачем, собственно, нужны человеку недостатки? Неужели он не сможет хорошо работать, если перестанет быть хвастуном или пошляком?»

Потом у нас был разговор по поводу этой лекции.

— В общем вы воюете с мещанством, Антон Семе-

нович. Вы заметили, как пышно оно цветет хотя бы в нашей собственной, писательской среде?

Я привел парочку примеров и добавил:

— А ведь эту вонь мещанства терпеть не могла даже старая буржуазия...

Антон Семенович взорвался:

— Вы мне про старую буржуазию не говорите. Ей от вони мещанства некуда было уйти: это был ее собственный, природный, органический запах. А наш современный человек вполне может смыть его с себя. Он донашивает чужие пережитки. Не забывайте разницы, маэстро!..

— Беда мне с тем Колькой! — сказал он в другой раз, получив письмо от одного из своих воспитанников, бывшего беспризорника, который стал доктором, уже работал и жаловался, что кругом дураков много.

— Видали вы что-нибудь подобное — дураков много! — ворчал Макаренко. — А вы мне скажите, что было бы с моим Колькой, если бы не революция?

— Не знаю, откуда мне знать!

— А очень просто! Торчал бы Колька где-нибудь в провинции, сосал бы лапу, сам жил бы как дурак и даже не чувствовал бы этого, ума бы у него не хватило на то, чтобы чувствовать это и возмущаться. И, вероятно, был бы счастлив... А вот интересно, согласился бы он теперь на такое счастье?

— Значит, по-вашему, — осторожно спросил я, — счастье бывает нескольких сортов?

Он улыбнулся:

— А вы думали?! Конечно, есть разные сорта. Есть счастье в работе, в борьбе с природой, с плохим общественным устройством, с подлецами — хлопотливое, трудное, беспокойное счастье. Оно постоянно ходит в синяках и шишках, но, заметьте, именно на нем свет стоит... И есть спокойное счастье человека, который всем доволен и ничего не хочет.

— Что ж, — сказал я, — вероятно, каждый может быть счастлив по-своему.

Он как-то странно взглянул на меня. Ему, видимо, показалось, что я защищаю спокойное счастье человека, который ничего не хочет. От одной этой мысли ему стало скучно, и, уже не глядя в мою сторону, он лениво протянул:

— Мда-а, конечно!

И с сильным украинским акцентом, какой прорывался у него иногда в минуты раздражения, добавил:

— Только это свинячье счастье! Нехай его свиньи едят!..

Он был человеком ненасытного трудолюбия. Сначала мне казалось, что это просто черта характера. Потом трудолюбие Антона Семеновича получило новое объяснение: просто человеку еще многое надо было сделать, но он знал непрочность своего здоровья и торопился, чтобы обогнать смерть.

Он не боялся смерти. Он смотрел на нее только как на помеху в работе и презирал ее.

В одном из писем этого периода, насыщенного тяжелым предчувствием, он так и пишет:

«Природа придумала смерть, но человек научился плевать на смерть...»

Я очень живо представляю себе, как дело было.

Ночь. Он сидит за столом и работает. В груди что-то сжимается и разжимается, — это смерть строит гримасы. А у него лукавый блеск сверкает в глазах, он смотрит, не мигая, смерти в поганое лицо и прямо-таки при ней, в ее присутствии, пишет черным по белому, что плюет на нее, и продолжает работать.

Такой он был человек.

Комментарии

М. ГОРЬКИЙ. ПО СОЮЗУ СОВЕТОВ (стр. 19—31). — Очерки «По Союзу Советов», посвященные поездке по СССР после возвращения из Италии, написаны А. М. Горьким в 1928—1929 годах. Впервые печатались в журнале «Наши достижения». В сборнике помещены отрывки из второго очерка, опубликованного в № 2 журнала за 1929 год (М. Горький. Собр. соч. в тридцати томах. Гослитиздат, М., т. 17, стр. 159—169).

...Макаренко, организатор колонии под Харьковом, в Куряже... — Колония в Куряже для беспризорных детей и малолетних правонарушителей была организована Макаренко в 1920 году в местечке Трибы под Полтавой, а в 1926 году переведена в Куряж, под Харьковом. Ей было присвоено имя А. М. Горького и именовалась она «Трудовой колонией имени А. М. Горького». Описана в «Педагогической поэме».

А. М. Горький был «шефом» колонии. Между колонистами и Макаренко, с одной стороны, и Горьким, с другой, велась оживленная переписка. Началась она с 1925 года. В письме от 3 июня 1926 года после переезда колонистов в Куряж А. М. Горький писал: «Новых сил, душевной бодрости, веры в свое дело желаю всем вам! Превосходное дело делаете вы, превосходные плоды должно дать оно. Земля эта — поистине наша земля. Это мы сделали ее плодородной, мы украсили ее городами, избородили дорогами, создали на ней всевозможные чудеса, мы, люди, в прошлом — ничтожные кусочки бесформенной и немой материи, затем — полузвери, а ныне — смелые зачинатели новой жизни. Будьте здоровы и уважайте друг друга, не забывая, что в каждом человеке скрыта мудрая сила строителя и что нужно ей дать волю развиваться и расцвести, чтоб она обогатила землю еще большими чудесами» (Собр. соч., т. 29, стр. 468).

А. М. Горький посетил колонию в Куряже 8 июля 1928 года. Пребывание Горького у колонистов описано А. С. Макаренко в «Педагогической поэме», а также в воспоминаниях Н. Э. Фере (см. наст. сб., стр. 99—240).

Огнев, Николай — автор «Дневника Кости Рябцева». Картины из жизни школы второй ступени. Госиздат, М.—Л., 1927.

Копылова, Лидия — автор рассказа «Химеры», изд. «Федерация», М., 1928.

Передонов — главный персонаж романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» (1892—1902, опубл. 1905).

Сологуб, Федор (псевдоним Федора Кузьмича Тетерникова; 1863—1927) — русский писатель-декадент.

С ребятами этой колонии я переписывался четыре года... — Полностью переписка колонистов с А. М. Горьким не опубликована. Хранится в архиве А. М. Горького. Одно письмо писателя «Воспитанникам колонии им. Горького в Куряже» от 29 марта 1927 года, присланное из Сорренто, опубликовано («Максим Горький. Иого листи до безпритульных». Київ, 1927; М. Горький. Собр. соч., т. 30, стр. 16—17). Оно явилось ответом на письмо воспитанников Куряжской колонии от 13 марта 1927 года, приглашавших Горького приехать к ним в гости. (См. сб. «М. Горький о детской литературе». Детгиз, М., 1958, стр. 216—217).

Одна из традиций колонии — «не заводить романов со своими девочками». Она строго соблюдается, за всё время существования колонии была нарушена один раз, и это кончилось драмой — убийством ребенка. — Об этом А. С. Макаренко писал в главе «Наш—найкращий» «Педагогической поэмы». Краткое упоминание о дальнейшей судьбе Раисы, «героини» этой драмы в «Педагогической поэме», развернуто в воспоминаниях Н. Э. Фере (см. наст. сб., стр. 99—240).

...колонисты сделали мне прекрасный подарок: двести восемьдесят четыре человека написали и подарили мне свои автобиографии. — Альбом с автобиографиями колонистов «Наши жизни Горькому — горьковцы» готовился ими в качестве подарка великому писателю ко дню его приезда в Куряж. Альбому предпослана вступительная статья, написанная А. С. Макаренко, выдержки из которой приводит А. М. Горький (см. наст. сб., стр. 30).

А те, кто дает себе труд переживать только сладкую жалость и сахарное желание доставить этим детям приятное, те просто прикрывают свое ханжество этим обильным и поэтому дешевым для них детским горем. — Отрывок из предисловия А. С. Макаренко к альбому с автобиографиями колонистов, цитируемый А. М. Горьким. Имеются в виду представители ошибочной педагогической теории «свободного воспитания», отрицавшие необходимость твердой дисциплины, наказаний, строгих организационных форм детского коллектива. Борьба с ними отражена на страницах «Педагогической поэмы» в главах «Помогите мальчику» и «У подошвы Олимпа».

Полностью предисловие А. С. Макаренко к автобиографиям колонистов, отрывок из которого приведен выше, опубликовано в соч., т. VII, изд. АПН РСФСР, М., стр. 287—288.

...я видел под Харьковом еще колонию имени Ф. Э. Дзержинского. — Коммуна была построена украинскими чекистами как памятник Ф. Э. Дзержинскому, первому председателю Детской комиссии ВЦИК по борьбе с беспризорностью, в 1927 году. Руководил ею А. С. Макаренко с декабря 1927 года по 1 июля 1935 года. Жизнь коммуны отражена в произведениях А. С. Макаренко:

«Флаги на башнях», «Мажор», «Марш 30-го года», «ФД-1». А. М. Горький, посетив коммуну 9 июля 1928 года, сказал о ней: «Коммуна — окно в коммунизм».

А. К. ВОЛНИН. АНТОН СЕМЕНОВИЧ МАКАРЕНКО В УЧИТЕЛЬСКОМ ИНСТИТУТЕ (стр. 35—40). — Обработанная стенограмма выступления на студенческом вечере, посвященном памяти А. С. Макаренко, организованном кафедрой педагогики Московского государственного педагогико-дефектологического института, 21 декабря 1940 года. Опубликовано в бюллетене «Учебно-воспитательная работа в детских домах», 1941, № 2—3, стр. 117—124. Печатается в сокращении.

Волнин, А. К. — директор Полтавского учительского института в дооктябрьский период, позднее — учитель средней школы Москвы, заслуженный учитель РСФСР.

Вновь мы встретились с ним в Москве на учительском собрании по поводу двадцатилетия нашей школы, через 22 года после того как расстались. — Встреча состоялась 18 февраля 1939 года на праздновании 20-летнего юбилея школы № 1 Ярославской железной дороги. «Речь на юбилее школы» опубликована в соч., т. VII, стр. 468—471.

... он в той же школе делал доклад на тему «Из опыта работы»... — Доклад опубликован в соч., т. V, стр. 308—322. Прочитан 29 марта 1939 года.

В. Н. ТАРАСОВ. В ПОЛТАВСКОМ УЧИТЕЛЬСКОМ ИНСТИТУТЕ (стр. 41—49). — Опубликовано в «Известиях Академии педагогических наук РСФСР», вып. 38, М., 1952, стр. 143—150. Печатается в сокращении.

Тарасов, В. Н. — доцент Калининского педагогического института, в прошлом — преподаватель истории Полтавского учительского института.

Среди слушателей-украинцев было несколько человек, которых называли «самостийниками». — Самостийники — сторонники буржуазно-националистической «Украинской рады», ратовавшие за независимость и отделение Украины от России. В «Педагогической поэме» Макаренко дал острую сатиру на ханжество и ограниченность этих людей в образе «воспитателя» Дерюченко (см. соч., т. I, стр. 209).

АЛ. ВЕДМИЦКИЙ. В ПОЛТАВСКОМ УЧИТЕЛЬСКОМ ИНСТИТУТЕ (стр. 50—52). — Опубликовано в сб. «А. С. Макаренко», книга третья, изд. Львовского университета, 1956, стр. 128—131.

Ведмицкий, А. — соученик А. С. Макаренко по Полтавскому учительскому институту.

...любимой песней Макаренко и всех воспитанников была «Зорюшка». — Более точное название песни «У зари-то, у зореньки...» (Сб. «Русские песни». Составитель-редактор Азарий Иванов, вып. 1, Музгиз, Л., 1953, стр. 279).

После Февральской революции на смену песни «о горестях, постигших нас», пришли бодрые революционные песни. — Перифраза строки из песни «У зари-то, у зореньки»:

«Говорят они о радостях,
О прошедших днях,
Говорят они о горестях,
Жизнь разбивших в прах».

Т. ГАЙДАМАКИНА. ЯРКИЙ ПРИМЕР ТВОРЧЕСКОГО ГОРЕНИЯ (стр. 53—56). Опубликовано в сб. «А. С. Макаренко. Статьи. Воспоминания. Неопубликованные произведения», изд. Львовского университета, 1949, стр. 137—144. Печатается в сокращении.

Гайдамакина, Т. — сотрудница А. С. Макаренко по Второму начальному городскому училищу Полтавы в 1919 году.

С. КАЛАБАЛИН. КОМСОМОЛЬЦЫ (стр. 59—63). — Опубликовано в журнале «Молодая гвардия», 1939, № 4, стр. 207—208.

Калабалин, Семен Афанасьевич — прототип одного из главных героев «Педагогической поэмы» Семена Карабанова — в течение двух десятилетий возглавляет трудовые колонии МВД, участник Великой Отечественной войны, автор многочисленных выступлений и статей об А. С. Макаренко. Педагогический труд С. А. Калабалина изображен в книге Ф. А. Вигдоровой «Дорога в жизнь». «Этот мой дом». Повести. «Советский писатель», М., 1957.

...в кустах придорожной шелюги. — Шелюга — кустарниковое растение, разновидность ивы.

Самый маленький и юркий из нас, Шелухин, освобождал от веревок Антона Семеновича и Браткевича... — Шелухин в «Педагогической поэме» — Ваня Шелапутин; Браткевич — Антон Братченко, которому в романе посвящена глава «Братченко и райпродкомиссар».

— Будет у нас комсомол? — спрашивал и Костя Кветковский. — Костя Кветковский в «Педагогической поэме» Костя Ветковский.

ДИСЦИПЛИНА (стр. 63—67). — Опубликовано в газете «Комсомольская правда» 1 апреля 1941 года.

Отец подал «папушу» душистого табаку. — Папуша — связка, пучок табачных листьев, бумаг и т. п.

КАК НАС ВОСПИТЫВАЛ А. С. МАКАРЕНКО (стр. 67—79). — Опубликовано в журнале «Семья и школа», 1955, № 4, стр. 15—18.

П. АРХАНГЕЛЬСКИЙ. СУРОВЫЙ УРОК (стр. 80—82). — Опубликовано в журнале «Молодая гвардия», 1939, № 4, стр. 198—199.

Архангельский, Павел — воспитанник колонии имени Горького, один из прототипов Александра Задорова в «Педагогической поэме», инженер-гидролог, участник Великой Отечественной войны, орденносец.

...я притащил в спальню два «глечика» самогона-первача... — Глечик или глек (укр.) — кувшин.

ПЕТР ДРОЗДЮК. МОЙ УЧИТЕЛЬ И ВОСПИТАТЕЛЬ (стр. 83—86). — Опубликовано в «Учительской газете» 19 апреля 1947 года.

Дроздюк, Петр — бывший воспитанник колонии имени А. М. Горького.

ОКСАНА ИВАНЕНКО. НАСТОЯЩАЯ ЖИЗНЬ (стр. 87—95). — Опубликовано в журнале «Детская литература», 1940, № 5, стр. 27—31.

Иваненко, Оксана — известная украинская детская писательница, автор книги «Шляхи Тараса», «Куда летал журавлик» и др.

...по вечерам разучивали «Бунт машин» А. Толстого... — В пьесе «Бунт машин» (1924) А. Н. Толстой раскрывает тему мещанства. Мещанин представлен как злейший враг революции.

Но какую тогда пришлось выдержать ему борьбу с чиновниками от педагогики, с сердобольными соцвосовскими дамами... — Соцвос — социальное воспитание. Этим же термином сокращенно называлось управление Наркомпроса, ведавшее школами, детдомами, детскими садами. «Соцвосовскими дамами» или «дамсоцвосами» Макаренко иронически называл некоторых руководящих деятельниц народного образования, придерживавшихся ложногуманистических, по существу мелкобуржуазных установок в вопросах воспитания. (См. главу «Педагогической поэмы» — «Помогите мальчику». Соч., т. I, стр. 605—618).

Я видела, что вся моя педагогическая подготовка, все теории перевоспитания, психоанализы, педология — всё это тут ни к чему. — Педология — некритически перенесенная в СССР реакционная буржуазная лженаука о детях, основанная на признании фаталистической обусловленности судьбы детей биологическими и социальными факторами, влиянием наследственности и неизменной среды. А. С. Макаренко в течение 20—30-х годов упорно боролся с педологией. На страницах «Педагогической поэмы» он показал рождение новой социалистической педагогики в борьбе со всякого рода буржуазными и мелкобуржуазными педагогическими теориями, в том числе и с педологией. С огромной радостью он приветствовал постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе Наркомпросов»: «Поздравьте меня с большой радостью. Сегодня счастливый день в моей жизни». (Из воспоминаний Р. А. Ковнатор, редактора «Педагогической поэмы». Архив А. С. Макаренко.)

Я теперь вспоминаю, как он подбирал воспитателей — прямо как хороший дирижер управлял оркестром. — А. С. Макаренко придавал большое значение составу педагогического коллектива. Об этом свидетельствует его работа «Длительность педагогического коллектива», являющаяся частью подготовительных материалов «Педагогической поэмы». Опубликовано в соч., т. I, стр. 663—673.

...и он всегда меня поддразнивал моим увлечением рефлексологией... — Рефлексология — механистическое направление в русской, а затем советской психоневрологии, возглавлявшееся В. М. Бехтеревым.

Рефлексология рассматривала психическую деятельность животных и сознание человека как совокупность рефлексов, названных Бехтеревым «сочетательными» (которые являются не чем иным, как условными рефлексами). В отличие от И. П. Павлова, рассматривавшего учение о высшей нервной деятельности как основу для

естественнонаучного объяснения психических явлений, т. е. для построения материалистической психологии, Бехтерев считал рефлексологию особой наукой, отличной как от физиологии, так и от психологии и призванной заменить собой психологию. Методологически рефлексология представляла собой эклектическое соединение физиологических, субъективно-психологических и социально-исторических категорий.

Рефлексология была введена в качестве учебной дисциплины в высших учебных заведениях. Вскоре после дискуссии 1930—1931 годов преподавание рефлексологии было отменено (подробнее см. БСЭ, т. 36).

Курень — название войскового подразделения у запорожцев. В колонии курень — отряд, место расположения отряда.

Очерет — многолетнее травянистое растение, он же — тростник.

Это лето Антон Семенович часто делился с нами своими мечтами о расширении колонии — на тысячу человек.

— *Колония всегда должна расти, ставить какие-то большие хозяйственные цели, быть всегда на дрожжах, — а тут нам расти некуда. Нам надо всегда мечтать и приводить мечты в действительность!* — А. С. Макаренко и в своих художественных произведениях, и в теоретических работах постоянно подчеркивал значение перспективы в жизни человека. Это получило в его наследии название: «учение о перспективных линиях». Так, в «Педагогической поэме» он писал: «Может быть, главное отличие нашей воспитательной системы от буржуазной в том и лежит, что у нас детский коллектив обязательно должен расти и богатеть, впереди должен видеть лучший завтрашний день и стремиться к нему в радостном общем напряжении, в настойчивой веселой мечте. Может быть, в этом и заключается истинная педагогическая диалектика» (соч., т. I, стр. 392).

Вспоминая «мечты» Антона Семеновича и колонистов, мы вспоминали павловский «рефлекс цели»... — Рефлекс цели — термин, выдвинутый И. П. Павловым для обозначения особого условного рефлекса, образующегося под влиянием цели и сознательного стремления к ней.

Ту зиму мы жили жизнью колонии, так как Антон Семенович всерьез задумал переехать на нозе место. Сначала говорили о Хортице... — Хортица — остров на Днепре, место расположения Запорожского войска. Мечты колонистов переехать на Хортицу отражены в «Педагогической поэме» в главе «Запорожье» (соч., т. I, стр. 383—395).

...чтобы пошить новые костюмы, надо было ту же «підтягти очкури». — Очкур (укр.) — шнурок, вдеваемый в штаны вместо пояса. В данном случае — подтянуть ремень.

...в его ведении были все колонии Харьковского округа... — В 1927 году А. С. Макаренко разработал проект создания Управления колониями Харьковской области с целью внедрения опыта колонии имени А. М. Горького в жизнь.

Исполняя обязанности заместителя начальника управления, А. С. Макаренко провел большую работу по инспектированию коло-

ний. Валковской, Дергачевской, Степной. Однако официально управление не было утверждено отделом народного образования и прекратило свое существование.

Н. Е. КИСЛОВА. ИМ НУЖНА МАТЕРИНСКАЯ ЛАСКА (стр. 96—98). — Опубликовано в сб. «А. С. Макаренко», книга вторая, изд. Львовского университета, 1954, стр. 128—130.

Кислова, Надежда Ефимовна — заслуженная учительница школы УССР. Получила учительское и медицинское образование. В колонии имени А. М. Горького работала воспитателем.

Н. Э. ФЕРЕ. МОЙ УЧИТЕЛЬ (стр. 99—213). — Опубликовано в журнале «Новый мир», 1953, № 3, стр. 146—167; № 5, стр. 148—187.

Фере, Николай Эдуардович — прототип одного из персонажей «Педагогической поэмы», выведенный под именем Н. Э. Шере, старший научный сотрудник Сельскохозяйственной академии имени Тимирязева.

Вот одна из характеристик Шере (Фере) в «Педагогической поэме»: «У колонистов к Шере появилось отношение сдержанного восторга. Разумеется, они были уверены, что «наш Шере» только потому так хорош, что он наш, что во всяком другом месте он был бы менее великолепен. Этот восторг выражался в молчаливом признании его авторитета и в бесконечных разговорах об его словах, ухватках, недоступности для всяких чувств и его знаниях.

Я не удивлялся этой симпатии. Я уже знал, что ребята не оправдывают интеллигентского убеждения, будто дети могут любить и ценить только такого человека, который к ним относится любовно, который их ласкает. Я убедился давно, что наибольшее уважение и наибольшая любовь со стороны ребят, по крайней мере таких ребят, какие были в колонии, проявляются по отношению к другим типам людей. То, что мы называем высокой квалификацией, уверенное и четкое знание, умение, искусство, золотые руки, немногословие и полное отсутствие фразы, настоящая готовность к работе — вот что увлекает ребят в наибольшей степени» (соч., т. I, стр. 188—189).

Многие эпизоды, рассказанные Н. Э. Фере, нашли отражение в «Педагогической поэме»: приезд Шарина и Черненко в колонию и их стычка с колонистами — глава «Шарин на расправе» (соч., т. I, стр. 126—134); движение отрядов из первой во вторую колонию и «война» с селянством — глава «Смычка с селянством» (соч., т. I, стр. 134—139); выращивание арбуза «комиссар» в подарок Антону Семеновичу и его «гибель» — глава «Вредные деды» (соч., т. I, стр. 162—174); воспоминания о колониальном театре — глава «Театр» (соч., т. I, стр. 268—284); история колонистки Раисы — глава «Наш — найкраший» (соч., т. I, стр. 112—120) и другие.

...а вы не пробовали специально подзаняться с Чоботом и хотя бы раз поставить ему, может быть даже покривив душой, хорошую оценку... — В педагогической теории и практике вообще не принято повышать отметки, специально выставляемые преподавателем для оценки знаний ученика. Для поощрения старательности и прилежания ученика существуют другие меры.

Мысль назвать ее «Педагогической поэмой» была выношена Антоном Семеновичем уже давно, но он просил нас высказать свое мнение и о других возможных названиях. Мне запомнились некоторые из них: «Горьковцы», «Из жизни колонии имени М. Горького», «Педагогика в жизни»... — Название «Горьковцы», которое предполагал дать Антон Семенович своей книге, фигурирует в письме к А. М. Горькому от января 1933 года. «А самая дорогая для меня книга, давно законченная, «Горьковцы» листов на 20, лежит у меня в столе» (соч., т. VII, стр. 351—355).

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ТРУД В КОЛОНИИ ИМЕНИ МАКСИМА ГОРЬКОГО (стр. 213—232). — Опубликовано в журнале «Детский дом», 1958, № 1, стр. 19—30.

В. Н. ТЕРСКИЙ. СЛОВО О БОЛЬШОМ, НАСТОЯЩЕМ ДРУГЕ (стр. 235—240). — Опубликовано в «Учительской газете» 13 марта 1958 года.

Терский, В. Н. — заведовал внешкольной работой в колонии имени Горького и в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского.

Многие, изучая Макаренко, стремятся найти в его системе воспитания главное, что, по их мнению, достаточно применить в практике — и успех будет обеспечен! По-моему, такое секреторискусательство — утопия. Главное в работе Макаренко — это отсутствие чего-то одного, исключительного, важным было всё, что делалось и признавалось необходимым.

Макаренко многократно говорил и не раз писал, что труд — главное, учеба — главное, каждый предмет, который преподается в школе — главный, игра — главное дело в детском коллективе. — В этом утверждении правильной является мысль о том, что ни одно из положений А. С. Макаренко нельзя универсализировать и брать в отрыве от всех других. Правильно и то, что наследие Макаренко нельзя применять догматически. Однако нельзя согласиться с В. Н. Терским в том, что в творчестве А. С. Макаренко не было и нет основных положений. Их нельзя противопоставлять всем остальным, но эти главные положения имелись: уважение и требование, коллектив, труд и т. п.

НОВИЧКИ (стр. 240—242). — Опубликовано в «Учительской газете» 30 марта 1941 года.

В коммуну прибыла партия новичков. — Прибытие новичков в коммуну имени Ф. Э. Дзержинского описано А. С. Макаренко в главе «Не может быть» повести «Флаги на башнях» (соч., т. VII, стр. 134—140).

Е. З. ЮРЧЕНКО. ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ОБ АНТОНЕ СЕМЕНОВИЧЕ МАКАРЕНКО (стр. 243—251). — Опубликовано в журнале «Начальная школа», 1944, № 5-6, стр. 6—9.

Юрченко, Елена Захаровна — сотрудница А. С. Макаренко по Крюковскому училищу и коммуне имени Ф. Э. Дзержинского.

Особенно запомнился мне приезд матери Димитрова. — Параскева Димитрова, мать Георгия Димитрова (1882—1949), выдающегося деятеля болгарского и международного рабочего движения,

ученика В. И. Ленина, создателя народно-демократического государства Болгарии, приезжала в коммуну имени Ф. Э. Дзержинского в 1934 году и оставила в «Книге отзывов» о коммуне свою запись от 17 июня (см. сб. «А. С. Макаренко», книга третья, изд. Львовского университета. 1956, стр. 152).

Е. О. РОЙТЕНБЕРГ. ВОСПОМИНАНИЯ ОБ А. С. МАКАРЕНКО (стр. 252—260). — Опубликовано в журнале «Советская педагогика», 1944, № 5-6, стр. 16—19.

Ройтенберг, Ефим Осипович — воспитанник коммуны имени Ф. Э. Дзержинского, окончил Ленинградский политико-просветительный институт имени Н. К. Крупской, участник Великой Отечественной войны, погиб на фронте. Очерк о Е. Ройтенберге «Дзержинец», написанный Г. С. Макаренко, напечатан в журнале «Советская педагогика», 1944, № 5-6, стр. 19—22.

...мы каждый год во время отпуска ездили на заработанные деньги всей коммуной на Кавказ, в Крым... — Коммунары участвовали в восьми походах. Кавказский поход по маршруту Харьков — Владикавказ — Военно-Грузинская дорога — Баку — Тбилиси — Батуми — Сочи — Одесса — Харьков был осуществлен 14/VII — 17/IX 1931 года. Крымский поход состоялся с 29/VII по 31/VIII 1930 года по маршруту Харьков — Севастополь — Ялта — Севастополь — Харьков. Описан в книге «Марш 30-го года» (соч., т. II, стр. 9—142).

Было у нас с собой 300 000 рублей отпускных денег, которые все были сложены в чемодан, а в другой чемодан сложили ведомости на зарплату. — Эпизод о похищении чемодана с ведомостями и об их восстановлении описан в рассказе «Случай в походе» (соч., т. VII, стр. 82—87).

Антон Семенович в это посещение рассказывал Горькому о своих литературных планах, о том, что он приступил к работе над историческим романом «Владимир Мономах»... — Проблема исторического романа интересовала А. С. Макаренко, что подтверждается его рецензией на произведение А. Н. Толстого «Петр I» (соч., т. VII, стр. 254—283).

А. Г. ЯВЛИНСКИЙ. УЧИТЕЛЬ И ДРУГ (стр. 261—267). — Опубликовано в сб. «А. С. Макаренко», книга вторая, изд. Львовского университета, 1954, стр. 117—123.

Явлинский, А. Г. — воспитанник коммуны имени Ф. Э. Дзержинского, учился в летной школе. Участник Великой Отечественной войны. После войны — старший воспитатель детской трудовой колонии МВД.

Это золотой ромб с буквами «ФЭД» на черном бархате. — Эмблема коммуны «ФЭД» — инициалы и фамилия Феликса Эдмундовича Дзержинского, имя которого носила коммуна.

Он в совершенстве владел своим голосом, придавая самые различные оттенки одним и тем же словам. — А. С. Макаренко неоднократно подчеркивал важность такого элемента педагогической техники, как умение придавать различные оттенки своему голосу в зависимости от обстоятельств. Он подчеркивал: «Я сделался

настоящим мастером только тогда, когда научился говорить «иди сюда» с 15—20 оттенками, когда научился давать 20 нюансов в постановке лица, фигуры, голоса» (А. С. Макаренко. Доклад от 20 октября 1938 года «О моем опыте». Соч., т. V, стр. 269).

Антон Семенович сам писал пьесы из жизни коммуны... — До нас дошла лишь одна пьеса А. С. Макаренко «Мажор» (соч., т. II, стр. 297—392).

Камышанский, Юрий — воспитанник коммуны имени Ф. Э. Дзержинского. В настоящее время работает художником в Харьковской телевизионной студии.

В. КЛЮШНИК. НАШ АНТОН СЕМЕНОВИЧ (стр. 268—270). — Опубликовано в «Пионерской правде» 16 марта 1948 года.

Ключник, В. — воспитанник коммуны имени Ф. Э. Дзержинского. Окончил Харьковский машиностроительный институт, инженер-майор. Под именем Ключнева изображен в произведениях А. С. Макаренко «Марш 30-го года», «ФД-1». В характеристике Ключника, составленной при выпуске из коммуны, Антон Семенович писал о нем так: «...один из самых культурных и упорядоченных коммунаров, очень много поработавший в коммуне, между прочим, неизменный командир первого отряда. Оказывает очень хорошее влияние на коммунаров благодаря своему спокойному характеру и рассудительности. Политически и морально вне сомнений» (соч., т. II, стр. 436).

А. Н. ШВЕД. НАШ АНТОН СЕМЕНОВИЧ (стр. 271—276). — Опубликовано в сб. «А. С. Макаренко. Статьи. Воспоминания. Непубликованные произведения», изд. Львовского университета, 1949.

Швед, А. Н. — Воспитанник коммуны имени Ф. Э. Дзержинского. А. С. Макаренко характеризовал его так: «Швед признанный политический деятель и оратор коммуны. В самом деле обладает незаурядными способностями оратора, политически развит и умен. Но значительно избалован в коммуне и мало работает над собой, почти отвык от неинтересного делового напряжения. Необходимо восстановить у него трудовую дисциплину и приучить к работе над деталями» (А. С. Макаренко. Характеристики выпускников. Соч., т. II, стр. 441). Изображен писателем в повестях «Марш 30-го года» и «ФД-1».

ВАСИЛИЙ ЗАЙЦЕВ. РАССКАЗЫ О МАКАРЕНКО (стр. 277—301). — Опубликовано в «Учительской газете» 25 мая, 20 июля, 29 августа 1957 года, 8 июля 1958 года, 1 октября 1959 года.

Зайцев, Василий — воспитанник коммуны имени Ф. Э. Дзержинского.

Е. С. ПИХОЦКАЯ. НА УРОКАХ А. С. МАКАРЕНКО (стр. 302—305). — Опубликовано в сб. «А. С. Макаренко», книга вторая, изд. Львовского университета, 1954, стр. 124—127.

Вся тетрадь испещрена пространными замечаниями к каждому контрольному диктанту... — Речь идет о тетради, содержащей контрольные письменные работы: диктант и три сочинения, проверенные А. С. Макаренко. Макаренко часто в коммуне заменял отсут-

ствовавших учителей русского языка, литературы и истории. Хранится тетрадь в архиве А. С. Макаренко. Замечания А. С. Макаренко на письменные контрольные работы его ученицы Е. С. Пихоцкой опубликованы в сб. «А. С. Макаренко», книга вторая, изд. Львовского университета, 1954, стр. 135—136. Тетрадь с проверкой А. С. Макаренко наглядно подтверждает ошибочность версии о недооценке им школы.

Н. В. ПЕТРОВ. А. С. МАКАРЕНКО И ИСКУССТВО (стр. 306—310). — Опубликовано в сб. «А. С. Макаренко», книга третья, изд. Львовского университета, 1956, стр. 132—137.

Петров, Николай Васильевич — русский драматический артист. Художественный руководитель Театра русской драмы Харькова в 30-е годы.

Однажды я посетил в Париже мастерскую японского художника Фужита... — Фужита, Цугуйи (род. в 1886 году) — японский живописец, окончил Токийскую художественную академию, продолжал образование во Франции, член Академии художеств Японии.

А. С. МАКАРЕНКО (стр. 310—319). — Опубликовано в «Известиях Академии педагогических наук РСФСР», вып. 38, М., 1952, стр. 136—142.

Я помню слезы на глазах С. М. Кирова и Серго Орджоникидзе на спектакле «Ярость»... — «Ярость» — пьеса Е. Г. Яновского. Евгений Григорьевич Яновский (1890—1950) — советский драматург. В пьесе «Ярость» (1929) изображены социальные процессы в деревне после Великой Октябрьской социалистической революции и классовая борьба в 20-е годы.

Однажды кто-то из критиков, разбирая «Флаги на башнях», назвал Антона Семеновича «добрым дядюшкой», который всё приукрасил, сгладил все шероховатости и который смотрит на мир через розовые очки. — Имеется в виду критик Ф. Левин и его статья «Четвертая повесть А. Макаренко».

Ю. ЛУКИН. ЗА РЕДАКТИРОВАНИЕМ РУКОПИСИ (стр. 320—324). — Опубликовано в «Литературной газете» 6 апреля 1941 года.

Лукин, Юрий Борисович — советский литературовед и литературный критик, автор критико-биографического очерка «А. С. Макаренко». «Советский писатель», М., 1954.

Мне поручили редактировать рукопись «Марш 30-го года». Это было первое произведение Антона Семеновича, готовившееся к печати. — В очерке «Марш 30-го года» отражен один из этапов жизни коммуны имени Ф. Э. Дзержинского (соч., т. II, стр. 9—142). М. Горький оценил его так: «...вчера прочитал Вашу книжку «Марш 30-го года». Читал с волнением и радостью. Вы очень хорошо изобразили коммуну и коммунаров. На каждой странице чувствуешь Вашу любовь к ребятам, непрерывную Вашу заботу о них и такое тонкое понимание детской души. Я Вас искренне поздравляю с этой книгой» (Собр. соч., т. 30, стр. 265).

ВИКТОР ФИНК. БЕСПОКОЙНОЕ СЧАСТЬЕ (стр. 325—329). — Опубликовано в «Литературной газете» 13 марта 1958 года

Финк, Виктор Григорьевич — советский писатель, автор произведений «Гибель мира», «Иностраннный легион», «Страна таежная», «Рыба-фиш» и др.

...он напечатал статью «Счастье». — Впервые статья напечатана к 20-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции 7 ноября 1937 года в газ. «Известия» (соч., т. VII, стр. 30—35).

Однажды он прочитал в Московском университете лекцию на тему: «Зачем человеку недостатки?» — Опубликовано в т. V соч. А. С. Макаренко под названием «Коммунистическое воспитание и поведение».

— *Беда мне с тем Колькой!* — Речь идет о персонаже «Педагогической поэмы» Кольке Вершневе. Настоящая фамилия Вершнева — Шершнев, Николай Фролович. После выпуска из коммуны закончил медицинский институт, работал врачом в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского, позднее — в городе Комсомольске-на-Амуре.

БИБЛИОГРАФИЯ ВОСПОМИНАНИЙ, НЕ ВКЛЮЧЕННЫХ В СБОРНИК

- Белоус, О. Г. Школа мужества и красоты. «Советская школа», 1958, № 3, стр. 44—49 (на укр. яз.).
- Борискина, К. Учитель. «Советская женщина», 1949, № 4, стр. 14 (на укр. яз.).
- Васильковская, З. Д. Таким мне запомнился А. С. Макаренко. «Советская школа», 1958, № 3, стр. 49—54 (на укр. яз.).
- Гайдамакина, Т. М. Из воспоминаний о первых шагах работы А. С. Макаренко. «Начальная школа», 1949, № 3, стр. 13—21.
- Компанцев, М. Г. Из воспоминаний об Антоне Семеновиче Макаренко (к 5-летию со дня смерти). «Начальная школа», 1944, № 5-6, стр. 4—6.
- Красникова, А. Талантливый воспитатель. «Советская женщина», 1949, № 4, стр. 12 (на укр. яз.).
- Лановенко, М. Л. Ранний период педагогической деятельности А. С. Макаренко. «Советская школа», 1945, № 5-6, стр. 54—59 (на укр. яз.).
- Макаренко, Г. С. А. С. Макаренко — организатор детского учреждения. «Советская педагогика», 1943, № 11-12, стр. 33—37.
- Работа А. С. Макаренко над созданием «Педагогической поэмы». Сб. «А. С. Макаренко. Статьи. Воспоминания. Непубликованные произведения», изд. Львовского университета, 1949, стр. 117—134.
- Немчина-Орлова, В. Так он нас воспитал. «Советская женщина», 1949, № 4, стр. 13 (на укр. яз.).
- Пихоцкая, Е. Отец. «Советская женщина», 1949, № 4, стр. 19 (на укр. яз.).
- Редина-Землянская, А. Путевка в жизнь. «Советская женщина», 1949, № 4, стр. 13—14 (на укр. яз.).
- Терский, В. Великий педагог. Сб. «А. С. Макаренко», книга третья, изд. Львовского университета, 1956, стр. 135—137.
- Чудная, Н. От суда товарищеского до народного суда. «Советская женщина», 1949, № 4, стр. 12 (на укр. яз.).

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Н. Лялин.</i> А. С. Макаренко	3
<i>М. Горький.</i> По Союзу Советов	19

А. С. Макаренко до Октября и в первые годы Советской власти

<i>А. К. Волнин.</i> Антон Семенович Макаренко в учительском институте	35
<i>В. Н. Тарасов.</i> В Полтавском учительском институте	41
<i>Ал. Ведмицкий.</i> В Полтавском учительском институте	50
<i>Т. Гайдамакина.</i> Яркий пример творческого горения	53

А. С. Макаренко в колонии имени А. М. Горького

<i>С. Калабалин.</i> Комсомольцы	59
Дисциплина	63
Как нас воспитывал А. С. Макаренко	67
<i>П. Архангельский.</i> Суровый урок	80
<i>Петр Дроздюк.</i> Мой учитель и воспитатель	83
<i>Оксана Иваненко.</i> Настоящая жизнь	87
<i>Н. Е. Кислова.</i> Им нужна материнская ласка	96
<i>Н. Э. Фере.</i> Мой учитель	99
Сельскохозяйственный труд в колонии имени Максима Горького	213

А. С. Макаренко в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского. Последние годы жизни

<i>В. Н. Терский.</i> Слово о большом, настоящем друге	235
Новички	240
<i>Е. З. Юрченко.</i> Из воспоминаний об Антоне Семеновиче Макаренко	243

<i>Е. О. Ройтенберг.</i> Воспоминания об А. С. Макаренко	252
<i>А. Г. Явлинский.</i> Учитель и друг	261
<i>В. Ключник.</i> Наш Антон Семенович	268
<i>А. Н. Швед.</i> Наш Антон Семенович	271
<i>Василий Зайцев.</i> Рассказы о Макаренко	277
<i>Е. С. Пихоцкая.</i> На уроках А. С. Макаренко	302
<i>Н. В. Петров.</i> А. С. Макаренко и искусство	306
А. С. Макаренко	310
<i>Ю. Лукин.</i> За редактированием рукописи	320
<i>Виктор Финк.</i> Беспокойное счастье	325
Комментарии	331
Библиография воспоминаний, не включенных в сборник .	345

*„Воспоминания о Макаренко“
(Сборник материалов)*

*Редактор Е. Н. Габис
Художник Н. Н. Седиков
Художественный редактор О. И. Маслаков
Технический редактор Т. А. Шермушенко
Корректор В. П. Иванова*

Сдано в набор 24/VII 1959 г. Подписано к печати 20/I 1960 г.
Формат бумаги 84×108^{1/32}. Физ. печ. л. 10,88. Усл. печ. л. 17,84.
Уч.-изд. л. 18,36. Тираж 15 000 экз. М-31014. Заказ № 1237.

Лениздат, Ленинград, Торговый пер., 3
Типография им Володарского Лениздата
Фонтанка, 57

Цена 6 р. 60 к.

Б р. 00 к.

ЛЕНИЗДАТ 1960